

Б. МЕЙЛАХ

ЛЕНИН
И ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Б. М Е Й Л А Х

Л Е Н И Н

И ПРОБЛЕМЫ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
конца XIX-начала XX вв.

ИССЛЕДОВАНИЯ
И ОЧЕРКИ

*Издание
второе*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1951 · ЛЕНИНГРАД

*Постановлением
Совета Министров Союза ССР
от 1 апреля 1948 года
МЕЙЛАХУ
БОРИСУ СОЛОМОНОВИЧУ
присуждена
СТАЛИНСКАЯ ПРЕМИЯ
Второй степени
за книгу
«Ленин и проблемы русской литературы
конца XIX — начала XX веков»*

О Т А В Т О Р А

Ленинские идеи оплодотворяют развитие всех наук, всей современной культуры, являясь руководством в самых различных областях знания и практики. Велико значение ленинского наследия также и для науки о литературе — и не только в качестве теоретического фундамента, общего для всех отраслей знания: ленинская периодизация положена в основу построения истории русской литературы, а ленинские оценки Белинского, Герцена, Некрасова, Чернышевского, Тургенева, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Горького и других писателей определили направление современных литературоведческих исследований. Изучение взглядов Ленина на литературу позволило советским ученым по-новому осветить важнейшие вопросы литературного развития и сыграло решающую роль в разгроме враждебных теорий, мешавших овладению художественной культурой прошлого и строительству новой, социалистической культуры.

Одной из первостепенных и неотложных задач советского литературоведения является всестороннее изучение литературных суждений Ленина, раскрытие их конкретно-исторического и методологического содержания. Такое исследование ленинского наследия диктуется заветами самого Ленина, указывавшего, что «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹.

Осваивая ленинское наследие, работники науки и литературы опираются на труды великого соратника Ленина, верного продолжателя его дела — И. В. Сталина, труды, представляющие собой дальнейшее гениальное развитие марксистско-ленинской теории.

¹ Из письма Ленина к Инессе Арманд, 1916 г. (см. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 35, стр. 200).

Поистине огромный круг вопросов, связанных с темой «Ленин и русская литература», может быть разработан во всем своем объеме лишь в результате коллективных усилий многих исследователей. В очерках, составляющих эту книгу, сделана попытка осветить лишь *некоторые* из важнейших вопросов русской литературы конца XIX — начала XX вв. Сюда относятся: проблемы литературного развития в связи с борьбой Ленина против народников в 90-е гг.; трактовка Лениным проблем культуры и литературы в период революции 1905—1907 гг.; литературно-эстетические вопросы в 1908—1910 гг. в свете борьбы Ленина против философской реакции. Особая часть книги посвящена истории и проблематике ленинских статей о Льве Толстом.

Несколько разъяснений об аппарате работы. Сочинения Ленина цитируются по четвертому изданию. Цифры в скобках при ленинских цитатах указывают: римские — на том, арабские — на страницу. Остальные источники цитируются в обычном порядке. При ссылках на произведения русских писателей, критиков и публицистов мы стремились, как правило, пользоваться теми изданиями, которые мог использовать Ленин, или — в отдельных случаях — позднейшими перепечатками без существенных текстологических изменений.

Главы этой работы, до ее опубликования в целом, читались на научных заседаниях различных исследовательских учреждений и вузов, в том числе на сессиях Отделения литературы и языка Академии наук СССР и Ленинградского ордена Ленина университета им. Жданова, в Институте русской литературы (Пушкинском Доме), в Институте мировой литературы им. Горького. Фрагменты и отдельные части работы были предварительно напечатаны в периодических изданиях, преимущественно в «Новом мире» (1945, №№ 5—6 и 10—11) и «Звезде» (1945, № 8, 1946, № 7—8, 1947, № 1).

Доклад об итогах работы, прочитанный на июньской сессии Общего собрания Академии наук СССР 1948 г., напечатан в «Вестнике АН СССР», 1948, № 8.

Во второе издание книги внесен ряд дополнений, исправлений и уточнений, с учетом указаний, сделанных в появившихся в печати рецензиях.

ВВЕДЕНИЕ

В 1902 году Ленин писал: «Мы переживаем бурные времена, когда история России шагает вперед семимильными шагами, каждый год значит иногда более, чем десятилетия мирных периодов. Подводятся итоги полустолетию пореформенной эпохи, закладываются камни для социально-политических построек, которые будут долго-долго определять судьбы всей страны» (VI, 165). Девяностые и девятисотые годы, ознаменовавшие собой переломную эпоху в истории России, являются годами исключительно интенсивной борьбы общественно-политических и литературных направлений, годами острых дискуссий в разнообразных областях науки и искусства, годами «переоценки ценностей».

Цитированные Лениным в одной из статей о Толстом слова К. Левина в «Анне Карениной»: «Все переверотилось и только укладывается», — можно встретить во всевозможных вариациях у многих писателей, в журналах и газетах различных направлений. Даже «Устой» — журнал с таким спокойным, «неподвижным» названием — констатировал «картину брожения», где «все кружится и мечется в вихре кипения», что делает литературу «исключительно динамической»¹. О «новом фазисе» жизни, благодаря которому возникают «совершенно новые явления, явления огромного расстройтва всего организма», — писал Глеб Успенский². «В общине кипит уже разлад

¹ «Устой», 1882, № 1, стр. 77, 79.

² «Русская мысль», 1882, кн. 1, стр. 228.

и антагонизм», — читаем мы у В. Короленко в его очерках¹. «В окружающей жизни идет коренная, давно невиданная ломка; в этой ломке падает и гибнет одно, незаметно нарождается другое», — говорит героиня повести В. Вересаева «Поветрие», произведения, вызвавшего оживленную полемику в 90-е гг. Эта ломка, в которой выковывались борцы за народное освобождение, вызывала чувство тоски и обреченности у представителей классов, которые «падали и гибли». Д. Мережковский писал в 1893 г.: «Мы живем в странное время, похожее на оттепель... Все тает... На водах — совсем тонкий, изменнический лед, на который ступить страшно»². Лед трещал под старой Россией, и в картине ледохода, столь популярной в прогрессивной беллетристике и поэзии конца XIX в., символизировалось движение России новой, движение народных масс. Оно становилось все шире, все мощнее, и с гордостью писал впоследствии Ленин про «великое народное море, взволновавшееся до самых глубин» (XVI, 323), с гордостью писал Сталин, что разбился «лёд молчания, и — тронулась река народного движения»³.

«Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин», отразилось во всех сторонах общественной жизни. И в теоретических дискуссиях находила острое выражение борьба классов и политических направлений. Перед лицом грядущей революции, неизбежность которой не только устанавливалась научным анализом, но и угадывалась наиболее чуткими из современников, даже далекими от непосредственной революционной борьбы⁴, вся история передовой русской общественной мысли и русской культуры представлялась как процесс подготовки полного и действительного освобождения народа. Вопрос «что делать?», волновавший многие поколения передовых людей России, стал вопросом конкретного практического действия. Еще раздавались безнадежно устаревшие призывы повернуть колесо истории назад; с тупым упорством реакция устами «Московских ведомостей» продолжала гово-

¹ В. Короленко. В голодный год, 1894, стр. 28.

² Д. Мережковский. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, 1893, стр. 74.

³ И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 238.

⁴ См., например, о предчувствиях Чехова на стр. 143—144 нашей книги и Л. Толстого — на стр. 364—367.

речь о преданности народа «самодержавию, православию и народности», и все тем же казенно-бюрократическим языком твердил Николай II о «незыблемости устоев российской державы». Но на арену истории выступил пролетариат — новая решающая историческая сила, — и вся общественная ситуация резко изменилась. Размежевание политических направлений усилилось. И снова выдвинулась вперед великая роль русской литературы.

Особенности исторического развития России, где в течение многих десятилетий общественная инициатива проявлялась наиболее свободно именно в литературе, привели к тому, что передовые русские писатели, как нигде в мире, сознавали себя идейными представителями народа. «Литература у народа, — писал Герцен, — не имеющего политической свободы, — единственная трибуна, с высоты которой он может услышать крик своего негодования и своей совести»¹. О героизме писателей, находившихся в самые тяжелые для своей родины времена «впереди во всех набегах просвещения», говорил Пушкин, добавляя: «Не должно им малодушно негодовать на то, что вечно им определено выносить первые выстрелы и все невзгоды, все опасности ремесла». Эта героическая линия проходит через всю историю передовой русской литературы, всегда отличавшейся «страстным стремлением к решению задач социального бытия»². Именно поэтому русская литература отличается таким колоссальным богатством идей, такой насыщенностью философским содержанием и такой органичностью связи художественного творчества и публицистики.

На перевале двух эпох, в конце XIX в., литература уже не была «единственной трибуной». Рост массового революционного движения, возникновение партии пролетариата, распространение и победа марксизма, развитие нелегальной пролетарской прессы — все это существенно изменило ту роль литературы, о которой говорил в свое время Герцен. Но и в новый исторический период передовая литература продолжала оставаться могучим средством познания жизни и революционного воспитания масс.

¹ А. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. Лемке, т. VI, стр. 350.

² М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., изд. 2-е, 1918, стр. 86.

Вопрос о традициях русской культуры и ее будущем всем ходом исторического развития был поставлен в связь с вопросом о классе, которому предстояло обновить мир.

Говоря о задачах русской социал-демократии, Ленин подчеркивал: «...роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» (V, 342).

В 1882 г. в предисловии к русскому изданию «Коммунистического манифеста» Маркс и Энгельс писали, что «...Россия представляет собою передовой отряд революционного движения в Европе»¹. Этим следует объяснить и особую, по сравнению с другими странами, исключительно тесную связь русской литературы с передовыми идейно-философскими направлениями русской мысли и с развертывавшейся в стране революционной борьбой. Смысл слов Ленина о значении, которое приобрела русская литература к концу XIX в., в полной мере раскроется перед нами, когда мы вспомним о тех напряженных идейных исканиях, которые были свойственны всем лучшим русским писателям, вспомним о том, что в русской литературе, критике и публицистике вырабатывались плодотворные новые идеи и, вместе с тем, проходила критическую проверку и теоретическая мысль других стран. Достаточно упомянуть в этой связи о критике зрелым Белинским реакционных и филистерских сторон гегелевской философии или критике Чернышевским различных реакционно-идеалистических учений, столь распространенных в его время. Чернышевский считал, что полная победа революционного движения сможет осуществиться только в том случае, если оно владеет верной, научно непоколебимой теорией. Эту мысль он выразил, по цензурным условиям, в форме иносказательной, но, тем не менее, ясной для круга его читателей. В своей работе «Антропологический принцип в философии» он писал:

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 601.

«Когда придет такая пора, когда представители элементов, стремящихся теперь к пересозданию западно-европейской жизни, будут являться уже непоколебимыми в своих философских воззрениях, это будет признаком скорого торжества новых начал и в общественной жизни Западной Европы»¹.

Эта пора наступила в России к концу XIX века, и Ленин, говоря, что «роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией», вспоминает имя Чернышевского для доказательства того всемирного значения, которое приобрела русская литература в период, когда на арену исторической борьбы выступил рабочий класс.

«В течение около полувека, — писал Ленин, — примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым „последним словом“ Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» (XXXI, 9). Это значит, что для усвоения и развития учения великих основоположников научного социализма Маркса и Энгельса в России была подготовлена почва предшественниками русской социал-демократии. И разве не показательно с этой точки зрения, что еще задолго до появления в России массового пролетарского революционного движения Белинский дал исторически верную по своему содержанию критику прудонизма и отстаивал идею *политического* движения масс; что «у Герцена скептицизм был формой перехода от иллю-

¹ Н. Чернышевский. Сочинения, т. VI, 1906, стр. 206.

зий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата», а при разрыве с анархистом Бакуниным «Герцен обратил свои взоры не к либерализму, а к *Интернационалу*, к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...» (XVIII, 11); что Чернышевский шел самостоятельно тем же путем, как Маркс и Энгельс, через синтез и критическую переработку тех трех источников марксизма, о которых писал Ленин (см. XIX, 3—8). Но Чернышевский не мог подняться до диалектического материализма в силу историко-экономических условий в России того времени.

Исключительная роль художественной литературы, критики и публицистики в общем идейном развитии передовых демократических течений XIX века в России общеизвестна. Но те проблемы, которые были выдвинуты передовой русской литературой, критикой и публицистикой в XIX в., оставались актуальными и в XX веке, так как проблемы эти, отражавшие важнейшие противоречия русской жизни, в своем большинстве не были решены вплоть до пролетарской революции. Анализируя процессы, происходившие в современной ему действительности, Ленин часто обращался к истории русской литературы и публицистики, к вопросу о традициях, и выяснение истоков того или иного общественного явления всегда помогало ему с еще большей ясностью установить социальное содержание этого явления. Такова концепция Ленина, согласно которой «либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию» (XVII, 96), таков тезис о том, что «1861-ый год породил 1905-ый» (XVII, 99), такова ленинская теория борьбы двух основных линий в развитии русской культуры, линии Радищева — декабристов — Белинского — Герцена — Чернышевского и линии «культуры» эксплуататорских классов, представленной «Московскими ведомостями», «Русским вестником», кадетской публицистикой, идеологией «Вех».

Ленинские высказывания всегда соединяли в себе безусловную точность исторической оценки роли писателя с указанием его значения для современности. Принципы

такого подхода к наследию прошлого сформулированы Лениным в статье, написанной в связи со столетием со дня рождения Герцена. «Рабочая партия, — писал Ленин, — должна помянуть Герцена не ради обывательского славословия, а для уяснения своих задач, для уяснения настоящего исторического места писателя; сыгравшего великую роль в подготовке русской революции» (XVIII, 9). И дальше Ленин указывает на задачи, которые диктуются этим, партийным, подходом к оценке Герцена:

«Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы; — учится определению роли разных классов в русской и международной революции» (XVIII, 15).

Ценнейшие указания об использовании наследия классиков в массовой пропаганде содержатся в письме Ленина редакции «Правды» 8 сентября 1912 г.: «Хорошо бы вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в „Правде“ Щедрина и других писателей „старой“ народнической демократии. Для читателей „Правды“ — для 25 000 — это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом» (XXXV, 31—32).

И в своих послеоктябрьских выступлениях Ленин вновь и вновь возвращался к вопросу о значении передовой русской революционно-демократической культуры XIX века. В обострившейся борьбе кадетов, меньшевиков, эсеров и других врагов пролетарской революции против народных масс Ленин видел продолжение борьбы двух основных исторических сил, борьбы, которая уходит корнями в прошлое нашей родины. Так, характеризую психологию буржуазной интеллигенции, выступавшей против диктатуры пролетариата, Ленин в 1918 г. писал: «Со *шкурной* точки зрения их поведение понятно: прихлебателям и приживальщикам крепостников-помещиков, попам, подьячим, чиновникам из гоголевских типов, „интеллигентам“, ненавидящим Белинского, тоже было „трудно“ расстаться с крепостным правом» (XXVI, 369).

Любовь Ленина к великой русской культуре, глубокое понимание ее познавательной ценности и революционизирующей роли обусловили тот интерес, который Ленин проявлял к русской литературе и который отразился не только в его статьях на литературные темы, но и в насыщенности всего его наследия образами и мотивами классиков.

Известно, что И. В. Сталин охарактеризовал ленинизм — «явление интернациональное, имеющее корни во всем международном развитии»¹, — как высшее достижение русской культуры². Эта сжатая и, вместе с тем, богатейшая по своему содержанию сталинская характеристика является основой и при изучении отношения Ленина к великой русской литературе.

В отношении Ленина к передовой русской классической литературе проявилось свойственное всей его деятельности вождя и учителя трудящихся глубочайшее понимание силы и значения великих исторических традиций. Используя и продолжая эти традиции в интересах революционной практики, Ленин, вместе с тем, постоянно выдвигал новые идеи и задачи, диктуемые новой обстановкой. Слова Ленина: «Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством» (II, 494) конкретизировались им и по отношению к литературному наследству. В борьбе с народниками, пытавшимися представить себя хранителями «наследства», Ленин защищал традиции классиков революционно-демократической мысли и, в противовес народникам, отстаивал необходимость творческого их развития. Эта линия нашла свое продолжение в деятельности Ленина после Великой Октябрьской социалистической революции, когда он выступал и против нигилистического отрицания пролеткультовцами прошлой культуры человечества, и против недооценки ростков нового в молодой советской литературе, и против рабского преклонения перед буржуазной культурой Запада, и против попыток футуристов и других представителей буржуазного искусства выдать свои нелепейшие кривлянья за «новое», «пролетарское» искусство. «Нужно взять всю культуру, которую капитализм

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е, М. 1939, стр. 1.

² И. Сталин. Сочинения, т. 8, стр. 152.

оставил, и из нее построить социализм,—говорил Ленин.— Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» (XXIX, 52). А в известной беседе с Кларой Цеткин Ленин сказал: «Почему нам нужно отворачиваться от истинно-прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно „старо“?»¹. Указание на необходимость хранить наследство как «исходный пункт для дальнейшего развития» характеризует революционную новаторскую сущность литературно-эстетических взглядов Ленина. В наброске резолюции о пролетарской культуре (1920) Ленин писал: «Не *выдумка* новой пролеткультуры, а *развитие* лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры *с точки зрения* мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху его диктатуры»².

«Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством» — этот тезис Ленина, являющийся программным и для науки о литературе, определяет его отношение к основным проблемам русской литературы XIX века.

Русская классическая литература была сильна *критическим реализмом*, смелыми и сильными обличениями всех несправедливостей и жестокостей старого строя, произвола царского правительства, угнетения большинства меньшинством. Ленин высоко ценил эту особенность творчества писателей и публицистов прошлого, их беспощадный реализм, «срыванье всех и всяческих масок» (слова о Л. Толстом см. XV, 180), их умение «различать под приглаженной и напомаженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы», их стремление научить общество «ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов» (слова об образах крепостников в произведениях Некрасова и Щедрина, см. XIII, 40). Требуя от дореволюционной партийной прессы «сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста», развить «страсть *политических* обличений» (V, 9),

¹ Ленин о литературе. Сборник статей и отрывков. М. 1941, стр. 274—275.

² Ленинский сборник, XXXV, стр. 148.

Ленин в своих публицистических произведениях использовал и по-новому раскрыл многие образы и мотивы Грибоедова, Гоголя, Тургенева, Щедрина, Г. Успенского, Л. Толстого и ряда других писателей. В борьбе против антинародной «культуры» буржуазного декаданса Ленин неизменно обращался к демократическим основам русской культуры и литературы. Однако, высоко ценя критически-обличительную направленность произведений русских писателей-реалистов, Ленин выдвигал и новую для литературы задачу — *задачу воплощения положительного социалистического идеала*. В связи с этим особое значение приобретала проблема мировоззрения как важнейшего фактора в достижении литературой новых вершин художественного познания исторической действительности. И Ленин уделял огромное внимание проблеме мировоззрения в своих оценках и характеристиках писателей-классиков. Сталинский лозунг социалистического реализма, метода, сочетающего лучшие традиции художественного наследия прошлого с принципами социалистического новаторства, является развитием взглядов Ленина на литературу и подымает на невиданную ранее высоту роль писателя как «инженера человеческих душ».

Передовые русские писатели и публицисты всегда считали первейшим своим долгом всестороннюю защиту интересов народа во всех областях общественной жизни. Ленин высоко ценил эту основную черту творчества и взглядов передовых русских писателей. Отставание великими русскими писателями народных интересов Ленин неустанно противопоставлял «кокетничанью» с народом либералов, а обличение Лениным свойственного меньшевистским литераторам стремления «*нагнуться*» при разговорах с народом (см. V, 439) непосредственно связано с традициями революционной демократии и, в частности, с Щедриным, который писал: «Чтобы понять, что именно нужно народу, чего ему недостает, необходимо поставить себя на его точку зрения, а для этого не требуется ни *нагибаться*, ни кокетничать»¹. Но, ценя в представителях предшествующих революционных поколений горячее от-

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин. Сочинения, СПб. 1889, т. II, стр. 398.

становление интересов народа, Ленин в то же время отмечал свойственную, в той или иной степени, допролетарскому периоду освободительного движения неполноту связи с народом. На новом же, пролетарском этапе революционной борьбы самое понятие народности неизмеримо расширяется и получает новое качество, ибо литература должна адресоваться к невиданной ранее читательской аудитории, к «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» (X, 30—31). Ленин учил, что в оценке произведений искусства следует исходить из того, что дает искусство народу, чему оно учит. «Искусство принадлежит народу, — говорил Ленин. — Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувство, мысль и волю этих масс, поднимать их»¹.

Передовые русские писатели и публицисты воспитывали в народе чувство пламенного патриотизма, национальной гордости, героической и самоотверженной преданности отечеству. Картины страданий народа под властью самодержавия и сознание имевшей место в свое время слабости революционного движения вызывали у писателей то чувство «тоскующей любви к родине», о котором Ленин, характеризуя патриотизм Чернышевского, писал в статье «О национальной гордости великороссов». В национальной гордости Ленина нашли свое высшее выражение лучшие патриотические традиции русского народа, создавшего культуру Радищева и декабристов, Белинского и Герцена, революционных демократов 60-х гг. — всех лучших представителей России, отдавших свои силы и дарования возвеличению родины, делу освобождения ее от ига помещиков и капиталистов. Но уверенность Ленина в том, что Россия даст человечеству «великие образцы борьбы за свободу и за социализм» (1914; XXI, 85), была свободна, в отличие, например, от Чернышевского, от каких бы то ни было элементов утопического социализма и целиком основывалась на трезвом, строго научном анализе перспектив историче-

¹ Ленин о литературе. Сборник статей и отрывков. М. 1941, стр. 276.

ского развития. Ленинский патриотизм был пронизан четкой революционной устремленностью: «Мы любим свой язык и свою родину, мы больше всего работаем над тем, чтобы *ее* трудящиеся массы (т. е. $\frac{9}{10}$ *ее* населения) поднять до сознательной жизни демократов и социалистов» (XXI, 85). Патриотизм в ленинском понимании сочетает в себе национальную гордость с последовательным, пролетарским принципом равенства наций, ибо, как писал Ленин, «интерес... национальной гордости великороссов совпадает с *социалистическим* интересом великорусских (и всех иных) пролетариев» (XXI, 87). Ленин указывал на особое значение патриотизма для общественного развития, отмечая, что отечество «является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата» (XV, 171). Этот тезис Ленина имеет особое значение в наши дни, когда поджигатели новой войны пытаются отравить сознание масс идеологией космополитизма.

В статье «О национальной гордости великороссов» и в других работах Ленина содержатся также важнейшие указания о необходимости при изучении проблемы патриотизма отделять истинный патриотизм от лже-«патриотизма», прикрывающегося лицемерными фразами, отделять действительных патриотов от тех сознательных врагов демократии и социализма, шовинистов и националистов, которых Ленин саркастически называл «патреотами» (см. XIX, 33). Разоблачая буржуазный национализм, развивая идеи пролетарского интернационализма, Ленин учил, что «... для революции пролетариата необходимо длительное воспитание рабочих в духе *полнейшего* национального равенства и братства» (XXI, 87).

Как известно, одной из основ научной истории литературы является ленинское положение о двух культурах при капитализме, о борьбе культуры демократической и социалистической с «культурой» эксплуататорского меньшинства. Говоря с гордостью о патриотических традициях революционных поколений прошлого, Ленин в то же время утверждал, что только пролетариат является до конца последовательным классом — борцом за истинную свободу наций и единство трудящихся всех наций. Сила патриотических традиций, многократно умноженная преданностью русского народа и других народов Советского Союза большевистской партии и социалистическому

строю, в невиданных в истории человечества масштабах проявилась в организованной великим Сталиным победе над немецким фашизмом и в успехах послевоенного строительства. Советский патриотизм является самой высшей формой патриотизма. В нем «гармонически сочетаются национальные традиции народов и общие жизненные интересы всех трудящихся Советского Союза»¹.

И в освещении Лениным ряда других проблем, отраженных русской классической литературой, мы видим творческое сочетание лучших традиций прошлого с подлинным революционным новаторством.

Передовая русская литература воспитывала в обществе презрение и ненависть к буржуазному либерализму, так же как и к крепостникам, она разоблачала лицемерную, двурушническую и предательскую тактику представителей этого направления. Ленин в своих работах с исчерпывающей полнотой вскрыл особенности идеологии и психологии либерализма, по-новому осветил художественно обобщенные образы либералов, созданные классиками русской литературы, проследил все метаморфозы либерала и пером публициста обрисовал его эволюцию в новую эпоху империализма и пролетарских революций.

Передовые русские писатели, сознавая особую роль литературы, всегда уделяли огромное внимание вопросу о свободе общения с народом, о свободе литературного развития — вопрос этот так или иначе отражен во всех программных документах революционного движения, начиная от декабристов. Но Ленин постоянно подчеркивал, что возможность полного приобщения народных масс к сокровищам русской литературы будет достигнута только после пролетарской революции. И как характерны для Ленина его слова о Льве Толстом: «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот» (XVI, 293). В советском государстве, созданном гением Ленина и Сталина, литература приобрела широчайшие возможности для своего развития,

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, 1948, стр. 160—161.

ибо ничто не препятствует ее свободному, открытому и сознательному служению народу, открытому изъявлению писателем своей большевистской идейности — источника высокой силы художественного слова.

Высокое сознание гражданского долга, присущее передовым русским писателям, глубочайшее их стремление неуклонно служить благу народа составили главнейшую и благороднейшую черту героической русской литературы, обусловили ее всемирно-историческое значение как самой гуманистической литературы среди других литератур. Передовая русская литература была сильна своей сознательной идейностью, своей открытой связью с массами, своей страстной защитой кровных интересов народа.

Эти черты русской литературы получили наивысшее обобщение и теоретическое развитие во взглядах Ленина на роль и задачи литературы. Как отметил А. А. Жданов, «В. И. Ленин первый оформил с предельной четкостью отношение передовой общественной мысли к литературе и искусству»; «... ленинский принцип партийности литературы — важнейший вклад В. И. Ленина в науку о литературе»¹. Об огромной общественно-преобразующей роли литературы, об осознанной социалистической идейности как об условиях подлинной свободы художника писал Ленин в своей статье «Партийная организация и партийная литература» (1905), указывая и на конкретные задачи борьбы за претворение в жизнь этого идеала, борьбы за литературу, составляющую часть общепролетарского дела. Ленин вскрыл в этой статье лицемерно-лживую сущность буржуазно-анархистской идеи об «абсолютной свободе» писателя от общества. Он противопоставил «лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе» — «действительно-свободную, открыто связанную с пролетариатом литературу» (X, 30)².

Ленин дал глубокую разработку вопроса о месте и значении литературы на новом этапе исторического развития, когда на арену мировой истории выступил рабочий класс. Статья «Партийная организация и партийная лите-

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 25, 26.

² Подробнее о статье Ленина «Партийная организация и партийная литература» см. далее, стр. 150—175 этой книги.

ратура» и другие работы Ленина подчеркнули роль литературы как могучего средства воспитания масс. Ленин продолжил и развил в новых условиях великие традиции революционных демократов 40—60-х гг., которые считали литературу «учебником жизни» и беспощадно разоблачали реакционную, антинародную теорию «искусство для искусства». Интересы большевистской партии, цели революционной борьбы определяли подход Ленина к любой области идеологии, в том числе — к литературе и искусству.

Партия — авангард рабочего класса — всегда стремилась активно воздействовать на ход литературного процесса, связать литературу с партийной работой. Об этом говорит и то внимание, которое Ленин уделял вопросам литературы еще в дореволюционной партийной прессе. В одном из писем Горькому Ленин писал о необходимости включить в «Пролетарий» литературную критику и заметил при этом: «Во сколько раз выиграла бы и партийная работа через газету, не столь одностороннюю, как прежде, — и литературская работа, теснее связавшись с партийной...» (XXXIV, 331). Вместе с тем, Ленин предупреждал против отождествления литературного дела с другими отраслями партийного дела и указывал на своеобразии этого вида идеологической деятельности. В статье «Партийная организация и партийная литература» указывается: «Мы далеки от мысли проповедывать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь» (X, 28) ¹.

Глубоко ошибочными были попытки отдельных критиков механически перенести положение Ленина о мнимой «беспартийности» буржуазных писателей в обстановку нашей социалистической современности, когда советские беспартийные писатели являются активными участниками строительства коммунизма. Партийная печать вскрыла подобного рода новорапповские вылазки ².

¹ Подразумевается задача преобразования литературного дела в связи с революцией 1905 г.

² См. редакционную статью «Правды» «Против опошления литературной критики», разоблачающую критику-вульгаризатора А. Беллика («Правда», 30 марта 1950 г.).

Вскрывая реакционное содержание буржуазно-анархистских взглядов, теорий мнимой независимости писателя от политической борьбы, партия, ее вожди Ленин и Сталин всегда выступали против всяких попыток администрирования в литературе. Решительная борьба со всякими проявлениями буржуазной идеологии, воспитательная работа со старыми писателями, чуткое, заботливое выращивание новых писательских кадров — все это привело к замечательному расцвету советской литературы, к сплочению писателей-коммунистов и беспартийных писателей в единый коллектив людей, беспредельно преданных партии и социалистической родине.

Великие идеи ленинизма, указавшего конкретные пути борьбы за построение нового, действительно свободного общества, ознаменовали новую эпоху в развитии художественной культуры.

Уже самой постановкой проблем исторического развития России русская литература XIX в. совершила великий подвиг. Известно, как высоко ценил Ленин Л. Толстого за то, что он «сумел поставить в своих работах столько великих вопросов» (XVI, 293). В русской реалистической литературе, наряду с острым критицизмом по отношению к существовавшим порядкам, было огромное положительное содержание: она раскрывала могучие силы русского народа, его духовное богатство, запечатлела в чудесных образах замечательные черты русского национального характера, утверждала великие патриотические и освободительные идеи. Творчество лучших представителей критического реализма — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Щедрина и других — направляло мысль к поискам путей освобождения от всякого рабства — феодального и капиталистического. Но конкретные перспективы будущих общественных отношений стали ясны лишь в эпоху выступления на арену истории пролетариата — силы, способной повести за собой весь народ и коренным образом перестроить мир. Когда от постановки великих вопросов и гениального критического изображения современной им действительности писатели прошлого переходили к обрисовке будущего общественного строя, они вынуждены были или рисовать этот строй в самых общих, романтически-абстрактных очертаниях, или же создавать социальные утопии. Герцен, имя которого Ленин назвал

в числе предшественников русской социал-демократии (см. V, 342), в посвящении «С того берега» обращался к сыну со знаменательными словами:

«Не ищи решений в этой книге, — их нет в ней, их вообще нет у современного человека. То, что решено, то кончено, а грядущий переворот только что начался. Мы не строим, мы ломаем; мы не воздвигаем нового откровения, а устраняем старую ложь. Современный человек, печальный Pontifex Maximus, ставит только мост, — иной, неизвестный, будущий, пройдет по нем»¹.

Идеал «грядущего общественного пересоздания», который Герцен завещал последующим революционным поколениям и в служении которому лучшие люди России выдвинули свою страну и свой народ на первое место в истории мирового революционного движения, — этот идеал в трудах Ленина стал не только предвиденьем будущего, но и осуществляемой в революционной борьбе реальностью, стал наукой не только о разрушении старого, но и о строительстве нового общества. В ленинских выступлениях русская общественная мысль впервые обрела те «решения», об отсутствии которых с такой горечью говорил в свое время Герцен. Ленин, продолжатель Маркса и Энгельса, двинувший вперед марксистскую теорию в новых условиях классовой борьбы пролетариата, разрешал в своих работах многие из тех вопросов, которые выдвигались и в классической художественной литературе. В конце XIX в. пришло время борьбы за победу нового мировоззрения, сочетающего трезвый и всесторонний научный анализ современной жизни с окрыляющим человека, умножающим его энергию и основанным на том же научном анализе предвидением завтрашнего дня.

Известно, что Ленин всегда требовал строго реалистического отношения к жизни и высмеивал всякого рода беспочвенную мечтательность, всякого рода игнорирование законов и требований действительности. «Самый трезвый реализм» как сильнейшую сторону творчества Льва Толстого Ленин противопоставил его слабой стороне — незрелой мечтательности (см. XV, 180, 185). Реа-

¹ А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем, под ред. М. К. Лемке, т. V, стр. 382.

листическим назвал Ленин наследство 60-х гг. (см. II, 485). Но то понимание *революционной* мечты, с которым мы встречаемся в работах Ленина, нисколько не противоречит принципам реализма. В этой связи большой методологический интерес для литературоведения имеет постановка вопроса о революционной мечте в книге Ленина «Что делать?».

В этой книге Ленин цитирует отрывок из статьи Писарева «Промахи незрелой мысли» о разладе между мечтой и действительностью и о двух возможных выходах из этого разлада. Перед тем как цитировать Писарева, Ленин иронически упоминает имя А. Мартынова, запрещающего «мечтать» «без предварительного опроса комитетов партии» (V, 475). Здесь подразумевается следующий факт. В номере десятом (сентябрьском) «Рабочего дела» за 1901 г.¹ напечатана статья А. Мартынова «Обличительная литература и пролетарская борьба». С присущим «экономистам» оппортунистическим тупоумием Мартынов третировал как «романтизм» тезис «Искры» о необходимости добиваться приобщения мелкого крестьянства к социал-демократическому рабочему движению (стр. 57—58). В данном случае Мартынов выступал против статьи Ленина «Рабочая партия и крестьянство» («Искра», 1901, № 3), где была выражена горячая надежда на то, что с внесением политического сознания в многомиллионную массу крестьянства «... день победы революционной рабочей партии над полицейским правительством будет приближаться с неожиданной-негаданной для нас самих быстротой» (IV, 401). В других местах своей статьи Мартынов упрекал ленинскую «Искру» в том, что она «легко впадает в революционный романтизм, когда дело касается не настоящего, а будущего» (стр. 56), что для нее характерны «революционное воображение» и «фантастические картины будущего» (стр. 56), и т. д.

Выступление Мартынова получило сокрушительный отпор в книге Ленина «Что делать?» После иронического перечисления «грозных» вопросов о том, «имеет ли вообще право мечтать марксист», Ленин пишет:

«От одной мысли об этих грозных вопросах у меня

¹ Напомним, что работа Ленина «Что делать?» датируется осенью 1901 г. — февралем 1902 г.

мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

„Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может придти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека. . . В подобных мечтах нет ничего такого, что извращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни. . . Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно“.

Вот такого-то рода мечтаний, — заключал Ленин, — к несчастью, слишком мало в нашем движении» (V, 476).

Таким образом, Ленин, используя слова Писарева, противопоставил мечту, обгоняющую «естественный ход событий», помогающую «забегать вперед» и созерцать в «цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться», — мечте, хватающей «совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может придти». Хорошо известна ленинская критика реакционной мечтательности народников, «игнорирующей действительность» (I, 225) реакционного романтизма Сисмонди, сравнивающего настоящее не с будущим, а с прошлым (см. II, 220), противопоставляющего «низкой истине» «нас возвышающий

обман» (см. II, 185). В противовес *реакционной* мечте и *реакционному* романтизму Ленин выдвигал *революционную* мечту, выросшую на почве самой действительности и борьбы за практическое осуществление революционных стремлений.

Ленинская критика романтизма Сисмонди и народников, а также ленинская трактовка значения революционной мечты являются методологической основой для разработки вопроса о романтизме и в литературе. Советское литературоведение отвергает метафизическую постановку вопроса о романтизме «вообще», а видит в истории литературы различные типы романтизма (так, «южные» романтические поэмы Пушкина, с их героикой борьбы и мечтой о свободе, справедливо противопоставляются реакционному романтизму Жуковского, мечтавшего о возврате к средневековью). Но четко определяя в литературе прошлого различные типы романтизма, наша наука вместе с тем вскрыла ограниченность и несостоятельность романтизма как особого художественного метода и подчеркнула, что магистральной линией развития передовой литературы была линия борьбы за реализм.

В прошедших за последние годы дискуссиях была показана ошибочность утверждений о наличии в социалистическом реализме двух начал — реалистического и романтического, о романтизме как средстве «возвышения» действительности и т. п. Четкая постановка вопроса о романтике в советской литературе была дана в выступлении А. А. Жданова на Первом съезде советских писателей. Социалистический реализм, изображающий жизнь в ее революционном развитии, означает, как сказал А. А. Жданов, «разрыв с романтизмом старого типа, с романтизмом, который изображал несуществующую жизнь и несуществующих героев...». Он же отметил, что «для нашей литературы, которая обеими ногами стоит на твердой материалистической основе, не может быть чужда романтика, но романтика нового типа, романтика революционная», что «революционный романтизм должен входить в литературное творчество как составная часть...»¹ Героическая романтика свойственна *самой*

¹ А. А. Жданов. Советская литература — самая идейная, самая передовая литература в мире, ГИХЛ, 1934, стр. 14.

жизни советского человека, который в повседневной практике труда и борьбы осуществляет самые грандиозные, самые дерзновенные мечты.

Ленинское понимание значения революционной мечты, высказанное в работе «Что делать?», было весьма существенным не только для политического движения пролетариата, но и для литературного развития. Великий основоположник социалистического реализма Горький преклонялся перед умением Ленина видеть «отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных», умением относиться к сегодняшней действительности как к материалу для построения будущего, «видеть все, что может и должно дать сегодня завтрашнему дню»¹.

Ленин в своих работах указал пути установления степени исторической прогрессивности той или иной идеологии с точки зрения конечных целей борьбы за социализм. Ленинский анализ идеологических явлений прошлого обязательно включает оценку каждого данного явления, во-первых, с точки зрения определенных исторических условий, породивших данное явление, и во-вторых — с точки зрения современного этапа революционной борьбы. Во всех суждениях Ленина о литературе мы видим применение на практике его указания о том, что «...материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (I, 380—381). Критерием оценки литературных явлений для Ленина было значение их для воспитания народа, для революционного преобразования жизни.

Ленинский принцип партийности в изучении литературы стал определяющим для советского литературоведения, резко отличая нашу науку от старой официальной «истории словесности», кичившейся своей мнимой «надклассовостью», «беспартийностью», а на деле отражавшей интересы эксплуататорских классов, дворянства и буржуазии.

Ленин считал величайшим достоинством и силой марксистской теории соединение в ней строгой и высшей научности с революционностью. При этом он ставил в пример Маркса — деятеля, который в самой теории

¹ М. Горький. Публицистические статьи, М. — Л. 1933, стр. 65.

соединял эти качества «внутренне и неразрывно» (см. I, 308). Развитие марксистско-ленинской науки невозможно без последовательной борьбы с проявлениями буржуазного объективизма, который всегда ставил и ставит своей целью замазывание классовых противоречий и защиту интересов эксплуататоров. Под флагом объективизма и космополитизма выступают отъявленные враги прогрессивного человечества, лакеи англо-американской империалистической реакции. Прямая связь «теорий» новейших жрецов «чистой науки» и «чистого искусства» с политикой современного империализма вновь и вновь подтверждает лживость измышлений о «внеклассовой», «беспартийной» науке в буржуазном обществе.

Только марксизм-ленинизм дает возможность действительно научного понимания литературного развития, раскрытия сложных и многообразных вопросов общественно-политической борьбы в области художественного творчества, закономерностей искусства.

В постановке изучения литературы на научную почву большая заслуга принадлежит русским революционным демократам. Но подлинный революционный переворот в общественных науках ознаменовало великое открытие Маркса, установившего, что ход идей определяется ходом материальной жизни общества, общественным бытием. С возникновением марксизма и с дальнейшим его развитием Лениным и Сталиным литературная наука также обрела прочную основу в теории отражения человеческим сознанием окружающего мира и в историко-материалистическом объяснении закономерностей исторического процесса.

Марксистско-ленинская теория впервые дала возможность изучения литературы на основе научной периодизации исторического процесса, на основе ленинской концепции трех этапов революционного движения в России. Эти указания являются краеугольным камнем научного исследования литературы, они положены в основу преподавания истории литературы в средней и высшей школе. Основопологающее значение для построения истории советской литературы имеет характеристика в сталинском Кратком курсе истории ВКП(б) периодов развития советского государства и борьбы большевистской партии за построение в нашей стране коммунизма. На этой базе мо-

жет быть осуществлена нашей наукой связная история литературы на всем протяжении ее развития.

Полное и всестороннее разоблачение сущности буржуазной литературы XX века невозможно вне глубокого освоения ленинского анализа империализма. Ленин всесторонне раскрыл процессы загнивания капитализма и охарактеризовал особенности этого загнивания также в области буржуазной «культуры». Работа Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» нанесла сокрушительный удар по всякого рода реакционным идейно-философским «теориям», которые и сегодня в несколько подновленном виде имеют хождение в капиталистических странах в качестве «последнего слова науки». Защищая в своих работах идеи подлинного патриотизма и пролетарского интернационализма, Ленин охарактеризовал сущность идеологии империалистической буржуазии, заключающей в себе оголтелую ненависть к народным массам, реставрацию всякого рода средневекового мракобесия, звериный национализм и космополитизм, апологию захвата чужих территорий и настроения обреченности.

Ленинский анализ идеологических и, в том числе, литературных явлений дает могучее оружие для борьбы против абстрактных, субъективно-идеалистических концепций и против вульгарно-социологической схематики. Ленин резко критиковал всякие методы рассмотрения идеологических форм, исходящие из примата сознания над материальным миром. Защищая принципы материалистического анализа общественных явлений (и литературы) с точки зрения борьбы классов, он выступал также против вульгарно-материалистических теорий о неизменяемости человеческого сознания и навсегда закрепленной субъективно-классовой его ограниченности. На различных стадиях революционной борьбы Ленин разоблачал подобные извращения марксизма. Дальнейшим этапом марксистской мысли в борьбе против вульгарного социологизма и в утверждении диалектического понимания взаимоотношения материальной и духовной жизни является учение Сталина об организующем, мобилизующем и преобразующем значении новых идей. «...Общественные идеи, теории, ...возникнув на базе назревших задач развития материальной жизни общества, ...сами воздействуют потом на общественное бытие, на материальную жизнь обще-

ства, создавая условия, необходимые для того, чтобы довести до конца разрешение назревших задач материальной жизни общества и сделать возможным дальнейшее ее развитие»¹.

При определении исторической роли того или иного писателя Ленин преимущественно интересовался степенью отражения им народных чаяний и существенных сторон действительности. Тезис Ленина о том, что материализм включает в себя партийность, обязывая при оценке событий «прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (I, 380—381), является основополагающим для нашей науки. Но этот тезис вовсе не означает (как утверждают вульгаризаторы марксизма), сведения классической буржуазной культуры прошлого только к защите узко классовых интересов. Изучая мировоззрение художника с точки зрения борьбы классов, Ленин учитывал природу искусства, где существенные стороны общественной жизни могли находить правдивое отражение иногда вопреки политическим взглядам художника. Ленин считал, что в *принципе* существует возможность и для выходца из эксплуататорского класса порвать со своим классом и перейти на сторону народа, и осуждал примитивные «социологические» учения, отрицающие возможность такого перехода. Так, Ленин отметил, что Лев Толстой, сумевший с замечательной силой передать настроения патриархального крестьянства, принадлежал «по рождению и воспитанию... к высшей помещичьей знати в России», но «порвал со всеми привычными взглядами этой среды...» (XVI, 301).

Таким образом, принципы ленинского анализа литературного творчества направлены против вульгарного социологизма, принижающего значение великих писателей прошлого. Вместе с тем, конкретность ленинских оценок является противоядием против так называемой теории «единого потока», игнорирующей классовые позиции писателей, их участие (сознательное или бессознательное) в политической борьбе. Историко нельзя ни улучшать, ни ухудшать, — этот принцип марксистской науки нашел свое осуществление и в характеристиках, которые Ленин

¹ И. Сталин. О диалектическом и историческом материализме, «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, 1939, стр. 547.

давал писателям. В статье «Памяти Герцена» он всесторонне показал огромную роль этого деятеля в подготовке русской революции. И здесь же Ленин вскрыл его слабые стороны, колебания к либерализму, подчеркнув, что демократ все же брал в нем верх. Другой пример. Известно, как высоко ценил Ленин реализм Тургенева и, в частности, «Записки охотника». Но Ленин не считал возможным умалчивать о том, что по своим политическим взглядам Тургенев был чужд революционным демократам, «ему претил мужицкий демократизм Добролюбова и Чернышевского» (XXVII, 244).

Необходимо также подчеркнуть важнейшее методологическое значение для анализа литературных явлений (так же как и идеологических явлений вообще) развития Лениным учения Маркса об общественных формациях. Материализм, как показал Ленин в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894), впервые дал объективный «общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты». Поскольку субъективисты игнорировали «производственные отношения» как структуру общества, «они не могли заметить повторяемости и правильности в общественных явлениях разных стран, и их наука в лучшем случае была лишь описанием этих явлений, подбором сырого материала» (I, 122). Между тем «анализ материальных общественных отношений сразу дал возможность подметить повторяемость и правильность и обобщить порядки разных стран в одно основное понятие *общественной формации*. Только такое обобщение и дало возможность перейти от описания (и оценки с точки зрения идеала) общественных явлений к строго научному анализу их, выделяющему, скажем для примера, то, что отличает одну капиталистическую страну от другой, и исследующему то, что обще всем им» (I, 123). Только категория общественной формации устанавливает приемы «сведения индивидуального к социальному» и утверждает «воззрение на социальный процесс, как на естественно-исторический процесс» (I, 390, 391).

Весьма поучительные выводы и для литературоведения следуют из работ Ленина, в которых он на основе охарактеризованного выше историко-материалистического

«критерия повторяемости» устанавливает общие и своеобразные черты в развитии идеологических явлений (таковы, например, его характеристики общих черт и, вместе с тем, своеобразия буржуазно-демократических движений в разных странах). Ленин считал одним из существенных проявлений полной беспомощности народников разобрататься в ходе исторического процесса — их неумение подметить общие исторические закономерности, уловить то общее, что свойственно разным странам на аналогичных этапах развития, и то, что придает каждой из таких стран специфические черты.

В этой книге мы постараемся показать, как «критерий повторяемости» был применен Лениным при анализе противоречий Толстого. Известно, что фашистские лжеученые, так же как ранее и русские реакционеры, клеветнически утверждали, что слабая сторона взглядов Толстого — его «непротивление» — является якобы специфической имманентной чертой именно русского крестьянства. Ленин, показав, что уже в период революции 1905—1907 гг. русское крестьянство создало мощное, по своему размаху невиданное ранее в истории крестьянских восстаний, движение, вместе с тем раскрыл толстовскую идею «непротивления злу насилием» как выражение определенных историко-экономических условий, как порождение патриархального докапиталистического быта. Комментирование этого тезиса Ленина на основе его «критерия повторяемости» дает возможность установить, что *слабые* стороны взглядов Толстого нашли выражение на определенных стадиях в литературах различных стран восточного и западного полушарий. И в то же время Ленин показал, что *сильными* сторонами своего творчества Толстой отразил исключительную мощь русского всенародного революционного протеста. По силе глубокого критицизма и протеста против социальной несправедливости с Толстым нельзя сопоставить ни одного писателя мира. Именно в этой силе проявились своеобразие и оригинальность Толстого.

Ленинские принципы анализа идеологических явлений в корне враждебны методологии буржуазной исторической науки, которая объясняла историю идеологий книжным путем, путем простого «влияния» «предшественников» на «последователей».

Партийной печатью и научной общественностью исчерпывающе вскрыта антимарксистская, реакционная сущность компаративистских теорий Александра Веселовского и его последователей. Философской основой методологии Веселовского является позитивизм, в самых своих основах чуждый научному, материалистическому мировоззрению. Компаративизм — это направление буржуазно-либерального литературоведения — рассматривает литературное развитие как «единый поток». За бесконечными надуманными, формалистскими схемами «заимствований» и «влияний» у апологетов этой школы исчезало неповторимое своеобразие каждой из национальных литератур, самостоятельное творчество народа, отражение в художественном творчестве существеннейших сторон действительности, классовая борьба. Компаративисты насаждали враждебное советскому народу низкопоклонство перед буржуазным Западом. В их космополитических писаниях могучая русская литература, исполненная духа революционного новаторства, отражающая особенности национального характера русского народа, превращалась в цепь «подражаний» писателям Запада.

В противоположность компаративизму, марксизм-ленинизм учит, что в зависимости от специфических особенностей данной страны та или иная историческая закономерность проявляется по-разному. Так, например, в истории литературы на определенных этапах во многих странах возникали явления классицизма или романтизма, но возникали они не потому, что писатель одной страны прочел книгу писателя другой страны и попал под его «влияние», а в силу целого комплекса глубоких исторических причин. В каждой литературе романтизм именовался романтизмом именно потому, что в нем были некоторые общие и другим литературам признаки, но каждый «романтизм» отразил особые, характерные для определенного класса данной страны и данной национальной культуры, признаки. То же относится, конечно, к реализму.

Учение И. В. Сталина о нации является мощным оружием как против буржуазного национализма, так и против космополитизма. По определению товарища Сталина, «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырёх

основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры»¹. Особое значение имеет для литературоведения и следующее указание товарища Сталина: «Советские люди считают, что каждая нация, — все равно — большая или малая, имеет свои качественные особенности, свою специфику, которая принадлежит только ей и которой нет у других наций. Эти особенности являются тем вкладом, который вносит каждая нация в общую сокровищницу мировой культуры и дополняет ее, обогащает ее»².

Всемирно-историческое значение передовой русской литературы, русского искусства, русской эстетики, изучаемых на основе марксистско-ленинской методологии, обнаруживается с особой полнотой и силой. Лучшие русские писатели, отразившие в своем творчестве национальные черты русского характера, пламенный патриотизм, свободолюбие русского народа, мощь всенародного протеста против угнетения и рабства, — создали произведения, ознаменовавшие новые этапы в художественном развитии человечества. То же относится и к эстетике. Именно в России еще усилиями революционных демократов — предшественников русской социал-демократии Белинского, Чернышевского, Добролюбова — была глубоко и всесторонне разработана теория, обосновавшая громадную роль литературы в общественно-политическом развитии, раскрывшая сущность реализма и разгромившая идеалистическую эстетику реакционных дворянских и буржуазных философов Западной Европы. Передовая русская эстетическая мысль всегда была передовой и в масштабе международном. Это бесспорное положение не должно давать повода к заключению о том, что историю русской эстетики следует рассматривать изолированно. Но что касается всякого рода эстетических систем западно-европейских буржуазных теоретиков, то о них Белинский

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 333.

² Речь товарища И. В. Сталина на обеде в честь Финляндской правительственной делегации. «Правда», 13 апреля 1948 г., № 104.

писал еще в 1842 г.: «Мы уже и теперь не можем удовлетворяться ни одною из европейских критик, замечая в каждой из них какую-то односторонность и исключительность»¹. Давным-давно минуло время, когда культура буржуазии, в борьбе с феодализмом, еще могла выходить за пределы буржуазной ограниченности и создавать ценные произведения литературы и искусства. Слова Маркса о враждебности капитализма искусству нашли полнейшее подтверждение в той картине гниения и распада, которую представляет современная капиталистическая «культура» — верная прислужница империализма. И в то же время все более и более укрепляется международное значение социалистической культуры; в ней прогрессивное человечество видит залог грядущего торжества мира, свободы и демократии во всем мире.

* * *

Неизмеримо богата сокровищница идей Ленина; неисчерпаема и тема о Ленине и литературе. По мере того как она разрабатывается советским литературоведением, все яснее и яснее становится, какое большое значение Ленин придавал литературе и как много дает его наследие для решения сложнейших вопросов литературной науки.

В данной книге мы стремились следовать изложенным выше принципам при изучении некоторых проблем русской литературы XIX — начала XX вв. и отношения Ленина к отдельным литературным явлениям.

И в борьбе Ленина против народников, искажавших «наследство» 60-х гг., и в защите им демократических традиций классического наследия, и в его постановке в 1905 г. вопроса о партийности литературы, и в разоблачении «Вех», и в анализе значения Л. Толстого, и в оценках М. Горького — сказалась свойственная гению пролетарской революции патриотическая гордость передовой русской культурой.

Высоким примером для изучающих русскую литературу является ленинская любовь к родному слову, к родным художественным образам и ленинская ненависть ко

¹ В. Г. Белинский. Избранные сочинения, т. II, 1934, стр. 322—323.

всем тем, кто, желая отвлечь народ от борьбы за великое будущее, посягал на великие традиции прошлого.

Изучение ленинских суждений о литературе в связи с развитием общественно-политической и революционной борьбы раскрывает, каким образом общие литературные принципы Ленина находили свое конкретное преломление на каждом новом историческом этапе. Ленинские высказывания и суждения о литературе имеют бессмертное, непреходящее значение. Они не только дают глубочайшее объяснение того или иного исторического явления, но и являются боевым оружием нашего сегодняшнего дня. Борьба Ленина против всякого рода враждебных марксизму литературных направлений является для наших критиков и литературоведов образцом соединения революционной теории и революционной практики, литературы и политики.

Ленинские взгляды на литературу нашли свое дальнейшее развитие в трудах товарища Сталина, ознаменовавших собою новый этап во всех областях практики, науки, культуры. Ленинско-сталинские идеи претворены в действие всей политикой большевистской партии на фронте литературы и искусства, борьбой за социалистический реализм, за высокую идейность и художественное мастерство, против всяких пережитков аполитизма, формализма, эстетства. Эти идеи нашли свое выражение и в постановлениях ЦК ВКП(б) последних лет — «О журналах «Звезда» и «Ленинград», «О кинофильме «Большая жизнь», «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению», «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели». Духом ленинизма проникнута и возглавленная партией борьба против проявлений в литературе космополитизма, низкопоклонства перед буржуазной «культурой» и националистических извращений.

Громадный интерес представляют опубликованные в Сочинениях И. В. Сталина письма писателям — Горькому, Демьяну Бедному, Билль-Белоцерковскому и другим. Эти письма пронизаны ленинской горячей любовью к советской литературе, заботой о том, чтобы теснее связать литературу с жизнью советского народа, повысить ее значение как средства коммунистического воспитания. Великим примером для литераторов является чуткий, внимательнейший подход товарища Сталина к оценке про-

изведений, его указание, что ценность литературного труда определяется не «отдельными частностями», а «общим направлением»¹. Подчеркивая значение критики и самокритики, товарищ Сталин, как известно, неоднократно выступал против враждебных нам методов ралповской, заушательской «критики». Первостепенное значение в борьбе с вульгаризаторами марксизма имеет письмо товарища Сталина Билль-Белоцерковскому, решительно отвергающее механическое применение понятий внутрипартийной жизни к области литературы и освещающее ряд вопросов развития советской литературы и театра.

Высказывания товарища Сталина по вопросам литературы и искусства, о социалистическом реализме, о роли советских писателей — «инженеров человеческих душ», о критике и самокритике, о советской культуре — социалистической по содержанию, национальной по форме, о воспитательном значении литературы и искусства, об отдельных писателях и произведениях — внесли новый, неопределимый вклад в марксистско-ленинскую науку о литературе.

Историческим событием явились классические работы товарища Сталина о марксизме в языкознании, опубликованные в 1950 году. Эти труды, гениально освещающие все важнейшие вопросы марксистского языкознания, одновременно охватывают широкий круг проблем марксистско-ленинской теории. Ознаменовав новый этап в развитии советского языкознания, они стали могучим стимулом дальнейшего развития и во всех других областях науки. Перед советским литературоведением возникла задача разработки в свете сталинских трудов вопросов о сущности литературы как одной из форм общественного сознания, о народности и национальном своеобразии литературы, о закономерностях историко-литературного процесса, о традициях и новаторстве, о социалистическом реализме.

Исключительно важным является сталинское указание о том, что художественные взгляды общества принадлежат к надстройке. Оно представляет собою основу для разработки существеннейшей части нашей эстетики — учения об активной роли литературы, и в первую очередь

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 12, стр. 112.

советской литературы, в общественной жизни. Вместе с тем И. В. Сталин подчеркнул первостепенное значение для науки специфических особенностей общественных явлений, которые отличают их друг от друга. В применении к литературоведению это положение обязывает ученых исследовать во всей сложности специфические особенности, отличающие литературу от других видов идеологии, глубоко изучать художественную форму в ее взаимоотношении с содержанием, раскрыть те качества, которые обеспечивают бессмертие великим творениям литературы. Новым ярким светом осветили сталинские труды вопросы языка художественной литературы, своеобразия его связи с развитием общенародного языка, а также вопросы индивидуального стиля писателя, народности и художественности языка литературных произведений и т. д.

Творческие дискуссии, развернувшиеся по всем этим и другим проблемам, ознаменовали усиление борьбы с отставанием теории литературы от требований современности. В этой борьбе сталинские труды служат блестящим образцом защиты ленинизма от всякого рода вульгаризации и начетничества, образцом глубокого применения марксистского метода к решению новых задач, возникающих в практике строительства коммунистического общества.

«Помните, любите, изучайте Ильича...»¹ — этот призыв товарища Сталина претворяется в жизнь всем советским народом, деятелями различных областей советской культуры. На основе глубокого овладения богатством ленинско-сталинских идей развивается и движется вперед и наше советское литературоведение.

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 15.

ЛЕНИН
И
ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАРОДНИЧЕСТВО

I

В общественно-политическом и литературном движении конца XIX в. наиболее значительным событием, несомненно, была весьма бурно протекавшая борьба марксистов с народниками, в ходе которой подверглись обсуждению разнообразные вопросы общественной жизни, экономического развития, философии, истории, а также литературы, эстетики и литературной критики. Все эти вопросы группировались вокруг центрального, являвшегося стержнем дискуссии, — о путях развития России и русской культуры. Отсюда и проистекал острый интерес людей 90-х годов к методологии общественных наук (или, по словупотреблению того времени, социологии). Какими должны быть принципы познания действительности и путей ее исторического развития — вот что интересовало передовые круги русского общества на рубеже двух эпох, в преддверии грядущего революционного переворота. Поэтому в литературе конца XIX века занимала такое заметное место философская проблематика. Поэтому же произошло тогда в небывалой ранее степени сближение литературы с публицистикой и наблюдалось такое преобразование жанров, при котором иногда трудно было различить, где кончается беллетризованное исследование тех или иных сторон действительности (зачастую насыщенное не только фактами, но даже и цифрами) и где вступает в свои права художественная фантазия.

Проблемы, послужившие предметом полемики марксистов с народниками, нашли широкое отражение в худо-

жественном творчестве и в смежных с публицистикой жанрах очерка, фельетона, «письма». Литература продолжала показывать разорение деревни, отмирание привычных форм патриархального крестьянского быта и повсеместное развитие капитализма. Ленин, анализируя в своих работах эти процессы, обращался за иллюстрациями к произведениям писателей — и беллетристов и публицистов, к очеркам Глеба Успенского, к нашумевшей книге Энгельгардта — письма «Из деревни», к «Письмам о голоде» Льва Толстого¹, к «Павловским очеркам» В. Короленко² и другим. В литературе все в большей степени обнажалось противоречие «верхов» и «низов» и все с большей четкостью кристаллизовалась тема капиталистического общества, тема «господина Купона», тема растущего антагонизма между городским и деревенским пролетариатом с одной стороны и «служителями рубля» — с другой. Работая над книгой «Развитие капитализма в России» (1896—1899 гг.), Ленин вовлек в круг материалов к ней произведения писателей, изобразивших новые формы угнетения и эксплуатации трудового народа — В. Вересаева и Д. Мамина-Сибиряка. Иллюстрируя свой анализ условий жизни русского крестьянина, Ленин указал на один из лучших очерков Вересаева «Лизар»³. В этом очерке Вересаев рассказывает о своей беседе с бедняком Лизаром, обрисовавшим трагическое безвыходное положение крестьян и считавшим вполне разумным употребление «капель» для «сокращения человека». О Мамине-Сибиряке, бытописателе уральского промышленного капитализма, Ленин, естественно, вспомнил в той же главе «Развития капитализма в России», где речь идет о горной промышленности. Сославшись при характеристике замкнутости Урала на один из ранних рассказов Мамина-Сибиряка — «Бойцы»⁴, Ленин коснулся затем

¹ «Письма о голоде» впервые были опубликованы в 1892 г. в январской книжке «Недели» (под названием «Помощь голодным»). Затем издавались за границей (о них см. упоминание в статье Ленина «Признаки банкротства» — VI, 67).

² См. в гл. VI книги «Развитие капитализма в России» (III, 382).

³ Ленин указывает на источник своих цитат из этого рассказа — «Северный курьер», 1899, № 1.

⁴ Рассказ этот, впервые опубликованный в 1883 г. в «Отечественных записках», вошел затем в сборник Мамина-Сибиряка «Уральские рассказы». Ленин мог пользоваться только первым, двухтомным изда-

всего его творчества. «В произведениях этого писателя, — отметил Ленин, — рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с бесправием, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с „добросовестным ребяческим развратом“ „господ“, с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России» (III, 427). В рассказе «Бойцы» и других своих произведениях Мамин-Сибиряк правдиво и с болью за «раздавленных людей» показал полную беспочвенность утопических надежд на сохранение «устоев» и изобразил новые бедствия, которые принес народу капитализм.

Совсем иначе, явно апологетически по отношению к буржуазным «героям», дельцам и предпринимателям, изображал капиталистическую Россию П. Боборыкин в своих известных романах («Китай-город», «Перевал», «Василий Теркин» и др.).

Ленин имя Боборыкина упомянул лишь однажды — в связи с его романом «По-другому»¹, где искаженно освещен спор между народниками и марксистами. В оценке этого романа Ленин солидаризировался с Верой Засулич, напечатавшей в «Новом слове» статью «Плохая выдумка»²: «Автор говорит об известном романе г. Боборыкина „По-другому“ и изобличает непонимание им спора народников с „учениками“, — пишет Ленин о статье Засулич, цитируя далее ее «прекрасные замечания» по этому поводу (II, 489). Боборыкин, извративший в своем романе облик шестидесятника, придав ему черты барина и эстета, исказил также облик и «ученика» и народника. Как отметила Засулич, Боборыкин вкладывает в уста народника такие упреки по адресу марксистов (в частности, упреки в стремлении к «деспотизму регламентации»), которые давали совершенно превратную картину происходивших тогда споров.

нием этих рассказов (М. 1888—1889), так как второе издание (трехтомник, СПб. 1899) вышло после окончания Лениным его книги. Рассказ «Бойцы» изображает эксплуатацию крестьян-бурлаков на «сплаве» по рекам с Урала.

¹ «Вестник Европы», 1897, кн. I—III.

² В. Иванов. Плохая выдумка. «Новое слово», 1897, кн. 12 (перепечатано в Сочинениях В. Засулич, т. II, 1907, стр. 197—219).

Характерно, однако, что не только *предмет* спора между марксистами и народниками — капиталистическое развитие России, — но и *самый спор* нашел отражение в художественной литературе более высокого качества. Вересаев в повести «Без дороги» (1895) изобразил духовный кризис среди народнической интеллигенции, а в повести «Поветрие» показал столкновение народников и марксистов¹. Этой же теме посвящены повесть Е. Чирикова «Инвалиды» (1897) и многие другие произведения, ныне забытые, но в свое время оказавшиеся весьма симптоматичными.

Прежде чем перейти к анализу значения ленинских оценок народничества для изучения литературы, оценок, органически связанных с ленинской критикой народнической «субъективной социологии» в литературе и публицистике, необходимо кратко напомнить о том, каким был самый ход борьбы марксистов с народниками.

Как известно, начало борьбы марксистов с народниками относится к 1883 г., когда группа «Освобождение труда» подвергла резкой критике взгляды народников и обнажила сущность их теорий, мешавших развитию революционной инициативы пролетариата. Как отмечено в Кратком курсе истории ВКП(б): «Главным идейным препятствием на пути распространения марксизма и социал-демократического движения в то время были народнические взгляды, преобладавшие тогда среди передовых рабочих и революционно настроенной интеллигенции»².

Основные ошибочные взгляды народников заключались в следующем:

«Во-первых, народники утверждали, что капитализм в России представляет „случайное“ явление, что он не будет развиваться в России, следовательно, не будет расти и развиваться и пролетариат.

Во-вторых, народники не считали рабочий класс передовым классом в революции. Они мечтали о достижении

¹ Произведения эти, в свою очередь, послужили поводом для дальнейшего развертывания дискуссии. См., например, статьи о «Поветрии» и других произведениях Вересаева: А. Богданович. Момент перелома в художественном отражении, «Мир божий», 1898, кн. XII, и Н. Михайловский. Литература и жизнь, «Русское богатство», 1899, кн. 1.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 12.

социализма без пролетариата. Главной революционной силой народники считали крестьянство, руководимое интеллигенцией, и крестьянскую общину, которую они рассматривали, как зародыш и основу социализма.

В-третьих, у народников был ошибочный и вредный взгляд на весь ход истории человечества. Они не знали и не понимали законов экономического и политического развития общества. Они были в этом отношении совершенно отсталыми людьми. По их мнению, историю делают не классы и не борьба классов, а лишь отдельные выдающиеся личности — „герои“, за которыми слепо идут масса, „толпа“, народ, классы»¹.

Первым дал марксистскую критику ошибочных взглядов народников Плеханов. В 1883 г. в издании женевской «Библиотеки современного социализма» вышла в свет его брошюра «Социализм и политическая борьба», в 1885 г. — «Наши разногласия».

Плеханов показал в своих работах, что развитие России по капиталистическому пути — непреложный факт и что пролетариат является мощной революционной силой. Он показал также утопичность надежд на крестьянскую общину как на базу социализма и вскрыл ошибочные, идеалистические основы народнических взглядов на ход исторического развития.

Народники, пытаясь опровергнуть Плеханова, выступали в 80-х гг. в подпольной народнической печати. Однако в начале 90-х гг. народники начали ожесточенную травлю марксистов («русских учеников», как тогда выражались, то есть учеников Маркса) в легальных изданиях.

Первым *программным* выступлением народников против марксистов следует признать статью Михайловского из серии «Литература и жизнь», напечатанную в июньской книжке «Русской мысли» 1892 г. В 1893 г. выступления народников против марксистов превратились уже в организованную кампанию, возглавленную «Русским богатством». В обзорах Михайловского («Литература и жизнь»), напечатанных в первой и второй книгах «Русского богатства» за 1894 г.², а также в статьях С. Кри-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 13—14.

² Перепечатаны в Полн. собр. соч. Михайловского, т. VII.

венко¹ и С. Южакова² клеветнически утверждалось, что марксисты являются якобы защитниками капитализма, и далее, что марксисты порвали с демократическим «наследством» 60-х гг., преклоняются перед «экономическим фактором», отрицают значение личности в истории и т. д. Подобные утверждения содержались и в ряде других статей, напечатанных в «Новом слове» (1894), «Неделе», «Историческом вестнике».

«Хотя Плеханов уже в 80-х годах нанес основной удар народнической системе взглядов, однако в начале 90-х годов взгляды народников все еще встречали сочувствие среди некоторой части революционной молодежи... Остатки народников всячески старались помешать распространению марксизма в России, повели борьбу против марксистов, стараясь их всячески опорочить. Надо было до конца идейно *разгромить* народничество, чтобы обеспечить дальнейшее распространение марксизма и возможность создания социал-демократической партии.

Эта работа была проделана Лениным»³.

Уничтожающая критика названных выше народнических статей дана Лениным в книге «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894) (имеющей подзаголовок: «Ответ на статьи „Русского богатства“ против марксистов»). Работа Ленина, изданная нелегально, быстро распространилась по всей России и оказала громадное влияние на передовую молодежь.

К следующему, 1895 г. относится статья Ленина «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». В 1899 г. вышел в свет труд Ленина «Развитие капитализма в России». Таким образом Ленин в 90-х гг. завершил идейный разгром народничества, начатый Плехановым и группой «Освобождение труда».

Ленин показал, что народники 90-х гг., лицемерно выдававшие себя за «друзей народа», давно отказались от

¹ «По поводу культурных одиночек» («Русское богатство», 1893, кн. 12); «Письма с дороги» (там же, 1894, кн. 1).

² «Вопросы экономического развития России» («Русское богатство», 1893, кн. 10—12); «Хроника внутренней жизни» (там же, 1894, кн. 7).

³ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 20.

революционной борьбы с царизмом и переродились в либеральных реформаторов, защитников кулачества. Ленин разоблачил истинное лицо этих фальшивых «друзей народа» и «...правильно указал путь борьбы рабочего класса, определил его роль, как передовой революционной силы общества, определил роль крестьянства, как союзника рабочего класса»¹. Ленин показал также принципиальное различие подхода к действительности марксистов, которые смотрели в глаза правде жизни, внимательно изучали реальный процесс капиталистического развития России и готовили массы к революционному штурму,— и народников, закрывавших глаза на реальный исторический процесс и пытавшихся «улучшить» положение крестьянства при сохранении основ существовавшего общественного строя.

Все это время «Русское богатство» продолжало печатать статьи, в которых, однако, лишь повторялась прежняя «аргументация» и все более обнаруживалось незнание и непонимание элементарных основ марксизма. Характеризуя в 1897 г. ход «войны» народников с «учениками», Ленин писал: «Чем дальше развивали свои воззрения в русской литературе „ученики“, чем подробнее и обстоятельнее высказывались они по целому ряду и теоретических, и практических вопросов, — тем реже можно было встретить во враждебной прессе возражение по существу против основных пунктов нового направления. . .» (II, 461). В то же время работы Ленина против народничества, появившиеся во второй половине 90-х гг., ставили новые важнейшие вопросы политики, философии, культуры. Ленинская статья «К характеристике экономического романтизма»², где дана критика напечатанной в «Русском богатстве» статьи о взглядах Сисмонди³, содержит обстоятельный разбор учения швейцарского экономиста и сущности утопических идеологий вообще. Статья «От какого наследства мы отказываемся?»⁴, поводом для напи-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 21.

² Впервые в журнале «Новое слово», 1897, кн. 7—10.

³ Б. Эфруси. Социально-экономические воззрения Симонда де Сисмонди, «Русское богатство», 1896, №№ 7 и 8.

⁴ Впервые в сборнике: В л а д и м и р И л ь и н. Экономические этюды и статьи, 1893.

сания которой явились клеветнические выдумки Михайловского и других народников о разрыве «учеников» с демократическими традициями, посвящена вопросу о соотношении взглядов классиков русской революционно-демократической мысли со взглядами народников, с одной стороны, и социал-демократов — с другой. Характерно, что Михайловский в ряде статей 1895—1897 гг. отвечал на выступление Плеханова и «легальных марксистов» Струве и Туган-Барановского¹, но не сумел ответить ни на одно из ленинских выступлений. Если в писаниях легальных марксистов Михайловский мог констатировать противоречия, эклектизм и неустойчивость взглядов², то полемика с Плехановым окончилась для Михайловского провалом: его ответ на книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю»³ построен на попытках уличить Плеханова в том, что он пропустил то или иное высказывание, и на разборе «критических приемов» своего противника. В результате статья Михайловского оставляла впечатление полной теоретической беспомощности и растерянности ее автора. Тем более беспомощным оказался Михайловский перед лицом железной аргументации и логики Ленина. Поэтому, несомненно, Михайловский и уклонялся от ответа Ленину, самому сильному из своих идейных противников, и ограничился меланхолической ссылкой на Бердяева, упрекавшего В. Ильина (Ленина) в склонности «разрывать связь с людьми 70-х годов»⁴.

Таковы основные вехи борьбы марксистов с народниками. Общее значение этой борьбы, завершившейся полной победой марксизма, исчерпывающе охарактеризовано в первой главе сталинского Краткого курса истории ВКП(б)⁵.

¹ VII и VIII тт. Полн. собр. соч. Михайловского (3-е изд., СПб. 1913—1914) и т. I «Последних сочинений» (СПб. 1905).

² Ленин согласился с характеристикой, которую дал Михайловский Туган-Барановскому, назвав его «человеком эховым» (см. письмо Ленина Потресову от 27 июня 1899 г., XXXIV, 19).

³ «Русское богатство», 1895, кн. 1 (переп. Собр. соч., 3-е изд., т. VIII, 1914, стр. 16—36).

⁴ См. «Последние сочинения» Н. К. Михайловского, изд. «Русского богатства», т. I, СПб. 1905, стр. 442 (написано в 1901 г.).

⁵ См. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 10—17, 20—22, 25—26.

Исторический разгром народничества, который был совершен Лениным в 90-е гг., сыграл выдающуюся роль также и в литературном развитии того времени и во многом определил дальнейшие пути художественной литературы и науки о литературе. Это становится особенно очевидным, если учесть, что народники постоянно подчеркивали универсальное значение принципов «субъективной социологии» для всех областей культуры, в том числе и для художественной литературы и литературной критики. Ведь не только второстепенные писатели, примыкавшие к народничеству, декларировали свою верность «субъективной социологии»; об этом писал, как известно, даже такой видный писатель, как Глеб Успенский. Стремление народников к «универсальности», естественно, не могло остаться без оценки Ленина: в своем анализе народнической социологии Ленин уделил известное внимание ее отражению в литературной критике народничества и специально коснулся вопроса о верности изображения действительности в произведениях народников-беллетристов.

Характерной и любопытной чертой выступлений писателей и публицистов народничества была полная неопределенность для них самого термина «народничество». Михайловский своего определения народничества не дал, ограничившись расплывчатыми формулировками об «участливом отношении к народу»¹. Избегали прямых и четких определений народничества и писатели-беллетристы этого направления. Наиболее убежденный из них, Н. Н. Златовратский, однажды сознался в письме к А. И. Эртелю в 1885 г.: «Когда мне приходится на разных журфиксах об этом пресловутом народничестве разговоры разговаривать, я теряю всякую способность понимать себя и своего собеседника, потому что у меня от всяких там *разных* категорий и теорий — в глазах рябит только»². Столь часто встречающиеся в народнических писаниях определения этого направления как борьбы интеллигенции за возможность осуществить «те желания

¹ Этими словами им охарактеризована программа «Отечественных записок» (см. «Литературные воспоминания и современная смута», т. I, 1900, стр. 345).

² Цитировано по копии из архива Златовратского (Институт литературы АН СССР) в книге В. Буша «Очерки литературного народничества 70—80 гг.», Л. 1931, стр. 11.

и стремления народа, которые с точки зрения ее идеала оказываются прогрессивным явлением народной жизни»¹, разумеется, ничего, кроме ссылки на субъективные желания народников, не дают. Развернувшаяся в начале 90-х гг. дискуссия в народнических и либеральных кругах по поводу содержания термина «народничество» к положительным результатам не привела. Так, в «Вестнике Европы» указывалось, что неясность теории народничества «производит то, что с трудом можно было бы указать с полной определенностью даже группу писателей, которые должны бы быть причислены к этому направлению и категорически представляли бы его особенное содержание. Мы находим обыкновенно только эпизодические проявления этого направления, то в беллетристической поэзии, то в публицистике, и затруднились бы вывести из них цельное мировоззрение»².

Научное изучение корней и эволюции народничества, явления необычайно сложного, сочетавшего «прогрессивные, демократические черты доктрины — с реакционными, вызывающими сочувствие „Московских Ведомостей“» (I, 381), началось только в конце XIX в. русскими марксистами. Упомянутые выше работы Плеханова, направленные против народников, впервые в России рассматривали народничество с позиций материалистических.

В работах Плеханова 80—90 гг., посвященных вопросам литературы и искусства, обнаруживалось его умение подчинить свой анализ задачам, выдвигаемым современностью, борьбе с «субъективной социологией» и идеалистической народнической концепцией «героев» и «толпы». Но Плеханов, замкнув свой анализ в чисто теоретической сфере, не мог установить истоки и сущность народничества как идеологии, отражающей интересы реальных общественных сил и противоречия самой действительности. То же самое приходится сказать и относительно литературно-критических статей Плеханова о беллетристах-народниках, сыгравших несомненно положительную роль

¹ Что такое народничество. «Неделя», 1880, № 31 (статья анонимная).

² А. В — н. Теории народничества. «Вестник Европы», 1892, кн. 10, стр. 706, 745 («А. В — н» — псевдоним А. Н. Пыпина).

в борьбе с народничеством¹. Методологические ошибки Плеханова Ленин отметил на полях его книги о Чернышевском. В том месте, где Плеханов пишет: «Подобно своему учителю, Чернышевский тоже сосредоточивает свое внимание почти исключительно на „теоретической“ деятельности человечества, вследствие чего умственное развитие и становится в его глазах самой глубокой причиной исторического движения», — Ленин подчеркивает первую половину фразы и на полях замечает: «Таков же недостаток книги Плеханова о Чернышевском»².

Этот недостаток в значительной мере сказался и на анализе Плехановым народничества. Поэтому в ценных работах Плеханова мы не найдем, однако, ни четкого научного определения народничества, ни анализа противоречий действительности, обусловивших и реакционные и прогрессивные стороны этого направления.

Абсолютно неспособны были понять сущность народничества так называемые «легальные марксисты». П. Струве дал в 1894 г. идеалистическое определение народничества. «Сущность» и «основную идею» народничества он видел в «теории самобытного экономического развития России», источниками же теории он считал: «1) определенное учение о роли личности в историческом процессе и 2) непосредственное убеждение в специфическом национальном характере и духе русского народа и в особенных его исторических судьбах»³. Совершенно очевидно, что указанные Струве признаки народничества сами по себе никак не раскрывают его генезиса и источников. Эти признаки Струве устанавливал не путем изучения отражения в идеологии народничества определенных общественных отношений, а на основе признания тех особенностей этой идеологии, которые подчеркивали в своих писаниях сами народники. Иначе говоря, он судил о писателях по словам писателей о самих себе. Далее Струве пытался установить «историческую связь между

¹ См. М. Розенталь. Эстетические взгляды Плеханова, М. 1939.

² Ленинский сборник, XXV, стр. 221.

³ П. Струве. Критические заметки по вопросу об экономическом развитии России, вып. 1, СПб. 1894, стр. 2.

славянофильством и народничеством»¹ и провести аналогию между спорами марксистов и народников с одной стороны, славянофилов и западников — с другой. Но, как отметил Ленин, «с такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться. Народничество отразило такой факт русской жизни, который почти еще отсутствовал в ту эпоху, когда складывалось славянофильство и западничество, именно: противоположность интересов труда и *капитала*» (I, 384).

Четкое научное определение народничества дал Ленин в своих работах «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» и др. Народничество, согласно ленинскому определению, повторенному им неоднократно, это «радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства» (I, 259). Народнические идеи — «результат отражения интересов и точки зрения мелкого производителя» (I, 343), а вовсе не результат «чистой мысли», как утверждал В. В. в книге «Наши направления». Сущность народничества — «в протесте против крепостничества... и буржуазности... с точки зрения крестьянина, мелкого производителя» (I, 322—323). Источником народничества Ленин считал «преобладание класса мелких производителей в пореформенной капиталистической России» (I, 375). Отражение точки зрения и интересов мелкобуржуазных крестьянских масс Ленин видел и в отдельных чертах идеологии народничества. Так, например, он писал, что народнические «гуманность и народолюбивость» были «...следствием придавленного положения нашего мелкого производителя, терпевшего жестокие невзгоды и от „старо-дворянских“ порядков и традиций и от гнета крупного капитала» (I, 420). Наконец, учитывая огромный интерес народнических писателей и публицистов к теме труда, следует отметить особое значение слов Ленина о том, что теория народников выступила «как представительница интересов труда вообще» только благодаря неразвитости «классовой противоположности,

¹ Эта параллель не является «открытием» Струве, мы встречаем ее и у Михайловского (см. Н. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, т. I, СПб. 1900, стр. 330).

присущей русскому капиталистическому обществу» (см. I, 420—421).

Ленинские определения вскрывают двойственную природу идеологии народничества в различных ее формах и дают прочную основу также и для анализа творчества писателей-народников, отразившего, говоря словами Ленина о народничестве — «противоположность интересов труда и капитала» (I, 384), но в то же время содержащего бесплодные упования на «иной» путь исторического развития.

Двойственность идеологии народничества отражает, по словам Ленина, двойственную природу мелкобуржуазного крестьянства, противоречивость его сознания. Этот класс «является прогрессивным, поскольку выставляет общедемократические требования, т. е. борется против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества...», но он же является и «реакционным, поскольку борется за сохранение своего положения, как мелкой буржуазии, стараясь задержать, повернуть назад общее развитие страны в буржуазном направлении» (I, 270), развитие, в процессе которого созревает пролетариат, сила, способная совершить социалистическую революцию. Эти две стороны народнической идеологии, как указывал Ленин, необходимо строго различать, — отрицая реакционные ее стороны, не следует забывать о демократической ее части.

Вместе с тем Ленин разграничивал и различные этапы развития народничества. Для старых социалистов эпохи Чернышевского также были характерны иллюзии об особом укладе народной жизни, о социалистических инстинктах народа, о «случайности» капитализма. Но «вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их, поднимало десятки и сотни людей на геройскую борьбу с правительством» (I, 246). Это революционное народничество Ленин отделял от народничества позднейшего. Развитие капитализма в 80—90-х гг. стало фактом, который уже невозможно было не признавать, и сама жизнь показала утопичность народнической идеи об «особом укладе русской жизни»: В этой новой обстановке и отстаивание идей старого народничества приобрело бы реакционный, с точки зрения

пролетарской борьбы, характер (ибо народничество всегда было течением, враждебным марксизму). Однако народничество 80—90-х гг. утратило и последовательность старых русских социалистов, разорвав с социализмом и превратившись в культурнический оппортунизм. Народничество 90-х гг., игнорируя эксплуатацию бедноты, отрицая существование классовой борьбы в деревне, окончательно стало реакционным направлением, по существу выражавшим интересы кулачества. «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*¹, — писал Ленин, — выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, „улучшить“ положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*» (I, 246—247).

Раскрывая эту эволюцию позднего народничества, Ленин показал, что осуществление даже самых радикальных народнических идей о передаче всей земли крестьянам означало бы на деле не что иное, как закрепление России на пути буржуазно-демократического, а никак не социалистического развития. Если же учесть, что реальная программа «Русского богатства» в 90-е гг. ограничивалась вопросами переселений, аренды, кредитов, улучшения техники артельного хозяйства, общественных запашек и пр. и что некоторые народники открыто искали закрепления общинного землевладения. . . «законодательным» путем, — если учесть все это, то слияние народничества с либерализмом становится вполне очевидным.

Народники неоднократно упрекали Ленина в том, что он в своих выступлениях якобы игнорирует различные оттенки внутри народничества. В частности, Михайловский негодовал на русских марксистов за то, что они «смешивают» публицистов «Русского богатства» с «народниками» и другими лицами, к «Русскому богатству» непричастными. Однако это было не так. «Всякий знает, — отвечал Ленин Михайловскому, — что все „русские уче-

¹ К этому сводились, в сущности, все наши старые революционные программы, — начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и кончая народовольцами, у которых, ведь, тоже уверенность в том, что крестьянство пошлет подавляющее количество социалистов в будущий Земский собор, занимала далеко не последнее место. (Прим. Ленина.)

ники“ употребляют слова „народник“ и „народничество“ в широком смысле. Что между народниками есть не мало различных оттенков, этого никто не забывал и не отрицал. . .» (II, 496). Научное определение народничества, естественно, требовало установления основных моментов, характеризующих идеологию всех представителей этого направления, независимо от тех или иных фракций и оттенков. Ведь именно неумение схватить основные признаки народничества приводило в тупик различных исследователей. «Кого только, в самом деле, не награждают у нас титулом — народник, — растерянно перечислял С. А. Венгеров: — Аксаков, преклоняющийся перед народом Охотного ряда, — народник; Суворин. . . — народник; „Неделя“ и „Русская мысль“, верящие в демократические начала русского народа, — народники; наконец, Г. Успенский и Златовратский, — один скептик, другой восторженно относящийся к народнической психике, оба вместе ненавидящие Аксакова и Суворина, — тоже народники»¹.

Совершенно очевидно, что путь к определению сущности и источников народничества лежал только через изучение общих признаков во взглядах его идеологов. По этому пути и пошел Ленин, отметив, что социально-экономические взгляды народников совпадают по трем главным пунктам: «1) Признание капитализма в России упадком, регрессом»; «2) Признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной, артелью и т. п. в частности»; «3) Игнорирование связи „интеллигенции“ и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов» (II, 481). Одновременно Ленин в ряде случаев указывал на те или иные различия между взглядами отдельных народников. Установление общих признаков позднего народничества не являлось смещением различных воззрений, как полагали народники, а выразило, как отметил Ленин, стремление «. . . обобщать и подводить под одну категорию писателей, которые, несмотря на различия по многим вопросам², солидарны по тем основным и главным пунктам, против

¹ С. Венгеров. Литературные заметки. «Устой», 1882, № 9—10, стр. 67.

² Курсив наш. — Б. М.

которых и восстают „ученики“. Для „ученика“ важно вовсе не то, чтобы показать, напр., негодность воззрений, отличающих какого-нибудь г. Юзова от других народников: для него важно опровергнуть воззрения, *общие и г. Юзову и г. Михайловскому и всем народникам вообще*, т. е. их отношение к капиталистической эволюции России, их обсуждение вопросов экономических и публицистических с точки зрения мелкого производителя, их непонимание социального (или исторического) материализма. *Эти черты* составляют общее достояние целого течения общественной мысли, сыгравшего крупную историческую роль» (II, 496).

И Ленин здесь же отмечает: «В этом широком течении есть самые различные оттенки, есть правые и левые фланги, есть люди, опускавшиеся до национализма и антисемитизма и т. п., и есть люди, неповинные в этом; есть люди, с пренебрежительностью относившиеся ко многим заветам „наследства“, и есть люди, старавшиеся, елико возможно, охранять эти заветы (т. е. елико возможно для народника)» (II, 496—497).

И в других случаях Ленин подходит к оценке отдельных народников дифференцированно. Так, в воззрениях С. Южакова Ленин отметил квасной патриотизм «самого низкого разбора» (I, 383), про Юзова писал, что «Московские ведомости» «похвалили бы его за то, чем он отличается от народников, желающих хранить наследство» (II, 495), и т. д. Отмечая во взглядах Михайловского отрицательные черты, общие различным представителям народничества, Ленин вместе с тем писал: «Гг. Юзовы, Сазоновы, В. В. и т. п. к указанным отрицательным чертам своих воззрений присоединяют еще другие отрицательные черты, которых, напр., нет ни в г-не Михайловском, ни в других сотрудниках теперешнего „Рус. Богатства“» (II, 482). Известно, что Ленин указывал определенные отличия Михайловского не только от В. В. (с которым Михайловский, как известно, разошелся в начале 90-х гг.); но и от Южакова.

В связи с этим весьма важно выяснить, какое содержание Ленин в процессе полемики вкладывал в понятия «реакционный» и «прогрессивный». Эти термины имели для Ленина конкретное историческое значение, и наполнение их изменялось в соответствии с изменением

социальной функции того или иного общественного явления.

Понятие реакционности Ленин употреблял: 1) когда он желал обозначить совпадение субъективного и объективного содержания стремлений представителей того или иного реакционного течения; 2) когда объективное значение тех или иных идей оказывалось реакционным вопреки намерениям носителей этих идей и 3) когда то или иное явление оказывалось реакционным с точки зрения задач революционного пролетариата, но на определенном этапе сохраняло прогрессивность с точки зрения общедемократических задач.

К реакционным явлениям, характеризующимся совпадением субъективных и объективных стремлений, Ленин относил представителей и защитников всяких крепостнических учреждений, абсолютизма, сословности, бюрократии, проповедников различных форм чужденства и национализма. Так, призывая рабочих к ниспровержению этих «столпов реакции», Ленин в работе «Что такое „друзья народа“...» дал, в частности, следующую характеристику бюрократии:

«Особенно внушительным реакционным учреждением, которое сравнительно мало обращало на себя внимание наших революционеров, является отечественная *бюрократия*, которая *de facto* и правит государством российским. Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это — постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещика и буржуа» (I, 272).

Иное содержание вкладывал Ленин в понятие реакционности, когда он имел в виду объективное реакционное значение тех или иных идей *вопреки* субъективным намерениям носителей этих идей. Например, к своей характеристике экономических взглядов Сисмонди и Прудона как «реакционных» Ленин сделал следующее примечание: «Этот термин употребляется в *историко-философском* смысле, характеризуя только *ошибку* теоретиков, берущих в *пережитых* порядках образцы своих построений. Он

вовсе не относится ни к личным качествам этих теоретиков, ни к их программам. Всякий знает, что реакционерами в обыденном значении слова ни Сисмонди, ни Прудон не были» (II, 196). Так писал Ленин в своей работе «К характеристике экономического романтизма». И развивая далее свою мысль об историко-философском содержании термина «реакционность» по отношению к Сисмонди, Ленин писал: «*Желания* у романтиков весьма хорошие (как и у народников). Сознание противоречий капитализма ставит их выше слепых оптимистов, отрицающих эти противоречия. И реакционером признают Сисмонди вовсе не за то, что он хотел вернуться к средним векам, а именно за то, что в своих практических пожеланиях он „сравнивал настоящее с прошлым“, а не с будущим, именно за то, что он „доказывал вечные нужды общества“ *посредством* „развалин“, а не *посредством* тенденций новейшего развития». И далее Ленин развивал ту же мысль о содержании терминов «мелкобуржуазность» и «реакционность»: «Эти термины вовсе не указывают на эгоистические вожеления мелкого лавочника или на желание остановить общественное развитие, вернуться назад: они говорят лишь об *ошибочности* точки зрения данного писателя, об ограниченности его понимания и кругозора, вызывающего выбор таких средств (для достижения весьма хорошей цели), которые на практике не могут быть действительны, которые могут удовлетворить лишь мелкого производителя или сослужить службу защитникам старины» (II, 220—221).

И, наконец, *третий* случай применения Лениным термина «реакционность», когда необходимо учитывать двойственный характер того или иного явления в соотношении с задачами социалистической революции, с одной стороны, и демократическими требованиями — с другой, наиболее ярко выражен в оценке народничества. Оценивая позиции «друзей народа», Ленин отмечает, что «теперь они реакционны (по отношению к пролетариату)» (I, 266), и требует от социал-демократов «разрыва с мещанско-социалистическими идеями» (I, 268). А несколько ниже Ленин пишет: «Разобранные мелкобуржуазные теории являются **безусловно** реакционными, **поскольку** они выступают в качестве социалистических теорий.

Но если мы поймем, что на самом деле ровно ничего социалистического тут нет. . . , — тогда мы должны будем иначе отнестись к ним, должны будем поставить вопрос: *как следует отнестись рабочему классу к мелкой буржуазии и ее программам?*» (I, 269—270). Отвечая на этот вопрос, Ленин указывает на двойственность мелкой буржуазии и призывает социал-демократов поддержать выставляемые этим классом прогрессивные общедемократические требования и его борьбу против каких бы то ни было остатков средневековой эпохи и крепостничества (см. I, 270—272). Сравнивая прогрессивные меры к «подъему» мелкого хозяйства, предлагаемые народниками, с идеями таких чисто буржуазных публицистов, как А. И. Скворцов¹, Ленин отдает абсолютное предпочтение *в этом отношении* народникам, ибо они исключают «полицейское вмешательство в хозяйство крестьян» и «неизмеримо правильное понимают и представляют *в этом отношении* интересы мелких производителей. . . » (I, 482).

Вместе с тем Ленин отвергал всякие общие, лишенные конкретного исторического содержания, трактовки термина «прогрессивность». «Основная ошибка г. Михайловского, — писал Ленин, — именно и состоит в абстрактном догматизме его рассуждений, пытающихся обнять „прогресс“ вообще вместо изучения конкретного „прогресса“ какой-нибудь конкретной общественной формации» (I, 392). Из всего этого можно видеть, с какой принципиальностью и научной объективностью подходил Ленин к определению «реакционности» и «прогрессивности» тех или иных явлений, тогда как «легальные марксисты» — П. Струве и Туган-Барановский — безответственно пользовались этими терминами, как ярлыками.

В своей работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» и в других трудах Ленин показал, что общее идейное вырождение народничества ярко сказалось и в деятельности одного из виднейших представителей этого направления — Н. К. Михайловского. Эволюцию Михайловского Ленин охарактеризовал как переход от крестьянского социализма 70-х гг.

¹ А. И. Скворцов (1848—1914) — буржуазный экономист, работы которого восхвалялись П. Б. Струве как «марксистские».

к народническому мещанскому либерализму 90-х гг. (см. I, 164).

Михайловский был не только народническим социологом, но и литературным критиком, активным участником литературного движения. В соответствии с темой нашей книги остановимся далее преимущественно на этой стороне вопроса. Но оценить деятельность Михайловского как литературного критика можно лишь в свете общей характеристики, которую дал ему Ленин в работах «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?» (1894) и «Народники о Н. К. Михайловском» (1914).

Как уже указывалось выше, Ленин еще в 90-х гг., при жизни Михайловского, подверг уничтожающему разбору его взгляды, к которым он пришел в результате разложения народничества, превратившегося к концу XIX в. в либеральное реформаторство. Ленин показал тогда возмутительные приемы Михайловского в его «полемике» с марксистами.

Статья Ленина «Народники о Н. К. Михайловском» содержит существенные дополнения к предыдущим ленинским характеристикам этого деятеля. В противовес народникам и либералам, которые в связи с десятилетием со дня смерти Михайловского заполнили свою прессу хвалебными статьями, Ленин дал ему исторически точную, исчерпывающую оценку. Ленин резко протестовал против попыток «выдать Михайловского за социалиста и доказать примиримость его буржуазной философии и социологии с марксизмом» (XX, 99). И здесь же Ленин указал на границы прогрессивных сторон деятельности Михайловского, дальше которых он, Михайловский, не мог пойти даже в лучший период своей биографии:

«Михайловский, — писал Ленин, — был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века. Крестьянская масса, которая является в России единственным серьезным и массовым (не считая городской мелкой буржуазии) носителем буржуазно-демократических идей, тогда еще спала глубоким сном. Лучшие люди из ее среды и люди полные симпатий к ее тяжелому положению, так называемые разночинцы — главным образом, учащая молодежь, учителя и другие представители

интеллигенции — старались просветить и разбудить спящие крестьянские массы.

Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к «подполью», где действовали самые последовательные и решительные демократы различных, и даже сам помогал прямо этому подполью. . .

Но, будучи горячим сторонником свободы и угнетенных крестьянских масс, Михайловский разделял все слабости буржуазно-демократического движения» (XX, 99—100).

И дальше:

«На Михайловского, который никогда не отрекался от подполья (или вернее: который умер незадолго перед переходом его группы к ликвидаторству), нельзя распространять ответственность целиком за жалкий и презренный оппортунизм гг. Пешехоновых, Мякотиных и К^о. Но разве не характерно, что в № 3 „Верной мысли“, посвященном Михайловскому, мы опять видим гнилой блок (союз) „левых“ народников с „социал-кадетами“ „Русского Богатства“? А если припомнить, что писал Лаврову Михайловский о своем отношении к революционерам, то не придется ли признать, что „социал-кадеты“, в общем, верные его продолжатели?» (XX, 102).

И в заключение своей статьи Ленин указывал:

«Мы цествуем Михайловского за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством, „бюрократией“ (извините за неточное слово)¹ и т. д., за его уважение к подполью и за помощь ему, но не за его буржуазно-демократические взгляды, не за его колебания к либерализму. . .» (XX, 102). Оценки Лениным роли Михайловского и его эволюции пронизаны строгим историзмом. Они направлены против либеральной и народнической

¹ По цензурным соображениям Ленин не мог написать здесь слово «самодержавие» [статья Ленина напечатана в легальной газете «Путь правды», № 19, 7 марта (22 февраля) 1914]. — Б. М.

идеализации Михайловского и, вместе с тем, помогают понять значение его и как литературного критика.

В оценках Лениным исторической роли Михайловского (и его эволюции) нет никаких противоречий. Согласно Ленину, общественные идеалы Михайловского, будучи реакционными и по отношению к марксизму, ориентируясь на «прошлое», а не на «будущее», по своему объективному содержанию были в *свое время* прогрессивными с точки зрения буржуазно-демократического движения «в пользу освобождения России». Значение общественных идеалов Михайловского существенно менялось в различные исторические периоды, а к XX в. окончательно утеряло даже свою относительную прогрессивность. Характерно, что ленинская «Искра» в своем отклике на 40-летний юбилей писательской деятельности Михайловского в 1901 г. сочувственно отметила его литературные статьи в «Отечественных записках», статьи, в которых «возвышался голос „профана“» (псевдоним Михайловского)¹. Положительные моменты в литературной деятельности Михайловского, согласно оценке «Искры», относятся преимущественно к 70-м годам, к его выступлениям против самодержавия и крепостничества. Далее «Искра» отметила перерождение Михайловского и его разрыв «с поколением 90-х гг.». В это время писатель утерял свои былые достоинства. Новое поколение, поколение революционных социал-демократов, слышало в его статьях лишь «либеральные, минорные ноты, без веры, без силы, без страсти».

Слова Ленина о борьбе Михайловского с крепостничеством и «бюрократией» в первую очередь должны быть отнесены к 70-м гг., периоду редакторства и сотрудничества Михайловского в «Отечественных записках», о которых Ленин говорил как об «одном из лучших... русских журналов» (I, 158). По поводу позиций этого журнала Ленин писал: «...поскольку «Отечественные Записки», чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазными либерализмом и демократизмом, — постольку они делали дело, общее всем нашим первым социалистам, которые хотя и не умели понять

¹ «Из нашей общественной жизни. — Юбилей Н. К. Михайловского» (заметка без подписи). «Искра», 1901, № 2, февраль.

этой антагонистичности, но сознавали ее и хотели бороться против самой организации общества, порождавшей антагонистичность; — постольку «Отечественные Записки» были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата)» (I, 265). Направленность «Отечественных записок» против реакции, самодержавия, крепостничества делала возможной совместную работу Михайловского и Щедрина в редакции журнала, несмотря на то, что Щедрин не разделял самых основ народничества. В этих пределах и следует понимать признание Щедрина в письме к Михайловскому: «. . . не одна случайность соединила нас с Вами в одном журнале, но и общность воззрений»¹.

Литературные обозрения и рецензии Михайловского, печатавшиеся в «Отечественных записках» рядом с произведениями Некрасова и Щедрина, метко разили реакционеров, этих, как он говорил, «людей с мохнатым сердцем», среди которых были и Катков — «Вий» из «Московских ведомостей», и «старый воробей» Буренин, и бездарные авторы так называемых «антинигилистических романов», и либеральные литераторы, и мещанские беллетристы с «подвальными интересами». К числу прогрессивных, вошедших в историю русской общественной мысли, выступлений Михайловского принадлежат также те его критические выступления, в которых он, с честью выйдя из цензурных затруднений, обличал объективный реакционный смысл толстовской «проповеди» непротивления и пасквильного изображения революционеров в «Бесах» Достоевского.

Задачи, которые Михайловский в то время ставил литературе, были направлены против всевозможных проявлений реакции в искусстве. В статье «Экспериментальный роман» Михайловский с гордостью писал: «Россия должна воздвигнуть памятник искусству. . . Ни в какой европейской стране и, надо думать, нигде в целом мире искусство не играет такой важной и своеобразной роли, как в нашем отечестве». Эту роль литература приобрела благодаря своей связи с передовым общественным движением. «Долгое время поэзия была на Руси чуть не единственным и, во всяком случае, лучшим и надежнейшим

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. XIX, М. 1939, стр. 383—384 (письмо от 13 января 1884 г.).

проводником если не политической мысли, то гуманных идей». Особенное значение придавал Михайловский литературной критике: это были своего рода священные места, «туда бежал бедный русский писатель, когда ему приходила в голову запретная мысль», хотя, вопреки «праву убежища», «кровь спасавшихся в храме обагряла его ступени». Вспоминая Белинского, Добролюбова и Писарева, Михайловский отмечал, что «сквозь споры о принципах искусства видны очертания, скажем, гражданских, чтобы не сказать политических идей и партий. Разумеется, в этом и была вся сила литературной критики...»¹. Об этих литературных принципах Михайловский напоминал читателям, противопоставляя их взглядам либералов и представителей русского декадентства. Он был убежденным врагом «искусства для искусства» и посвятил разоблачению реакционного смысла этой теории немало гневных страниц. Михайловский утверждал, что сторонники «чистого искусства» — это «подонки искусства», которые «не создают идеала, а возводят или, лучше, производят в идеал... нас возвышающий обман... То, что понимается под всеми этими категориями, — писал он о «чистом искусстве», — есть не более как замаскированное служение данному общественному строю»². В некоторых статьях Михайловский подымался до осознания действительных целей так называемых «жрецов красоты». Критикуя антологическую поэзию Щербины, Михайловский писал, что за служением «чистой красоте» здесь скрывается прямое служение помещичьим интересам, «оплеванным Гоголем».

Все эти черты литературной деятельности Михайловского вызвали бешеную ненависть к нему буржуазно-дворянских критиков и публицистов. Разумеется, отъявленными врагами Михайловского были такие представители реакции, как М. Меньшиков, который назвал фельетоны Михайловского «отравленным крошечком»³, А. Суворин, презрительно заявлявший, что он никогда

¹ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. IV, СПб. 1909, стр. 756—759.

² Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. X, 1913, стр. 733; т. II, стр. 609.

³ М. Меньшиков. Из писем к ближнему. «Новое время», 8 декабря 1903 г., № 9972.

ничего не читал из его произведений¹, В. Буренин, на протяжении многих лет специализировавшийся на травле Михайловского за то, что он «охраняет святая святых русского радикализма»². С реакционных позиций выступали против Михайловского такие критики-декаденты, как А. Волынский. Струве отвергал не только реакционную, но и прогрессивную сторону народничества, на что ему было указано Лениным (см. I, 480—481). Это не мешало, однако, Струве, в полном согласии с Н. Бердяевым, весьма благосклонно отнестись к идеалистическим основам методологии Михайловского³.

Однако прогрессивные черты литературно-критических статей Михайловского 70-х гг. как противника «искусства для искусства» в значительной мере ослаблялись тем, что его литературные выступления и тогда не опирались на систему материалистической эстетики (как это было, например, у Чернышевского, непримиримого врага «чистого искусства»). В дальнейшем же, с общей своей идейной деградацией, Михайловский деградировал и как литературный критик. В процессе чтения многотомного собрания сочинений Михайловского со всей очевидностью выступают перед нами типические черты перерождения народничества, которое Ленин вскрыл в своих работах. Уже в статьях Михайловского 80-х гг. заметно стремление к менее острой и прямой постановке вопросов общественной жизни. Статьи его о писателях, отражавших новые сдвиги в общественной жизни, сдвиги, опровергавшие теории народников, отличаются бессодержательностью

¹ Незнакомец (А. Суворин). Недельные очерки. «Новое время», 17 декабря 1878 г., № 1008.

² В. Буренин. Литературные партии. «Новое время», 28 сентября 1880, № 7708.

³ В предисловии к книге Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» Струве признает «психологическую правду» субъективистской философии Михайловского и утверждает, в противовес Ленину, что «Михайловский всегда совершенно правильно отстаивал самозаконность этической совести, о которой столь часто забывают ортодоксальные марксисты» (стр. XXIV). По поводу этой книги Михайловский не без злорадства заметил: «гг. Струве и Бердяев пожинают плоды трудов наших» (Последние сочинения, т. I, стр. 441). К чести Михайловского следует отметить, что он с презрением отнесся к этому «перелету» Струве, Туган-Барановского и других «марксистов», оценив их эволюцию как беспринципное метание от одной моды к другой.

и слепой народнической догматикой (таковы, например, его характеристики Глеба Успенского). Статьи же конца 90-х — начала 900-х гг., собранные в двух томах «Последних сочинений», в большинстве продиктованы не стремлением разобраться в литературных явлениях, а грубо тенденциозными целями «полемики» с марксистами (как, например, в его оценках Чехова и др.). В этот период Михайловский стал в оценке писателей исходить только из критерия их близости народническим идеям и при отсутствии таковых объявлял писателей безидейными, обреченными на потерю таланта и т. п.

В иных же случаях он искусственно притягивал писателей к народничеству. Так, отметив большой талант Горького уже в его ранних произведениях, он исказил идейный смысл его творчества и пытался доказать, что произведения Горького якобы согласуются с доктринами народничества. Авторитет Михайловского был окончательно подорван его борьбой против марксистов. Михайловский счел возможным бороться в *легальной* прессе с противниками, которые могли говорить полным голосом лишь *нелегально*. В полемике он прибегал к передергиваниям, к грубым искажениям взглядов «русских учеников» и доходил до чудовищных клеветнических обвинений марксистов в том, что среди них имеются безучастные наблюдатели разорения деревни и апологеты капитализма.

Идейное вырождение народничества отчетливо сказалось, таким образом, и в литературно-критической деятельности Михайловского. Его попытки дискредитировать в глазах своих читателей учение марксизма были безусловно реакционны, так же как и его отрицание факта развития России по капиталистическому пути.

Типичная для народников методология Михайловского в области изучения различных форм общественной жизни была подвергнута Лениным последовательной и всесторонней критике еще в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?». Первый выпуск этой работы Ленин посвятил анализу взглядов Михайловского. Подобный анализ представляет большие трудности, ибо Михайловский, как он признался сам, писал «бессистемно» и законченного и четкого определения своего субъективного метода нигде не дал. Однако Ленин

не только проанализировал особенности этого метода, но придал своему анализу энциклопедический характер, объясняя генезис и развитие всех без исключения идеологических форм (в том числе и художественных).

Говоря об «идее материализма в социологии», Ленин, в качестве основополагающего тезиса, цитирует неизвестный отрывок из предисловия Маркса «К критике политической экономии», где указывается, что «...перемену в юридических, политических, религиозных, художественных и философских, словом — идеологических формах...» следует объяснять, исходя «из противоречий материальной жизни» (I, 121; курсив наш. — Б. М.). Противопоставление Лениным марксистского метода изучения *разнообразных*, и в том числе художественных, форм методу субъективной социологии имело особое значение, ибо Михайловский неоднократно подчеркивал универсальный характер своей идейно-философской программы¹. Эту программу он характеризовал как «общий фон, на котором рисовались узоры лирики, беллетристики, критики, философии, истории, экономики и политики»². В частности, Михайловский, отмечая в этой статье индивидуальные различия между Г. Успенским и Златовратским и также между позициями В. В. и своими, констатирует общее всем народникам стремление сохранить «средневековые формы труда» (то есть общинные порядки). «Существующие еще у нас средневековые формы труда сильно расшатаны, — писал Михайловский, — но мы не видели резона совсем кончать с ними, в угоду каких бы то ни было доктрин, либеральных или не либеральных»³. И тут же Михайловский предлагал использовать достижения «западной цивилизации», но «не переносить на себя» раздирающие ее противоречия: «надо брать хорошее отовсюду, откуда можно, а свое оно будет или чужое, это уже вопрос не принципа, а практического удобства. Повидимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чем». Цитируя эти слова, Ленин иронически замечает: «И в самом деле, как

¹ См. «Русское богатство», 1901, № 1, стр. 80.

² Н. К. Михайловский. Литературные воспоминания и современная смута, т. I, стр. 345 (первоначально в «Русской мысли», 1892, кн. VI).

³ Там же, стр. 346.

это просто! Хорошее „брать“ отовсюду — и дело в шляпе! От средневековых форм „взять“ принадлежность средств производства работнику, а от новых (т. е. капиталистических) форм „взять“ свободу, равенство, просвещение, культуру. И разговаривать не о чем! Субъективный метод в социологии тут весь как на ладони: социология начинается с утопии¹ — принадлежность земли работнику — и указывает условия осуществления желательного: „взять“ хорошее оттуда-то да еще оттуда» (I, 171).

Таким образом, специфической чертой субъективной социологии является игнорирование объективных закономерностей исторического развития, убеждение, что общественные отношения можно переделать по своему, произвольно и умозрительно избранному, идеалу.

Коренную противоположность между приверженцами субъективной социологии с одной стороны и марксистами — с другой Ленин охарактеризовал в следующих словах: «Попробуйте сравнить с требованиями этой (марксистской. — Б. М.) теории нашу народническую литературу, исходящую тоже ведь из желания быть идеологом трудящегося, литературу, посвященную истории и современному состоянию наших экономических порядков вообще и крестьянства в частности, — и вы поражены будете, как могли социалисты удовлетворяться подобной теорией, которая ограничивалась изучением и описанием бедствий и моралью по поводу этих бедствий»² (I, 309). В народнической литературе крепостное право изображалось «не как определенная форма хозяйственной организации, порождавшей такую-то эксплуатацию», а «просто как злоупотребления помещиков и несправедливость по отношению к крестьянам». Крестьянская реформа изобра-

¹ Ленин подразумевает здесь слова самого Михайловского, который в одной из своих статей писал: «Социология должна начать с некоторой утопии» (см. «Записки профана» — Сочинения, т. III, СПб. 1881, стр. 155).

² В статье Михайловского, которую Ленин разобрал в первом выпуске работы «Что такое „друзья народа“...», в качестве основной черты «Отечественных записок» отмечается «изучение народа в его нуждах и чаяниях», производившееся во множестве статей описательного, публицистического и беллетристического характера; главной особенностью этого изучения Михайловский считал его моралистический характер («участливое отношение к народу»). См. «Литературные воспоминания и современная смута», т. I, стр. 345.

жалась народниками не как «столкновение определенных хозяйственных форм», а как «мероприятие начальства, „выбравшего“ по ошибке „неверный путь“». Наконец пореформенная Россия изображалась ими «как уклонение от истинного пути, сопровождающееся бедствиями трудящегося, а не как известная система антагонистических производственных отношений, имеющая такое-то развитие» (I, 309, 310). Все эти особенности народнической социологии покоились, следовательно, на идеалистическом понимании исторического процесса.

В утверждении Михайловского, будто «детерминизм» исключает даже самую возможность обсуждения в литературе вопросов морали, не было ни зерна истины. Отвергая подобные обвинения, Ленин возражал Михайловскому: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю». Точно так же идея исторической необходимости не подрывает столь подчеркиваемую народниками писателями роль личности в истории: «история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей», — писал Ленин, отмечая, что марксисты в отличие от народников выдвигают вопрос о том, «при каких условиях этой деятельности обеспечен успех? в чем состоят гарантии того, что деятельность эта не останется одиночным актом, тонущим в море актов противоположных?» (I, 142). Антиисторической и абстрактной явилась и постановка Михайловским проблемы о «героях» и «толпе», безотносительно к тому, «есть ли это толпа рабочих, крестьян, фабрикантов, помещиков...» (I, 143). Наконец в статье «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)» Ленин показал, что в трактовке Михайловского философское понятие реализма наполняется идеалистическим содержанием. «Народник уверяет, что он — реалист, — писал Ленин. — „Историю делают живые личности“, и я, мол, и начинаю с „чувств“ кустаря, отрицательно настроенного к современному порядку, и с помыслов его об устройстве

порядков лучших, а марксист рассуждает о какой-то необходимости и неизбежности; он мистик и метафизик». В ответ на эти рассуждения народника Ленин разъясняет, что марксист имеет дело с живыми, действительными личностями, с действительными помыслами и чувствами людей и результатами их деятельности, в то время как народник берет за исходный пункт «куклу», которой и начиняет голову «своими собственными „помыслами и чувствами“» (I, 388). Философскую основу субъективной социологии раскрывают слова Ленина: «В философии Михайловский сделал шаг назад от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих (т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные „позитивисты“ (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами» (XX, 100—101).

Принципы «субъективной социологии» народники стремились применить и в области литературной деятельности, что также было отмечено Лениным. В своей работе «Экономическое содержание народничества...» Ленин подверг детальному разбору анонимную статью «Отечественных записок» — «Новые всходы на народной ниве», автор которой, констатируя бурный рост хищной и разоряющей деревню русской буржуазии, предлагал ряд мероприятий для борьбы с ней. При этом в статье указывалось, что «новомещанство» создало уже не только новую нравственность, но и свою литературу. Обращаясь к роли литературы в борьбе с «ватагами новых завоевателей» (то есть с новой буржуазией), автор статьи писал: «Мы не считаем, конечно, влияния литературы совсем бесильным, но для этого она должна: во-первых, лучше понимать свое назначение, действовать дружнее¹ и не ограничиваться одним только воспитанием кулачества, но и будить общественное мнение». Комментируя этот субъективно-социологический подход к литературе, объясняющий ее содержание только личными намерениями автора

¹ Слова «действовать дружнее» пропущены в цитате при печатании ленинской статьи во всех изданиях его сочинений, что затрудняет понимание точного смысла комментариев Ленина к этим словам.

безотносительно к закономерностям общественной жизни, Ленин писал: «Вот уже вам *petit bourgeois* в чистом виде! Если литература воспитывает кулачество, так это потому, что она плохо понимает свое назначение!! И эти господа еще удивляются, когда их называют наивными, когда про них говорят, что они — романтики!» (I, 368). «Наоборот, почтенный г. народник, — продолжал Ленин, — „кулачество“¹ воспитывает литературу — оно дает ей идеи (об уме, энергии, предприимчивости, о естественном шаге отечественной цивилизации), оно дает ей средства». А по поводу слов о том, что литература должна «действовать дружнее», Ленин заметил: «Ваше обращение к литературе так же смехотворно, как если бы кто в виду двух стоящих друг перед другом неприятельских армий обратился к адъютанту неприятельского фельдмаршала с покорной просьбой: „действовать дружнее“. Совершенно то же самое» (I, 368).

Согласно взглядам народников, задача писателя заключается не в том, чтобы выяснить, *как* совершаются общественные явления и *почему* они совершаются, а в том, чтобы *предписать* жизни законы, по которым она „должна“ развиваться. В соответствии с этим задача литературы, по мнению народников, заключается не в том, чтобы быть правдивым отражением жизни, а в том лишь, чтобы «изобретать» пути развития. Именно эта наивно-утопическая точка зрения и лежала в основе призывов народнической критики к литературе «лучше понимать свое назначение». В применении к художественному творчеству «субъективная социология» означала равнодушие к самой жизни и ее противоречиям, подмену изображения действительности — схематическим олицетворением народнических «помыслов».

Несомненно, что принципы «субъективной социологии» нашли отражение и в содержании, и в стиле произведений народников, в той или иной мере стремившихся опозитивировать идеалы патриархального крестьянского уклада, и в форме этих произведений. Так, обилие в повестях и рассказах народников монологов и разного рода публицистических отступлений связано с тем, что для

¹ Это — слишком узкое слово. Надо было сказать точнее и определеннее: буржуазия. (Прим. Ленина.)

писателя-народника, как и для народника-философа, историческое развитие совершается путем осуществления идей «критически мыслящей личности», а не в результате экономического развития и классовой борьбы¹. Поэтому сцены, изображающие однородные явления жизни, как бы нанизываются писателем-народником на стержень определенной избранной им идеи и часто связываются не естественным развитием сюжета, а авторскими рассуждениями.

Связь публицистики и художественной литературы народничества доказывается не только тем, что публицисты и писатели ставили одни и те же проблемы, но и хронологическим совпадением крупнейших беллетристических произведений о крестьянстве и общине с социологическим и статистическим изучением тех же явлений².

Необходимо, однако, отметить, что если бы представители народничества в художественной литературе и критике последовательно проводили принципы «субъективной социологии», то объективная ценность их литературных и критических произведений была бы ничтожна. Но законы отражения жизни в искусстве оказались и здесь сложнее догматов даже у тех из народников, которые стремились быть наиболее последовательными и верными своей доктрине. Как заметил еще Писарев, «... натура художника берет свое, ломает теоретические загородки, торжествует над заблуждениями ума...»³ В разборе статьи анонимного обозревателя «Отечественных записок» Ленин подчеркнул различие между анализом действительности у обозревателя с одной стороны, и у народников-беллетристов — с другой. Обозреватель, стоявший на позициях субъективной социологии, считал причинами роста буржуазии порчу нравов, не видя объективных закономерностей исторического процесса и не проникая, таким обра-

¹ Ср., например, утверждение Грубова в «Борской колонии» Каронина, что мужик живет «чувством должного» и страдает не оттого, что «не удовлетворил своих желаний», а оттого, что «не исполнил какой-то высшей воли» (Каронин, Сочинения, т. II, 1899, стр. 98).

² Совпадение это установлено В. В. Бушем. (См. его «Очерки литературного народничества 70—80 гг.», Л. 1931, стр. 154.)

³ Д. И. Писарев. Сочинения, т. II, 1894, стр. 419.

зом, в сущность явлений. Этому взгляду Ленин и противопоставил изображение капитализации деревни в художественных произведениях писателей народничества. «...Он, — заметил Ленин по адресу обозревателя „Отечественных записок“, — приписывает рост буржуазии грабежу, сметке, лакейству и т. д., тогда как мелкое хозяйство на почве товарного производства превращает в мелкого буржуа самого трезвого, работающего хозяина: у него получают „сбережения“, и силою окружающих отношений эти „сбережения“ превращаются в капитал. Прочтите об этом в описаниях кустарных промыслов и крестьянского хозяйства, у наших беллетристов-народников» (I, 340).

Различие между публицистами и беллетристами народничества имело место по весьма существенным моментам. В то время как в критике и публицистике народники стремились доказать прочность «мира», «общины», «устоев», в это же самое время в художественных произведениях народников изображалось разложение старых, привычных форм жизни и хозяйства, рост классовой борьбы в деревне. Тем самым, вопреки своим намерениям, писатели-народники подтверждали марксистское положение о том, что русская община носит в своих собственных недрах подтачивающие ее элементы. Объективно это положение подтверждал даже Златовратский, который выделялся среди других писателей тенденциозной идеализацией общины и патриархального крестьянского быта. Задавшись целью показать в начале своей работы над романом «Устой», что общинные начала должны восторжествовать («объявится правда, а будет над всем владыка один — мужичок», — как говорит в романе один представитель старой деревни), Златовратский логикой самой жизни вынужден был воспроизвести гибель старого «мира», развитие среди крестьян капиталистического индивидуализма и выделение кулаков. Кулак, «хозяйственный мужичок», эксплуатирующий своих «братьев» — крестьян, ссылается у Златовратского на неизбежность происшедшей перемены, а сам Златовратский, мотивируя изменение своего замысла вхождением «в глубь деревни», признается, что его повесть, «начавшись очень скромным очерком разрушения мирной идиллии маленького поселка» «разрослась как-то сама собой в картину хаотического

брожения целой волости»¹. Так говорится в предисловии к повести, а в тексте ее автор элегически пишет, что старое мерило «добра и зла» неприложимо к жизни, фальшиво и что необходимо «взять в руки новое мерило, если ты не хочешь остаться индифферентным к окружающим тебя болям». Теряясь среди подавляющих его наблюдений процесса капитализации деревни, Златовратский приходит то к признанию «правды» — «умственного мужичка», то есть к идеализации кулачества, то к историческому фатализму. Гибель «устоев» и обострение противоречий между трудом и капиталом несравненно глубже и разностороннее показаны в произведениях Глеба Успенского, Н. Н. Наумова и Н. Е. Петропавловского (Каронина). Последний с большой чуткостью воспроизвел факты двойной эксплуатации деревенской бедноты помещиками и кулаками. Но, как отметил Ленин в связи с разбором одной из типичных статей «Отечественных записок» 70-х гг., марксист «дает иное объяснение тому, что рассказано и пересказано народнической литературой» (I, 374)².

Благодаря законам художественного творчества, вступающим в противоречие с принципами «субъективной социологии», даже статистика, которая, при тенденциозном подходе народнических публицистов, могла быть «подогнана» под их выводы, у народников-беллетристов приобрела образную функцию. Известно, как велик был интерес писателей-народников к статистике. Но, говоря словами Глеба Успенского, «дробь, нули и нулики» начали «под пером беллетристики принимать человеческие образы», притом такие образы, которые никак не подтверждали истинность народнических убеждений, а чаще всего эти убеждения опровергали. Неудивительно, что марксисты широко привлекали художественные произведения

¹ Н. Златовратский. Сочинения, ч. II. Устой (История одной деревни), М. 1884, стр. VII.

² Ленин имел возможность непосредственно сверять народническую литературу с жизнью. В 1889 г. Ленин жил близ Алакаевки (недалеко от Самары), в местах, где раньше жил Гл. Успенский, описавший эти места в своем произведении «Три деревни». В этом же округе была попытка организовать народническую колонию, ту самую, которую Каронин описал в «Борской колонии». О жизни Ленина в Алакаевке см. воспоминания Д. Ульянова и М. Ульяновой — «О Ленине», М. 1934.

народников для иллюстраций своих положений. По этому поводу критик журнала «Мир божий» А. Богданович в своем разборе творчества Каронина (Петропавловского) писал: «...сами народники накопили массу материала, которым „злые“ марксисты только воспользовались для выводов. И странно было бы не воспользоваться, когда эти выводы торчат, как шесты, из всей народнической литературы»¹. Понятно, что эта неожиданная роль народнической литературы в борьбе марксистов с народниками не могла не сердить их теоретика — Н. К. Михайловского. Но его сетования делу помочь не могли. В особенности эффективно было использовано в борьбе против народников творчество Глеба Успенского, которое Ленин высоко ценил за реалистическое проникновение в сущность происходивших в деревне процессов.

В одной из своих статей Н. К. Крупская вспоминает: «Плеханов как-то писал, что таких писателей как Успенский надо изучать так же внимательно, как статистические данные, писал, что это говорящие факты живой действительности. Я помню, как об этих словах говорил Владимир Ильич, как много черпал он сам из литературы всегда и особенно в молодые годы, как много дала ему литература для понимания позиции людей»².

Соглашаясь с той оценкой особого места Глеба Успенского в народничестве 70-х гг., которую дал И. А. Гурвич³, Ленин приводит следующие слова последнего: «Народник 70-х годов — очень метко говорит Гурвич — не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между „эксплуататором“ — кулаком или мироедом — и его жертвой, крестьянином,

¹ А. Богданович]. Критические заметки. «Мир божий», 1898, кн. XI, стр. 12.

² Крупская подразумевает здесь, несомненно, следующие слова Плеханова из его статьи об Успенском, напечатанной в 1888 г. в сб. «Социал-демократ»: «Произведения наших народников-беллетристов надо изучать так же внимательно, как изучаются статистические исследования о русском народном хозяйстве...» (Плеханов. Сочинения, т. X, стр. 15—16).

³ И. А. Гурвич (1860—1924) — автор ряда экономических исследований, которые Ленин оценил как «прекрасные» и «превосходные» (см. III, 149, 150).

пропитанным коммунистическим духом. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще» (I, 237—238). В ряде случаев, когда Ленин говорит об индивидуализме как основе экономических отношений между крестьянами, он делает ссылку на Успенского. В статье «Экономическое содержание народничества» Ленин пишет: «Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне), — то „нравственность“ его неизбежно уже будет „основана на рубле“, и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями». К этим своим словам Ленин делает сноску: «Ср. Успенского» (I, 357). За иллюстрациями к Успенскому отсылает Ленин читателя и в статье «Капитализм в сельском хозяйстве», говоря о том, что «фанатизм собственников», их изолированность, крайне слабое развитие солидарности и дисциплины мешают мелкому производителю перейти к коллективному производству (см. IV, 106). Естественно, что в книге Ленина «Развитие капитализма в России» (1899) наблюдения и характеристики Успенского подкрепляют выводы об эволюции крестьянства. Ленин ссылается на «Деревенский дневник» Успенского, отмечая «полное преобразование капитализмом старинного типа патриархального земледельца, полное подчинение последнего „власти денег“» (III, 265).

Сила реалистического изображения жизни настолько подавляла в творчестве Успенского его склонность к народнической идеализации, что даже в тех местах России, где старинные патриархальные нравы сохранились в наибольшей степени, писатель вскрывал новые тенденции. Так, имея в виду «Письма с дороги» Успенского, Ленин в «Развитии капитализма в России» писал о Кавказе: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином,

фабрикантов пшеницы и табаку, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея...» (III, 521). Наконец в той же книге Ленин отмечает дальнейшее обнищание крестьян, которое в свое время было символизировано Успенским в знаменитом очерке «Четверть лошади». На основе анализа соответствующих статистических данных Ленин приходит к выводу: «Лошадь однолошадного крестьянина, это — настоящая „живая дробь“, правда все-таки не „четверть лошади“, а целых „двадцать семь пятьдесят вторых“ лошади!» (III, 129). Острота наблюдательности часто приводила Успенского к выводам, к которым приводили и научные исследования, и недаром в одном из своих экономических отрывков Ленин указывает на близость изображения Успенским капиталистических отношений в деревне взглядам Энгельса¹. Часто Ленин пользуется в своих работах символическим образом Успенского «господин Купон» и его же обобщающей психологию мелкого производителя формулой «власть земли».

Реалистические черты литературы народничества, которые объективно содействовали победе марксистского понимания совершавшихся в деревне процессов, а также пронизательная критика в произведениях Успенского, Каронина, Наумова и др. противоречий между трудом и капиталом — все это дает основание применить к оценке народнической литературы слова Ленина о том, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс» (XVIII, 330). Отношение Ленина к творчеству Успенского является примером такого марксистского подхода к литературе народничества. И только вследствие непонимания действительного значения ленинского анализа народнической литературы, критики и публицистики В. Буш в своей работе заявил, что в статьях Ленина о народничестве «литературному народничеству не уделено внимания»².

¹ «Воззрения Энгельса — Ср. Успенского (в одно слово с Энгельсом) (Три очерка)». Ленинский сборник, XIX, стр. 279.

² В. Буш. Очерки литературного народничества 70—80 гг., Л. 1931, стр. 159.

Особенно удивляет это категорическое заключение, если учесть, что В. Буш подчеркивает теснейшую связь литературы народничества с народнической публицистикой. Однако он совершенно не обратил внимания ни на анализ Лениным литературной деятельности Михайловского, ни на ленинскую оценку методологического подхода народников к вопросу о генезисе литературных явлений, ни на другие важнейшие ленинские замечания.

Итак, представители народничества в своих художественных произведениях вышли далеко за рамки «субъективной социологии». Можно ли то же сказать и относительно народнической литературной критики? Изучение критической деятельности Михайловского позволяет утверждать, что в отдельных случаях вывод этот может быть отнесен и к литературно-критическим статьям Михайловского.

Наиболее ценные наблюдения и выводы в статьях Михайловского о русской литературе являются следствием суждения о тех или иных произведениях не с позиций «субъективной социологии», а с точки зрения соответствия содержания этих произведений фактам самой жизни. Именно благодаря этому статьи Михайловского, критикующие реакционную литературу, имели такое большое значение в общественно-литературной борьбе 70-х гг. Любопытно, что наиболее трезвый, реалистический подход Михайловский обнаруживал в критике произведений, возвеличивающих образы русской буржуазии (например в разборе романа Боборыкина «Китай-город»). Что же касается статей Михайловского о народнической литературе, то здесь он намного отстает от народников-беллетристов. Его отзывы о них, правда, далеки от вульгарной апологетики. Так, например, в рецензии на сочинения Златовратского Михайловский ставит в заслугу этому писателю его отличие «от тех публицистов-идеалистов», которые воображают, что весь деревенский мир преисполнен идеальных совершенств и что «где есть община, там и рай земной». «Напротив того, — пишет далее Михайловский, — г. Златовратский утверждает, что исконные народные идеалы в чистом и неискаженном виде встречаются очень редко, что они непременно затмеваются, гаснут и что различные враждебные влияния грозят

совсем искоренить их из народного сознания»¹. Но этим безоговорочным обособлением Златовратского от «публицистов-идеалистов» Михайловский затушевывал имеющиеся в творчестве этого писателя черты реакционной идеализации деревни. В то же время Михайловский намеренно замалчивал реалистическое содержание творчества Глеба Успенского как критика народнических иллюзий и рассматривал его произведения с точки зрения абстрактно-моралистической, — поисков «гармонии» человеческой личности и мучений «уязвленной совести» и «оскорбленной чести». Так и в этом случае обнаружилась отмеченная Лениным особенность мышления социолога-субъективиста, который, «начиная свое рассуждение якобы с „живых личностей“, на самом деле начинает с того, что вкладывает в эти личности такие „помыслы и чувства“, которые он считает рациональными (потому что, изолируя своих „личностей“ от конкретной общественной обстановки, он тем самым отнял у себя возможность изучить *действительные* их помыслы и чувства), т. е. „начиная с утопии“...» (I, 385).

II

Наступление новой полосы в историческом развитии России отразилось в русской критике переоценкой ценностей идейного и литературного наследия прошлого.

С начала 80-х гг. в прессе возникают ожесточенные споры о наследстве 60-х гг., печатаются декларации о «верности» наследству или отказе от него. Отношение к идеям 60-х гг. становится моментом, определяющим содержание того или иного общественного или литературного направления. Достаточно вспомнить, какой широкий резонанс имела печально-знаменитая декларативная статья Н. Минского «Старинный спор», напечатанная в киевской газете «Заря» 24 июля 1884 г. Эта статья ознаменовала начало похода литературной реакции на идеи революционного

¹ Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч., т. X, изд. 2-е, СПб. 1913, стр. 990—991. (Впервые рецензия была напечатана в «Отечественных записках», 1884, кн. III.)

просветительства 60-х гг. Основные положения своей декларации Минский воплотил и в стихотворной форме:

..подвиг ваш, друзья, бесследно пропадет,
Своей карающей рукой вы были сами,
Вы дерзко презрели искусство, божество:
Им долго не простить позора своего...¹

В 1891 г. в «Московских ведомостях» появилась статья В. Розанова «Почему мы отказываемся от наследства?» В 1897 г. с книгой «Русские критики», в которой была поставлена задача «развенчать» русскую революционно-демократическую критику 40—60 гг., выступил А. Волинский, ранее напечатавший ее в виде отдельных очерков в «Северном вестнике». В этой декадентской книге, вызвавшей гневную отповедь Плеханова в «Новом слове», Белинский предавался поруганию за критику гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями», Добролюбов обличался в отсутствии художественного чутья, а Чернышевский побивался... доводами Юркевича. Так возрождался на новом этапе и с большей остротой действительно «старинный спор». Ругать, хотя бы походя, классиков революционно-демократической мысли стало модой в буржуазно-дворянской критике и публицистике.

Но далеко не все из литераторов, клявшихся в своей верности «наследству», на самом деле были ему верны. Нытье об «утерянных» идеалах часто прикрывало не только бессилие, но и нежелание бороться за эти идеалы. Цитируя из одной статьи «Русского богатства» слова о том, что литература должна приветствовать людей, которым надоело сидеть за ломберными столами и которые не сторонятся даже должности «земского начальника», ибо хотят сделать «активную попытку к добру», — цитируя эти слова деградировавшего к либерализму народника, Ленин возмущенно писал: «И подобные господа толкуют об „идеалах отцов“, претендуют на то, что они, именно они хранят традиции тех времен, когда Франция разливала по всей Европе идеи социализма — и когда восприятие этих идей давало в России теории и учения Герцена, Чернышевского» (I, 245). Понятие «отцов» и «детей» в применении к легальным народникам получило

¹ Н. Минский. Стихотворения (без года), стр. 41—42.

новое содержание: «дети» становились буржуазными реформаторами. И любопытно, что, набрасывая план статьи с характерным заголовком «Народничающая буржуазия и растерянное народничество», Ленин один из ее разделов озаглавил: «Отцы и дети»¹.

Как уже отмечено выше, Ленин подчеркивал, что и среди народников были люди, далеко не одинаково относившиеся к «наследству». Он отличал среди них людей, «желающих хранить наследство», от тех народников, «которые отказывались от наследства с наибольшей решительностью» (II, 495). В качестве представителя последних Ленин называет Юзова. Характерно, однако, что и Юзов, реакционный народник, проповедовавший полный застой в общественной жизни и обличавший Михайловского в «нравственной тупости» за его защиту просвещения, — характерно, что и он стремился создать видимость «уважения» к «наследству». С этой целью он пытался снизить «наследство» до своего уровня, заявляя: «шестидесятые годы были не лучше нашего времени... все нападки на это последнее обусловлены обычными идеализированием прошлого». И тут же Юзов с апломбом заявлял: «... несомненно, что в большинстве умственных областей мы оставили за собой людей сороковых и шестидесятых годов»².

Все это свидетельствует о том, насколько обманчивыми могли быть декларации о верности «наследству». Да и самое понятие «наследство» требовало уточнения. Народники 90-х гг. отождествляли революционно-демократическое просветительство 60-х гг. с течением, которое они представляли. Между тем, как отметил Ленин, и правые народники (вроде Юзова или Абрамова) и Волынский «накидывались на просветителей вообще» (II, 495), а не на современных народников.

Вопросу о «наследстве», о его исторических судьбах и об отношении к нему народников и марксистов Ленин посвятил свою статью «От какого наследства мы отказываемся?» (1897). Статья эта, написанная в ссылке, является ответом на обвинения «учеников» в отходе от

¹ Ленинский сборник, VII, стр. 242.

² И. Каблиц (И. Юзов). Основы народничества, ч. II, изд. 2-е, СПб. 1893, стр. 461—462.

«наследства», обвинения, которыми буквально пестрели статьи народнических публицистов. О том, что «ученики» обрывают традиции прогрессивных течений русской общественной мысли, писал еще в 1894 г. В. В. на страницах «Недели» в статье «Немецкий социал-демократизм и русский буржуазизм». Тогда же это вздорное обвинение высказал в «Русском богатстве» и Михайловский, повторив его затем неоднократно. Так, в январской книжке этого журнала Михайловский писал о «попрании „учениками“ отцовских идеалов», что вызвало следующий ответ ему Н. Е. Федосеева, одного из первых русских марксистов, высоко ценимого Лениным¹:

«Вы говорите, что мы „попираем отцовские идеалы“. Этого нет и не может быть! С нашей стороны нужно быть кретинами и нравственными квазимодо, чтобы „попытать“ идеалы Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Салтыкова, Н. К. Михайловского!² Мы сами учились по литературным произведениям этих писателей... Мы дорожим этими именами, как самым лучшим, драгоценнейшим достоянием русской мысли!.. Но что ж нам делать, когда „отцы“ или отступили назад, или ничего не хотят знать нового, не хотят понять новой жизни и ее мучительных запросов, а только мечут громы и молнии против тех, кто должен был сделать шаг вперед, вынужденный к тому изменившимися условиями самой жизни?»³ И в самом деле, «отцы» в лице позднейших народников «отступали» назад также и в оценке литературного наследия. Они желали «хранить» его, не задумываясь над тем, чтобы обнаружить в нем потенции, связанные с будущим, а не только с прошлым, обратить это наследие к сегодняшнему дню.

Но Михайловский не унимался, продолжая утверждать свое. В частности, в 1897 г. «Русское богатство» в ряде статей вновь стало развивать ту же самую мысль. Михайловский в статье, напечатанной в октябрьской книжке этого года, уже в который раз клеветнически заявил, что «ученики» «не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наслед-

¹ О Н. Е. Федосееве см. у Ленина, т. XXXIII, стр. 414—415.

² Федосеев имеет в виду, конечно, литературную деятельность Михайловского 70-х гг.

³ Письмо Федосеева Михайловскому от 10—19 марта 1894 г. (опубликовано в «Литературном наследстве», т. 7—8, 1933, стр. 200).

ства» (стр. 179). В августовской и сентябрьской книжках журнала Гриневиц (П. Ф. Якубович) и в той же октябрьской Михайловский пытались подкрепить это свое «обвинение» ссылками на поэзию Льдова и некоего М. М.: первый из этих поэтов выражал в своих стихах презрение к «гражданской скорби», второй также лепетал что-то в этом духе и приветствовал капитализм, но оба, разумеется, к «ученикам» никакого отношения не имели. По этому поводу Ленин в одной из своих статей иронически заметил, что «... господам Гриневицам и Михайловским приходится — для того, чтобы найти примеры чудовищно глупых выводов из враждебной доктрины — копать в навозной куче российской стихотворной макулатуры» (II, 429—430). Но вся эта «обличительная» кампания требовала отпора, да и вопрос об отношении русских марксистов к наследству требовал теоретической разработки. Тогда же, в последние месяцы 1897 г., Ленин и написал свою статью «От какого наследства мы отказываемся?»

В качестве представителя «наследства» Ленин рассматривает в своей статье Скалдина, автора серии публицистических очерков под заглавием «В захолустьи и в столице», печатавшихся в 1867—1869 гг. в «Отечественных записках» и изданных в 1870 г. отдельной книгой. Было бы естественно, если бы Лениным был выбран для примера Чернышевский, «русский великий социалист домарковского периода» (XXXI, 52), но Ленин взял в качестве типичного представителя просветительства Скалдина, а не Чернышевского, как известно, потому, что свою статью он предназначал для легальной печати. Кроме того, Ленин писал статью в сибирской ссылке, где сочинений Чернышевского у него не было.

Обо всем этом Ленин сообщил в письме к Потресову 26 января 1899 г. (см. XXXIV, 8—11). Из-за отсутствия книжной и журнальной литературы Ленин пользовался не первопечатным текстом очерков Скалдина в «Отечественных записках», а отдельным изданием их¹. Наконец, по той же причине Ленин не мог получить, что тоже им оговорено, никаких историко-литературных сведений и биографических данных о Скалдине (см. II, 463).

¹ Это Ленин оговаривает специально в разборе книги Скалдина.

«От какого наследства мы отказываемся?» было написано в конце 1897 г., а пересматривая в конце 1898 г. эту работу для своего сборника «Экономические этюды и статьи», Ленин в специальном примечании отводит возможные возражения о том, что «... Скалдин не типичен для 60-х годов по своей вражде к общине и по своему тону. Но дело тут вовсе не в одной общине, — пишет Ленин. — Дело в общих всем просветителям воззрениях, которые разделяет и Скалдин. Что же касается до его тона, то он действительно, пожалуй, не типичен по своей спокойной рассудительности, умеренности, постепенности и т. д. Недаром Энгельс назвал Скалдина *liberal-konservativ*. Однако, взять представителя наследства с более типичным тоном было бы, во-1-х, неудобно по разным причинам, а, во-2-х, могло бы породить недоразумение при параллели с современным народничеством. По самому характеру нашей задачи, *тон* (в противоположность пословице) *не делает музыки*, и не типичный тон Скалдина тем резче выделяет его „музыку“, т. е. содержание его взглядов. А нас только это содержание и интересует» (II, 473). Различие в «тоне» между Скалдиным и Чернышевским, различие, о котором Ленин осторожно говорит в подцензурной статье, весьма существенно: «тон» Чернышевского — это тон революционера, убежденного в том, что только революция сможет осуществить народные чаяния, «тон» Скалдина — это тон писателя, считающего, что все необходимые меры по ликвидации остатков крепостничества во всех областях общественной жизни можно осуществить мирным путем.

Однако при всех этих особенностях Скалдина его книга представляет собой выдающееся явление в публицистике конца 60-х и начала 70-х гг. Нельзя считать правильным, что литературоведы не проявили никакого интереса к Скалдину и его книге только потому, что Ленин был вынужден взять его как представителя «наследства» по цензурным условиям. Ведь Ленин все же дал книге Скалдина весьма высокую оценку. Характеристику Энгельсом Скалдина как *liberal-konservativ* следует отнести к так называемой «положительной» политической программе этого писателя, а никак не к той суровой и правдивой картине положения крестьянства и не к тому обличению дореформенных общественных отношений, которые даны

в его очерках. В критике современных ему порядков Скалдин отразил то свойственное просветителям «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян», которое Ленин и отметил в своей статье¹ (II, 472). Именуя Скалдина «буржуа-просветителем», Ленин подчеркивает, что во взглядах буржуазных просветителей на Западе в XVIII в. или в России от 40-х до 60-х гг. «никакого своекорыстия... не проявлялось; напротив, и на Западе и в России они совершенно искренно верили в общее благоденствие и искренно желали его, искренно не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырастал из крепостного» (II, 473). Исходя из всего этого, следует остановиться на тех особенностях книги Скалдина, которые привлекли к ней внимание Ленина и дали ему основание рассматривать ее как один из литературных памятников «наследства» 60-х гг.

Книга Скалдина открывается предисловием, характеризующим умение автора очень точно доводить до читателя свои мысли в подцензурной, эзоповской форме (умение, столь характерное для публицистики 60-х гг.). Предисловие резко противопоставляет «провинцию» («деревню», уточняет Ленин) «столице», намекая таким образом на противоречия между интересами народа и государственной системой. Эта именно система и символизирована в понятии «столица». «Все деятельные силы народной жизни, — пишет Скалдин, — были притянуты к столице и завязаны там в крепкий узел. Оттого и плоды нашей гражданской и духовной жизни в эти полтора года лет были так скудны и ничтожны»². Между тем, по мнению Скалдина, совершившиеся в России «перемены» (то есть реформа 1861 г.) способствовали осознанию того, что «центр тяжести русской жизни находится не в столице, а в провинциях». Времена переменились: «Не далее пятнадцати лет тому назад в России никто еще не думал, чтобы ум, некоторая доля свободной воли и забот о собственном благосостоянии могли принадлежать нашим провинциям независимо от столицы. Талантливейшие из наших писателей видели в русской провинции только

¹ В другом месте Ленин отмечает, что Скалдин отличается «выдержанной защитой интересов крестьян» (II, 469).

² Скалдин. В захолустьях и в столице, СПб. 1870, стр. 2.

поприще для походов разных Онегиных, Чацких, Чичиковых, Куролесовых, Гамлетов Щигровского уезда и тому подобных»¹. Теперь же в наших провинциях совершается «глубокий переворот в понятиях, взаимных отношениях, в самом образе жизни сословий», происходят «брожение, разломка и перестройка». Автор не дает ответа на поставленный им же вопрос о том, изменит ли «русская провинциальная жизнь» своим могучим стремлением «политические судьбы России», и осторожно отмечает, что он хочет, «не предупреждая событий», «подвести частные итоги под некоторые из явлений нашей провинциальной жизни»². Но, как показал Ленин, эти итоги далеко не носили «частного» характера, а касались самых животрепещущих вопросов. По поводу названия своей книги Скалдин несколько неожиданно замечает, что «повествовать о деяниях столичного мира» не входило в его намерения. Мотивирует он это следующим образом: «Если кто пожелал бы спросить — почему? — то автор позволяет себе ответить словами одного древнего греческого писателя, который, будучи вопрошаем, почему он ничего не пишет о своем времени и своем родном городе, отвечивал: «того, что мог бы, не хочу, а того, что хотел бы, не могу»³. Так писатель, впоследствии ставший членом Главного цензурного комитета, объяснил невозможность осуществления своих желаний цензурными условиями. . . Но в период писания своих очерков Скалдин выступал в роли просветителя-демократа и заголовком своей книги «В захолустьи и в столице» он выразил вполне определенную мысль, а именно мысль о зависимости ужасающего состояния деревни от существовавшей тогда политической системы.

Книга Скалдина, основанная на непосредственных наблюдениях тогдашней деревни, проникнута горячей ненавистью к крепостному праву и его остаткам, ко всем защитникам старины, к сонму «книжников и фарисеев», переносящих «суеверие и нетерпимость» из области религии «на предмет политики и гражданской жизни». Он стоит за реалистическое и критическое отношение к совре-

¹ Скалдин. В захолустьи и в столице, СПб. 1870, стр. 1.

² Там же, стр. 3, 4, 5.

³ Там же, стр. 8.

менности, обличая реакционеров, вещающих во избежание «колебания общественного порядка»: «не подходи, не прикасайся, не говори!»¹ «Скалдин, — писал Ленин, — был едва ли не первым писателем, систематически, на основании обширных фактов и подробного рассмотрения всей жизни деревни, показавшим бедственное положение крестьян *после* проведения реформы, ухудшение их быта, новые формы их экономической, юридической и бытовой зависимости, — одним словом, показавшим все то, что с тех пор так обстоятельно и детально было показано и доказано многочисленными исследованиями и описаниями» (II, 463). Отмеченная Лениным «*трезвость*» «в воззрениях Скалдина на крестьянскую реформу» (II, 463) сказалась и в том, что, оценивая ее последствия, он оправдывает ненависть крестьян к помещикам пословицей «как аукнется, так и откликнется»: «Встречая и теперь, при первых шагах своей гражданской жизни, недружелюбные и притязательные действия со стороны помещиков, крестьяне не имели еще ни времени, ни повода забыть горечь чувств, накипавшую у них долгими годами против их властителей»².

В обстановке борьбы с народниками Ленин, несомненно, обратил внимание на то, что Скалдин не склонен принимать теорию «критически-мыслящей личности» и вообще в вопросе о роли личности в истории оставляет за собой далеко позади программные установки «Отечественных записок» в целом, Михайловского в частности. На страницах 29—32 Скалдин специально останавливается на вопросе о роли личности, осуждая обыкновение «искать завязку и развязку событий только в некоторых личностях» и утверждая, что события «движутся вперед не столько влиянием отдельных умов и волей, сколько взаимодействием множества переплетенных между собою сил, нравственных, общественных и естественных», имеющих основание «в толще народного организма». Не отрицая роли всяких «реформистов», Скалдин отмечает, что они «действуют не по случайному вдохновению или капризу», а под напором «множества предшествующих обстоятельств», под напором «вопросов, созревших до

¹ Скалдин. В захолустьи и в столице, СПб, 1870, стр. 451.

² Там же, стр. 451.

своего разрешения, и тяготением требований, доведенных до последней необходимости своего удовлетворения»¹. В соответствии с этими своими взглядами Скалдин иронически относится к легенде о «доброй воле» помещиков в проведении реформы, констатируя «нерасположение» большинства поместного дворянства к реформе («помещики не могут забыть, что новые порядки начались значительным уменьшением их достатков и их личного влияния»²) и вновь подчеркивая, что в осуществлении реформы «главная заслуга принадлежит не личностям, а прогрессивному духу времени, заставляющему часто отдельные личности действовать наперекор их прирожденным понятиям»³. «Дворянство доселе не может примириться с этим фактом» (то есть реформой), а исполнители реформы из среды дворянства действовали, по мнению Скалдина, вовсе не думая «о добровольном пожертвовании... в пользу гуманных идей века»⁴.

Описание Скалдиным либеральных заигрываний с крестьянами путем устройства балов для «сближения с народом» полно едкого сарказма. Но вместе с тем и сам Скалдин делает отступление к либерализму — и в своих словах о «резких выходках», «мальчишеской литературе» (стр. 33), и своим призывом к правительству пойти до конца по пути европеизации России во избежание «внутреннего кризиса», то есть революционного переворота (стр. 325—326). Характерно, однако, что, отвергая революционные методы борьбы, Скалдин одобрительно относится к критической обличительной деятельности революционных писателей, которые «выражали столько ненависти и раздражения, накопивших в груди народа в течение долгих лет, и произносили за него последнее слово»⁵. В своем разборе книги Скалдина Ленин отмечает обстоятельные, сильные и резкие обличения остатков крепостного права, «оставившего в наследство отработки, оброки, обрезки земель, личную бесправность и оседлость крестьян» (II, 470). Ленин сочувственно отметил те места

¹ Скалдин. В захолустьи и в столице, СПб. 1870, стр. 29, 30, 31.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 19.

⁴ Там же, стр. 19.

⁵ Там же, стр. 327—328.

книги Скалдина, в которых последний называет дореформенных русских крестьян *glebae adscripti*¹ и «оседлыми пролетариями» и, констатируя их фактическую закрепощенность, возмущенно восклицает: «Где же признаки гражданской свободы, когда крестьянин не может располагать ни своим местопребыванием, ни родом своих занятий?»² Согласно ленинской характеристике, Скалдин выступает в своей книге как «ярый враг круговой поруки», «патриархальной власти „мира“ в крестьянстве» (II, 466), как «противник сословности», «защитник единства суда для всех сословий», «горячий сторонник народного образования» и т. д. (см. II, 471—472). Именно эта черта взглядов Скалдина дала Ленину основание заявить, что «общий „просветительный“ характер „наследства“ 60-х годов выражен им достаточно ярко» (II, 472). Попутно Ленин отмечает «чисто буржуазные», «манчестерские» черты идеологии Скалдина, «писателя вообще чрезвычайно умеренного» (II, 464). Но, выдвигая вперед, в соответствии с задачами своей работы, содержание взглядов Скалдина, связывающее его с просветителями 60-х гг., Ленин на основе этих своих характеристик сформулировал свои известные положения об идеологии «просветительства» 60-х гг.

Первая характерная черта «просветителя» — это горячая вражда к «крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области». «Вторая характерная черта, общая всем русским просветителям, — горячая защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России. Наконец, третья характерная черта „просветителя“ это — отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян (которые еще не были вполне освобождены или только освобождались в эпоху просветителей), искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому. Эти три черты, — заключает Ленин, — и состав-

¹ *Glebae adscripti* — крестьяне эпохи древней Римской империи, закрепленные на определенных земельных участках и не имевшие права уходить с них ни при каких условиях.

² Скалдин. В захолустьи и в столице, СПб. 1870, стр. 132.

вляют суть того, что у нас называют „наследством 60-х годов“, и важно подчеркнуть, что *ничего народнического в этом наследстве нет*» (II, 472).

Будущий меньшевик Потресов в отзыве об этой работе Ленина упрекал его чуть ли не в том, что он якобы предлагает принимать наследство 60-х гг. именно от Скалдина. На это Ленин в ответном письме Потресову писал: «. . . ведь принимать наследство от Скалдина именно я нигде не предлагаю. Что принимать наследство надо от других людей, — это бесспорно. Мне сдается, что защитой (от возможных нападений противников) для меня будет примечание на стр. 237¹, где я имел в виду именно Чернышевского и мотивировал причины неудобства взять его для параллели» (XXXIV, 8). Вскоре Ленин убедился, что он был прав, опасаясь за судьбу своей статьи при прохождении ее через цензуру. Статья Потресова «О „наследстве“, и „наследниках“», напечатанная в 1899 г. в апрельской книжке «Начала», была вырезана цензурой, так как в ней говорилось о Чернышевском². При этом следует отметить, что хотя Потресов и взял в качестве типичных представителей «наследства» Чернышевского, Добролюбова и Щедрина, его «концепция» целиком укладывалась в схему народнической историографии, несмотря на то, что декларировала в качестве своей задачи защиту позиций «учеников» в этом вопросе.

Статья Потресова «О „наследстве“ и „наследниках“» не содержала прямой полемики с ленинской постановкой вопроса о наследстве, но, по существу, была направлена против нее и выдвигала иное, неправильное понимание наследства. Отличие задач своей статьи от ленинской сам Потресов определил следующим образом: «Вл. Ильин в своей недавно вышедшей весьма интересной и ценной книжке „Экономические этюды и статьи“ одну из статей посвятил вышеназванному вопросу, а именно — статью „От какого наследства мы отказываемся?“. Во многом соглашаясь с ее автором, мы считаем полезным подойти к той же теме, так сказать, с другого конца и наметить — только наметить — *некоторые вопросы, могущие, по на-*

¹ См. выше, стр. 82 нашей работы. — Б. М.

² Перепечатана в книге: А. Н. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, СПб. 1906, стр. 73—109.

шему мнению, пролить свет на состояние нашей современной журналистики. Мы озаглавили бы нашу тему так: *какое наследство мы принимаем?* В самом деле, что такое наследство 60—70-х годов?»¹. Но на самом деле Потресов расхохотался с Лениным по данному вопросу, о чем он не сказал здесь прямо, но что грубо и резко выразил позже в другой своей статье — «О кружковом марксизме и об интеллигентской социал-демократии»².

В потресовском понимании наследства 60-х гг., изложенном в статье «О „наследстве“ и „наследниках“», сказался антимарксистский вульгарно-социологический подход, приводящий к ограничению роли просветительства лишь субъективно-классовыми целями его представителей. В то время как Ленин, анализируя «наследство», исходил из того, в какой мере во взглядах «просветителей» отразилось настроение угнетенных масс, Потресов определяющим моментом их деятельности считал принадлежность к числу «разночинцев». Согласно точке зрения Потресова, не горячее сочувствие народу и защита его интересов руководили Чернышевским и Добролюбовым, а сознание ими своей социальной беспомощности в качестве разночинцев: «„Разночинец“ чувствует свое бессилие в качестве самостоятельного общественного слоя, он ищет поэтому точку опоры для осуществления своих заветных целей; ищет ее в низинах социальной лестницы, где так же страдают, как и он; он становится „народолюбив“»³. Ограничивая характеристику представителей 60-х гг. категорией «разночинства», Потресов пришел к выводу, который мог бы принять и Михайловский, всегда рассматривавший общественных деятелей с точки зрения субъективной обусловленности их действий, а не с точки зрения отражения в их взглядах интересов определенных классовых сил. Таким образом направленность потресовской статьи против народников оказалась чисто условной, ибо и народники 90-х гг. принадлежали к разночинцам и прямо заявляли о своем стремлении найти «точку опоры в массах».

¹ А. Н. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, стр. 76—77.

² Там же, стр. 253—313.

³ Там же, стр. 91—92.

В потресовской статье о «наследстве» и «наследниках» содержится скрытая полемика по всем основным пунктам ленинской концепции просветительства 60-х гг. Выше мы цитировали ленинское определение, указывающее три характерные черты наследства. В противовес этому определению Потресов отмечает *также* три черты, но иного содержания: «...на наш взгляд, общественную физиономию „разночинца“ характеризуют следующие черты:

1) *Отщепенство* — в связи с скептическим отношением к „дарам“ современных „данайцев“, в связи с недоверием ко всему, что, наряженное в костюм „народолюбия“, является по существу не чем иным, как известной тактикой определенных общественных классов.

2) *Свободолюбие* — последовательная критика современной действительности, ненависть к „практике компромиссов“.

3) Потребность найти точку опоры в массах — то *народолюбие*, о котором мы ранее говорили»¹.

Последний пункт с особенной ясностью обнаруживает полемическую направленность против ленинского определения. Для «просветителя», как указывает Ленин, характерны «... отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян... искренняя вера в то, что отмена крепостного права и его остатков принесет с собой общее благосостояние, и искреннее желание содействовать этому» (II, 472). Согласно же мнению Потресова, переход просветителей на позиции народных масс продиктован субъективными классовыми целями разночинца, его потребностью «найти точку опоры в массах». Характерно и сомнительное словечко «народолюбие», которое в данном случае использует Потресов. После этого понятно, что жизнеспособность наследия 60-х гг. он ограничивает лишь тем временем, «пока социальное положение „разночинца“ или его исторического преемника будет порождать „отщепенство“ и всю ту психологию, о которой мы выше упоминали»². Тем самым Потресов отрицал глубокую и органическую связь наследия 60-х гг. со всем последующим

¹ А. Н. Потресов (Старовер). Этюды о русской интеллигенции, стр. 100

² Там же, стр. 105.

развитием русской общественной мысли, в которой понятия «разночинство» и «отщепенство» уже совершенно утратили всякое реальное содержание.

Свои методологические принципы, примененные при анализе книги Скалдина, Ленин в дальнейшем развил, оценивая письма «Из деревни» Энгельгардта, печатавшиеся ежегодно с 1872 по 1882 г. в «Отечественных записках», а в 1882 г. вышедшие отдельной книгой. А. Н. Энгельгардт (1832—1893) — известный народнический публицист, прославившийся в пору увлечения интеллигенции «хождением в народ» опытами постановки своего хозяйства и мечтами о том, чтобы «сесть на землю». Письма «Из деревни», в живой и яркой форме описывающие быт крестьян и помещиков, содержащие глубокие наблюдения над процессами, происходившими в крестьянстве 70—80-х гг., пользовались, как отметил Ленин, «прочной симпатией читающей публики» (II, 474) и дважды переиздавались: в 1885 и 1897 гг.¹ По воспоминаниям одного из современников Энгельгардта, при опубликовании первого же письма «Из деревни» на автора «тотчас же все обратили внимание. С ним одни соглашались, другие нет, но его читали все, всех оно волновало, как это бывало всегда с произведением из ряда вон»². Идея создания этих писем, как сообщил сам Энгельгардт, была дана ему Щедриным. Письма «Из деревни» были известны Марксу, и отдельное издание их содержит его пометки³.

Несмотря на то, что Энгельгардт — народник, Ленин не ограничивается рассмотрением его книги только с точки зрения народнических симпатий автора, а прежде всего стремится обнаружить в его описаниях деревенской жизни черты объективного отражения действительности. Книга

¹ В 1937 г. эта книга издана Соцэргизом. Отметим, что в сатирических зарисовках «заботы о мужике» со стороны начальства и «интеллигентных людей» (см., например, на стр. 398 понравившееся Ленину место, где говорится, что если о мужике не позаботиться, то «он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет») сказалось несомненное влияние Щедрина.

² Сергей Атава. Золотая книга, «Новое время», 1882, № 232.

³ См. сообщение о русских книгах в библиотеках Маркса и Энгельса («Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», книга IV, 1929, 417—418).

Энгельгардта относится к жанру художественной публицистики. «Энгельгардт, — пишет Ленин, — гораздо талантливее Скалдина, его письма из деревни написаны несравненно живее, образнее. У него нет длинных рассуждений солидного автора „В захолустьи и в столице“, но зато у него гораздо больше метких характеристик и других образов» (II, 474). Энгельгардт, по словам Ленина, «человек замечательной наблюдательности, безусловной искренности, человек, превосходно изучивший то, о чем он говорит» (II, 475).

Тематика писем Энгельгардта очень широка: картины хозяйственной жизни крестьян перемежаются с картинами деревенского быта, имеющими первостепенный этнографический интерес, образы помещиков и «маниловского» и «собакевического» склада сменяются типическими образами крестьян: и «хозяйственных мужичков», и «обездоленных горемык» (которых доведенная до крайнего предела нищета приводит к философии: «помер — все же легче»), и просыпающихся к активному протесту смутьянов, и наивных мечтателей, ожидающих, что скоро «будут равнять землю» и что царь каждому даст «долю в общей земле».

Избранная Энгельгардтом форма писем давала широкий простор и для чисто художественных зарисовок и для отступлений как публицистического, так и лирического характера. Конкретное, образное воспроизведение окружающей жизни обусловило в книге Энгельгардта столь частое для писателей прошлого противоречие между взглядами автора и его образами. Констатируя, что с просветителями 60-х гг. Энгельгардта сближает реалистическая трезвость взглядов, беспощадная критика «устоев», простая и прямая характеристика действительности, Ленин замечает: «Народничество Энгельгардта, будучи выражено чрезвычайно слабо и робко, находится поэтому в прямом и вопиющем противоречии с той картиной *действительности* деревни, которую он нарисовал с такой талантливостью. . .» (II, 475).

В книге Энгельгардта не было идеализации крестьянина и его общины: индивидуализм крестьянина и расслоение деревни вскрыты им с еще большей трезвостью, чем это сделано Глебом Успенским. В числе особенностей, связывающих Энгельгардта с представителями «наслед-

ства», Ленин указывает на его убеждение в том, что главная и коренная причина крестьянской нищеты — в остатках крепостного права. Но в то же время Энгельгардту свойственно и чисто народническое убеждение в невозможности капиталистического развития России и желание «верить в особые пути отечества» (II, 479). Ленин не случайно вместо слова «вера» употребляет здесь выражение «желание верить»: поставив перед собой задачу рационального ведения хозяйства, Энгельгардт, вопреки своему желанию, достигал своей цели приемами чисто капиталистическими — вплоть до найма рабочей силы. Но, продолжая на словах защищать «самобытность», Энгельгардт-реалист превращается, по определению Ленина, в «Энгельгардта-романтика» (II, 480). И эта свойственная народничеству романтическая и мелкобуржуазная «прибавка» к наследству, признание капитализма — регрессом, защита самобытности русского экономического строя и отсутствие материалистического объяснения социальных явлений и были подвергнуты Лениным в его работе «От какого наследства мы отказываемся?» самой резкой критике.

Ленин считает, что «народничество сделало крупный шаг вперед против наследства, поставив перед общественной мыслью на разрешение» вопрос о капитализме. Но в своей критике капитализма народник выбрасывал за борт «всякий исторический реализм», ибо «действительность капитализма» он сопоставлял с «вымыслом докапиталистических порядков» (II, 483, 484), приходя, таким образом, к фальшивой идеализации деревни и романтическим мечтаньям о том, чтобы «задержать» данное историческое развитие. Эта фальшивая идеализация находится, как показал Ленин, «в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства» (II, 485). Переходя от этих общих особенностей, резко отличающих идеологию народничества от наследства 60-х гг., к особенностям психологии и самой «манеры мышления» народников, Ленин отмечает у них «вместо исторического оптимизма и бодрости духа — пессимизм и уныние» (II, 484), что тесно связано с их «узко интеллигентным самомнением» (II, 490) и пренебрежением «к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами»

(II, 491). И свое рассмотрение вопроса об отношении народничества к «наследству» Ленин заканчивает следующим заключением: «Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов *минусом*: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромоздило своей романтикой и задержало их полное разрешение» (II, 491—492).

Последние две главы своей работы Ленин посвятил краткой характеристике отношения марксистов и народников к «наследству» просветителей и друг к другу. Ленин показал, что русские марксисты связаны с наследием 60-х гг. историческим оптимизмом (в противоположность историческому пессимизму народничества), верностью «европейским идеалам» просветителей (в противоположность народникам, всегда выступавшим против европеизации России), враждой к дореформенному быту и его остаткам, заботой об интересах трудящихся масс населения (в отличие от народников, у которых благодаря смешению крестьянской буржуазии с сельским пролетариатом эта забота была непоследовательна, а благодаря социологическому фантазерству и обессилена). «В конце концов, — писал Ленин, — мы получили, следовательно, тот вывод, который не раз был уже нами указан по частным поводам выше, именно, что *ученики — гораздо более последовательные, гораздо более верные хранители наследства, чем народники*» (II, 493). Но «хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством», — замечает Ленин (II, 494). Принимая наследство, марксисты дополняют его «анализом противоречий капитализма с точки зрения бесхозяйных производителей»¹ и «не только берут за критерий интересы труда, но при этом указывают совершенно определенные экономические группы капиталистического хозяйства, именно бесхозяйных производителей» (II, 493). И общим выводом

¹ Под словами «бесхозяйные производители», взятыми по цензурным условиям, Ленин имел, конечно, в виду «пролетариат».

из всей работы Ленина является вывод о том, что с традициями 60-х гг. порывали не марксисты, а народники, которые под флагом защиты и охраны «наследства» мешали осуществлению лучших его заветов.

В своей работе «Экономическое содержание народничества» Ленин посвятил специальную главу вопросу о том, в какой степени «хранили» наследство и в каком направлении изменяли его народники 70-х гг. Для своего анализа Ленин избрал типичную для «Отечественных записок» конца 70-х гг. анонимную статью «Новые всходы на народной ниве»¹, посвященную острейшим вопросам общественной жизни и литературного развития. Ленин на протяжении более двух печатных листов шаг за шагом разбирает все положения этой статьи, охарактеризованной им как народническая *profession de foi* (см. I, 322). Ленинский анализ этой статьи, по существу, представляет собой исчерпывающую оценку народничества 70-х гг. и его отношения к «наследству» 60-х гг., а также дает основу для характеристики общественно-литературной платформы «Отечественных записок»².

Обратимся к содержанию этой статьи. Автор ее начинает с предупреждения о том, что он хочет писать «о предмете довольно щекотливом — о людях, выделяющихся из

¹ Напечатана в «Отечественных записках», 1879, № 2, стр. 125—152.

² Что касается автора статьи, которую анализирует Ленин, то по этому поводу в I томе 3-го издания Сочинений Ленина в примечаниях (стр. 502) читаем: «Статья „Новые всходы на народной ниве“, первоначально напечатанная в февральской книжке „Отечественных записок“ за 1879 год, включена в I том „Собрания сочинений С. Н. Кривенко“, вышедший в 1911 году. Не исключена возможность того, что неизвестным издателем „Собрания сочинений С. Н. Кривенко“ статья эта приписана Кривенко ошибочно. Есть указания, что статья на самом деле принадлежит Г. З. Елисееву. «Неизвестный» издатель «Сочинений С. Н. Кривенко» (как мы установили — Е. Е. Колосов) сам говорит о «порой непреодолимых препятствиях» при раскрытии авторства анонимных статей «Отечественных записок» (см. его предисловие к X т. Собр. соч. Михайловского, стр. XXXV) и, возможно, совершил здесь ошибку. Об ошибках в расшифровке анонимов «Отечественных записок» писал и Михайловский (см. «Литературные воспоминания и современная смута», т. I, 1900, стр. 340). Но вопрос об авторе статьи окончательно будет решен, возможно, дальнейшими изучениями: пока достаточных данных не обнаружено.

народной среды и становящихся на высшую общественную ступень» (125) ¹.

В дальнейшем мы узнаем, что под этими людьми автором подразумеваются различные слои русской буржуазии, — капиталисты, купцы, деревенские кулаки и, наконец, такие «буржуазные выходцы из народа» (133), как лавочники, кабатчики, биржевые артельщики и т. д. Сильно и ярко написаны те страницы статьи, которые посвящены характеристике разложения «нравов» в обществе, вызванного властью рубля, обнищанием деревни, ростом преступности и т. д. С большой проницательностью и живостью обрисована здесь психология «буржуазной армии» — не только крупных дельцов, но и «мелкой тли», «в жилах которой течет еще рабочая кровь, но в душе которой засел уже полновластно капитал» (137). Эти «вожаки новых завоевателей», расходящиеся по Руси, вносят всюду «глубокое развращение мысли и чувства», насаждают новые понятия о нравственности. «Нравственная сторона этих новых людей ниже самых элементарных требований, вся она основана на рубле и исчерпывается афоризмами: купец — ловец; на то и щука в море, чтобы карась не дремал; не плошай; присматривайся к тому, что плохо лежит; пользуйся минутой, когда никто не смотрит; не жалей слабого; кланяйся и пресмыкайся, когда нужно, и рви ближнему горло, когда можешь» (144). Ценной чертой статьи является понимание автором связи эксплуатации феодально-крепостнической и буржуазной. Капиталистический «разврат», по оценке автора, есть «целиком достояние нашей новейшей истории, достояние мещанской культуры», но развился он «на почве барства» и «дворянского сентиментализма» (128). Но эксплуатация капиталистическая сулит массам еще более тяжелые испытания: «Если старое русское купечество создало темное царство, то теперь оно с новой буржуазией создадут такую тьму, в которой будет гибнуть всякая мысль, всякое человеческое чувство» (151). В этом положении «создадут» Ленин увидел жестокою ошибку автора, заметив: «Тут должно стоять прошедшее, а не будущее время» (I, 366). И в самом деле: буржуазное развитие России и все последствия

¹ В скобках здесь нами указаны страницы второй книги «Отечественных записок» за 1879 г.

и «типы» этого развития, выраженные более ярко в 90-е гг., стали «фактом» уже в 70-е гг.

Ленин высоко оценил и те места статьи, которые посвящены обличению либерализма. «Превосходная характеристика нашего либерально-народнического общества» (I, 326), — заметил Ленин по поводу следующих слов анонимного автора: «Мы забываем, что обществу нашему нужны идеалы — политические, гражданские и иные — главным образом для того, чтобы, запасшись ими, можно было уже ни о чем не думать, что ищет оно их не с юношескою тревогою, а с послеобеденным спокойствием, что разочаровывается оно в них не с душевными муками, а с легкостью аркадского принца. Таково, по крайней мере, громадное большинство нашего общества. Ему, собственно говоря, и не нужно никаких идеалов, потому что оно сыто и вполне удовлетворяется утробными процессами» (127—128).

С одобрением отозвался Ленин о характеристике в статье лицемерной «любви» к народу со стороны «либерально-кокетливого направления», о словах автора, что каждый «общественный деятель» и литература считают долгом распространяться о его (народа) благе. Вся статья дышит ненавистью к либералам, ко всякого рода «пассивным друзьям народа», «подражателям западно-европейской традиции», «друзьям», которые находятся в положении человека, говорящего: «я очень люблю цыпленочка, эту маленькую крошку, и умру с этою любовью, но кушаю его потому, что он вкусен» (132).

Ленин вполне положительно оценил всю ту часть статьи, которая посвящена обличению буржуазно-дворянских порядков, но в то же время отметил основной методологический порок рассуждений автора, резко отличающий его от марксиста. В то время как народник «дает эмпирическое бытовое наблюдение», марксист «обобщает наблюдаемые факты (выражающие реальные „помыслы и чувства“ реальных „живых личностей“) в политико-экономический закон» (I, 361). По поводу эмпирической констатации автором статьи буржуазного развития России Ленин сказал: «Отношение к этому факту у нас одинаково отрицательное; мы оба согласны в том, что он выражает явления, противоположные интересам непосредственных производителей, — но мы совершенно различно

понимаем эти факты» (I, 352). И в критике взглядов автора Ленин вскрывает реакционно-романтический характер его lamentаций, указывая, что марксист, отлично понимая и разоблачая противоречия капитализма, враждебность его интересам трудового народа, считает, однако, это явление прогрессивным в той мере, в какой оно создает условия для развития «антипода», то есть пролетариата, единственного класса, способного перестроить общественные отношения и покончить со всеми формами эксплуатации.

Статья «Новые всходы на народной ниве» в большой мере посвящена вопросам современного литературного развития, которые автор рассматривает в тесной связи с развитием общественной жизни. Лениным цитированы или указаны и, большей частью, комментированы почти все места, в которых так или иначе затрагиваются вопросы литературы. Ленин отмечает понимание автором того, что «капитализм подчинил себе не только все области народного труда, но даже и „прогрессивную“ литературу, преподносящую буржуазные меры от имени народа. . .» (I, 325—326). Ленин критикует лишь те места статьи, где автор, в противоречии с самим собою, говорит в будущем времени о процессе проникновения буржуазной идеологии в литературу. «Мещанство принесло в жизнь свою науку, свой нравственный кодекс и свои софизмы, — читаем мы в статье «Отечественных записок». — Ему нужно водворить их на кафедре, в литературе, в суде и в других пунктах жизни. Оно прежде всего не находит для этого достаточно годных людей, и, по необходимости, обращается к людям других традиций» (128). По поводу этих слов Ленин восклицает: «Это русская-то буржуазия „не находит людей“?! Не стоит и опровергать этого, тем более, что автор сам себя ниже опровергнет» (I, 327). Следует отметить, что далее Ленин несколько раз настойчиво подчеркивает, что в 70-х гг. буржуазная (мещанская) культура и литература были уже устойчивым фактом общественного развития: «. . .образовалась уже литература, поющая об „уме, предприимчивости и энергии“ буржуазии» (I, 363), «повсюду обнаруживается полное противоречие экономических интересов, . . . и в литературе и в „обществе“, в сфере идей нравственных, политических, юридических и т. д.» (I, 371). Это указание Ленина, опровергающее традиционную точку зре-

ния, согласно которой развитие буржуазной литературы относится лишь к концу 80-х гг. XIX в. (а в большинстве историко-литературных работ — и к началу 90-х гг.), представляет большую ценность.

Ленинская оценка буржуазной литературы связана с его общей точкой зрения на эволюцию буржуазной идеологии: буржуазное направление в обществе выразилось, согласно этой точке зрения, «вполне ясно и в 60-е годы» и «господствовало... в течение всех 70-х годов» (I, 364).

Существенным моментом является сочувствие, с которым Ленин относится к критике автором статьи либеральной «народолюбивой литературы». Ленин одобрительно процитировал большой отрывок статьи, в котором обличаются лицемерные излияния в любви к народу либеральной литературы. Указывая, что в «наш демократический век» «не только г. Суворин публично признается в любви к народу», но «даже „Московские ведомости“... как-то, по-своему, конечно, заботятся об его благоустройстве», автор статьи утверждает, что явно недружелюбное к народу отношение было лучше, «потому что тогда враг был на чистоту, как на ладони». Теперь же, «народ, как говорит Успенский, именно опутан каким-то туманом, сбивающим неопытного человека с толку и пути. Прежде он видел перед собою одну искреннюю беззаконность. Теперь же ему говорят, что он так же свободен, как и помещик, говорят, что он сам управляет своими делами, говорят, что его поднимают из ничтожества и ставят на ноги, тогда как во всех этих заботах тянется, перевивая их тонкою, но цепкою нитью, одна нескончаемая фальшь и лицемерие» (129—130). По поводу этой характеристики либеральной литературы Ленин заметил: «Что верно, то верно!» (I, 329). Цитирует Ленин также и иронические слова автора статьи о том, что многие из буржуазных «литературных песен» о народе «чрезвычайно нежны и чувствительны». Но утверждения автора — «обязанность порядочной литературы состоит в обнаружении намерений преподнести народу, вместо хлеба, камень» — Ленин называет «прекраснодушием», ибо «намерения» буржуазии давно стали действительностью; литература поэтому должна вскрыть не «намерения», а обнаружившуюся борьбу интересов (см. I, 362—363).

Говоря о «разложении нравов» современного обще-

ства, автор статьи замечает: «Кто больше виноват в подобном смутном положении вещей — литература или общество, — судить трудно, да и определять совершенно бесполезно. Говорят, что рыба разлагается с головы, но я не придаю этому чисто кулинарному наблюдению никакого значения» (131). Эти слова Ленин комментирует следующим образом: «Разлагается буржуазное общество — вот, значит, мысль автора. Стоит подчеркнуть, что именно таков исходный пункт марксистов» (I, 330). Отметил Ленин и следующие слова автора о бессилии литературы предотвратить обнищание деревни: «Пока литература будет спорить о деревне, о прекраснодушии мужика и об отсутствии у него знаний. . . деревня окажется вконец обездоленной» (132).

И, наконец, Ленин высмеивает, как романтическое, наивное обращение автора к «воспитывающей кулачество» литературе с призывом отказаться от этой своей функции и «будить общественное мнение»; в этом утверждении сказался уже непосредственно идеалистический взгляд на идейную обусловленность литературы, которой якобы можно предписать любое направление, независимо от питающей ее классовой идеологии.

Таковы характерные черты программы «Отечественных записок», народничества 70-х гг. в оценке Ленина. Своим отстаиванием интересов крестьянских масс против помещиков и капиталистов, своим обличением либеральной буржуазии в политике и литературе и разоблачением слепой идеализации крестьянской реформы «Отечественные записки» далеки от позднего, переродившегося народничества 90-х гг.: они еще стремятся «хранить наследство». И не случайно Ленин проанализированную им статью характеризует, как «profession de foi старого русского народничества» (I, 321), и говорит, что статья эта «выдвигает прогрессивные стороны народничества в противовес русскому либерализму» (I, 322). Но в то же время Ленин показал в своем разборе этого «profession de foi» народничества 70-х гг., что и в нем наличествовали те элементы разложения народничества и те реакционно-романтические идеи, которые стали основным содержанием писаний народников 90-х гг., окончательно вытеснив «хотя бы некоторые заветы старого русского народничества, ценные для марксизма» (I, 373).

III

От характеристики принципиально различного подхода к общей оценке «наследства» Лениным и народниками перейдем теперь к вопросу об отношении Ленина и народников к наследию классической художественной литературы. И здесь Ленин осуществлял свой принцип не ограничиваться хранением «наследства», творчески использовать его в интересах революционной борьбы. Это можно проследить на примерах интерпретации Лениным мотивов и образов русской классической литературы¹.

Статьи народнических публицистов и критиков, посвященные литературному наследию, содержали многочисленные lamentации об «утере славных традиций», но не ставили вопроса об отношении «наследства» к новым задачам общественного развития. Этот порок особенно заметен в работах народников о Щедрина, творчество которого, конечно, и в 90-х гг. полностью сохранило свою злободневность. В книге Михайловского о Щедрина, составленной из его статей, печатавшихся в «Русских ведомостях», немало отдельных интересных наблюдений, но она совершенно не касается двух основных проблем: 1) какие условия русской жизни определили особенности щедринского творчества и 2) каким образом оно может способствовать разрушению ненавистных Щедрина социальных порядков. Образы Щедрина рассматриваются Михайловским с точки зрения общих критериев «чести» и «совести», а не с точки зрения породивших их общественных отношений. Поэтому даже такие политически острые сатирические образы, как щедринские господа Молчалины, Балалайкины и даже Иудушка Головлевы, оцениваются Михайловским лишь в этическом аспекте. У Щедрина Михайловский прежде всего видит «везде — мысль о загробном суде, о суде грядущих поколений». «Полное, немедленное забвение и бессмертное клеймо позора — вот крайности того уложения о наказаниях,

¹ Рассматривая эти вопросы, мы несколько выходим за хронологические рамки данного очерка. Свойственные Ленину принципы интерпретации художественных образов сложились именно в 90-е гг., а затем нашли свое дальнейшее развитие. Однако дробить рассмотрение указанных вопросов было бы нецелесообразно.

которым руководствуется история»¹. Методология «субъективной социологии» полностью перенесена Михайловским и в литературу: задача сатиры, оказывается, состоит не в реалистическом обличении носителей зла, а «в бичевании или осмеивании уклонений действительности от идеала»². Так ослаблялась в интерпретации Михайловского политическая и реалистическая направленность щедринаского творчества. Но еще более ослабленным представлен образ писателя в статье Михайловского, напечатанной в связи с десятилетием со дня смерти Щедрина³. Интерес критика сосредоточен здесь не столько на анализе художественного творчества сатирика, сколько на «аллюзиях», касающихся полемики против марксистов. Обесцвеченным, а нередко и грубо искаженным получался облик Щедрина и у других публицистов-народников. Так, по утверждению С. Н. Кривенко, Щедрин, рисуя «ужаснейших злодеев и негодяев», искал «пробуждения в них стыда или, по крайней мере, страха перед судом детей и потомства», «верил в возможность просияния злодейской души». Самого Щедрина Кривенко стремился загримировать под народника, называя его «артельным, мирским человеком» и подчеркивая его «чисто русские общинные склонности»⁴.

Декларации народников относительно их верности «заветам» великих писателей-демократов никак не согласовывались с тем отношением к художественному наследию, которое завещали эти писатели.

Критики и публицисты народничества любили часто ссылаться на знакомые образы художественной литературы. Но в их статьях и обзорах эти упоминания не выходили за границы привычного, прочно утвердившегося еще в гимназические годы восприятия этих образов. В произведениях Пушкина и Грибоедова, Гоголя и Тургенева критики и публицисты народничества не видели психологических особенностей представителей различных классов и групп русского общества, особенностей, характерных для

¹ Критические статьи Н. К. Михайловского, II, Щедрин, М. 1890, стр. 22.

² Там же, стр. 60.

³ «Русское богатство», 1899, кн. IX.

⁴ С. Н. Кривенко. М. Е. Салтыков. Его жизнь и литературная деятельность, СПб. 1891, стр. 79, 94, 105.

дореформенной эпохи, но по-новому и полнее проявившихся в пореформенную эпоху. И, с другой стороны, они и не задумывались над вопросом о генеалогии современных общественных типов, об исторической преемственности между людьми до- и пореформенной эпохи.

С. Кривенко в статье «По поводу культурных одиночек» (рассмотренной Лениным в III выпуске «Что такое „друзья народа“...») между прочим упоминает о «новейших Обломовых», «престарелых Маниловых», «возмужавших Фемистоклюсах», «возвышенных натурах à ла Рудин и Агарин», но трактует эти образы как совершенно неизменные, застывшие, имеющие музейное значение. По мнению Кривенко, «жизнь с тех пор настолько изменилась, что встреча с ними теперь представляется положительным анахронизмом». Кривенко считает, что поскольку «некоторые условия, как, например, крепостное право, совсем исчезли», постольку упомянутые образы потеряли свою актуальность¹. Он не видит остатков дореформенных отношений после 1861 г. и, из-за своей субъективистской точки зрения, вообще лишен способности рассматривать общественные типы в их развитии и движении. В критике и публицистике народничества самая проблема исторической типологии была снята благодаря механистической и субъективистской схематике. Вот почему С. Южаков в статье «Об основных течениях мысли в русской литературе» считал, что «направления и течения сороковых годов скончательно изжиты и отошли в область истории». Литературные образы и этого, и более раннего, да и более позднего времени (Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя, Некрасова и др.), он рассматривал лишь с точки зрения характеристики «дореформенного общественного состояния»².

Такое отношение к вопросу о литературном «наследстве» было широко распространенным в критике 90-х гг. не только народнической ориентации. Так, постоянный обозреватель «Русской мысли» П. Николаев утверждал, что типы «Ноздревых, Коробочек, Рудиных, Лаврецких и проч. отошли в область предания», ибо «старые устои

¹ С. Кривенко. На распутьи, изд. 2-е, М. 1901, стр. 309, 311.

² С. Южаков. Социологические этюды, т. II, СПб. 1896, стр. 22—24.

уже исчезли, исчезли и гармонические, соответствующие им типы»¹. И любопытно, что понимание типичности литературных героев прошлого и их эволюции в новых условиях проявлялось в интересующий нас сейчас период только в критике, стремившейся в какой-то мере приблизиться к марксизму. Например, А. Богданович в статье «Типы Гоголя в современной обстановке», поставив вопрос о жизненности образов Чичикова, Ноздрева, Собакевича, Хлестакова и др., отвечает на него утвердительно, считая, что их эволюция состоит лишь в изменении «приемов». Каждому из гоголевских героев, по мнению Богдановича, «мы можем противопоставить живой образец из современности»².

В литературной деятельности Ленина принципы исторической типологии нашли широкое отражение. Они были тесно связаны с традициями революционно-демократических писателей, умевших бережно хранить наследие своих предшественников, но не ограничивавшихся только хранением этого наследия.

В особенности близким Ленину было активное, творческое отношение к литературному наследию Щедрина, произведения которого, кстати сказать, были для него произведениями современника³. Мы не имеем в виду критические статьи и отзывы Щедрина о русских писателях: хотя в этих мнениях Щедрина можно установить некоторые общие моменты с ленинскими оценками, но никаких фактических данных о непосредственной и прямой связи между теми и другими у нас нет. Но зато имеются данные, представляющие, быть может, еще больший интерес. Близость манеры и приемов Ленина-публициста приемам Щедрина с особой яркостью обнаруживается не столько непосредственно в области литературной критики, сколько, — и это в данном случае более характерно, — в творческой интерпретации образов классической литературы.

Как известно, в произведениях Щедрина действуют в качестве живых типов современности многие герои рус-

¹ «Русская мысль», 1895, кн. I, стр. 98.

² «Мир божий», 1902, кн. III, стр. 65.

³ Напомним, что Щедрин умер в 1889 г., когда Ленину было 19 лет, и что Ленин был превосходным знатоком щедринского творчества: в сочинениях Ленина Щедрин цитируется чаще всех других писателей.

ской литературы — Молчалин, Чацкий, Чичиков, Ноздрев, Собакевич, Держиморда, Рудин, Лаврецкий, Кирсанов, Скотинин, Митрофан Простаков и т. д. На страницах щедринских произведений они воскресают и по-новому проявляют свои характеры в изменившихся общественных условиях. Об этой любопытной особенности творческого метода Щедрина Горький заметил: «взять литературного героя, литературный тип прошлого времени и показать его в жизни текущих дней — это любимый прием Щедрина. Его герои в 70-х — 80-х годах — потомки Хлестакова, Молчалина, Митрофана Простакова, заполонившие всю жизнь с особенной силой после 1881 года»¹. Еще в 60-х, а не только в 70-х гг. Щедрин писал о живучести «наших Собакевичей, Маниловых и Ноздревых»². Но, как отметил Горький, развернутое творческое истолкование Щедриным литературных героев и «дописывание» их биографий имело место именно в 70-х гг.

Для изучения литературных традиций, воспринятых и развитых Лениным-публицистом, большой интерес представляет образ Молчалина в той трактовке, которая дана Щедриным, в серии очерков «В среде умеренности и аккуратности»³. Будучи убежденным в высокой типичности образа Молчалина, считая, что «Молчалины бесшумно, не торопясь переползают из одного периода истории в другой», Щедрин показал многочисленные трансформации этого персонажа. Попрежнему стремясь остаться «ни в чем не замеченным», готовый любыми путями заслужить благоволение «нужного человека», Молчалин изменился не только внешне («раньше был поджар и сутуловат, а

¹ М. Горький. История русской литературы, 1939, стр. 273. Специфичность для Щедрина использования образов классической литературы до опубликования этого замечания Горького (сделанного в 1909 г.) отметил В. Гиппиус («Ученые записки Пермского университета», т. I, вып. 1, 1929). Об этом же см. кн. Я. Эльсберга «Стиль Щедрина» (М. 1940, стр. 263—270) и статью А. Г. Дементьева «Типы классической литературы в произведениях Щедрина» («Ученые записки Лен. Гос. университета». Серия филологических наук, вып. II, Л. 1941).

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. V, Гослитиздат, стр. 107.

³ Закономерность изображения образа Молчалина в различных вариациях подсказывается словами Чацкого: «Молчалины блаженствуют на свете» («Горе от ума», действие четвертое, явление 13).

теперь нагүлял брюшко и голову держит прямо»), но и внутренне. Щедрин показал, как Молчалины, принимая разнообразные облики «пестрых людей», выступают то либералами, то реакционерами, то «сицылистами», то «аскетами», то «жуирами», готовые ради «пирога» поклоняться кому угодно. Молчалин настолько преуспел, что стал редактором соответственной его характеру газеты «Чего изволите», стараясь «как бы ему в мысль попасть, а кому в мысль и в какую мысль — и сам того не ведает». При всех своих изменениях психологическая основа молчалинского характера у Щедрина остается неизменной, лишь по-новому раскрываясь в своих потенциях. И недаром и Молчалин, каясь в некоторых, совершенных в прошлом, поступках, утверждает: «...хоть озолоти, я все тем же Молчалиным останусь».

Те же принципы изображения литературных героев в новых условиях, но в соответствии с органическими чертами характера этих героев Щедрин применял и в других случаях. В его произведениях действуют как общественные и политические деятели персонажи, которые раньше себя таким образом не проявляли. С большим остроумием показана Щедриным эволюция Ноздрева, после того как читатель распротился с ним в «Мертвых душах» Гоголя. В «Помпадурах и помпадуршах» Ноздрев — сотрудник помпадура Кротикова — делает обыски, алчет взятки. Далее в «Письмах к тетеньке» мы узнаем, что Ноздрев сделал удачный донос и его пригласили в «общество частной инициативы спасения», где он разбирает обывательское «содействие». Ноздрев «уже не тот буян, которого мы знавали в цветущую пору молодости». Он становится председателем земской управы, а затем редактором газеты «Помои». Не менее интересна и новая жизнь ряда других классических персонажей. Чичиков в «Круглом годе» становится адвокатом и ездит по помещичьим усадьбам в поисках процессов, а в «Письмах к тетеньке» характеризуется как «истинный охранитель»; о Репетилове мы узнали из очерков «В среде умеренности и аккуратности», что он стал директором департамента государственных умопомрачений, а из «Пошехонских рассказов», — что он директор департамента государственных препон; о Кирсанове «Дневник провинциала» рассказывает, что он «преуспел», участвует в международном ста-

тистическом конгрессе, проливает слезы над статьями «Петербургских ведомостей», молится за то, чтобы бог простил Базарову его заблуждения, и т. д. Это действительное отношение Щедрина к классическому наследию, его мастерское умение обновлять содержание художественных образов народники, клявшиеся в верности «наследству», полностью игнорировали. Ленин же в своей публицистике продолжил и обогатил щедринские приемы сатирического использования литературных образов прошлого¹.

В противоположность народникам Ленин рассматривал художественные типы не как выражение только «мыслов» самого писателя, а как общественные явления, обусловленные историческими и социальными закономерностями. В художественных типах Ленин видел отражение социальных сил, действовавших и развивавшихся на протяжении всего XIX и начала XX в. Он показал, как в числе врагов народа и обывателей по-новому действуют

¹ Известный толчок для развития у Ленина еще в юношеском возрасте интереса к переосмыслению литературных образов могли дать сатирические произведения поэтов «Искры», которые, по словам Н. К. Крупской, так любили в семье Ульяновых (см. Н. Крупская я. Детство и ранняя юность Ильича, «Большевик», 1938, № 12, стр. 69). В этих произведениях часто с полемической и агитационной целью переосмыслились различные герои Фонвизина, Грибоедова, Гоголя. Об этих героях Курочкин в своем широко известном стихотворении «Семейная встреча» (1862) говорит, что они «все живы» и что «все фазисы развития векового они прошли». Не менее известными были в кругах демократической интеллигенции «Рассодни о нигилизме» В. Курочкина или стихотворение Д. Минаева «Старые знакомые», где герои классических произведений пересажены на почву 60-х гг. Напомним также, что широко пользовался образами литературных героев Герцен (см., например, блестяще очерченную Герценом эволюцию Фигаро и Дон-Кихота в характеристиках французской революции 1848 г.). «Мертвые души» Герцен назвал «удивительной книгой», утверждая, что гоголевских героев он «видел сто раз» «грустно в мире Чичикова, так как грустно нам в самом деле» (Полн. собр. соч. под ред. М. И. Лемке, т. III, стр. 29). О литературных героях Герцен рассуждал как о живых людях современности. Например, о Владимире Ленском он писал: «Что ему оставалось еще, как не умереть, чтобы остаться благородным, прекрасным явлением» (там же, стр. 35), а по поводу Онегиных и Печориных сказал в политической статье «Very dangerous!!!», что время их прошло и что «Онегины и Печорины делаются Обломовыми» (т. X, стр. 14). Наконец, следует указать на традицию широкого использования образов литературы Марксом и Энгельсом в их публицистике.

Фамусов, Молчалин, Репетилов, Хлестаков, Добчинский и Бобчинский, Манилов, Ноздрев, Собакевич, Аркадий Кирсанов, Обломов, Балалайкин, Иудушка Головлев и многие другие. Публицистическое переосмысление классических литературных образов характерно для литературной деятельности Ленина на всем ее протяжении. Ленин не раз сожалел, что Щедрин не дожил до революционной эпохи, полагая, что он изобразил бы врагов народа на новом этапе, «прибавил бы, вероятно, новую главу к „Господам Головлевым“» (XII, 304—305). Эту задачу Ленин осуществлял средствами публицистики и требовал от публицистов искусства типизации, то есть обобщения особенностей характера, связывающих воедино целую группу людей известных классов, того искусства, которое еще Белинский считал одним из признаков творческой оригинальности. И недаром в одном из своих писем А. В. Луначарскому Ленин писал по поводу статьи о меньшевиках: «Сделайте из них *тип*. Нарисуйте их портрет во весь рост...» (XXXIV, 288).

Не раз отмечалось характерное для Щедрина «дописывание» биографий героев произведений писателей прошлого. Ленин также не ограничивается обычным цитированием того или иного произведения, а «мастерски осовременивает образы»¹. И несомненно, что эта традиция у Ленина идет непосредственно от Щедрина.

Как известно, в характеристиках своих противников Ленин часто использует в сатирически-обличительном смысле формулу «умеренность и аккуратность», восходящую к комедии Грибоедова «Горе от ума». Он неоднократно характеризует П. Струве как вождя буржуазного либерализма, выставившего вместо революционного лозунга «умеренное и аккуратное пожелание» (V, 61). В другом месте Ленин относит эпитеты «идеально-умеренный и аккуратный» (см. IX, 54) к личности самого Струве, а по поводу его отношения к революционной борьбе пишет: «Как же не „голосить“, не стонать и не плакать Петру Струве, когда он ясно видит, что *не выходит*, все

¹ А. Цейтлин. Литературные цитаты Ленина, М. 1934, стр. 144. См. также статью М. Нечкиной «Гоголь у Ленина» (отд. изд., Л. 1936). Она же отметила наполнение новым содержанием образа Иудушки Головлева в текстах Ленина.

ещё не выходит у нас упорядоченной, скромной, умеренной и аккуратной, кустей и прочной „конституции“?» (XV, 31—32). «Умеренной и аккуратной» назвал Ленин в 1906 г. также и оценку Плехановым задачи революционного восстания (см. X, 335). Наконец, это определение он толковал и расширительно, применяя его и к партии октябристов (см. XV, 49) и к различным политическим течениям, объединяющим людей «скромных претензий и мелких расчетов» (XVII, 70).

Таково наполнение формулы «умеренности и аккуратности» в статьях Ленина. В чем же своеобразии этого наполнения?

Грибоедовская формула «умеренности и аккуратности» в комедии раскрывается лишь как стремление Молчалина выслужиться, сделать чиновничью карьеру путем «угождения всем людям без изъятия». О том, что интересы Молчалина ограничены только кругом помыслов чиновника-служака и с политикой никакой связи не имеют, свидетельствует самое возникновение знаменитой молчалинской формулы в его разговоре с Чацким:

Молчалин.

По мере я трудов и сил,
С тех пор, как числюсь по Архивам,
Три награжденья получил.

Чацкий.

Взманили почести и знатность?

Молчалин.

Нет-с, свой талант у всех...

Чацкий.

У вас?

Молчалин.

Два-с:

Умеренность и аккуратность.

Итак, Молчалин у Грибоедова ограниченный чиновник, далекий от каких-либо «политических видов». У Ленина же Молчалин активно действует на арене политической борьбы, и именно этой особенностью ленинское раскрытие образа связано с щедринской традицией. Грибоедовскую формулу «умеренность и аккуратность» Щедрин использовал для заголовка цикла своих политически

заостренных очерков, выше нами упоминавшихся («В среде умеренности и аккуратности»). И ленинская трактовка этой формулы восходит не столько непосредственно к комедии Грибоедова, сколько к циклу очерков *Щедрина*. Более того, интерпретация Лениным самого образца Молчалина также связана с этими щедринскими очерками, где показано, что Молчалины были активными пособниками реакции. Наиболее ясно связь ленинской и щедринской трактовки образа Молчалина обнаруживается в тех случаях, когда Ленин соединяет и конкретизирует образы Грибоедова и Щедрина. Такова, например, развернутая характеристика Лениным «„конституционного“ низкопоклонства» в период первой русской революции как «*балалайкинско-молчалинского преуспеяния*» (XIII, 24; курсив наш. — Б. М.). Соединение этих двух имен не является у Ленина случайным, а опять-таки восходит к щедринским очеркам «В среде умеренности и аккуратности», где наряду с грибоедовским Молчалиным действует и щедринский герой — адвокат Балалайкин, зарабатывающий «и в случае выигрыша, и в случае проигрыша дела».

Другой пример. В статье «Проект нового закона о стачках» Ленин в следующих словах обличает либералов, одобрявших этот закон с целью сдержать революционный протест рабочих: «*Это традиционная молчалинская мудрость либералов — проповедывать сдержанность* именно тогда, когда правительство едва начало колебаться (по какому-нибудь частному вопросу)»¹. И, противопоставляя подобной тактике тактику большевиков, Ленин пишет: «Смелее же вперед! Распространяйте шире приятную весть о неуверенности в рядах врага, пользуйтесь всяким малейшим колебанием его не для молчалинского «сдерживания» своих требований, а для усиления их» (VI, 201). «Сдерживание» политических требований — формула опять-таки щедринского Молчалина с его девизом «погодить».

Отмечая черты биографии литературных героев прошлого в новых исторических условиях, Ленин обнаруживал идейные и психологические потенции, заложенные в их характерах. Эта особенность творческой манеры Ленина-публициста была связана с его колоссальной

¹ Курсив всюду наш. — Б. М.

историко-литературной эрудицией и с необычайно ярким восприятием художественных образов. В сознании Ленина классические образы были настолько живыми, что он не только сопоставлял современных ему участников общественно-политической борьбы с литературными героями, но и, упоминая литературных героев рядом с своими современниками, писал о тех и других как об *одинаково* существующих и действующих лицах. Например, в статье Ленина «Политическая агитация и „классовая точка зрения“»¹ мы читаем: «...благодаря громадному распространению в народных массах религиозных „заблуждений“ „спят спокойно“ и Стаховичи, и Обломовы» (V, 311). Упоминание известного либерала-земца М. А. Стаховича рядом с существовавшим лишь в сознании читателей Обломовым является не только оригинальным, но с первого взгляда и мало понятным. Стахович — это, по определению цитированных здесь Лениным «Московских ведомостей», «Миша Стахович, весельчак, душа общества, краснойбай»². Сам Ленин в другом месте³ охарактеризовал Стаховича «как образчик самого „жизнерадостного“ русского дворянчика, всегда готового урвать кусочек казенного пирога» (V, 267). Объяснение ленинского упоминания Стаховича рядом с Обломовым заключается в том, что здесь имеет место не аналогия по сходству, а *контрастное* противопоставление двух общественных типов, благополучие которых («спят спокойно») покоится на одном и том же основании. Но подобные случаи упоминания рядом литературных и «живых» героев у Ленина сравнительно редки. Чаще Ленин объединяет в своих обличительных характеристиках различные литературные образы (таково, например, сближение характеров Ноздрева и Тартюфа; см. VII, 24).

Выше мы отметили, что Щедрин как бы «досказывал» биографии героев классической литературы, при этом он не изменял своевольно их характеры, а раскрывал заключавшиеся в характерах этих героев потенции или, пользуясь термином самого Щедрина, «готовности». Родственный этому принцип воплощен и в публицистике Ленина.

¹ «Искра», 1 февраля 1902 г., № 16.

² А. П. Г. Кто виноват в г. Стаховиче? «Московские ведомости», 18 декабря 1901 г., № 348.

³ Внутреннее обозрение. «Заря», 1901, № 2—3 (подпись «Т. Х.»).

Типические особенности психологического облика литературных героев остаются у Ленина такими же, какими они являются в произведениях писателей-классиков, но, с усложнением социальной ситуации, эти черты проявляются с новой силой и получают новое выражение. Тем самым обновляется обычное читательское восприятие литературных героев. Ленин не только сохранял историческую перспективу: он указывал на возможные варианты судьбы героев. Публицисты-народники, как мы видели, считали, что литературные образы прошлого «отошли в область истории». И в этом отношении они хранили наследство так, как (пользуясь сравнением Ленина) «архивариусы хранят старую бумагу» («От какого наследства мы отказываемся?», II, 494). Но ведь на изменчивость и эволюцию облика героев своих произведений нередко указывали и сами создатели этих образов. В «Отцах и детях» Тургенёва Аркадий Кирсанов, выступающий искателем высоких идеалов, «нежной душой», становится впоследствии, как сказано в эпилоге романа, «рьяным хозяином», и его «ферма» уже приносит значительный доход. Исходя из этой психологической и идейной неустойчивости Аркадия, а также из его любви к красивым словам, Ленин мог с полным основанием приписать его черты А. Потресову, отличавшемуся любовью к «революционной» фразе и вместе с тем явившемуся одним из главных пропагандистов идеи ликвидации подпольной революционной работы¹. Точно также Виктора Чернова, эсеровского публициста, обнаружившего в своих писаниях эклектизм и неустойчивость взглядов и стремившегося опровергать доводы марксистов многочисленными ссылками на «авторитеты», Ленин по праву сравнивает с тургеневским Ворошиловым: «...помните,—писал Ленин,—в „Дыме“—молодого русского приват-доцента, который совершал променады по загранице, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученейших, редких и редчайших имен?» (V, 134). В дальнейшем Ленин не только пользуется приемом уподобления Чернова Ворошилову, но и замещает первого последним («Ворошилов уверяет вас, что Каутский не понимает раз-

¹ См. сравнение Потресова с Кирсановым у Ленина, VIII, 61.

ницы между капиталистическим кредитом и ростовщицеством...»; «Ворошилов бьет при этом себя в грудь»; «Ворошилов опять безбожно путает и так же безбожно хвастает» и т. д.; см. V, 140) ¹.

Весьма своеобразным является в ленинских работах и использование образов других литературных героев. О живучести и типичности героев «Горя от ума» не только для изображенного в этом произведении периода писали (как бы заранее опровергая цитированного выше идеолога народничества С. Южакова) и Белинский, и Чернышевский, и Добролюбов, и Писарев. Естественно, что Молчалин в конце XIX и начале XX в. изменился и приспособился к новой обстановке. Если уже у Щедрина он выступает как политический деятель, то у Ленина он идет дальше, активно вмешивается в борьбу и выставляет свои лозунги, «сдерживающие» и «умеряющие» развитие революционного движения. И не только общие черты Молчалина использует Ленин для характеристики либерала, меньшевика, эсера: широкое и новое истолкование получают и отдельные детали, связанные с этим образом. Реплика Софьи о Молчалине «шел в комнату — попал в другую» становится у Ленина метафорическим определением политической компромиссности, неопределенности политической позиции, что неизбежно ведет к «попаданию» во враждебный революции лагерь ². Благодаря проникновению в сокровенную сущность типического характера Ленин часто давал неожиданные для читателя, но вполне закономерные и оправданные жизненной судьбой образа характеристики. Так, например, по поводу грибоедовского Репетилова Овсяннико-Куликовский в своей «Истории русской интеллигенции» утверждал, что если Загорецкий и Молчалин «эмбрионы», «типы исторические, которые в пореформенное время пустились в „большое плавание“, то Репетилов не годится даже для 40-х гг.

¹ В другом случае Ленин распространил типические черты Ворошилова на целое идейное течение, назвав журналом господ Ворошиловых «Sozialistische Monatshefte» (см. V, 143).

² См., например, IX, 243, XII, 281 и следующее обобщающее замечание: «Шел в комнату — попал в другую. В истории это бывает постоянно с людьми, группами, направлениями, которые не поняли, не сознали своей настоящей сущности, то есть того, к каким классам они в действительности (а не в своем воображении) тяготеют» (XX, 426).

и тем более для движений эпохи пореформенной»¹. В произведениях же Ленина найдена схема эволюции и Репетилова. Репетилов, с его девизом «шумим, братец, шумим», Репетилов, и в «Горе от ума» многозначительно намекающий на свою связь с каким-то оппозиционным обществом, заседающим в... клубе, находит в период первой русской революции широкое раздолье. Пуская пыль в глаза, он хочет прослыть «передовым» человеком и, естественно, попадает в статью Ленина «Революционный авантюризм», характеризующую поведение людей, «увлеченных вихрем событий и не имеющих ни теоретических, ни социальных устоев» (VI, 165). Репетиловыми оказываются у Ленина эсеры и тогда, когда им «захотелось новой сенсации», так как «чувствительные слова о честности высокой вызывают действительно уже смех, а не рыдания аудитории» (VII, 24). Наряду с таким новым осмыслением образа Ленин часто следует и установившейся в публицистике традиции. Например, используя образ Скалозуба, Ленин в статье, посвященной отдаче студентов в солдаты за «учиненное безобразие» (1901), писал: «...расправа нужна примерная: отдать в солдаты сотни студентов! „Фельдфебеля в Вольтеры дать!“ — эта формула нисколько не устарела. Напротив, XX-му веку суждено увидеть ее настоящее осуществление» (IV, 389).

О «новой жизни» гоголевских образов в ленинских текстах писала в упоминавшейся нами статье М. В. Нечкина («Гоголь у Ленина»). Но, говоря о «трансформации» гоголевских образов у Ленина, необходимо обратить внимание на те конкретные *потенциальные* черты этих образов, которые дали Ленину основание произвести трансформацию. С историко-литературной точки зрения изучение путей раскрытия Лениным потенциальных элементов литературных образов представляет большой интерес.

По поводу живучести и изменчивости Ноздрева Гоголь писал в «Мертвых душах»: «Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-проницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком». Ленин умел видеть Ноздрева незави-

¹ Д. Овсяннико-Куликовский. История русской интеллигенции, т. I, СПб. 1911, стр. 11, 13.

симом от «кафтана», в который облачался этот лицемер, враль, «исторический человек» («исторический» в том смысле, что ни на одном собрании, где он был, не обходилось без «истории»). Ленин в одной из своих статей 1913 г. призывал «изобличить Ноздревых, которых так много в журналистике» (XIX, 44). Но еще в 1902 г. Ленин разглядел Ноздрева в образе рабочедельца Б. Кричевского, который своими «историческими» экскурсами («историческими», по определению Ленина, в ноздревском смысле; см. V, 331) защищал блок «социалиста» Мильерана с палачом Парижской Коммуны генералом Галифе¹. Черты этого же гоголевского героя Ленин видел и в сотрудниках эсеровской «Революционной России», которые в полемике с «Искрой» по поводу «дела 2 апреля 1902 г.» сначала предложили «согласиться о выборе добросовестного лица» для определения истины, а затем, будучи уличенными во лжи, заявили «с неподражаемо-гордым видом пойманного Ноздрева, что никакие соглашения невозможны!» (VII, 22). Характеризуя дальнейшее развитие этого литературного спора, Ленин замечает по адресу «Революционной России»: «Человек, превосходно знающий, что противник относится к его словам с молчаливым недоверием, приступает публично с ножом к горлу, требуя открытого выражения либо доверия, либо недоверия, и, получив последнее, бьет себя в грудь и жалуется *игби ет огби*, какое благородное существо и как гнусно было обижено. Что это, не ноздревщина?» (VII, 23—24). С образом Ноздрева мы встречаемся у Ленина неоднократно, и не только в политических, но и в философских работах (см., например, в «Материализме и эмпириокритицизме» расшифровку Лениным попыток Петцольдта объяснить «недоразумением» истолкование взглядов Маха и Авенариуса как идеалистических; см. XIV, 210). Очень метким является и сделанное Лениным сопоставление исторически разновременных образов Ноздрева и Иудушки Головлева (при характеристике Троцкого в 1914 г.; см. XX, 310).

Сквозь созданные классиками типические образы Ленин видел породившие их социальные отношения.

¹ Ленин имел в виду статью Б. Кричевского «Тревожное время во Франции» («Рабочее дело», 1899, № 2—3).

Пожалуй, с наибольшей полнотой его проникновение и в авторский замысел и в типические закономерности художественного образа нашло выражение в трактовке гоголевского Манилова (образа, по мнению С. Кривенко, полностью потерявшего в 90-е гг. свою актуальность). Если в интерпретации Молчалина Ленин имел предшественника в лице Щедрина, то в трактовке возможных превращений Манилова на новых исторических этапах он ни на какую определенную традицию опираться не мог. Манилов представлялся истолкователям гоголевского творчества слишком общественно индифферентным персонажем, чтобы использовать его для публицистических целей. Сатирическое его содержание казалось политически нейтральным. Считалось, что Манилов, слащавый до приторности, сентиментальный дворянин патриархального склада, мог, сидя в своем «храме уединенного размышления», мечтать лишь о том, «как бы хорошо было вдруг от дома провести подземный ход, или через пруд выстроить каменный мост». Считалось, что гоголевский Манилов, человек совершенно чуждый не только каким-либо идейным интересам, но лишенный каких-либо стремлений вообще, человек «ни то, ни се». «У всякого есть свое, — говорит Гоголь, перечисляя различные виды «задора», — у всякого есть свое, но у Манилова ничего не было». Только в одном месте «Мертвых душ» явственно намечена проекция образа Манилова и в область политической жизни. Спрашивая у Чичикова, не будет ли «негодия» с продажей мертвых душ «не соответствовать гражданским постановлениям и дальнейшим видам России», Манилов показал «во всех чертах лица своего такое глубокое выражение, какое может и не видано было на человеческом лице, разве у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела». На этом аналогия у Гоголя заканчивается.

В целом ряде попутных замечаний о гоголевском Манилове Ленин отметил не только психологические, но также и идеологические потенции этого образа. Согласно ленинским оценкам, Манилову свойственны не только «слащавые фразы» (XVIII, 523), но и «лживость... речей» (V, 188). Особенности Манилова — попытки «убаюкивать себя... мечтами» (VII, 241), рисовать «аркадскую идиллию» (IX, 162) выражают, с точки зрения жизненной

практики, стремление «отделяться от... трудностей фразой», «надевать на глаза шоры сладеньких вымыслов» (IX, 338), для того чтобы избежать решения серьезных задач.

В статье «Памяти Герцена» Ленин указал и на социальную обусловленность гоголевского образа: «прекраснодушные Маниловы» — одно из порождений дворянства, наряду с Биронами и Аракчеевыми (см. XVIII, 9). В ленинских характеристиках Манилова с большой тонкостью отмечена глубоко сокрытая черта этого характера: *лживость речей*. Речи гоголевского Манилова приторны, но эта приторность, как кажется читателю, «идет от души», а не является результатом внутреннего лицемерия. Между тем при более пристальном изучении образа Манилова в свете ленинских оценок лживость маниловских речей выступает все с большей и большей определенностью, причем лживость гоголевского Манилова является лживостью *бессознательной*, связанной с тем глубоко укоренившимся строем мышления дворянина дореформенной эпохи, который Ленин иронически назвал «прекраснодушием». «Прекраснодушие» заставляет Манилова, орошенного желанием Чичикова «приобрести мертвых крестьян», сначала объяснить этот парадокс чичиковским «блестящим образованием», а затем, так и не поняв смысла этого приобретения, передать мертвые души «безинтересно» и с полным удовольствием. И это не просто «доброта». Это «прекраснодушие» является для Манилова надежным барьером против каких бы то ни было тревог и беспокойств, которые могут быть вызваны раздумьем над каким-либо сложным вопросом. И все же единственный случай, когда Манилова охватывает беспокойство, связан с выпренно-бюрократической мыслью о том, что сделка с Чичиковым может противоречить «гражданским постановлениям и дальнейшим видам России».

Каким же превращением мог подвергнуться Манилов в бурный послереформенный период, когда усадьба давно перестала быть «храмом уединенного размышления», а «господин Купон» властно требовал приближения к суровой «прозе жизни»? Гипотетически можно представить, что Манилов должен был или обнищать, или же, в меру своих способностей, приспособиться к новым условиям и действовать в них сообразно своим принципам «прекрас-

нодушая». Щедрин допустил лишь первый вариант и сообщил нам в «Письмах к тетеньке», что Маниловы живут в нищете, Фемистоклос промотал имение и служит швейцаром в трактире. Ленину жизнь давала сотни примеров приспособления людей также и маниловского склада к новой обстановке и, более того, активного включения их в общественно-политическую борьбу. И любопытно, что одна из ранних характеристик эволюции Манилова дана Лениным в связи с психологическим антиподом этого образа — Собакевичем. Говоря в своей книге «Развитие капитализма в России» (1899) о невиданном в эпоху «Мертвых душ» ужасающем обнищании крестьян, Ленин писал: «...крестьяне массами бегут из местностей с наиболее патриархальными хозяйственными отношениями, с наиболее сохранившимися отработками и примитивными формами промышленности, в местности, отличающиеся полным разложением „устоев“. Они бегут от „народного производства“, не слушая несущегося им вдогонку хора голосов из „общества“. А в этом хоре явственно выделяются два голоса: „мало привязаны!“, — угрожающе рычит Собакевич. — „Недостаточно обеспечены наделом“, — вежливо поправляет его Манилов».

Прошло несколько лет, и наступает первая русская революция, способствовавшая отчетливому политическому самоопределению различных общественных направлений. И, подготавливая в 1907 г. второе издание книги «Развитие капитализма в России» (вышла в свет в 1908 г.), Ленин в приведенной выше цитате уточняет свои характеристики идейного облика гоголевских героев следующим образом: здесь Собакевич — «черносотенец», Манилов — «кадет» (см. III, 517)¹. В дальнейшем и Собакевич и Манилов соответственно воплощаются в образы конкретных политических деятелей — черносотенного помещика, основателя «Союза русского народа» и «Палаты Михаила Архангела» — Пуришкевича и либерального помещика, профессора философии, князя Евгения Трубецкого. Приводя в статье «Сиятельный либеральный помещик о „новой

¹ Уточнение позиций Манилова и Собакевича связано с утверждением Ленина в том же 1907 г. о происшедшей в этот же период громадной политической передвижке классов, поправлении верхов и обострении политических крайностей (см. XII, 128).

земской России»» слова Трубецкого о том, что «правительственные заботы о деревне» определяются «страхом пугачевщины», Ленин пишет:

«Уже словечком „пугачевщина“ наш либерал обнаруживает свое полное согласие с Пуришкевичами. Разница только та, что Пуришкевичи произносят это слово свирепо и с угрозами, а Трубецкие по-маниловски, приторно, мягко, с фразами о культуре, с отвратительно-лицемерными возгласами о „новой крестьянской общественности“ и „демократизации деревни“, с умильными речами о божественном» (XX, 85). Ленин был свидетелем того, как помещики-крепостники типа Собакевича не только перебрались из своих поместий в Петербург, но и становились во главе реакционной дворянской клики. Отождествление с Собакевичем Пуришкевича, одного из самых грубых и бесцеремонных черносотенцев, всем своим обликом (и — любопытное совпадение! — даже фамилией) сходного с гоголевским героем, является исключительно метким.

И характерно, что в ленинских текстах сравнительная характеристика черносотенцев и либералов большей частью идет в плоскости сопоставления двух психологических общественных типов — «собакевичевского» и «маниловского» склада, даже когда он и не называет самих имен гоголевских героев. Ленин отмечает отсутствие у черносотенцев «половинчатости и нерешительности», беззастенчивость и прямолинейность: «Противоречия между словом и делом у этих господ нет: наши реакционеры тоже „люди дела“, как говорил Лассаль про немецких реакционеров в отличие от либералов» (XIII, 339). Подобных помещиков XX в. Ленин называет не иначе как «мастодонты и ихтиозавры» (XIII, 107), противопоставляя черносотенцев «sans phrases» — либералам «с фразами о либерализме, демократизме» (XIII, 37). «Убеждения у господ дворян одинаковы у всех — начиная от практиков и кончая романтиками, — утверждал Ленин. — Все твердо верят в свое „священное право“ на сотни или тысячи десятин земли, награбленной предками, или пожалованной грабителями. . .» (IV, 381). Но формы проявления социальных инстинктов различны и многообразны у представителей данного класса.

Таким образом Ленин устанавливает генеалогию определенных общественных типов, идущую еще от дореформенной эпохи, крепостников-«ихтиозавров». Ленинскую характеристику практичности «мастодонтов», прекрасно знающих, «чего они хотят» (XIII, 339), следует сопоставить с той характеристикой, которую дал «человеку-кулаку» Собакевичу Гоголь. В отличие от Манилова Собакевич в сделке с Чичиковым проявил не только грубую прямолинейность, но и кулацкую смекалку, выжав за мертвые души цену, выше которой Чичиков никому не дал. В основе ленинской трактовки этих литературных образов и здесь мы видим глубокое проникновение в определяющие их общественные отношения.

Однажды Ленин заметил в письме к Горькому: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе, как... внешне. Т. е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не *смысл* борьбы, не *значение* ее партийное и политическое» (XXXIV, 355). Анализируя расстановку социальных сил в сложном общественно-политическом движении своего времени, Ленин видел, как общественные типы, подобные Манилову, теряли свою цельность и как расщеплялись особенности их характера, проявляясь по-своему то у «друга народа», враждебного самодержавию и абсолютизму, но мечтающего о реставрации в деревне «идиллических» общинных отношений, то у меньшевика, то у кадетского литератора, готового для «общего блага» на компромисс с крепостниками. В соответствии с идейными различиями и оттенками своих противников Ленин подчеркивал то одни, то другие стороны маниловщины. Если в портретах либералов Ленин отмечал, главным образом, маниловские слащавые фразы, то ранее, в 90-х гг., полемизируя с народниками, он отмечал у них другие маниловские черты — стремление отмахнуться от серьезных задач сладенькими вымыслами. «Манилов сидит в каждом народнике» (II, 298) — таково заключение, сделанное Лениным в результате анализа народнических «проектов» исцеления в деревне всех бед путем укрепления общины, введения взаимного страхования жизни, устройства кредитных товариществ и т. д. В своем фельетоне, посвященном статье одного из наиболее пошлых народников — Н. Левитского, статье под многозначительным заглавием «О некоторых вопросах

народной жизни», Ленин не только высмеял маниловское прожектерство, но показал его вредную общественную функцию. «В таких проектах всегда много комичного; — заключил свой фельетон Ленин, — при поверхностном чтении вы не выносите даже большею частью никакого другого впечатления, кроме желания посмеяться. Но попробуйте разобраться в них—и вы скажете: „все это было бы смешно, когда бы не было так грустно!“» (II, 298). Великолепный пример маниловщины новейшего типа Ленин привел в статье «Кустарная перепись в Пермской губернии» (впервые опубликованной в его сборнике «Экономические этюды и статьи», 1898). Ленин здесь с большой сатирической остротой рассказывает о предложенном кустарной промышленности Пермского края проекте устройства небольших... доменных печей и вагранок. При этом, по словам автора проекта, «домохозяева будут носить на завод руды, уголь и пр. наподобие того, как домохозяйки несут на общественную сыроварню молоко». Эту идиллию Ленин характеризует как «маниловское празднование предпринимателей» (II, 407).

Маниловщина, по убеждению Ленина, приносит вполне определенный политический вред, развращая общественное сознание, идейно разоружая в борьбе, уводя в сторону от реального пути исторического развития, стремясь повернуть общественное развитие назад и отрешаясь от противоречий действительности. В статье «Последнее слово „искровской“ тактики или потешные выборы, как новые побудительные мотивы для восстания» Ленин указывает, что маниловщина способна «лишь внести невероятный политический разврат в головы рабочих» (IX, 335). В то же время Ленин всегда вскрывает и *реальный* политический смысл маниловщины, *реальные* интересы классов, которые кроются за теми или иными слащавыми мечтаниями и воздыханиями. Проповедь либеральных маниловских планов «обойтись» без вооруженного восстания характеризуется им как «гениальная философия пресмыкающейся буржуазии», выражающая «самые сокровенные мысли денежного мешка и его глубочайшие интересы» (IX, 163). Маниловские планы выборов в думу при сохранении власти за самодержавием, выдвинутые меньшевиками, «...*всецело наруку либеральной буржуазии,*

которая одна только способна произвести хоть нечто, приближающееся к таким выборам» (IX, 202) ¹.

Почти с самого начала литературной деятельности Ленина и на всем ее протяжении Манилов и маниловщина раскрывались в новых и разнообразных вариациях. Обнаруживая черты Манилова у представителей различных общественно-политических направлений, Ленин средствами публициста проделывал ту самую работу, которую в одной из своих статей о Толстом определил как «срывание всех и всяческих масок». В ленинской трактовке Манилов, сохраняя свое внутреннее психологическое единство, многозначен в своих общественных проявлениях, как многозначен и Молчалин в трактовке Салтыкова-Щедрина. Общие антинародные черты обнаруживаются и у Манилова-меньшевика, и у Манилова-народника, и у Манилова-либерала, и у Манилова-чиновника, и у бесконечного ряда других врагов социалистической революции.

Сходные принципы трактовки литературных героев прошлого нашли выражение в широчайшем использовании Лениным образов, созданных Салтыковым-Щедриным. Образ Иудушки Головлева — один из ярчайших типов лицемера в мировой литературе — раскрывался и углублялся Лениным на разных этапах исторического развития России. Этот образ Ленин использовал в своем разоблачении и российского самодержавия, и ренегатов, и предателей революции (напомним, в частности, позднейшую статью «О краске стыда у Иудушки Троцкого» (см. XVII, 25)). Как уже отмечалось в литературе, Иудушка Головлев действует у Ленина в качестве политического

¹ Позднее, в 1917 г., мы встречаемся в работе Ленина «Задачи пролетариата в нашей революции» с определением маниловщины как уже прямой измены социализму. Наивысшее обострение борьбы классов в этот решающий для страны период и сложная международная ситуация обнаруживают с полной ясностью страшную, чреватую грозными последствиями, сущность маниловщины.

«Добрые люди забывают часто жестокую, свирепую обстановку всемирной империалистской войны, — писал Ленин. — Эта обстановка не терпит фраз, она издевается над невинными, сладенькими пожеланиями». Путь победы был только один: беззаветное развитие революционной борьбы. «Все остальное, — заканчивает Ленин, — обман и маниловщина» (XXIV, 54).

деятеля, у Щедрина же он в качестве политика не выступает¹. Таким образом, Ленин развертывал интерпретацию щедринского образа в том же направлении, в котором Щедрин интерпретировал образы предшествовавшей ему литературы. Но в своем использовании литературных типов Ленин-публицист, как мы видели, пошел дальше по сравнению с Щедриным. Это сказалось и в несравненно большей зоркости и политической остроте ленинской типологии, и в ее четкой историко-теоретической обоснованности, а зачастую и в мастерском сближении образов родственных, но разделенных в своем возникновении многими десятилетиями².

После ленинского истолкования социальное содержание образов Молчалина, Манилова, Ноздрева, Кирсанова, Иудушки Головлева стало для нас яснее: в них раскрылись новые черты и намечены вехи их дальнейшей исторической эволюции. Такие общественные типы, как Молчалин и Ноздрев, Манилов и Иудушка Головлев, были для Ленина, в отличие от народников, мнивших себя хранителями «наследства», не застывшими масками, а историческими категориями. Эти типы оставались в действительности и конца XIX и начала XX в., поскольку причины, породившие их, продолжали существовать, но к ним, говоря словами Щедрина, «прилипло нечто совсем новое, прямо связанное с злобою дня»³.

Так решался Лениным в его практике мастера большевистской публицистики вопрос о «наследстве» применительно к классической художественной литературе. Используя ее организующую и мобилизующую силу, он и здесь, следовательно, осуществлял свой девиз, выдвинутый в работе «От какого наследства мы отказываемся?»: «Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством» (II, 494).

¹ См. подробнее: Д. Заславский. Щедринские типы в произведениях Ленина и Сталина (напечатано в качестве вступительной статьи к I тому Полн. собр. соч. Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), М. 1941).

² Ср., например, сопоставление Лениным гоголевского Акакия Акакиевича с чеховским «человеком в фуляре» как единственно терпимым для российской бюрократии типом чиновника (см. V, 258).

³ Н. Щедрин. (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., Гослитиздат, т. XIV, стр. 459.

К какой бы из сторон теории и практики пролетарского революционного движения ни обращался Ленин в борьбе с народниками — все выдвигавшиеся им вопросы были всегда подчинены задачам соединения марксизма с рабочим движением, утверждения ведущей роли пролетариата в деле освобождения России, вооружения его передовой революционной теорией. В связи с этими задачами Ленин обращался в 90-е годы и к вопросам литературы, критикуя ошибочные, вредные для революции взгляды народников в этой области. Ленинский анализ «субъективного метода в социологии» дал общественной мысли и литературе правильные научные критерии, позволяющие судить о действительном содержании народнических идей, как они проявлялись в различных областях идеологии. Вместе с тем, постановка Лениным проблемы «наследства» в эти годы обнаружила полную необоснованность претензий народников, стремившихся представить себя «хранителями» наследства, и показала, что только марксисты являются подлинными преемниками лучших традиций демократической русской культуры, призванными по-настоящему усвоить и творчески продолжить их. Своим разбором книг Скалдина и Энгельгардта, своей оценкой народников-беллетристов и т. д. Ленин решал проблему соотношения «объективного» и «субъективного» моментов в отражении действительности, тем самым давая образцы для широчайшего использования литературы во всем ее многообразии как орудия познания и изменения жизни.

ЛЕНИН
И ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ
И ЛИТЕРАТУРЫ

В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 гг.

I

Первая русская революция представляла собой важнейший этап истории не только России, но и всего мира, ибо, писал Ленин, «...человечество вплоть до 1905 года не знало еще, как велико, как грандиозно может быть и будет напряжение сил пролетариата, если дело идет о том, чтобы бороться за действительно великие цели, бороться действительно революционно!» (XXIII, 232).

Со времени Парижской Коммуны это была первая революция в Европе. Пролетариат всего мира приветствовал своих русских друзей, поднявшихся на борьбу против самодержавия. Рабочие Парижа, Брюсселя, Лондона устраивали демонстрации перед зданиями русских посольств. Международный империализм был готов отдать миллионы и миллиарды, лишь бы погасить пожар в России. Вильгельм II готовил в помощь российской монархии крейсера и миноносцы, немецкие буржуазные газеты были полны советов, как душить революцию. Либералы с ужасом наблюдали нарастающую с каждым днем мощь народной борьбы, мечтая, чтобы русская революция вышла ублюдочной, недоконченной, вроде немецкой 1848 г. Но «...пойдет наш поезд, как не шел немецкий», — предсказал Ленин в одной из своих статей, перефразируя слова стихотворения Н. А. Добролюбова «В прусском вагоне» (IX, 372).

Когда грянула революционная буря, Ленин приветствовал ее словами, полными высокого поэтического пафоса. С гордостью писал он о «праздничной энергии

масс», вызванной революцией (см. IX, 94), о том, что из рядов рабочих и крестьян «. . .выдвигаются неведомые герои, которые неразрывно слиты с толпой и которые все глубже проникаются благородным фанатизмом народного освобождения». «Наше дело, — заключал он, — позаботиться, чтобы все эти ручейки слились в могучий поток. . .» (IX, 199).

В числе многих проблем, привлекавших внимание Ленина в период первой русской революции, были также и проблемы культуры, литературы и искусства. Значение их для развития революционной борьбы пролетариата трудно переоценить.

Еще ленинская «Искра» — первая общерусская газета революционных марксистов, подготавливавшая пролетариат к роли гегемона в будущей буржуазно-демократической революции, — уделяла немалое внимание вопросам культуры и литературы. Газета осуществляла и в этой области общие установки Ленина, согласно которым пролетариат, сохраняя самостоятельность своих политических позиций, должен быть представителем всех прогрессивных сил, должен «объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом» (IV, 331). Ленинская «Искра» систематически обличала самодержавие в стремлении задушить русскую литературу полицейскими ограничениями, в нетерпимости к малейшему проявлению в литературе свободной мысли, в покровительстве черносотенно-погромной «прессе». В нескольких номерах газета подробно писала о волне общественного протеста, вызванной высылкой Горького из Нижнего-Новгорода¹. Широко сообщала газета об откликах в среде пролетариата и в демократических слоях русского общества на отлучение Толстого от церкви². Ленинская «Искра» умело разъясняла политический смысл каждого связанного с литературой и отразившегося на ее страницах события, будь то репрессии по отношению к писателям³, отмена выборов

¹ 20 декабря 1901 г., № 13; 15 января 1902 г., № 15.

² В частности, в отделе «Из нашей общественной жизни» «Искра» поместила адрес Л. Толстому от рабочих Прохоровской мануфактуры (1901, май, № 4).

³ Полицейский набег на литературу. «Искра», 1901, июнь, № 5.

Горького в почетные члены Академии наук¹ или демонстрация по поводу запрещения праздновать 40-летие со дня смерти Добролюбова². Освещение классовой борьбы в области культуры входило в то разностороннее политическое воспитание, которое давала своим читателям ленинская «Искра». На ее страницах разоблачались реакционные попытки отгородить культуру от политической борьбы, подменить революционную борьбу культуртрегерством и пропагандировалась идея культуры, способствующей народному освобождению. Показательно напечатание в «Искре» (1902, № 22) прокламации «Союза свободных художников», где призыв к политической свободе сочетался с отрицанием «абстрактного искусства», чуждого общественных тенденций. Поддерживая политические протесты и обличения, которые шли из среды демократической интеллигенции, в частности, из среды писателей, «Искра» разоблачала нерешительность, компромиссность, трусливость либералов. «Искра» доказывала, что сила демократического движения только в союзе с пролетариатом. «...Мы считаем необходимым, — писал Ленин еще в 1900 г., — стремиться к тому, чтобы сделать наши органы (речь шла о «Заре» и «Искре». — Б. М.) общедемократическими органами, — не в том смысле, чтобы мы хоть на минуту соглашались забыть о классовом антагонизме между пролетариатом и другими классами, не в том смысле, чтобы мы допускали хоть малейшее затушевывание классовой борьбы, — нет, а в том смысле, чтобы мы выдвигали и обсуждали *все* демократические вопросы, не ограничиваясь одними узко пролетарскими вопросами, выдвигали и обсуждали все случаи и проявления политического гнета, показывали связь между рабочим движением и политической борьбой во всех ее формах, привлекали всех честных борцов против самодержавия, каких бы взглядов они ни были, к каким бы классам они ни принадлежали, привлекали их к поддержке рабочего класса, как единственной революционной и бесповоротно враждебной абсолютизму силы» (IV, 304—305).

¹ «Несчастный случай с Академией наук» (1 апреля 1902 г., № 19); «Академия наук и М. Горький» (1 июля 1902 г., № 21); «Юбилейное холопство» (1 февраля 1903 г., № 33).

² «Искра», 20 декабря 1901 г., № 13.

Литературное движение, конечно, было лишь одной из многочисленных сторон общественной жизни, находивших освещение в «Искре», но ленинская установка на привлечение всех честных борцов против самодержавия к поддержке рабочего класса проводилась и здесь, в освещении фактов литературной борьбы.

Таким образом, уже ленинская «Искра» ставила те вопросы культурного развития и литературного движения, которые с большей широтой встали перед партией в период революции 1905—1907 гг.

Революция 1905—1907 гг., явившаяся, по словам Горького, «актом великого культурного значения»¹, усилила в народных массах тягу к книге, к просвещению. Открылось много демократических просветительных обществ («Знание — сила», «Образование», «Общество самообразования», «Вольная высшая школа» П. Ф. Лесгафта и др.), библиотек, народных университетов, литературных обществ. С небывалой резкостью обнажилось противоречие между стремлениями народа к образованию и ничтожностью мероприятий царского министерства народного просвещения. По вопросам культуры, литературы и искусства стали все чаще появляться статьи партийных литераторов и рабочих корреспондентов в большевистских газетах «Новая жизнь», «Волна», «Вперед», «Эхо», «Борьба», «Светоч», «Свободное слово», «Кавказский рабочий листок», «Борьба пролетариата» и др. Большими тиражами распространялись среди демократических читателей произведения художественной литературы и публицистики.

Вопросы культуры Ленин рассматривал в органической связи с задачами революции, ибо «чтобы стать великой, чтобы напомнить 1789—1793, а не 1848—1850-ые годы, и превзойти их, она должна поднять к активной жизни, к героическим усилиям, к „основательному историческому творчеству“ гигантские массы, поднять из страшной темноты, из невиданной забитости, из невероятной одичалости и беспросветной тупости» (VIII, 263)².

¹ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., П. 1918, стр. 92.

² Постановка проблем культуры либералами вытекала из их ориентации именно на революцию типа германской 1848 года. Известный буржуазный историк Павел Виноградов в своих «Политических письмах» писал, что если бы русская революция пошла по пути

Условия создания новой культуры могли быть завоеваны только победой диктатуры пролетариата. «Мы дожили до революции. Времена одного только литературного давления уже прошли», — писал Ленин (IX, 235), «...просыпается мысль и разум миллионов забытых людей, просыпается не для чтения только книжек, а для дела, живого, человеческого дела, для исторического творчества» (X, 228).

Этими своими принципами ленинская теория культуры была противопоставлена стремлениям либеральной буржуазии подменить революцию так называемыми «культурными задачами». На страницах кадетской прессы в 1905 г. воскресла термидорианская легенда о том, что народная революция несет с собой разрушение культуры (статьи Виноградова, Струве, Изгоева, Бердяева, Философова, Мережковского, Милюкова и др.). Основным органом кадетов, преимущественно посвященным вопросам культуры, был еженедельник «Полярная звезда», выходивший в Петербурге в 1905—1906 гг. В первом же номере этот, по выражению Ленина, «образцовый орган реакционного брюзжания» (X, 239) заявил, что революция в России неизбежно связана с упадком культуры. «Не одной только кровью была окуплена свобода, — писал С. Франк в программной статье «Политика и идеи», — страна заплатила за нее еще упадком идейной жизни и культуры»¹. В других статьях журнала без конца повторялось, что отрицательное отношение к идее культуры является якобы «типичной чертой» революционной интеллигенции², что «европейская социал-демократия по духу своему хотела бы умалить культурные ценности» и что революция и «вандализм» между собой переплетены³. Венцом этой контрреволюционной пропаганды явилась напечатанная там же статья Д. Мережковского под вызывающим заголовком «Грядущий хам».

французской (1789—1793 гг.), то пришлось бы призвать для восстановления порядка «немецкого вахмистра» («Русские ведомости», 1905, № 210). П. Виноградову и его «письмам» посвящена статья Ленина «Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?» (IX, 216—221).

¹ «Полярная звезда», 1905, № 1, стр. 19.

² П. Струве и С. Франк. Очерки философии культуры. «Полярная звезда», 1905, № 2, стр. 108.

³ Н. Бердяев. Революция и культура. «Полярная звезда», 1905, № 2, стр. 146.

Возгласы «Полярной звезды» и «Речи» о «вандализме» пролетариата, разумеется, пришлось по вкусу идеологам реакции и были сразу же подхвачены «Новым временем», которое устами Розанова заявило, что «кадеты не выпустят культуру и для революции»¹. Клеветническое обвинение русских революционеров в презрении и ненависти к культуре быстро переключалось из русской либеральной прессы в кайзеровскую Германию. «Vossische Zeitung» 29 августа 1905 г. в статье о росте революционного движения в Петербурге заявила, что революционные действия «принесли уже русской культуре тяжелый вред». Таким образом, либеральная буржуазия стремилась доказать, что пролетариат не может претендовать на самостоятельную роль ни в политике, ни в вопросах культуры, так как он не имеет культурных традиций.

Ленин предвидел, что «...эта тактика будет обосновываться, защищаться, оправдываться всем богатым идеологическим багажом „научных“ исследований², „философских“ туманностей, политических (или политиканских) пошлостей, „литературно-критических“ взвизгиваний (à la Бердяев) и т. д., и т. д.» (X, 204—205). Работа Ленина, упоминающая о бердяевских, «„литературно-критических“ взвизгиваниях», датируется концом марта 1906 г. и, без сомнения, имеет в виду статью Н. Бердяева «Революция и культура» в журнале «Полярная звезда», 1905, № 2. В этой статье Н. Бердяев всячески старался убедить читателей, что русская культура принадлежит «мятущимся интеллигентам» и «идеалистическим либералам» и что «социал-демократы — провозвестники рационалистической религии человеческого устройства» являются врагами культуры и эстетики.

Реакционным измышлениям Бердяева был дан отпор в статье В. Воровского «„Мятущиеся“ и „мечущиеся“»³. Ленин же пока ограничился приведенным выше попутным замечанием и поддержкой «Заметок о мещанстве» Горького, подвергшихся клеветническим нападкам в той же

¹ В. Розанов. Из-за деревьев не видим леса. «Новое время», № 10848, 28 мая 1906 г.

² Вроде исследования г. Кизеветтера, открывшего, что диктатура значит по-латыни усиленная охрана. (Прим. Ленина.)

³ «Образование», 1906, № 4.

статье Бердяева (см. X, 220). В период революции 1905—1907 гг. вопрос о культурном наследстве вновь, как и в 90-е гг., когда шла борьба с народниками, приобрел весьма актуальное значение.

В целом ряде статей и писем 1905—1907 гг. Ленин указывал на возросшую роль печатного слова в партийной организации и воспитании масс. Много внимания Ленин уделял развитию партийной печати и организации издательской работы. В период 1905—1907 гг. Ленин редактировал или принимал участие в редактировании газет «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь» и других, а также различных сборников, брошюр и изданий Дешевой библиотеки «Знания».

Невиданный в царской России размах приняло издание легальной и нелегальной литературы на Кавказе. Огромную роль в революционном движении сыграла выходящая под редакцией Сталина газета «Пролетариатис Брдзола» («Борьба пролетариата»). «Ленин с восхищением отзывался о „Пролетариатис Брдзола“, её марксистской выдержанности, превосходных литературных качествах»¹.

В статье, написанной в Женеве в самом начале революции, Ленин сформулировал задачи большевистских публицистов: «Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям. . . , — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты» (VIII, 84).

Замечания Ленина о развитии партийной публицистики в годы первой русской революции касались и вопроса о литературном языке и стиле. Подвергая критике стиль меньшевистских и кадетских публицистов, склонных к фразерству и загромождавших свои статьи специальной псевдоученой терминологией, Ленин указывал, что партийные литераторы и пропагандисты «. . . должны уметь

¹ «Иосиф Виссарионович Сталин (Краткая биография)», изд. 2-е, 1947, стр. 25.

говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений» (XI, 262).

В своих указаниях об агитации и пропаганде Ленин продолжал ту же линию, которую он развивал еще в 90-х гг.; в частности, он резко протестовал против создания для рабочих какой-то особой, «популярной» литературы, рассчитанной на уровень «рабочего-середняка». В письме партийным организациям от 12 декабря 1904 г. он писал: «К идее отделения рабочего („популярного“) органа и общего — руководящего — интеллигентского мы относимся очень скептически: мы хотели бы, чтобы социал-демократическая газета была органом всего движения. . .» (VII, 492).

С большим одобрением относился Ленин к широкому распространению в массах классической литературы. Вспоминая известные стихи Некрасова из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» («Придет ли времячко»), Ленин впоследствии писал о 1905—1907 гг.: «Желанное для одного из старых русских демократов „времячко“ пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешевой брошюрой. Демократическая книжка стала *базарным* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси — была пропитана сплошь эта новая базарная литература. . .» (XVIII, 286).

Политическое значение этих установок Ленина станет особенно ясным, если учесть, что как раз в 1905 году министерство народного просвещения требовало придать чтению и изучению художественной литературы «охранительную функцию» и осуждало увлечение юношества Чеховым, Горьким, Л. Н. Толстым: по глубокому и строгому заключению министерства, они «неумолимо строгие и мучительно-зоркие судьбы нашей совести», творения которых «не следует делать предметом классового разбора»¹.

¹ «Журнал Министерства народного просвещения», 1905, № 7, стр. 41.

Уже в 1905 г. Ленин считал необходимой пропаганду также и передовой иностранной классической литературы, в частности — «перевод и массовое распространение французской просветительной и атеистической литературы XVIII века» (X, 68).

Все эти идеи Ленина подготовили советскую политику в области культуры и литературы после Великой Октябрьской социалистической революции. Но в известной мере они осуществлялись на практике уже тогда. Так, например, руководимое Горьким издательство «Знание», ориентировавшееся на массового читателя, издавало, наряду с публицистическими произведениями Ленина, Маркса, Энгельса, Лафарга, Меринга, сочинения античных и западно-европейских классиков — Софокла, Эсхила, Эврипида, Гёте, Байрона, Шелли и др.

Партийная пресса в период первой русской революции все более и более усиливает внимание к вопросам литературы. Резолюция, принятая на съезде литераторов-пропагандистов — группы, образованной при ЦК РСДРП, — отмечает желательность беллетристических приложений к газете «Рабочий». Там же указывается на необходимость использования для пропаганды среди рабочих художественной литературы и приводится примерный список рекомендуемых произведений¹. Газета «Вперед», а затем «Пролетарий» и «Новая жизнь» отмечают на своих страницах активизацию литературно-политического движения, приводят факты, говорящие о сочувствии русской революции не только многих русских, но и ряда западно-европейских писателей².

Все эти вопросы приобретали еще большее значение в связи с перспективой издания легальных большевистских газет и журналов.

Проблемы литературного развития интересовали Ленина как необходимые элементы борьбы за победу пролетарской революции. Литература, как могучее средство воспитания народа, должна была в максимальной степени быть освобождена из-под опеки либеральной буржуа-

¹ Задачи пропаганды. «Пролетарий», 1905, № 16.

² Например, в № 10 газеты «Вперед» отмечается участие в парижском «Обществе друзей русского народа» Анатоля Франса, Эмиля Золя, Октава Мирбо.

зни и вовлечена в сферу непосредственного воздействия борьбы большевистской партии, в сферу влияния идей марксизма.

Разоблачение политической сущности и предательской роли кадетов имело огромное историческое значение. Как отметил И. В. Сталин, «в период борьбы с царизмом, в период подготовки буржуазно-демократической революции (1905—1916) наиболее опасной социальной опорой царизма являлась либерально-монархическая партия, партия кадетов»¹. Ленин говорил о различных прослойках в партии кадетов: «Они соединяют в себе, поистине, лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционного помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа» (X, 195—196). Важность борьбы с кадетами, разоблачения их усиливалась тем, что кадеты развращали сознание масс, а меньшевики стали «проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, . . . агентами буржуазии в рабочем классе»². Все это осложняло борьбу с кадетами, которую неуклонно и последовательно вела партия большевиков.

В этой борьбе немалое внимание партия большевиков во главе с Лениным уделяла разоблачению реакционных кадетских идей также и в области культуры.

Кадеты предпринимали всевозможные меры для того, чтобы овладеть литературным движением и развернуть массовую литературно-агитационную работу. Еще 2 ноября 1904 г. совет «Союза освобождения» решил в числе других мероприятий «земской кампании» поднять кампанию за образование союзов профессоров, адвокатов, *писателей* и других лиц свободных профессий. На одном из первых заседаний того же совета было вынесено специальное постановление о развертывании работы силами кадетской партии в Московском литературно-художественном кружке, об увеличении количества «общедоступных» лекций, концертов и вечеров. Буржуазные литераторы и профессора всемерно стремились «обеспечить

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 384.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 90.

поддержку кадетской партии революционным народом» (X, 204). Делались попытки завязать прямые связи с рабочими. «...Либералы, — говорил на III съезде РСДРП Воровский, — особенно после 9 января начали усиленно заводить связи в рабочей среде и пытаются захватить руководство пролетарским движением в свои руки»¹. Один из организаторов «Союза освобождения», князь Д. Шаховской, обратился к интеллигенции с призывом: «Широкое распространение литературы, беседы, лекции, собрания — все должно быть пущено в ход, чтобы разъяснить народу его новые права и помочь ему разобрататься в средствах борьбы с его старыми недугами»². Наиболее сильным орудием кадетов была печать. По данным петербургской охранки, в период 1905—1907 гг. только центральными органами кадетской партии было издано 66 брошюр и листовок общим тиражом около 2,5 миллиона экземпляров. Кроме того, к услугам кадетов были многочисленные газеты — от «Речи» до «Нашей жизни», «Сына отечества», «Товарища» — и ряд журналов.

Кадетская пропаганда, как в открытых формах, так и в дипломатически-увертливых — тем более ядовитых, — приносила огромный вред. И вместе с тем, опасения кадетских вождей, предугадывавших, что «вряд ли кадеты будут иметь успех у рабочих»³, подтверждались с неожиданной для них силой. Вспоминая впоследствии о попытках кадетов «воссоединиться» с народом, Б. Кистяковский писал: «На наших митингах свободой слова пользовались только ораторы, угодные большинству; все несогласно мыслящие заглушались криками, свистками, возгласами „довольно“, а иногда даже физическим воздействием»⁴. Еще менее могла иметь успех у рабочих либеральная публицистика, которая, например, сопровождала составленный «Союзом освобождения» проект русской конституции «разъяснениями» такого характера: «Для русского освободительного движения демократия есть не только

¹ Протоколы III съезда РСДРП, М. 1937, стр. 389.

² «Северный край», 1 ноября 1905 г.

³ Отчет об учредительном собрании кадетов в СПб. 18 октября 1905 г. «Северный край», 20 октября 1905 г.

⁴ «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1909, стр. 112—113.

факт, но и морально-политический постулат. Выше исторического оправдания для всякой общественной формы оно ставит оправдание нравственное» и т. д.¹

Писания официальных кадетских литераторов уже по самому своему стилю были предназначены для буржуазных интеллигентов. К тому же, если ранее П. Струве в «Освобождении», искусно пользуясь «революционной» терминологией, еще мог надеяться отравить сознание политически отсталых слоев рабочих, если «Наша жизнь» набила руку на демагогическом заигрывании с рабочими, то «Полярная звезда» грубостью и цинизмом могла лишь только разжигать ненависть к либералам в среде прогрессивных читателей. Именно в этом журнале Струве заявил: «Не надо нам больше никаких забастовок и никаких забастовочных комитетов»², именно там Д. Мережковский напечатал упомянутую выше хулиганскую статью «Грядущий хам».

Разумеется, такие выходки могли только отталкивающе действовать на «политически невоспитанные», но честные, сочувствовавшие народной борьбе слои общества. Кадетам, хотя и державшим тогда под своим влиянием немалые слои литературной интеллигенции, все же не удалось обеспечить себе поддержку со стороны ряда крупнейших русских писателей. Лев Толстой категорически отклонял предложения кадетских деятелей поддерживать в какой-либо форме либеральные мероприятия³. В. Короленко отказался от выдвижения его кадетами в Государственную думу⁴.

На каждое политическое мероприятие либеральная буржуазия пыталась наложить печать присущей ей по-

¹ Основной государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза освобождения», издание «Союза освобождения», 1905.

² В фельетоне «Экскурсия на „Полярную звезду“ и в окрестности» Луначарский остроумно отметил «парадоксальность самого названия этого журнала: «Освобождение», отличающееся положительно флюгерно подвижностью своих взглядов, — переименовывается теперь именем единственного неподвижного и незбылемого пункта, какой существует на нашем небосклоне» («Вестник жизни», 1906, № 2, стр. 44).

³ См. ниже, стр. 374—376.

⁴ В письме в редакцию «Русских ведомостей» (1906, № 79) он считал нужным довести до сведения общественности, что он не принадлежит к партии кадетов.

ловинчатости и классового эгоизма. Эти черты характеризуют и отношение кадетов к вопросу о свободе печати. Требование свободы печати в период революции входило в программы самых разнообразных общественных слоев: мы видим это требование и в петиции петербургских стачечников и в резолюции, скажем, союза приказчиков.

Ленин считал, что свобода печати, которая может быть завоевана рабочим классом лишь с оружием в руках, является обязательным условием свободного общественного развития. Но вот как мотивировал необходимость свободы печати видный кадет, редактор журнала «Вопросы философии и психологии» кн. Е. Трубецкой. «Крайние партии, — заявлял он, — захватили в свои руки монополию организации. Благодаря нашим законам о печати и деятельности нашей цензуры им же принадлежит в настоящее время монополия свободного слова. В то время, когда люди умеренные вынуждены молчать за невозможностью высказываться в легальных органах печати, нелегальные листки у нас наводняют улицы и влияние их, ничем не будучи сдержано, растет не по дням, а по часам»¹.

Таким образом, «свобода печати» требовалась кадетам для борьбы с революционной пропагандой. В период 1905—1907 гг. буржуазные литераторы и книгоиздатели на практике проводили это «теоретическое» положение кадетских вождей. В мае 1905 г. Ленин констатировал в газете «Вперед»: «В России, вопреки закону, господствует теперь свобода слова, собраний и печати, несравненно большая, чем 10 лет тому назад, чем год тому назад, но пользуются этим в сколько-нибудь широких размерах лишь буржуазные газеты, лишь „либеральные“ собрания» (VIII, 392). Либеральная буржуазия и после манифеста 17 октября стремилась к ограничительному использованию и без этого ограниченной свободы печати. «Свободу печати, обещанную в пределах, дозволенных Треповым, революционный пролетариат раздвигает своей могучей рукой до несколько более широких пределов, — писал Ленин в статье «Приближение развязки» (ноябрь 1905 г.). — В субботу 22-го октября (4-го ноября) вышли... только те питерские газеты, которые согласились

¹ Е в г. Т р у б е ц к о й. Война и бюрократия. «Право», 1904, № 39.

с требованием рабочих игнорировать цензуру» (IX, 421). Любопытно, что в это время Союз книгоиздателей, созданный «для осуществления свободы печати», вел себя настолько нерешительно, что присутствовавший на собрании Союза депутат от рабочих в конце концов заявил: «Я пришел не убеждать вас, а сказать вам, что как бы вы ни реагировали на данный вопрос, какое бы постановление вы ни вынесли сегодня, — мы, рабочие, уже постановили игнорировать цензуру. Мы вынесем это на своих плечах»¹. Только после этого выступления заседание (под председательством П. Ф. Якубовича-Мельшина) приняло необходимые решения.

Так проявлялась инициатива революционного пролетариата и в вопросе о цензуре, борьба с которой была на протяжении всего XIX в. излюбленной темой либеральных публицистов.

Благодаря тому, что пролетариат шел во главе революционного движения, «цензура, — как говорил Ленин, — была просто устранена. Никакой издатель не осмеливался представлять властям обязательный экземпляр, а власти не осмеливались принимать против этого какие-либо меры. Впервые в русской истории свободно появились в Петербурге и других городах революционные газеты. В одном Петербурге выходило три ежедневных социал-демократических газеты с тиражом от 50 до 100 тысяч экземпляров» (XXIII, 240).

II

Общественно-литературная борьба периода революции 1905—1907 гг. была чрезвычайно сложной и своеобразной. Предательская тактика либеральной буржуазии в этой революции и руководящая роль пролетариата в борьбе с царизмом — все это заставляло по-новому ставить вопрос о политическом самоопределении интеллигенции и в том числе художественных ее кругов. Поддерживать буржуазию в русской буржуазно-демократической революции означало предавать интересы революции. Русская буржуазия в «борьбе» с самодержавием играла настолько жалкую, лакейскую роль, что в оценке ее схо-

¹ Среди книгоиздателей. «Новая жизнь», 1905, № 5,

дились нередко представители даже враждовавших между собой идеологических направлений.

Наглядным доказательством этого являются отклики в русской литературе и публицистике на манифест 17 октября. «...Даже либеральные буржуа, — указывал Ленин, — не могут не видеть, что манифест царя содержит лишь одни слова, одни обещания. Кто же поверит теперь одним обещаниям? Не насмешка ли все эти фразы о неприкосновенности личности и свободе слова, когда тюрьмы все еще переполнены так называемыми политическими преступниками, когда цензура продолжает еще держаться?» (IX, 399).

Но либеральная буржуазия встретила манифест восторженно. Как только распространилась весть о «манифесте», «зазвонили телефоны. Буржуазия города поднимала с постелей своих знакомых. Клубная публика, побросав карты, начала произносить тосты, поздравлять с конституцией и пить шампанское», — вспоминает один из современников¹.

Эта картина «ликования» вызвала возмущение у такого, в те годы еще далекого от пролетарской революции, поэта, как В. Брюсов, который в стихотворении «Довольным», написанном 18 октября 1905 г. — на другой день после издания манифеста, — обличал «этих всех» довольных «малым» и заявлял о своей ненависти к любителям «полумер»². Все честные деятели русской литературы, в том числе и те, которые ранее избегали политической тематики, с негодованием встретили манифест. Александр Блок в тот же день, 18 октября, заканчивает свое стихотворение «Вися над городом всемирным» символическими строками:

И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змея,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.

¹ И. Нечаев. Революция 1905 года в Нижегородском крае, 1931, стр. 79.

² Источник фразеологии, которую презрительно отвергал Брюсов, очевиден: это «Освобождение» (орган П. Струве). Этот журнал еще в 1904 г. в своей на шумевшей декларации заверял министра внутренних дел Святополк-Мирского, что «общество может удовлетвориться разными смягчениями и полумерами» («Освобождение», 1904, № 57).

Литературное развитие в 1905—1907 гг. полностью подтвердило мысль Ленина об огромном влиянии революции на самые различные слои общества: «Все растет и будет расти число людей, совершенно чуждых всяким „планам“ и всяким даже идеям революции, которые *видят, чувствуют* необходимость вооруженной борьбы при виде этих зверств полиции, казаков и черносотенных над безоружными гражданами. . . Не волноваться происходящим теперь в России, не думать о войне и о революции нельзя, а всякий, кто волнуется, думает, интересуется, *вынуждается* — становится в тот или иной вооруженный лагерь» (IX, 180—181). И в другом месте: «Потребность в „человеческой“, культурной жизни, в объединении, в защите своего достоинства, своих прав человека и гражданина, охватывает все и вся, объединяет все классы, обгоняет гигантски всякую партийность, встряхивает людей, еще далеко-далеко неспособных подняться до партийности» (X, 59).

Едва ли были тогда писатели, в творчестве и мировоззрении которых революция не получила бы отклика в той или иной форме. Газета «Пролетарий» писала, что даже «Толстой и толстовцы, эти по преимуществу „непротивленцы“, и они нашли идею всеобщей стачки в высшей степени моральной»¹. Приближение революции оказало значительное влияние на Чехова, писателя, который когда-то заявлял, что «большие писатели и художники должны заниматься политикой лишь настолько, поскольку нужно обороняться от нее»². Чехов умер в 1904 г. и не был свидетелем полного разворота революционных событий. Но вот как характеризует его настроения в преддверии 1905 г. один из современников:

«Он, отвертывавшийся от политики, весь ушел в политику. . . Пессимистически и во всяком случае скептически настроенный Чехов стал верующим. Верующим не в то, что будет хорошая жизнь через двести лет, как говорили персонажи его произведений, а что эта хорошая жизнь для России придвинулась вплотную, что вот-вот

¹ Массовая политическая стачка. «Пролетарий», 1905, № 4. Подробнее об отношении Л. Н. Толстого к революции см. на стр. 366—374 нашей работы.

² Письма А. П. Чехова, т. V, стр. 159.

перестроится вся Россия по-новому, светлому, радостному. . . Помню, когда я вернулся из Петербурга в период оживления Петербурга перед революцией 1905 г., он в тот же день звонил нетерпеливо по телефону. . . ему безотлагательно, сейчас же нужно было знать, что делается в Москве и Петербурге, и не в литературных кругах, о которых раньше он исключительно расспрашивал меня, а в политическом мире, в надвигавшемся революционном движении. . . И когда мне, не чрезмерно обольщавшемуся всем, что происходило тогда, приходилось вносить некоторый скептицизм, он волновался и нападал на меня с резкими, не сомневающимися, не чеховскими репликами.

— Как вы можете говорить так! — кипятился он. — Разве вы не видите, что все сдвинулось сверху донизу! И общество, и рабочие! . .

И как-то все перевернулось в нем»¹.

Выдающуюся роль в литературном движении периода 1905—1907 гг. сыграли руководимые Горьким сборники «Знание», стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы, объединявшие прогрессивных писателей². Симптоматично, что рецензент буржуазно-символистского журнала «Весы», враждебно характеризуюя рост влияния «знаньевцев», писал: «Все любящие русскую литературу должны бороться с влиянием этих сборников»³. Объединенные этими сборниками писатели Вересаев, Куприн, Скиталец, Айзман, Гарин, Юшкевич, Гусев-Оренбургский и др. принадлежали к левому крылу демократической литературы.

Огромное значение для дела революции и для развития русской литературы имела творческая деятельность самого Горького, страстного трибуна революции, борца за коммунизм, в эти годы говорившего со всем миром от имени восставшего пролетариата. Но об этом подробнее будет сказано ниже.

Революция заставила многих писателей заново пересмотреть идейные и эстетические принципы своего твор-

¹ С. Я. Елпатьевский, Воспоминания за 50 лет, Л. 1929, стр. 305—306.

² Формулу «прогрессивный писатель» употреблял Ленин, так назвал он в 1907 г. В. Г. Короленко (см. XII, 237).

³ «Весы», 1905, № 4, стр. 76.

чества, перейти к новым темам и новым художественным формам.

Многие из писателей, ранее защищавших «чистое искусство», заговорили об «иных путях».

Брюсов и в эти годы (пожалуй, единственный из крупных литераторов) *теоретически* отстаивал независимость искусства от общественной борьбы, но и он в сентябре 1905 г. писал П. П. Перцову: «Для меня это был год бури, вдоворота... Временами я вполне искренне готов был бросить все прежние пути моей жизни и перейти на новые, начать всю жизнь сызнова...»

Революция дала русской литературе не только Владимира Маяковского, но и нового Александра Блока; она открыла поэту-мистику, погруженному ранее в сновидения о «Прекрасной Даме», «подлинное лицо проснувшейся жизни», внушила ему то углубленное чувство связи «с своей страной и своей природой», о котором он писал в 1905 г.¹

Однако были писатели, стремившиеся искусственно сочетать новые темы со старыми принципами; были и такие, для которых революционная тема представляла лишь очередную моду. Требовалась большая зоркость для определения действительных позиций того или иного писателя.

В обильных декларациях литераторов было много поверхностного, сочувствие революции часто сочеталось с тяготением к старым, привычным формам отмиравшей барской культуры, а симпатия к социализму — с приверженностью к идее морального преобразования и угнетенных и угнетателей.

Подобный эклектизм объясняется как особенностями классовой принадлежности этих писателей, их прошлым, так, зачастую, и политической «невоспитанностью» широких слоев демократической интеллигенции.

Но вопреки этим моментам законы жизни побеждали, и существенные стороны революционной действительности отражались в художественном творчестве.

Наши литературоведы избегают формулы: «Литература периода первой русской буржуазно-демократической революции». Избегают, вероятно, потому, что эта литера-

¹ А. Блок. Собр. соч., т. X, стр. 275.

тура является весьма пестрой по своему идеологическому составу. Как известно, некоторые писатели, в годы первой революции занимавшие прогрессивно-демократические позиции, впоследствии отошли от революции, а иные из них оказались в лагере врагов пролетариата (как, например, писатели Е. Чириков и А. Куприн, после Октябрьской революции оказавшиеся в белой эмиграции; Чириков до самой смерти оставался эмигрантом, а Куприн в конце жизни раскаялся и вернулся на родину). Но в том-то и заключается диалектика искусства, что многие из писателей, мировоззрению которых и в то время были свойственны реакционные тенденции, все же должны были, поскольку они тогда оставались художниками слова, отразить хотя бы отдельные черты всенародной освободительной войны против самодержавия. Поэтому, например, Леонид Андреев, взгляды которого, по существу, всегда были очень далеки от революции, создал в те годы произведения, получившие наибольшую известность, сыгравшие относительно прогрессивную роль. Критика неоднократно отмечала и «отвлеченный гуманизм» и анархические элементы в творчестве Л. Андреева, писателя, впоследствии занявшего открыто реакционные позиции. Однако некоторые персонажи из его произведений периода революции 1905—1907 гг. были, несомненно, типичны для определенных слоев русского общества. Когда Ленину надо было охарактеризовать людей, которые «не замечали» роли восставшего народа в революции, он упомянул Поллака — педанта «с совершенно выхолощенной душой» (XI, 164) из драмы Л. Андреева «К звездам» (1905).

Ленинская характеристика революции 1905—1907 гг. дает прочную основу для исследования литературы этого периода, для раскрытия ее сильных и слабых сторон. «В современной России, — писал Ленин в 1905 г., — не две борющиеся силы заполняют содержание революции, а две различных и разнородных социальных войны: одна в недрах современного самодержавно-крепостнического строя, другая в недрах будущего, уже рождающегося на наших глазах буржуазно-демократического строя. Одна — общенародная борьба за свободу (за свободу буржуазного общества), за демократию, т. е. за самодержавие народа, другая — классовая борьба пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества» (IX, 280—281).

«Вторая война» нашла таких художников, как М. Горький и А. Серафимович. Необходимо указать также на деятельность ряда поэтов — пролетарских революционеров. Разумеется, по своему идейному и художественному уровню произведения пролетарских поэтов, которые тогда еще не отличались художественной самостоятельностью, не могут быть сравниваемы с творчеством Горького. Тем не менее пролетарская поэзия была партийно заостренной и отражала «классовую борьбу пролетариата с буржуазией за социалистическое устройство общества».

Литература эта в большей или меньшей мере подвергалась изучению¹. Однако почти не освещена до сих пор литература, отразившая «первую войну» — общенародную борьбу за свободу, за демократию.

Ее образы и проблемы в том или ином преломлении выражены в произведениях большинства русских писателей. Неясность положительных идеалов прогрессивных писателей, их стихийная революционность были связаны с теми особенностями «первой из двух войн», составлявших содержание революции 1905—1907 гг., о которых писал Ленин.

Ленинские характеристики первой русской революции представляют величайшую ценность и для понимания литературного развития. Изучение литературы периода революции 1905—1907 гг. в свете этих ленинских характеристик дает основание утверждать, что наряду с пролетарской литературой в тот период развивалась и литература, которая должна быть названа революционно-демократической. В брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) Ленин, обличая кадетов, маскировавшихся в тогу «демократии», показал роль и значение подлинной революционной буржуазной демократии, сотняи нитей связанной с движением широких масс, с революционным крестьянством и городской беднотой. «Наличность чрезвычайно широких слоев революционной демократии в России, — писал Ленин, — не подлежит сомнению: ее неорганизованность, ее беспартийность, ее

¹ Кроме ряда статей о пролетарской поэзии 1905—1907 гг., можно указать на изданный в серии «Библиотека поэта» том комментированных произведений пролетарских поэтов, написанных в 1905—1907 гг.

придавленность теперешними репрессиями может вводить в заблуждение лишь самых невнимательных и недумчивых наблюдателей» (X, 248). Ленин указывал на необходимость отделить от либерально-монархической, оппортунистической буржуазной демократии «...революционную буржуазную демократию, то есть такую, которая, хотя бы она и была не вполне сознательна политически, с рядом предрассудков и пр., способна на решительную и бесповоротную борьбу против всех остатков крепостнической России. . .» (X, 248).

Указанные Лениным признаки революционной буржуазной демократии мы находим в произведениях целого ряда писателей, отразивших вызванные первой русской революцией процессы. Произведения С. Подьячева («Разлад», «В народной гуще», «В трудное время», «По этапу» и др.), И. Вольного («Повесть о днях моей жизни»), Скитальца («Полевой суд», «В деревне» и др.), Чирикова («Дом Кочергиных», «Мужики»), Тана («По губернии», «Беспокойный»), рассказы и повести Муйжеля, Гусева-Оренбургского и др. отразили революционную ненависть крестьянства к строю царской России, стремление уничтожить все остатки крепостничества и в то же время свойственную революционной буржуазной демократии недостаточную политическую сознательность, ограниченность, колебания, предрассудки.

В других произведениях, например, Тана («На тракту», «Дни свободы»), Телешова («Начало конца»), Айзмана («Терновый путь»), Кипена («В октябре»), Юшкевича («Евреи»), даны попытки показать, в той или иной степени, революционную борьбу рабочих и городской бедноты. Показательно, что некоторые из этих писателей проявляли в своих художественных произведениях гораздо больше политического чутья и понимания действительности, чем в своих же публицистических статьях.

Революционно-демократические писатели в период первой русской революции отразили в своих произведениях не только ненависть народа к самодержавию, но и презрение к либеральной буржуазии. В брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906) Ленин, характеризуя политическую обстановку этого времени, пользуется образами стихотворения Скитальца «Тихо стало

кругом», напечатанного в 1906 г. в IX сборнике «Знания»¹. В произведениях других писателей разоблачение конституционных иллюзий является самостоятельной темой. На страницах журналов и сборников этих лет встречается немало рассказов о рядовых городских обывателях, разбуженных революцией к общественной жизни, сначала восторженно встретивших манифест 17 октября, а затем увидевших иллюзорность своих надежд на новую жизнь. Сходную тему впоследствии разработал и Подьячев в рассказе «Забытые». В большинстве подобных произведений ярко проявлялись революционно-демократические тенденции, но не было все же ясного представления о конечных целях революции. Часто встречались у авторов этих произведений черты непоследовательности, ноты либерального смятения перед размахом революционной борьбы, боязнь революционного насилия и т. п. Тем более необходимо было определить политику партии на новом этапе по отношению к такого рода элементам.

В 1905 г. в статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин писал: «... теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики... Мы переварим этих непоследовательных людей» (X, 30)². Политическое воспитание интеллигенции, сочувствовавшей пролетариату и переходившей на его сторону, становилось

¹ «Когда наступает затишье после отчаянной борьбы, когда наверху „отдыхает уставший от победы“, обожравшийся зверь, а внизу «точат мечи», собирая новые силы, когда начинает снова понемногу бродить и кипеть в народной глубине, когда только еще готовится новый политический кризис и новый великий бой, — тогда партия мешанских иллюзий о народной свободе переживает кульминационный пункт своего развития...» (X, 194; курсив наш. — Б. М.). На той же странице в подстрочном примечании Ленин приводит 1, 4 и 5 четверостишия этого стихотворения Скитальца.

² По отношению к писателям эта точка зрения нашла отражение в статье А. Луначарского «Задачи социал-демократического художественного творчества», напечатанной в журнале «Вестник жизни», 1907, № 1. Отвергая мнение Гарина-Михайловского, что писатели социалистического направления могут быть выходцами только из среды пролетариата, Луначарский писал: «...вокруг Горького есть художники-интеллигенты, интеллигенция постоянно выдвигает новые дарования, и близость части интеллигенции к пролетариату должна будет, быть может уже скоро, породить социал-демократическую

одной из очередных задач дня. Ленин в ряде статей 1905—1907 гг. требовал от работников партии усиления воспитательной работы среди различных слоев населения, он указывал, что надо добиваться не только повышения сознательности рабочих, но и того, чтобы «обывателя... встряхнуть и превратить в гражданина» (XI, 422). Ленин следил за процессами социального и политического расслоения в самых, казалось бы, далеких от революции общественных группах, в том числе даже в «Религиозно-философском обществе» (см. VIII, 86).

Наконец, уже непосредственно к работникам литературы и искусства может быть отнесено следующее замечание Ленина: «Долгое и безраздельное господство самодержавия накопило невиданное, пожалуй, в истории количество революционной энергии в народе: наряду с громадным рабочим движением ширится и растет крестьянское восстание, сплачивается мелкобуржуазная демократия в лице преимущественно представителей свободных профессий» (VIII, 414). Такова была точка зрения Ленина в отличие от точки зрения меньшевиков, считавших, что поскольку вождем буржуазной революции должна быть буржуазия, постольку влияние пролетариата на прогрессивные слои интеллигенции и литературное движение исключается. Эти идеи развивались в книге одного из идеологов меньшевизма — Старовера (А. Потресова) «Этюды о русской интеллигенции» (1906), за что П. Струве и поспешил расхвалить ее в качестве «отрадного явления»¹.

Как отметил Сталин, «величайшая заслуга Ленина перед русской революцией состоит в том, что он вскрыл до корней пустоту исторических параллелей меньшевиков и всю опасность меньшевистской „схемы революции“, отдающей рабочее дело на съедение буржуазии»². Партия как представитель и руководитель самого революционного класса оказывала все большее и большее влияние и на ход литературного движения (1905—1906 гг.).

беллетристику, а затем и живопись и скульптуру». В начале своей статьи Луначарский поясняет, что «социал-демократическое художественное творчество» он понимает не как художественное творчество только социал-демократов, а как часть великого социалистического движения.

¹ «Русская мысль», 1907, № 10, стр. 207.

² И. Сталин. Сочинения, т. 4, стр. 312.

Задача в этом плане заключалась и в идеологическом воздействии на прогрессивных писателей и в борьбе с теми писателями, которые преследовали враждебные пролетариату цели, прикрываясь социалистическим знаменем, и в строгой охране самостоятельности партии, чистоты ее идеологических позиций в общедемократическом народном подъеме. В свете этих задач, а также в свете итогов первой русской революции следует рассматривать статью Ленина «Партийная организация и партийная литература», сыгравшую столь важную роль в развитии доктрябрьской, а затем и советской литературы.

III

Статью «Партийная организация и партийная литература» Ленин опубликовал в «Новой жизни» вскоре после своего приезда в Петербург. В этой статье Ленин выдвинул новые принципы литературного развития, продиктованные новыми историческими условиями. Ленин считал, что уже частичная победа демократической революции открывала возможности для развития и проведения в жизнь принципа партийной литературы. Отошла в прошлое проклятая пора «идейного крепостничества», пора вынужденных недомолвок «людей, желавших выразить (в подцензурной печати. — Б. М.) партийные взгляды», отпали всякого рода «уродливые союзы, ненормальные „сожителства“, фальшивые прикрытия» (X, 26). В последних словах Ленина подразумевалось имевшее место до революции 1905—1907 гг. сотрудничество партийных литераторов в журналах, марксистски недостаточно выдержанных, ибо иной трибуны для *легальной* пропаганды марксизма не было. С другой стороны, и в журналы, задуманные как марксистские, приходилось, в целях усыпления бдительности цензуры, привлекать литераторов, ничего общего с марксизмом не имевших. Теперь же, указывал Ленин, «... социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип *партийной литературы*, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме» (X, 27).

Статья Ленина посвящена двум вопросам: 1) о партийной литературе, то есть о литературе, целью которой

является разработка и пропаганда теоретических, политических, организационных принципов большевистской партии, и 2) о партийности литературного творчества в широком смысле, то есть об открытой связи литературного творчества с пролетариатом, о сознательной идейности писателя. Разграничение в ленинской статье этих *двух* вопросов является весьма важным.

Что касается партийной литературы в *прямом* смысле слова, то Ленин развернул и аргументировал здесь тезис, сформулированный им ранее, в июле 1905 г.: «Вся партийная литература, как местная, так и центральная, должна быть безусловно подчинена и партийному съезду, и соответствующей центральной или местной организации партии. Существование партийной литературы, не связанной организационно с партией, не допустимо» (IX, 144). О руководстве партийной литературой Ленин писал и в ряде других статей. Он считал, что «чем ближе революция, чем ближе возможность открытого выступления в „легальной“ печати социал-демократов, тем строже должна блюсти партия пролетариата принцип безусловной ответственности „партийных литераторов“ перед партией, зависимости их от партии» (VIII, 513). В особенности строго Ленин требовал проведения этих принципов в партийных изданиях, рассчитанных на массовую аудиторию: «. . . ведение газеты — партийное (а не кружковое) дело. . .» (VII, 290) — писал Ленин в книге «Шаг вперед, два шага назад» (1904). Эти ленинские установки были направлены против меньшевиков и меньшевистской прессы, пропагандировавшей под видом «марксизма» враждебные пролетариату идеи и считавшей вполне нормальным сотрудничество социал-демократов в либерально-буржуазных газетах. «Меньшевистские генералы от литературы устраиваются на два дома», с возмущением писал Ленин (XI, 234). Так, Л. Мартов выступал в кадетском «Товарище» «не заботясь нимало о том удовольствии, которое он доставляет своим литераторским „блоком“ с кадетами всем врагам пролетариата» (XI, 233).

Решительно и ясно Ленин заявил в статье «Партийная организация и партийная литература»: «Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации» (X, 28). «Вся социал-демократическая литература должна

стать партийной» (X, 31). В своей статье Ленин требовал изгнания из партийной прессы литераторов, которые «пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов» (X, 29).

Для последнего заявления Ленина был и конкретный повод. Поэт Н. М. Минский (Виленкин), числившийся по цензурно-тактическим соображениям редактором первой большевистской легальной газеты «Новая жизнь», до приезда Ленина в Петербург поместил в ней две публицистические заметки (в номерах 3 и 5), где вскользь высказал пожелание о соединении мистики с «доктриной» социал-демократии. Ленин редактировал «Новую жизнь», начиная с 9 номера, и, конечно, подобных инцидентов в ней с тех пор уже не происходило. Именно упомянутые заметки Минского, претендовавшего на пропаганду социально-мистических теорий в партийной газете, дали повод Ленину сказать в статье «Партийная организация и партийная литература»: «...мы живем в такое время, когда всякую и на всем сказывается это противостественное сочетание открытой, честной, прямой, последовательной партийности с подпольной, прикрытой, „дипломатичной“, увертливой „легальностью“. *Это противостественное сочетание сказывается и на нашей газете...*»¹ (X, 27). Данное место статьи² может быть раскрыто только при исследовании ситуации, сложившейся внутри редакции «Новой жизни» до приезда Ленина в Петербург. Но об этом ниже. Разумеется, механическое отождествление задач партийной литературы, за которую неслась непосредственную ответственность партия, с теми задачами, которые партия ставила в 1905 г. перед художественной литературой, было бы совершенно неправильным. К такому отождествлению, как мы увидим в дальнейшем, злонамеренно прибегали тогда буржуазные критики, утверждая, что Ленин якобы требует... обязательного вхождения писателей в партию (в то время как Ленин в своей статье обращал это *требование* к тем литераторам, которые выступали в прессе от имени партии; см. т. X, стр. 28).

¹ Курсив наш. — Б. М.

² Иллюстрирующее общее положение Ленина: «Революция еще не закончена. Если царизм *уже не* в силах победить революции, то революция *еще не* в силах победить царизма» (X, 27).

Каково же значение ленинских положений, посвященных партийности литературного творчества вообще?

Как отметил А. А. Жданов в докладе о журналах «Звезда» и «Ленинград», Ленин «первый оформил с предельной четкостью отношение передовой общественной мысли к литературе и искусству» и в статье «Партийная организация и партийная литература» «...с присущей ему силой показал, что литература не может быть беспартийной, что она должна быть важной составной частью общего пролетарского дела». «Ленинизм, — продолжает далее А. А. Жданов, — исходит из того, что наша литература не может быть аполитичной, не может представлять собой «искусство для искусства», а призвана осуществлять важную передовую роль в общественной жизни. Отсюда исходит ленинский принцип партийности литературы — важнейший вклад В. И. Ленина в науку о литературе»¹.

В противовес литературному карьеризму, индивидуализму и анархизму, столь характерным для буржуазной литературы XX века, Ленин выдвинул задачу создания социалистической, подлинно свободной, *открыто* связанной с пролетариатом литературы. Она должна быть, по мысли Ленина, пронизана идеей социализма. Она должна служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» (X, 30—31). Наконец, эта литература должна создать взаимодействие между опытом прошлого и современной борьбой пролетариата.

Сложность и своеобразие исторической обстановки, в которой Ленин писал статью «Партийная организация и партийная литература», нашли свое отражение и в литературной борьбе.

В конце XIX и в первых годах XX в. одной из главных задач марксистской эстетики была борьба с теорией «искусства для искусства». Разоблачению классового содержания этой теории было посвящено немало статей в марксистской социал-демократической прессе. В статье Ленина буржуазная «свобода творчества» впервые глубоко раскрывается как *барский анархизм* или *буржуазно-анархический индивидуализм* (см. X, 27, 29),

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 25, 26.

то есть как стремление выдвинуть беспартийность в качестве идеала, без которого якобы невозможно подлинное развитие искусства. Революция 1905 г. обнажила до конца всю пустоту рассуждений о возможности изоляции художественного творчества от жизни, от политики, от борьбы. Сама жизнь заставляла многих писателей, ранее отстаивавших принципы «чистого искусства», не только провозгласить литературу мощным средством общественной борьбы, но и стремиться к политическому самоопределению. 1905—1907 гг. характеризуются обилием различных деклараций о сочувствии социализму, деклараций, которые делались писателями, далекими от общественной борьбы. Один из наиболее ярких защитников мистического искусства, С. Соловьев, заявлял: «Капитализм не менее ненавистен для поэтов, чем для социалиста. . . Итак, цели поэта и социалиста до известной степени совпадают». Редакция символистских сборников «Факелы» начинала свою декларацию словами приветствия социалистическому движению, в том же духе писал даже. . . А. Белый. Такого рода декларациями людей, голословно объявлявших себя «социалистами», была полна книжная, журнальная и газетная литература. Ленин в одном из своих черновых набросков 1905 г. иронически заметил по этому поводу: «Все „социалисты“» (VIII, 417). Ленин тонко подметил, что такой «социализм» легко уживается с беспринципностью: «Все и вся как будто „беспартийно“; все и вся как будто свивается в одном „освободительном“ (на деле: освобождающем все буржуазное общество) движении; все и вся приобретает легкий, легонький налет „социализма“, особенно благодаря передовой роли социалистического пролетариата в демократической борьбе» (X, 60). Вместе с тем весьма популярным был в литературе того времени лозунг беспартийной революционности, который являлся лозунгом буржуазным, так как устранял значительные слои демократической интеллигенции от участия в борьбе пролетариата за социализм. Что это так, подтверждается литературной политикой кадетской партии. Тактика кадетской партии в области литературы свидетельствует о прямой заинтересованности кадетов в пропаганде лозунга «беспартийности» среди писателей и о том, что выдвижение этого лозунга было продиктовано иезуитским желанием всемерно препятствовать переходу

лучших представителей интеллигенции на сторону пролетариата. В 1907 г. Струве писал: «Существенное отличие нашей партии от известного типа партий... заключается... в том, что наша партия есть партия *не классовая*. . . поверх классовых делений, над ними, и в глубине, под ними, она находит интересы и идеалы общечеловеческие»¹. Эти лицемерные фразы, маскирующие принадлежность Струве к партии эксплуататоров, наполняют и его писания о литературе и эстетике. В статье «Наше „бездарное“ время», защищая идею «беспартийности» в искусстве, Струве утверждал: «Не поэзия нуждается в том, чтобы ее вдвинули в гражданскую рамку. Нет, наоборот, политическая борьба... нуждается в том, чтобы осознать ее, как одну из сторон великого и вечного, несомненного, поэтического»². В декларации выходявшего под редакцией Струве кадетского еженедельника «Полярная звезда» указывалось: «... наш журнал не может быть партийным в тесном, политическом смысле слова»³. В этом журнале с прискорбием констатировалось, что «теоретическая мысль слишком легко принимает партийный характер»⁴, выставлялись требования политической нейтральности высшей школы⁵ и одновременно высказывалось сомнение в том, что «нежное и молодое растение свободного художественного творчества» сможет пережить «ужасы революции»⁶. Можно, однако, констатировать, что и в эти годы ни один буржуазный орган не смог (да и не мог, конечно) сохранить даже видимость «беспартийности». Попытки некоторых журналов лавировать между различными политическими направлениями оканчивались лишь конфузом. Например, один из сотрудников «Нового пути» так охарактеризовал положение, в котором оказался этот журнал: «... мы — между двумя стульями. Власть имущие толкают нас к либералам, а те

¹ П. Струве. Идеи и политика в современной России, М. 1907, стр. 4.

² «Полярная звезда», 1906, № 14, стр. 227.

³ Там же, 1905, № 2, стр. 128.

⁴ С. Котляревский. Партия и наука. «Полярная звезда», 1906, № 5, стр. 460.

⁵ И. Покровский. Во имя культуры. «Полярная звезда», 1906, № 5, стр. 445.

⁶ Г. Муратов. Искусство и революция. «Полярная звезда», 1906, № 7, стр. 509.

в нас швыряют (и правильно) апельсинными корками и яичными скорлупами»¹.

Разоблачая истинный смысл буржуазно-анархического индивидуализма в искусстве, Ленин предвидел, что статья «Партийная организация и партийная литература» вызовет обвинение его буржуазными литераторами в покушении на свободу творчества, в желании, чтобы рабочие «по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики!» Слова о том, что пролетариат создает литературу, свободную от буржуазно-анархического индивидуализма, «. . . покажутся, — как иронически отметил Ленин, — парадоксом. . . Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество!» Эти обвинения Ленин заранее отверг в следующих двух тезисах.

«Во-первых, — говорил он, — речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю». А партия вольна «прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов».

Второй тезис посвящен разоблачению буржуазного лозунга «абсолютной свободы» уже по отношению к художественному творчеству непосредственно.

«Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, — продолжал Ленин, — мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть „свободы“ реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде „дополнения“ к „святому“ сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза. . . Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или

¹ В. Евгеньев-Максимов и Д. Максимов. Из прошлой русской журналистики, Л. 1930, стр. 222.

лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания.

И мы, социалисты, разоблачаем это лицемерие, срываем фальшивые вывески, — не для того, чтобы получить неклассовую литературу и искусство (это будет возможно лишь в социалистическом внеклассовом обществе), а для того, чтобы лицемерно-свободной, а на деле связанной с буржуазией, литературе противопоставить действительно-свободную, *открыто* связанную с пролетариатом литературу» (X, 29, 30).

Ленин предвидел, что найдутся буржуазные индивидуалисты, которым постановка вопроса о литературе как части общепролетарского дела покажется «омертвляющим», «бюрократизирующим» свободу критики, свободу литературного творчества и т. д. и т. п. И в самом деле, статья Ленина вскоре после напечатания вызвала смятение в буржуазно-либеральной и символистской прессе, то есть в тех литературных кругах, позиция которых была полностью разоблачена в ленинской статье. В журнале «Весы» была напечатана пространная статья В. Брюсова «Свобода слова»¹. Признавая, что «свобода слова» (пусть еще не полная, пусть еще урезанная) была достигнута не чем иным, как энергией «российской социал-демократической партии», Брюсов выступал против утверждения Ленина о лицемерности лозунга «абсолютной свободы» художника. Но если в статье Брюсова в какой-то мере отразились иллюзии поэта о возможности «надклассового» искусства, то статьи буржуазных публицистов отличались четкой политической враждебностью к пролетариату. Так, например, Д. Философов² в своем отклике на ленинскую статью утверждал, что пролетариат «попирает вечные ценности». В тон ему выступили Д. Мережковский, Н. Бердяев и другие литераторы этого лагеря, что, разумеется, лишний раз доказывало правоту Ленина. Вопреки своему намерению, Брюсов полемикой с Лениным достигал обратной цели. «Свободу художника» в буржуазном обществе Брюсов видел в праве на... голод и лишения. Артур Рембо, Поль Гоген и другие деятели «нового искусства», утверждал он, безразлично

¹ «Весы», 1905, № 11.

² Д. Философов. Яд власти. «Наша жизнь», 1905, № 349.

отнесли к вкусам буржуазной публики и поэтому «должны были терпеть и голод и бесприютность». Но эти примеры, конечно, лишь иллюстрируют слова Ленина о зависимости художника от буржуазной публики. Как отметил И. В. Сталин в своем определении свободы мнимой и подлинной, «...трудно представить себе, какая может быть „личная свобода“ у безработного, который ходит голодным и не находит применения своего труда. Настоящая свобода имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра может потерять работу, жилище, хлеб. Только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода»¹.

Реагировал ли Ленин на выпады Брюсова и других литераторов против его статьи? У нас нет данных о том, что он как-либо откликнулся на эти выпады в прямой форме. Но в одной из своих статей 1907 г. Ленин косвенно еще раз подтвердил свое заключение об анархическом содержании идеи «абсолютной» свободы творчества. В статье «„Услышишь суд глупца“...»² Ленин, характеризуя различие между позициями в аграрном вопросе революционного крыла так называемой «трудовой группы», с одной стороны, и революционного пролетариата — с другой, замечает:

«По адресу этих, — да и других — мелкобуржуазных революционеров мы могли бы сказать, как один поэт анархист сказал по нашему адресу: „Ломать мы будем вместе, строить — нет“» (XI, 428; курсив наш. — Б. М.).

Эти цитированные Лениным слова содержатся в стихотворении В. Брюсова «Близким», напечатанном в первой книге «Факелов», изданной в Петербурге в 1906 г.³ Определение Лениным идеологической позиции Брюсова в пе-

¹ Беседа товарища Сталина с председателем американского газетного объединения «Скрипс — Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г., Партиздат, 1937, стр. 13.

² Написана 28 (15) января 1907 г., опубликована в январе 1907 г. в издательстве «Новая дума».

³ Ввиду того, что цитата из стихотворения Брюсова приведена у Ленина без имени автора и без указания источника, упоминание этого поэта в указателях имен и сводках литературных цитат Ленина не зарегистрировано.

риод первой русской революции является весьма примечательным. Характеристика Брюсова как «поэта анархиста» имеет существенное значение для изучения его эволюции. В литературе о Брюсове отразившаяся в его стихах 1905—1907 гг. двойственность по отношению к пролетарской революции объяснялась тем, что он якобы считал ее идеи максималистскими, идущими дальше определенной черты переустройства старого мира. Согласно же ленинской оценке, Брюсов, наоборот, следуя анархистско-индивидуалистической точке зрения, считал себя «левее» пролетариата. И в самом деле, именно такое отношение к пролетарской революции выразилось в стихотворении «Близким», конец которого Ленин перефразировал:

Нет, я не ваш! Мне чужды цели ваши,
Мне странен ваш неокрыленный крик,
Но в шумном круге к вашей общей чаше
И я б, как верный, клятвенно приник!
Где вы — гроза, губящая стихия,
Я — голос ваш, я вашим хмелем пьян,
Зову крушить устои вековые,
Творить простор для будущих семян.
Где вы — как Рок, не знающий пощады,
Я — ваш трубач, ваш знаменосец я,
Зову на приступ, с боя брать преграды
К святой земле, к свободе бытия!
Но там, где вы кричите мне: «не боле!»
Но там, где вы поете песнь побед,
Я вижу новый бой во имя новой воли!
*Ломать — я буду с вами! строить — нет!*¹

Таким образом, противоположность между поэтом и пролетариатом заключается здесь в том, что пролетариат сдерживает стремления поэта «крушить устои вековые» и ограничивает его порыв своим кличем «не боле!». Это стихотворение Брюсова гармонирует со всем содержанием сборника «Факелы», где в предисловии указывалось, что все авторы его объединены «непримиримым отношением к власти над человеком внешних обязательных норм», где Вячеслав Иванов пел дифирамбы «хаосу» и «кровавому, костру» «святого пожара» и где было напечатано декларативное стихотворение Ф. Сологуба «Из плена», содержащее следующие, уже не оставляющие

¹ «Факелы», кн. 1, стр. 26 (курсив наш. — Б. М.).

никаких сомнений в политической направленности сборника, строфы:

Оковы тяжкие закона
Вдруг стали хрупкими, как сон
Над нами — красные знамена.
Кто враг народу, тот сражен.
Но черный цвет еще милее,
Отважный, будь еще смелей!
Жестокого убили Змея, —
Коварный торжествует Змей.
Расторгнув бремя древней власти,
И новую отвергнем власть.
Венчают Змея наши страсти,
Но *всякой* власти надо пасть¹.

Стихотворение Брюсова «Близким» и еще в большей мере другие произведения сборника «Факелы» как нельзя лучше продемонстрировали характер буржуазно-индивидуалистической критики ленинской статьи «Партийная организация и партийная литература». Ленин показал, что речи про «абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества» (X, 29) являются одним из выражений буржуазно-анархического индивидуализма, отрицающего всякие закономерности общественного развития. Стихотворение Брюсова «Близким», в известном смысле выражавшее в те годы сгедо поэта, позволило Ленину охарактеризовать позиции Брюсова как представителя определенного общественно-литературного направления формулой «поэт анархист».

Брюсов и другие литераторы, выступившие против ленинской статьи, не могли, разумеется, оставаясь на своих индивидуалистических позициях, увидеть новое содержание, которое приобрела в ленинской трактовке идея общественной обусловленности литературного творчества. Защита Лениным действительной свободы литературы и искусства от власти капитала имела в условиях буржуазно-демократической революции не только общее теоретическое, но и вполне конкретное историческое значение.

Буржуазно-демократический строй, освобождая литературное развитие от стеснявших его пережитков феодально-крепостнической системы, в то же время грозил литературе новым порабощением. Слова Ленина о зависимости буржуазного писателя «от денежного мешка,

¹ «Факелы», кн. 1, стр. 13—14 (курсив наш. — Б. М.).

от подкупа, от содержания» (X, 30) связаны с характеристикой буржуазных отношений в «Манифесте коммунистической партии», где мы читаем: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников»¹. Только тенденциозно мыслившие либеральные публицисты могли в приведенных выше словах Ленина усмотреть утверждение о продажности писателей буржуазии только как о субъективной их особенности. Речь шла, разумеется, о той зависимости от капитала, в которую попадали люди искусства в силу *объективных* закономерностей буржуазного общества. Защита Лениным свободы литературы во многом прямо совпадает с мыслями, высказанными Марксом в статье «Дебаты о свободе печати» (1842). Маркс высмеял в ней докладчика о свободе печати, выступавшего в рейнском ландтаге и ограничившего свои требования лишь одним условием, «чтобы промысел печати не был исключен из всеобщей промысловой свободы»². Возражая этому докладчику, Маркс заметил: «...поэт унижает свое звание, когда поэзия становится для него средством. Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на средство. Она сама по себе цель; она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву *ее* существованию, когда это нужно, *свое* личное существование»³. Эти слова можно было бы проиллюстрировать примером Гогена, который предпочитал голод работе на вкусы буржуазной публики. Но в освещении Маркса и Ленина подобные факты, на которые ссылались Брюсов и др., как раз и свидетельствовали об отсутствии свободы для развития искусства. Известно также, что русские капиталисты-меценаты, любившие щеголять своим покровительством «новым веяниям» в искусстве, ограничивали свободу писателей во всех случаях, когда их инициатива зависела от «денежного мешка». Тот же Брюсов в письме к Сологубу от 31 августа 1907 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии, 1948, стр. 50.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. I, стр. 164.

³ Там же, стр. 167.

так характеризует облик Н. П. Рябушинского, крупнейшего московского капиталиста и банкира, основателя издательства «Скорпион» и журнала «Золотое руно»: «На этом совещании (речь идет об одном редакционном совещании. — Б. М.) выяснилось окончательно, что отношения Рябушинского к своим сотрудникам и писателям вообще таковы, что исключают возможность участия в его журнале для людей, себя уважающих. Не хочу приводить всего сказанного им, но вот две фразы, которые он повторил несколько раз с ударением: „Неужели я не могу *отказать* своей *кухарке* без того, чтобы в это дело вмешались «Весы»?“ И: „Я вполне убедился, что писатели то же, что проститутки: они отдаются тому, кто платит, и если заплатить дороже, позволяют делать с собой что угодно“»¹.

Эти заявления Рябушинского прекрасно иллюстрируют слова Ленина об отношении буржуазии к искусству.

В откликах на статью Ленина кадетская пресса злостно извращала ее содержание, утверждая, что лозунг партийности литературы обязывает художника создавать произведения согласно заранее «предписанным», противоречащим его убеждениям, установкам. И Мережковский, и Философов, и Бердяев намеренно игнорировали понимание Лениным связи литературного дела с пролетарской борьбой как выражения *добровольного, свободного* союза сторонников социализма, как сознательной социалистической идейности писателя, открыто защищающего интересы пролетарской революции. Они игнорировали также содержавшееся в ленинской статье предостережение от «административного понимания» лозунга партийности, от шаблона, схемы, нивелирования в литературном деле: «...в этом деле, — писал Ленин, — безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию» (X, 28). Кадетский журнал «Свобода и культура» утверждал, что Ленин якобы признает только поэтов и беллетристов, входящих в социал-демократическую партию и верных «марксистской догме». Но, как мы видели, требование вхождения в партию было предъявлено Лениным только

¹ Архив Института русской литературы Академии наук СССР, бумаги Ф. Сологуба.

к сотрудникам партийной прессы, публицистам, выступавшим от имени партии. Именно поэтому в практике партийной печати, как правило, непартийные литераторы допускались только как беллетристы. Эта линия проводилась в жизнь не только в период революции 1905—1907 гг. Так, в партийной газете «Звезда» (1910—1911) встречаются стихи Галиной, Рюрика Ивнева, рассказы Гусева-Оренбургского, а в «Правде» (1913) — произведения Е. Чирикова и Леонида Андреева.

Свобода индивидуального творчества и партийность, то есть сознательная социалистическая направленность литературы, как показал Ленин в своей статье, — понятия, нисколько не противоречащие друг другу. Это положение Ленина, казавшееся столь парадоксальным буржуазным писателям и публицистам, по-новому продолжает лучшие традиции классиков русской революционно-демократической критики и художественной литературы. «Свобода творчества, — писал Белинский, — легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни»¹. Белинский вскрыл, впервые в истории мировой эстетической мысли, политическую реакционность теории «чистого искусства». Вслед за ним Чернышевский и Добролюбов обосновали идею великой революционной роли искусства в общественном развитии. В то время как буржуазная западно-европейская эстетика питалась (и теперь еще питается) мыслями Канта о незаинтересованности эстетического суждения, в русской эстетике еще 40—60-х гг. были подвергнуты основательнейшей критике идеалистические построения в этой области. Только ту-постью идеологов реакции можно объяснить их традиционные упреки по адресу представителей революционно-демократической литературы, упреки в том, что отказ от теории «чистого искусства» означает отказ от свободного индивидуального творчества. Поэт, произве-

¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, стр. 312.

дения которого вошли в историю русской литературы как высокие образцы гражданственности, — Некрасов признавался в письме к Л. Толстому: «Каковы бы ни были мои стихи, я утверждаю, что никогда не брался за перо с мыслью, что бы такое написать, или как бы что написать: позлее, полиберальнее? — мысль, побуждение, свободно возникавшие, неотвязно преследуя, наконец заставляли меня писать. В этом отношении я, может быть, более верен свободному творчеству, чем многие другие»¹. Обличение Лениным буржуазного понимания свободы искусства находит некоторую аналогию в полемике Чернышевского с поэтами — сторонниками «искусства для искусства». Эти поэты также обвиняли Чернышевского в стремлении навязать писателям направление, им чуждое. В ответ на подобные обвинения Чернышевский писал: «Свободное творчество состоит в том, чтобы поэт не насилдовал своей природы: природа внушает одному сатиру, другому идиллию, — пусть каждый из них пишет, что ему внушает природа таланта»². Но в то же время он жестоко критиковал писателей, которые, прикрываясь «свободой творчества» и декларируя свое равнодушие к «злобе дня», на самом деле проповедовали в своих произведениях реакционные идеи.

Статья Ленина «Партийная организация и партийная литература» открывала новую страницу марксистской эстетики. Ленинские идеи продолжили традиции передовой русской литературы, традиции революционно-демократической критики 40-х—60-х гг., и явились программой для искусства будущего, искусства социального реализма³.

¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. под ред. В. Е. Евгеньева-Максимова, т. V, М. — Л. 1930, стр. 291.

² Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. II, 1906, стр. 573.

³ Любопытно, что самый термин «партийность» уже существовал в словаре революционно-демократической критики XIX века (хотя, разумеется, не в точном и глубоком смысле, в котором употреблял его Ленин). Так, например, Белинский писал: «Претензия не принадлежать партии совпадает с претензией одному видеть ясно безусловную истину, на которую все другие смотрят сквозь тусклые очки *парциальных* пристрастий» (Полн. собр. соч., т. XI, стр. 66). Термин «партийность» в применении к литературе прочно вошел в словарь русской критики лишь в самом конце XIX века, а до этого времени разнообразно варьировался.

В своей статье о партийности литературы Ленин развил принципы материалистической теории, рассматривающей искусство как своеобразный способ освоения мира. Борьба Ленина за социалистическую идейность литературного творчества связана с линией, которую проводили Маркс и Энгельс в литературно-эстетических дискуссиях XIX века. Связь эта выражена и в прямой оценке Лениным литературной группы младогегельянцев, объединившихся вокруг «Всеобщей литературной газеты» (братьев Бауэр и их последователей). «Эти господа, — писал о них Ленин, — проповедывали критику, которая стоит выше всякой действительности, выше партий и политики, отрицает всякую практическую деятельность и лишь „критически“ созерцает окружающий мир и происходящие в нем события» (II, 9). Борьба Маркса и Энгельса против сторонников чистого искусства за искусство, социально устремленное, во многом подготовила ленинское учение о литературе.

Однако в ленинском учении содержались *новые* моменты по сравнению с эстетическими взглядами Маркса и Энгельса. Энгельс еще в 1885 г. имел основание заявить, что социалистический тенденциозный роман, изображающий реальные отношения, целиком выполняет свое назначение, «... расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнения по поводу неизменности основ существующего порядка, — хотя бы автор... иной раз не становился явно на чью-либо сторону». Это свое утверждение Энгельс, между прочим, мотивировал тем, что в условиях его времени «роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не принадлежащих прямо к нам, кругов»¹. В эпоху же первой русской революции, которая вовлекла в борьбу огромные массы, литература обращалась непосредственно к этим массам. Она должна служить, по выражению Ленина, «миллионам и десяткам миллионов трудящихся» (X, 30—31). Участие пролетариата в буржуазно-демократической революции в качестве решающей силы, от которой зависел ход и исход всего движения, а также перспектива перерастания этой революции в социалистическую, — все это выдвигало перед писателями в качестве идеала задачу сознательной

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 505.

партийности, в смысле обогащения художественного творчества социалистическими идеями и слияния литературного движения «с движением действительно передового и до конца революционного класса» (X, 31). «Тенденциозность» в старом, традиционном ее понимании, то есть обличение существовавших порядков без воплощения в художественном творчестве социалистического идеала, была на этом этапе уже недостаточной. Еще Маркс и Энгельс показали, что буржуазия ничего не имеет против «тенденциозности», если она не соединяется с переходом на позиции социалистического пролетариата. Они иронически писали о литераторах «Молодой Германии», произведения которых «были преисполнены так называемой „тенденции“, т. е. более или менее робких выражений противоположительственного духа»¹, о поэтах «истинного социализма» с их наивной «тенденциозностью». Самый термин «тенденциозность» всегда употреблялся Марксом и Энгельсом в точном и определенном смысле, ибо он был весьма популярным. Борясь за высокую идейную направленность литературы и с одобрением отмечая, что «современные русские и норвежские писатели, которые пишут превосходные романы, все сплошь тенденциозны»², Энгельс критиковал дурную «тенденциозность». Нарочитое, искусственное введение в художественное произведение «аргументирующих речей», подмена живого изображения «философскими конструкциями» и превращение героев в «рупоры духа» — все приемы такого рода Маркс и Энгельс неизменно отвергали. Идеал художественного творчества Энгельс сформулировал так: «Полное слияние большой идейной глубины, осознанного исторического смысла... с шекспировской живостью и действительностью» (письмо Лассалю, 1859). Любопытно замечание Энгельса о том, что это слияние будет достигнуто, «вероятно, только в будущем, да, пожалуй, и не немцами»³.

Ленин дал отвечающую новым условиям постановку вопроса о сознательности писателя и идейности художественного творчества. Ленин впервые сформулировал новый идеал литературы, заключающийся в органическом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VI, стр. 25.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, стр. 505.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXV, стр. 258—259.

и сознательном слиянии художественной индивидуальности с идеологическим направлением, к которому свободно, в силу внутреннего тяготения и законов реалистического искусства, примыкает писатель. Выдвинутая Лениным категория партийности литературы, его понимание задач литературы в связи с революционной борьбой пролетариата помогают окончательно преодолеть многочисленные противоречивые построения относительно сущности «тенденционного» искусства, существовавшие в русской критике и теории литературы.

В ленинских статьях и откликах на литературные темы мы нигде не встречаем термина «тенденциозность», который был столь ходовым тогда в русской критике и публицистике: этот термин у Ленина снят категорией партийности. Как мы полагаем, Ленин, всегда стремившийся к терминологической точности, избегал термина «тенденциозность» из-за множества ранее дававшихся ему толкований. Ведь еще в период деятельности Чернышевского так называемая «эстетическая критика» истолковывала «тенденциозность» только в отрицательном смысле, или как иллюстрацию образами отвлеченных идей, или же как искусственное привнесение «направления» в художественное творчество. В революционно-демократической эстетике тенденция являлась внутренним условием художественности, хотя иногда приводила к нарушению той гармонии между логическим осмыслением действительности писателем и образным ее воплощением, которая была одной из основ эстетического кодекса и Белинского и Чернышевского. Однако категория тенденциозности¹, сыгравшая большую роль в борьбе с теоретиками «чистого искусства», была дискредитирована некоторыми лишенными таланта второстепенными литераторами 60-х гг., а впоследствии опошлена писателями либерального, так называемого «обличительного», направления 70-х гг. и народничества 80—90-х гг. Чернышевский еще в 1856 г. вынужден был делать оговорки, что он «не исключительный поклонник тенденции»², а в предисловии к «Повести в повести» (1863) подчеркивает, что он «хотел написать

¹ В смысле известной направленности и идейности искусства.

² Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие, т. II, Письма, М. 1928, стр. 340.

произведение чисто-объективное», и выставляет в качестве образца Шекспира, изображавшего людей и жизнь, «не выказывая, как он сам думает о вопросах, которые решаются его действующими лицами»¹. Критику схематизма в творческом осуществлении принципа тенденциозности дал в ряде своих статей и рецензий Салтыков-Щедрин². В литературе и публицистике народничества 70-х гг. термин этот подвергся дальнейшей вульгаризации. Так, П. Н. Ткачев, защищая тенденциозность, доходил до утверждений, что конкретная образность и психологическая правдивость не являются мерой достоинства художественных произведений. «Тенденциозность, — писал он в 1873 г., — само собою понятно, не исключает художественности, хотя, с другой стороны, она и не предполагает ее»³. В 80-е гг. прогрессивные писатели резко выступали против грубой тенденциозности реакционной литературы. Глеб Успенский обличал «тенденциозную скверну» в произведениях Мещерского, Маркевича, Морского и др.⁴ Литература позднего народничества низвела понятие тенденциозности до требования догматической морали. В 80—90-е гг. Короленко, страстно защищавший идейность и гражданственность, боролся на два фронта: и против «чистых жрецов чистого искусства» и против «надутого доктринерства или детской морали... „тенденциозных“ проповедников»⁵. В эти же годы Чехов отстаивал свой художественный метод от назойливости А. Суворина, требовавшего «тенденциозности» в форме примитивных сентенций о «добре» и «зле»⁶.

Термины «тенденция» и «тенденциозность» казались настолько неясными и по своему содержанию противоречивыми, что критики, защищавшие «идейность» в литературе, пользовались ими с оговорками. Так, например, характерна оговорка в статье К. Арсеньева: «В основа-

¹ «Литература и марксизм», 1928, № 3, стр. 10.

² См. главу «Самокритика революционно-демократической литературы» в книге А. Лаврецкого «Щедрин — литературный критик», М. 1935.

³ П. Н. Ткачев. Избр. соч., т. II, М. 1932, стр. 386.

⁴ Г. Успенский. Письма с дороги. «Русские ведомости», 1886, № 134.

⁵ Архив В. А. Гольцева, т. I, М. 1914, стр. 196.

⁶ А. П. Чехов. Письма, т. III, 1915, стр. 44.

нии тенденции — если только она достойна этого имени — всегда лежит идея»¹.

Все это свидетельствует о том, что в конце XIX — начале XX в. в понятие «тенденциозности» было принесено столько путаницы и при употреблении его приходилось делать столько оговорок, что Ленин, возможно, именно поэтому предпочел совсем не пользоваться им при определении задач литературы. Изучение использования Лениным термина «тенденциозность» в его публицистике привело нас к заключению, что он вообще употреблял его крайне редко (в работах 1890—1903 гг. мы зарегистрировали всего 11 таких употреблений) и большей частью — poleмизируя с обвинениями в «тенденциозности», выдвинутыми противниками против него² или против Маркса (ср., например, IV, 176). Иногда Ленин раскрывает содержание, которое вкладывают в этот термин реакционеры (см. IV, 382—383). В одной из своих статей Ленин прямо предостерегает *против* употребления слова «тенденциозность», так как оно искажено в буржуазной публицистике (см. IV, 69). Только в советские годы оно вновь приобрело тот смысл, который придавали ему классики революционно-демократической мысли.

Считал ли, однако, Ленин, что все идеологические (и, следовательно, можем мы заключить — литературные) явления, носившие характер беспартийности, являлись враждебными интересам происходившей тогда революции? Разумеется, нет. Отношение Ленина к беспартийным революционерам, еще не поднявшимся до уровня партийности, и к буржуазным либералам, защищавшим лозунг беспартийности из тактических, классово-корыстных соображений, было резко различным. Первых он считал необходимым воспитывать, вторых — беспощадно разоблачать.

¹ К. Арсеньев. Критические этюды по русской литературе, т. II, СПб. 1888, стр. 98.

² Так, например, в статье «Г. Струве, избалованный своим сотрудником» (1903) Ленин писал: «Тенденциозностью называют либералы и многие радикалы непреклонную твердость убеждений, а резкую критику ошибочных взглядов они называют „злостью“. Тут уж ничего не поделаешь. *Mea culpa, mea maxima culpa!* (Моя вина, моя величайшая вина! — Б. М.) и был, и пребуду „злотно-тенденциозным“ по отношению к гг. Струве» (VI, 320).

В революции 1905—1907 гг., буржуазно-демократической по своей сути, беспартийная революционность была необходимым и неизбежным явлением. «Партийность есть результат и политическое выражение высоко развитых классовых противоположностей. Неразвитость их как раз и составляет характерное свойство буржуазной революции. Беспартийно-революционная демократия растет и ширится в эпоху такой революции неизбежно» (XI, 60). Утверждая, что беспартийность — идея буржуазная, а партийность — идея социалистическая, Ленин отметил, что «... надо уметь применять эту общую истину к отдельным частным вопросам и частным случаям» (X, 61).

Характер происходившей в России буржуазно-демократической революции, как отмечал Ленин, неизбежно приводил «... к росту и умножению самых разнообразных боевых элементов, выражающих интересы самых различных слоев народа, готовых к решительной борьбе, страстно преданных делу свободы, готовых принести все жертвы этому делу, но не разбирающихся и неспособных разобраться в историческом значении происходящей революции, в классовом содержании ее» (VIII, 467). Ленин не умалял ни геройства честных беспартийных революционеров, *на деле* боровшихся в эти годы против самодержавия и крепостничества, ни их громадной роли в завоевании свободы.

Раскрывая в статье «Социалистическая партия и беспартийная революционность» всю сложность подобных явлений в обстановке революции 1905 г., Ленин указывал: «Классовый характер буржуазной революции проявляется... неизбежно в „общенародном“, неклассовом, на первый взгляд, характере борьбы всех классов буржуазного общества против самодержавия и крепостничества... Отпечаток внешней беспартийности, видимость беспартийности неизбежно приобретает при этом всем движением в целом — но только видимость, конечно» (X, 58, 59). Однако, борясь за свободу вне тесной связи с пролетарской борьбой за социализм, эти элементы тем самым играли роль, «объективное значение которой сводится к проведению интересов буржуазии», ибо «кто служит делу свободы вообще, не служа специально делу пролетарского использования этой свободы, делу обращения этой свободы на пользу пролетарской борьбы за со-

циализм, тот тем самым служит, в последнем счете, борцом за интересы буржуазии, не более того» (VIII, 468). Поэтому не только лозунги беспартийной, «внеклассовой» революционности, но также и лозунги «внеклассовой» литературы по своему объективному содержанию оказывались лозунгами буржуазными: они ограничивали революционную борьбу лишь общедемократическими задачами. Тактика большевиков по отношению к беспартийным революционным элементам была четко сформулирована Лениным: «...ни малейшего замалчивания социал-демократических взглядов и ни малейшего пренебрежения к революционным группам, не разделяющим этих взглядов» (VIII, 475).

Единство широких масс создается лишь ценой упорного труда, путем систематической пропаганды социализма и терпеливой воспитательной работы. Позже, в 1916 г., говоря о соотношении задач борьбы общедемократической и борьбы пролетарской, Ленин подчеркивал: «Надо уметь *соединить* борьбу за демократию и борьбу за социалистическую революцию, *подчиняя* первую второй. В этом вся трудность; в этом вся суть» (XXXV, 213).

Все эти замечания Ленина очень важны и для изучения литературной борьбы периода первой русской революции.

Ленин был непримирим к литераторам, которые, прикрываясь лицемерными фразами об абсолютной свободе творчества, хотели засорять сознание рабочих буржуазными идеями. В этих условиях статья «Партийная организация и партийная литература» подчеркнула связь лозунга партийности с пролетарской борьбой за свержение капитализма, за революцию социалистическую. И когда либеральный публицист Иоллос заявил в «Русских ведомостях»: «можно принести пользу народу и вне известных партийных рамок», Ленин ответил ему: «Это правда, конечно. Но что сказать о писателе, который в эпоху отчаянной партийной борьбы в России принимается хвалить беспартийность? Неужели не понимает г. Иоллос, что он совершает этим величайшую политическую бестактность, играя на руку нововременству?» (IX, 292). Любопытно, что в той же своей статье Иоллос советует пролетариату отказаться от социализма и заявляет, что главное в

современной революции — «в осуществлении задач культуры». Так расшифровывается лозунг «беспартийности» в статье кадетского журналиста.

С разоблачением действительного содержания мнимой буржуазной «беспартийности», в защиту принципа партийности выступил вместе с Лениным И. В. Сталин.

Товарищ Сталин, развивая в ряде своих работ принцип партийности по отношению к политической борьбе и разным формам идеологии, показал вместе с тем связь идеи «беспартийности» с политической тактикой кадетов. В особенности важна, с точки зрения литературно-политической, критика Сталиным буржуазных «беспартийных прогрессистов», увлекавшихся идеологией, отраженной в романе Арцыбашева «Санин», и декадентской литературой.

«Беспартийный прогрессизм вошел в моду, — писал товарищ Сталин. — Такова уж природа русского интеллигента — ей нужна мода. Увлекались санинством, занимались декадентством, — теперь очередь за беспартийностью». И далее товарищ Сталин так характеризует беспартийность:

«У каждого класса имеется своя партия, с особой программой, с особой физиономией. Партии руководят борьбой классов: без партий была бы не борьба, а хаос, отсутствие ясности, смешение интересов. Но беспартийность не любит ясности и определенности, она предпочитает туманность и беспрограммность»¹.

Дальнейшее разъяснение товарищем Сталиным понятия «беспартийности» помогает уяснить и сущность «беспартийности» в литературе того времени.

«Замазывание классовых противоречий, замалчивание борьбы классов, отсутствие физиономии, борьба с программностью, стремление к хаосу и смешению интересов...» — все эти черты политической беспартийности, отмеченные товарищем Сталиным², характеризуют, как известно, писания литераторов, выступавших на защиту анархистской «свободы творчества». В качестве «беспартийно-прогрессивного» журнала в этой же статье Сталина называются «Запросы жизни» — тот самый журнал, о

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 229.

² Там же, стр. 230.

котором Ленин писал Горькому: «Станный, между прочим, журнал, — ликвидаторски-трудовическо-вехистский» (XXXV, 30).

Итак, борьба за органическую и неразрывную связь литературы с пролетарской революцией требовала решительного разоблачения лживо-лицемерных буржуазных лозунгов «беспартийности». Весь ход развития большевизма характеризуется тем, что он завоевывает на свою сторону всех честных, действительно преданных родине и народу представителей интеллигенции. «Революционный пролетариат, — писал Ленин, — как бы окружает себя известной, недоступной для правительства атмосферой сочувствия и поддержки как в рабочем классе, так и в других классах (разделяющих, конечно, лишь небольшую часть требований рабочей демократии)» (VIII, 189). Под давлением хода событий из примыкавших к революции литераторов вырабатывались сначала демократические помощники пролетариата в его борьбе, а затем и сознательные проводники ленинских идей в своей литературной деятельности. Кратковременность первой русской революции и ее поражение помешали проведению этих большевистских принципов в достаточно широких масштабах. Принципы эти получили свое наиболее полное осуществление после октября 1917 г.

По определению А. А. Жданова, в статье Ленина «Партийная организация и партийная литература» «...заложены все основы, на которых базируется развитие нашей советской литературы»¹. В сталинском лозунге социалистического реализма, в сталинском определении роли советских писателей как «инженеров человеческих душ» идея партийности нашла свое наиболее полное развитие. Социалистический реализм предполагает сознательное, прямое, открытое воплощение художником великих идей нашей эпохи.

«Сила советской литературы, самой передовой литературы в мире, состоит в том, что она является литературой, у которой нет и не может быть других интересов, кроме интересов народа, интересов государства»².

¹ Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 25.

² О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г.

Поскольку у советской литературы нет других интересов, кроме интересов социалистической родины, интересов борьбы за коммунизм, — постольку наши писатели ответственны перед народом, перед государством, перед партией. Эта ответственность является также результатом новых отношений между партийными и непартийными большевиками в нашей стране после победы социализма. Характеризуя различие между новым и старым решением этого вопроса, товарищ Сталин в речи перед своими избирателями 9 февраля 1946 г. говорил: «В былые времена коммунисты относились к беспартийным и к беспартийности с некоторым недоверием. Объясняется это тем, что флагом беспартийности нередко прикрывались различные буржуазные группы, которым невыгодно было выступать перед избирателями без маски. Так было в прошлом. Но теперь у нас другие времена. Беспартийных отделяет теперь от буржуазии барьер, называемый советским общественным строем. Этот же барьер объединяет беспартийных с коммунистами в один общий коллектив *советских людей*. Живя в общем коллективе, они вместе боролись за укрепление могущества нашей страны, вместе воевали и проливали кровь на фронтах во имя свободы и величия нашей Родины, вместе ковали и выковали победу над врагами нашей страны. Разница между ними лишь в том, что одни состоят в партии, а другие нет. Но это разница формальная. Важно то, что и те и другие творят одно общее дело».¹

Отсюда понятно то новое, что внесла эпоха победившего социализма в развитие принципа партийности литературы. Не только для писателей-коммунистов, но и для беспартийных писателей дело советской литературы является общим делом, руководимым партией, делом, главнейшая задача которого — воспитывать наш народ, духовно закалять его, воплощать в художественных образах великие идеи борьбы за коммунизм.

Выше (в «Введении») уже говорилось об отпоре, который дала партийная пресса тем критикам-новорапповцам, которые извращали смысл статьи Ленина «Партий-

¹ И. В. Сталин. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Госполитиздат, 1950, стр. 23—24.

ная организация и партийная литература» и механически переносили ленинскую критику буржуазной беспартийности в нашу, советскую обстановку литературного развития. Против подобного рода антиисторической схоластики и вульгаризации марксистско-ленинского подхода к литературе партия выступала неоднократно. Товарищ Сталин в «Ответе Билль-Белоцерковскому» (1929) указывал, что недопустимо применять внутрипартийные понятия «к такой непартийной и несравненно более широкой области, как художественная литература, театр и пр.»¹. Партия сплотила партийных и беспартийных писателей вокруг задач борьбы за правдивое, высокохудожественное изображение социалистической действительности, за литературу, кровно связанную с народом. В коммунистической идейности советской литературы заключается ее сила как самой передовой, самой революционной литературы мира.

IV

О том, как в бурном 1905 г. осуществлялась литературная политика партии, можно лучше всего судить по первой легальной большевистской газете «Новая жизнь».

Эта газета сыграла большую роль в литературной борьбе периода первой русской революции. «Новая жизнь» уделяла значительное внимание вопросам культуры, литературы и искусства. Через «Новую жизнь» Ленин с помощью М. Горького осуществлял руководство литературной политикой партии, в ней Ленин напечатал статью «Партийная организация и партийная литература». Литературные материалы, опубликованные в «Новой жизни», послужили поводом для дискуссий в целом ряде газет и журналов. Между тем роль «Новой жизни» в литературном движении этих лет не подвергалась специальному изучению.

«Новая жизнь» выходила в Петербурге с 27 октября по 3 декабря 1905 г. Она была первой легальной газетой большевистской партии, и ей принадлежит серьезная роль в пропаганде ленинских идей. Возникла «Новая

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 11, стр. 326.

жизнь», когда Ленин был еще в эмиграции. Но и до своего возвращения в Россию он направлял ее деятельность. Приехав в Россию в начале ноября 1905 г., Ленин сразу же приступил к редактированию газеты. 7 или 8 ноября при участии Ленина состоялось расширенное заседание редакции, на котором был решен вопрос о составе редакции и выработан план работы газеты. Лениным редактировались №№ 9—28 с 10 ноября по 3 декабря. В «Новой жизни» напечатаны 12 статей Ленина, служившие указаниями в повседневной работе партии. В этих статьях освещены важнейшие проблемы революции, вопросы тактики пролетариата по отношению ко всем классам и партиям.

Как известно, формальным редактором «Новой жизни» значился поэт Н. М. Минский, в качестве издательницы была привлечена артистка М. Ф. Андреева. В объявлении об издании «Новой жизни» в числе постоянных сотрудников были названы, с одной стороны, Ленин, Воробьевский (Ю. Адамович), Ольминский, Луначарский, М. Горький и т. д., с другой — Л. Андреев, К. Бальмонт, И. Бунин, З. Венгерова, В. Вересаев, Л. Вилькина, Н. Гарин, Н. Минский, О. Дымов, Тэффи, Е. Чириков, С. Юшкевич. Сотрудничество этих писателей в «Новой жизни» отрывало их от буржуазно-литературной общественности и являлось проверкой подлинности их революционных симпатий. Разумеется, непременным условием их работы в «Новой жизни» была поддержка тех основных требований, которые партия предъявляла тогда к агитации и пропаганде. А эти требования были так сформулированы Лениным в одной из его статей, написанных в 1905 г.: «Поскольку мы можем влиять на демократизм буржуазии, это влияние будет реальным лишь тогда, когда всякое выступление буржуазного демократа перед рабочими, перед сознательными крестьянами будет казнью всех измен, всех ошибок этой буржуазии, казнью за неисполненные обещания, за опровергаемые жизнью и делами красивые слова» (IX, 234—235). Как мы увидим далее, большинство напечатанных в «Новой жизни» стихотворений, рассказов и очерков беспартийных писателей вполне соответствовало этой задаче. В тех же случаях, когда писатели обнаруживали двойственность своих позиций, они отстранялись от участия в газете. Так, попытки Минского воспользоваться своим официальным положением и по-

влиять на направление литературно-философского отдела газеты с приездом в Петербург Ленина потерпели окончательное поражение: состав редакции и сотрудников был пересмотрен, и газета перешла целиком в руки большевиков.

Сотрудничество ряда видных русских писателей в большевистском органе вызвало злобные выпады многих кадетских газет. Писатели, выступавшие в «Новой жизни», обвинялись в том, что они преклоняются пред «новым идолом» — рабочим классом, изменяют идеалам «великой русской интеллигенции, которая принесла столько жертв», и т. д. В то же время кадетские публицисты упрекали «Новую жизнь» в «социал-демократической невыдержанности». «Буржуазная пресса не оставляет нас своим сердитым вниманием, — писала «Новая жизнь» в № 5. — Это лестно. Особенно знаменательны попытки со стороны буржуазно-либеральных газет — „Сына отечества“ и „Нашей жизни“ — бороться с нами путем дискредитирования нашей „социал-демократичности“. Это лучшее доказательство, что наша газета, как действительный орган социал-демократии, внушает нашим противникам серьезные опасения». В другой заметке, напечатанной тогда же в «Новой жизни», отмечалось: «Почему-то именно либералы ужасно взволновались и огорчились, увидя в нашем числе, в ряду сотрудников „Новой жизни“, знакомые литературные имена. Очевидно, у них такой принцип: уж если ты литератор, так непременно в услужении у „хозяина“, и притом не за страх, но и за совесть. Не умещается в голове мысль, что только несвобода печати понуждала выступать там, где хоть что-нибудь да можно было сказать, но где „святыя святых“ — по крайней мере в политике — приходилось прятать в карман. Теперь запрет снят, и, вырываясь из искусственных сочетаний, силы разместились по-новому, по естественным внутренним тяготениям». Этой же темы коснулся М. Горький в своем фельетоне «По поводу». «Всегда неискренние — мещане лишены веры в искренность людей. . . — писал Горький о кадетских критиках. — Душа мещанина — как маленький, засаленный кошелек, набитый стертými монетами, — золото поэзии она вмещает лишь после того, как оно побывает в пробирной палатке излюбленного критика, ревниво охраняющего

душу мещанскую от всего, что может нарушить мертвое равновесие ее. . .»¹

Атака на «Новую жизнь» началась и с меньшевистского фланга. На объявление об издании «Новой жизни» Плеханов откликнулся особой заметкой: «Объявление об издании „Новой жизни“ наводит на весьма поучительные размышления. Оно пестрит именами людей, до сих пор оставшихся чуждыми марксизму. . . Г-н Н. Минский и г-жа Венгерова оказываются теперь нашими „товарищами“. Невольно спрашиваешь себя: а где же „товарищ“ Волинский?»²

Смысл этих демагогических «упреков» был вскрыт газетой «Пролетарий».

Конечно, Плеханов хорошо понимал, что привлечение к партийной газете людей, далеких от партии, являлось нередким применявшимся в легальной прессе тактическим приемом, целью которого была маскировка подлинного политического направления издания от «недреманного ока» царской администрации. И В. В. Воровский, разоблачая истинную сущность плехановских обвинений, справедливо писал в «Пролетарии».

«Что касается попытки дискредитировать Ленина за его участие в одной газете с „эмпириомонистами и вполне законченными декадентами“, то для освещения искренности и моральной ценности подобного упрека достаточно сопоставить с ним следующий факт. В № 290 „Русских ведомостей“ напечатано извещение об издании журнала „Правда“. В списке сотрудников этого журнала красуются имена Плеханова. . . наряду с именами целого ряда „эмпириомонистов“, а также декадентов вроде г. Бальмонта и многих других лиц, никакого отношения к социал-демократии не имеющих. Мало того, в только что вышедшем номере „Правды“ за сентябрь-октябрь имеется статья Г. Плеханова рядом со статьями „эмпириомонистов“ и трагедией такого „вполне законченного декадента“, как Г. д'Аннунцио. Что же это значит? Как понимать такую. . . двойственность? Значит ли это, что „закон“, обязательный для простых смертных, вроде Ленина, для сверхчеловеков „не писан“? Или же это

¹ М. Горький. По поводу. «Новая жизнь», 1905, № 14.

² «Дневник социал-демократа», 1905, № 3.

является примером того, насколько *принципиальной* является *марксистская непримиримость* самого Плеханова?»¹

Приступая к изданию «Новой жизни», большевики решили обратиться к Минскому по следующим причинам: создавая легальную газету, которая помогала бы объединению вокруг большевистской партии широких масс трудящихся, работники ЦК прежде всего были озабочены тем, чтобы найти таких лиц, в распоряжении которых имелось разрешение на издание. В то время получить такое разрешение было вообще очень трудно, тем более для «политически неблагонадежных». А Минский такое разрешение имел².

Вопрос о том, почему большевики были вынуждены обратиться к Минскому за содействием в получении права на издание своей газеты, таким образом, ясен. Но история взаимоотношений большевистского ядра редакции с числившимися в составе сотрудников писателями, соотношение литературных установок Ленина с линией литературного отдела, самое «сотрудничество» беспартийных писателей в «Новой жизни», поведение Минского как номинального «редактора» и, наконец, вопрос о том, почему ранее далекие от революции писатели проявили сочувствие к газете, ставившей своей задачей «быть выразительницей политических и экономических интересов рабочего класса», — все это до сих пор специально не рассматривалось. Изученные нами материалы и документы помогают прояснить и уточнить эти моменты. Среди них первостепенное значение имеют документы, устанавли-

¹ «Пролетарий», 25(12) ноября 1905 г., № 26.

² Как следует из архивных материалов Главного управления по делам печати, Минский еще в апреле 1905 г. добивался права на издание большой ежедневной газеты. В своем прошении он писал, что в газете будут печататься статьи по вопросам внешней и внутренней политики, общественным, научным и литературным, фельетоны, художественные произведения, письма «столичных и провинциальных корреспондентов» и т. д. 20 августа (т. е. почти за два месяца до выпуска первого номера «Новой жизни») Главное управление по делам печати сообщило цензурному комитету, что Минскому разрешено издавать ежедневную газету без предварительной цензуры («Дело 1 отделения канцелярии Главного управления по делам печати об издании газеты „Новая жизнь“, 1905, № 45»). Центральный исторический архив в Ленинграде).

вающие принципы договорных отношений между Н. Минским и партийным руководством «Новой жизни», а также роль М. Горького в газете.

Как можно заключить из проектов договора между Минским и членами редакционного комитета «Новой жизни»¹, он с самого начала согласился на ведение всех отделов газеты в духе марксизма.

Так, Минский писал: «В основу ведения газеты кладутся следующие нормы, выработанные мною и означенным кружком приглашенных Вами лиц: 1. Политический и экономический отдел, понимая его в самом широком смысле, ведется *в духе марксистской программы*, в пределах цензурности². 2. Информационно-культурный отдел ставится возможно широко и полно. 3. Мне предоставляется ведение литературно-философского отдела, причем *А. М. Горькому* предоставляется соредактирование в лит.-художественном отделе. 4. Заведывание как политико-экономическим, так и литературно-философским отделами предполагает свободу философских воззрений руководящих лиц, причем само собой разумеется, что эти воззрения *не должны противоречить программе газеты*».

В другом варианте договора имеется пункт, очень важный для характеристики понимания Минским своей роли официального редактора:

«В ведении дела по моей функции ответственного редактора издания я, в пределах закона и цензурных условий, обязан сообразоваться с руководящими началами издания, изложенными в особом, подписанном нами документе. Если бы я, по заключению сведущих в литературном деле лиц, допустил серьезное нарушение этих начал, делающее для Вас и кружка привлеченных Вами к ближайшему участию в издании лиц невозможной дальнейшую совместную работу, Вы получаете право оставить издание всецело за собою. . .» Иначе говоря, Минский отказывался от пропаганды в газете символистско-мистических идеалов, что подтверждается и его согласием на соредактирование литературно-художественного отдела М. Горьким, а также следующим документом, подписан-

¹ Архив Института русской литературы Академии наук СССР, фонд 39, № 76.

² Курсив здесь и далее наш. — Б. М.

ным членами редакционного комитета за пять дней до выхода первого номера газеты:

«В заседании редакционного комитета «Новой жизни» от 22 октября 1905 г. Н. Минский предложил заменить существующие между ним и издательницей М. Андреевой договорные отношения отношениями непосредственно товарищескими с товарищами, составляющими редакционное ядро газеты, *руководствуясь целями и интересами партии*¹. Означенное предложение редакционным комитетом встречено сочувственно и принято. В свою очередь, члены организационного комитета обязались в случае окончательного освобождения печати от цензурных стеснений и обнародования закона о явочном порядке продолжать вести «Новую жизнь» под тем же названием и за подписью М. Андреевой или другого товарища как издателя и Н. М. Минского как редактора-издателя, при сотрудничестве Н. Минского как заведующего литературно-философским отделом, причем это обязательство сохраняет свою силу и в том случае, если бы товарищи сочли нужным наряду с общественной газетой издавать официальный орган партии. Обязательство это теряет свою силу только в том случае, если бы Н. Минский настаивал на печатании статей, идущих вразрез с политической и социальной программой газеты. Вопрос о том, противоречит ли спорная статья программе партии или нет, решается или общим собранием членов редакции, или другим способом, который обе стороны найдут для себя удобным. Само собой разумеется, что Н. Минский, как и все другие заведующие отделами, сохраняет свободу своих философских воззрений, насколько они не противоречат политической и экономической программе партии»².

Таково было положение дел в редакции «Новой жизни» за несколько дней до выхода первого номера.

Первый номер «Новой жизни», вышедший 27 октября (9 ноября) с приложением программы РСДРП, по воспоминаниям одного из журналистов того времени, «произвел впечатление взорвавшейся бомбы»³. Кроме полити-

¹ Курсив наш. — Б. М.

² Выписка из протокола заседания редакционного комитета «Новой жизни» (Архив Института русской литературы Академии наук СССР, фонд 39, № 77).

³ Л. Львов. Воспоминания журналиста, Л. 1926, стр. 122.

ческих статей, в которых разъяснялся смысл происходивших событий и роль пролетариата в революции и разоблачалась тактика либеральной буржуазии, в нем были помещены телеграммы, информации, отдел «На фабриках и заводах», иностранный отдел и обзор печати. Передовая заканчивалась призывом к рабочему классу «организоваться под знаменем социал-демократии в рабочую партию, так как только такая партия сохранит ему достигнутые победы и поведет к новым, только она свяжет его с международным пролетариатом в одну великую семью». В газете был напечатан аншлаг: «Вследствие спешности выпуска, в настоящем номере „Новой жизни“ отсутствуют некоторые постоянные отделы». Однако, несмотря на спешку, номер получился боевым, мобилизующим пролетариат на борьбу, призывающим не мириться с «полумерами и полуреформами».

В литературном отделе первого номера наиболее социально заостренными были «Заметки о мещанстве» М. Горького. Разоблачая реакционную роль мещанства, которое «всегда пытается задержать процесс нормального развития классовых противоречий», вскрывая гнилое содержание мещанского «гуманизма», Горький коснулся и социальной функции литературы «командующего класса». Слова Горького: «Нужно было видеть пьяную радость мещан, когда Ницше громко заговорил о своей ненависти к демократии», были, по существу, обращены прямо к символистам, так же как и следующее место его фельетона: «Что им (мещанам. — Б. М.) делать в битве жизни? И вот мы видим, как они тревожно и жалко прячутся от нее, кто куда может — в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетик. . . печально и безнадежно бродят в лабиринтах метафизики и снова возвращаются на узкие, засоренные хламом вековой лжи тропинки религии, всюду внося с собою клейкую пошлость, истерические стоны души, полной мелкого страха. . .». Таким образом, напечатание этого фельетона Горького как бы подчеркивало, что помещение в этом же номере произведений некоторых сочувствовавших революции писателей-символистов вовсе не снимало вопроса о реакционности идейно-творческих принципов символизма.

В тех своих произведениях, которые были напечатаны в «Новой жизни», Бальмонт, Э. Венгерова, Л. Вилькина

и др. представляли перед читателями не как символисты, а как выразители сочувствовавших пролетариату слоев интеллигенции. К. Бальмонт — этот камерный лирик, воспевавший «безбрежность», «тишину» и сердце, которое «только в себя невозвратно влюблено», напечатал в первом номере «Новой жизни» стихотворение:

РУССКОМУ РАБОЧЕМУ

Рабочий, только на тебя
Надежды всей России.
Тяжелый молот пал, дробя
Оплоты крепостные.
Твой молот — твой. Пою тебя
Во имя всей России!
Ты знал нужду, ты знаешь труд,
Ты слишком знаешь голод.
Но ты восстал. С тобой идут
Все те, кто сердцем молод.
Будь тверд, яви еще свой суд,
Острог не весь расколот.
Тебя желают обмануть,
Опять, опять и снова.
Но ты нам всем наметил путь,
Дал всем свободу слова.
Так в бой со тьмой, и грудь на грудь;
То — зов Сторожевого,
Сторожевой средь темноты,
Сторожевой средь ночи —
Лишь ты, бесстрашно-смелый, ты,
Твои нам светят очи.
Осуществятся все мечты,
Ты победишь, Рабочий! ¹

Абстрактность образов и искусственная приподнятость этого стихотворения свидетельствуют о поверхностности бальмонтовского революционизма. Эта поверхностность сказалась и в поэтической декларации Бальмонта «Поэт — рабочему» ², которой он пытался объяснить свой идейный перелом. Содержание своей «революционности» Бальмонт раскрыл много позднее, в изданной в 1917 г. брошюре «Революционер я или нет?» Всячески

¹ Политические позиции Бальмонта в годы первой революции нашли выражение также в его изданном за границей резко антимо-нархическом сборнике стихотворений «Песня мстителя» (Париж, 1907).

² «Новая жизнь», № 14.

стараясь доказать свою преданность «преображающей грозе революции» и ненависть к самодержавию, но в то же время обнаружил в этой брошюре враждебность ко всему, что выходит за пределы буржуазных преобразований.

Своей позднейшей эволюцией Бальмонт доказал правильность слов, сказанных в редакционной передовой первого же номера «Новой жизни»: «...совместная борьба пролетариата с буржуазными классами за освобождение может быть только временной. В ходе этой борьбы неизбежно наступит момент, когда буржуазия предаст рабочий класс реакции». Но несомненно все же, что и Бальмонт и некоторые другие писатели его круга отразили в своих стихах, помещенных в «Новой жизни», тему революции и декларировали свою недолгую, впрочем, враждебность к либеральной буржуазии¹. Даже театральные рецензии З. Венгеровой, напечатанные в «Новой жизни», были политически заостренными. Писательница, прежде судившая о художественных произведениях с точки зрения соответствия их содержания правилам символистской эстетики, под влиянием революционных событий пыталась пересмотреть свои критерии.

Вполне определенные позиции заняли и писатели несимволистского лагеря, сотрудничавшие в «Новой жизни», — Тэффи, Е. Чириков, О. Дымов и др. Тэффи, работавшая раньше главным образом на вкусы мелкобуржуазного обывателя, напечатала несколько публицистических стихотворений, очерк о революционной демократии и фельетон, в котором сатирически изображалась деятельность буржуазных партий. Ее стихотворение «Пчелки» — о швеях, сшивших «красное знамя свободы» (ранее напечатанное в большевистской газете «Вперед»), — имело в те годы большой успех. Менее известное ее другое стихотворение «Патроны и патрон», посвященное Трепову и его циническому приказу «патронов не жалеть» («Новая жизнь», 1905, № 5).

¹ Это полевание писателей-символистов происходило под прямым и непосредственным влиянием Горького. О своем влиянии на Бальмонта Горький еще за несколько лет до революции писал В. А. Поссе: «Познакомился с Бальмонтом. Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настроиваю его на демократический лад, ибо опять здесь скучно» (В. А. Поссе. Мой жизненный путь, 1929, стр. 275).

Несколько сатирических произведений напечатал в «Новой жизни» Е. Чириков. В его сказке «Орел и курица»¹ аллегорически изображалась трусость либеральной буржуазии, которая боялась освободить «орла» из клетки, утверждая: «Нельзя выпускать орла! Его клюв обратится на нас же!» О характере фельетона Е. Чирикова «Рождение новой партии», разоблачавшего предательскую, контрреволюционную роль кадетов, дает представление уже начало: «Вспоминалось мне часто щедринское выражение „применительно к подлости“, когда я присутствовал в качестве стороннего наблюдателя на организационном съезде новой партии, назвавшей себя „конституционно-демократической“»². Следует отметить, что разоблачению политики буржуазных партий в революции 1905 г. было посвящено большинство напечатанных в «Новой жизни» литературных произведений. К ним относится и стихотворение Бальмонта³:

МЕЩАНЕ

Мне больно. Это ли есть мир?
И эти люди — вправду люди?
Не к мелким дьяволам на пир
Попал я — в шарлатанском чуде?
Рабы друг друга предают,
Чтоб побрататься в яме тесной;
Нет, этим — вправду нужен кнут,
Не их телесный, — мой словесный.
Я думал видеть лес дубов
Иудин вижу я осинник,
Не стан бойцов, — кагал бесов,
На коем сыщик именинник!

Эти стихи удачнее, чем «Русскому рабочему» и «Поэт — рабочему». Они сближают Бальмонта с Брюсовым, который, в связи с изданием манифеста 17 октября, написал стихотворение «Довольным», обличавшее «радость стада, нашедшего клочок травы».

Итак, помещенные в «Новой жизни» стихи, очерки, рассказы имели, несомненно, положительное пропагандистское значение. Правда, часть писателей, сотрудни-

¹ «Новая жизнь», № 1.

² Там же, № 2.

³ Там же, № 15.

чавших в газете, после поражения революции повернула в сторону реакции. Но тому безнадежному педанту, который сказал бы, что подобные факты можно было предвидеть, следует ответить словами Чернышевского: «Исторический путь не тротуар Невского проспекта»¹. На новых этапах борьбы те или иные из примкнувших к революции элементов могут отойти от нее, обнаружив поверхностность своих политических «увлечений». Но, разумеется, было бы грубой ошибкой препятствовать писателям, занимавшим в период революции прогрессивные позиции, в их стремлении помогать делу пролетариата. Позиции писателей в революции определялись их произведениями. И если эти произведения оказывались с точки зрения задач политической агитации полезными, то это было лишь выигрышем для пролетариата и проигрышем для буржуазии.

Ленин тонко различал всевозможные социальные оттенки в сложном комплексе общественных группировок, он стремился использовать в интересах революции и те силы, которые вульгаризаторам марксизма казались полностью реакционными. В анализе политической борьбы Ленин дифференцировал даже те социальные элементы, которые раньше поддерживали самодержавие, и не считал принципиально невозможным переход некоторых из них на сторону революции (см. VIII, 151—152).

Ленинский анализ общественных группировок и идеологических явлений эпохи первой революции дает основание также для оценки позиций отдельных писателей, примыкавших к различным литературным направлениям.

Анализируя идеологию русского символизма в целом, не следует игнорировать политическую дифференциацию среди символистов в период революции 1905—1907 гг. Д. Мережковский, злобствовавший по поводу выхода на улицу «грядущего хама», Александр Блок, шагавший в рядах демонстрантов с красным знаменем, но не отдававший себе отчета в смысле происходивших событий, Валерий Брюсов, отчетливо выразивший презрение к «робким призывам» буржуазии, Андрей Белый, и в дни крупнейших революционных событий продолжавший акку-

¹ Кстати говоря, этот афоризм Чернышевского, в несколько измененном виде, повторяется в работах Ленина (см. XXVIII, 50, и XXXI, 52).

ратно посещать эстетико-мистические собрания, — все это явления не равнозначные.

Весьма характерной для символистов в 1905 г. является оценка ими стихотворения Минского «Гимн рабочих», напечатанного в двенадцатом номере «Новой жизни».

В строках этого стихотворения, несмотря на его недостатки, звучали резко враждебные общей массе символистов настроения:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша — сила, наша — воля, наша — власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь,
Кто не с нами, тот — наш враг, тот должен пасть.
Станем цепью вокруг всего земного шара
И по знаку, в час урочный, все — вперед!
Враг наш дрогнет, враг не выдержит удара,
Враг падет — и возвеличится народ.
Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир.
Братья-друзи, счастьем жизни опьяняйтесь.
Наше все, чем до сих пор владеет враг.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Солнце в небе, солнце красное — наш стяг.

Появление в газете этого стихотворения вызвало следующую сентенцию в письме Мережковского: «Гимн рабочих меня огорчил: „из развалин, из пожарищ“ ничего не возникает, кроме грядущего хама»¹. Почти все буржуазные газеты резко нападали на «Гимн рабочих».

Это показывает, что привлечение к «Новой жизни» писателей, сочувствовавших в то время борьбе пролетариата, не только не противоречило задачам буржуазно-демократической революции, но и способствовало дифференциации в среде писательской интеллигенции. Правда, некоторые из поэтов, заявлявших в 1905 г. о своих симпатиях пролетариату, позднее оказались в стане его врагов.

Но есть и другие факты: достаточно назвать хотя бы имя Валерия Брюсова.

Несмотря на то, что в напечатанных «Новой жизнью» художественных произведениях символистов никакой

¹ Письмо Д. Мережковского к Л. Вилькиной 14 ноября 1905 г. (Архив Института русской литературы Академии наук СССР.)

враждебной пролетариату пропаганды не велось и что Минский обязался не противодействовать программе газеты, Ленин предвидел, что раньше или позже конфликт неизбежен. И в самом деле, не прошло и нескольких дней после выхода первого номера, как Минский нарушил один из пунктов подписанного им условия. Сделал он это, пытаясь отвести адресованные ему буржуазно-либеральной прессой упреки в измене «дорогим сердцу русского интеллигента идеалам».

Выход «Новой жизни» вызвал многочисленные отклики буржуазных газет. Особенно неистовствовало «Новое время», напечатавшее по поводу «редакторства» Минского ряд заметок и статей. В заметке, помещенной 30 октября, объяснение Минского о причинах его сочувствия делу пролетариата называлось «мистическим» и «неудобопонятным».

Если бы Минский окончательно и бесповоротно стал на сторону пролетариата, то в ответе на нападки газет он прямо заявил бы о своем отказе от ранее защищавшихся им идей, о разрыве со своим классом. История революции знает примеры подобной эволюции буржуазных идеологов. Вспомним, как отвечал Брюсов своим бывшим соратникам на обвинение «в измене» после Октябрьской революции.

Бальмонт ответил на травлю его реакционной печатью в 1905 г. следующим стихотворением, озаглавленным «Начистоту»¹:

Кто не верит в победу сознательных смелых рабочих,
Тот играет в бесчестно-двойную игру.
Он чужое берет, на чужое довольно охочих,
Он свободу берет, обгавленную кровью рабочих.
Что ж, бери, всем она, но скажи: «Я чужое беру».
Да, свобода для всех, навсегда, и, однакож, вот эта свобода,
И, однакож, вот эта минута — не комнатных душ,
Не болтливых, трусливых, а смелых из бездны народа,
Эта воля ухвачена с бою, и эта свобода —
Не застольная речь красная, не жалкий извилистый уж.
Это кровь, говорю я, посмевших и вставших рабочих,
И теперь, кто не с нами, тот шулер продажный и трус.
Этих мирных, облыжно-культурных, мишурных и прочих
Я зову: «старый сор!» И во имя восставших рабочих
Вас сметут. В этом вам я, как голос прилива, клянусь!

¹ «Новая жизнь», № 14.

Но Минский, как мы показали выше, несмотря на свое полевение, не отказался от притязаний на синтез «социал-демократизма» и «мистицизма», продолжая утверждать, что «мистика, по самому своему существу дерзновенная и чистая, может мириться в области воли с такой же дерзновенной, как она сама, с такой же безбрежной по своим горизонтам доктриной, какой является доктрина социал-демократии»¹.

Итак, обязавшись даже свой литературно-философский отдел вести в пределах программы партии, Минский не сдержал своего слова, пытаясь, хотя и безуспешно, протащить на страницы газеты враждебные марксизму идеи. Сам он так описал впоследствии свой конфликт с редакцией:

«Они (члены редакции. — Б. М.) нарушили со мной договор с бесцеремонной резкостью. После первого же номера, сразу определившего успех газеты, редакционная коллегия забрала в свои руки все издание, так что за исключением первого листа я ни одного номера не подписал и не выпускал. Еще в первые дни я присутствовал на редакционных собраниях и печатал в газете несколько статей, но вот является фельетон Горького, в котором занятия философией приравнены к ужению рыбы, которое так любезно лентяям, а Толстой и Достоевский названы выразителями мещанских идеалов. Я немедленно написал ответ Горькому... но редакционная коллегия не только стала на стороне Горького против меня, но и воспротивилась напечатанию моего ответа. На мои ссылки на наш договор, обеспечивающий мне свободу философских воззрений, товарищи ответили, что по условию газета издается по марксистской программе...»².

В этой «исповеди» Минского факты искажены.

В протоколе, подписанном членами редакционного комитета «Новой жизни», значилось: «Н. Минский, как и все другие заведующие отделами, сохраняет свободу своих философских воззрений, насколько они не противоречат политической и экономической программе партии». Поэтому его слова о «бесцеремонной резкости» редакционной коллегии не соответствуют действительности.

¹ «Новая жизнь», № 14.

² Н. Минский. История моего редакторства, сб. «На общественные темы», СПб. 1909, стр. 197.

Искаженно трактовал Минский и содержание «Заметок о мещанстве» М. Горького.

Горький в своих «Заметках», вовсе не отрицая значения философии вообще, писал о бегстве мещан от битв жизни «в темные уголки мистицизма, в красивенькие беседки эстетики». В разделе о Толстом и Достоевском Горький отметил, что они «силою своего таланта потрясли весь мир», но восставал против их проповеди терпения и непротivления злу¹. Конечно, редакция «Новой жизни» не могла согласиться напечатать ответ Минского Горькому, в котором он приписывал великому пролетарскому писателю роль разрушителя мировой культуры и выражал скорбь по поводу того, что «мистические идеи появились в русской литературе только в самое последнее время маленькими, чуть заметными светлыми струйками»².

В статьях об истории своего редакторства Минский свел свои разногласия с редакцией «Новой жизни» главным образом к инциденту с «Заметками о мещанстве» Горького, умолчав о другом, весьма важном факте — о своем внутриредакционном выступлении *против Ленина*. После напечатания в двенадцатом номере «Новой жизни» статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература» Минский написал «Открытое письмо Н. Ленину», которое он, подобно «Ответу М. Горькому», предназначал для напечатания в «Новой жизни». Из текста этого письма³ можно заключить, что Минский, резко полемизировавший с Философовым и Брюсовым по вопросу о роли пролетариата в историческом процессе, был, однако, солидарен с ними в оценке выдвинутых Лениным принципов партийности литературы.

Письмо Минского, в котором мистицизм, политическая отсталость и барское пренебрежение к «крестьянам, солдатам и ремесленникам» совмещаются с незнанием эле-

¹ Как известно, отношение Горького к Толстому и Достоевскому не было одинаковым. Критикуя вредные для революции стороны идеологии Толстого, Горький преклонялся перед величием и широтой его творческого гения. Идеологию же Достоевского Горький считал в целом реакционной и обличал ее неустанно и в дореволюционные и в советские годы.

² Н. Минский. Интеллигенция и мещанство (Ответ М. Горькому), сб. «На общественные темы», СПб. 1909, стр. 204.

³ Копия хранится в Архиве Института русской литературы Академии наук СССР.

ментарных основ философии марксизма, разумеется, не было напечатано в «Новой жизни». Но самый факт написания его Минским показывает, насколько прав был Ленин, когда, приехав в Петербург, поставил вопрос об освобождении состава редакции от чуждых партии лиц. В. А. Десницкий, присутствовавший вместе с М. Горьким на заседании, состоявшемся тотчас же после приезда Ленина, рассказывает в своих воспоминаниях:

«Прежде всего Владимиром Ильичем был резко поставлен вопрос о ликвидации поэта Минского как члена редакции „Новой жизни“:

— „Новая жизнь“ — партийный орган, и в нем не место, тем более в руководящем центре, людям, не имеющим к партии никакого отношения.

Владимир Ильич предлагал идти на всякие жертвы денежного порядка, вытекающие из договорных отношений возникновения газеты как органа легальной печати. „Теперь такое положение нетерпимо...“ Горький с полным одобрением отнесся к предложению Ленина¹.

Впоследствии даже сам Минский, характеризуя отношение к нему членов редакции, не мог не признать, что «перед собою и своими партийными интересами они были вполне правы»². Однако это признание не помешало ему возвести на редакцию «Новой жизни» целый ряд ложных обвинений.

Не прошло и полугода, как Минский, скрывшись от судебного преследования за границу, начал исповедоваться в своих грехах. 12 марта 1906 г. в газете «Русь» появилась большая статья Минского «История моего редакторства». В ней Минский назвал сопротивление редакции «Новой жизни» его попыткам засорять сознание рабочих мистическими бреднями — «издевательством над метафизикой и мистикой».

Так завершилась история «сотрудничества» Н. Минского в «Новой жизни». В этой истории ярко отразилось отношение определенных слоев либеральной интеллигенции к революции 1905 г. вообще. Сущность этого отношения

¹ В. Десницкий. В. И. Ленин и М. Горький (по воспоминаниям) — в книге «М. Горький. Очерки жизни и творчества», Л. 1935, стр. 58—59.

² Н. Минский. На общественные темы, СПб. 1909, стр. 198.

может быть охарактеризована известными словами Ленина о «повороте» либеральной буржуазии после революции 1905 г.: «...либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс... Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять *свои* задачи, отстаивать *свои* интересы» (XVI, 109).

У

В период революции 1905—1907 гг. с исключительной яркостью проявилась великая роль М. Горького в борьбе за освобождение России, за победу социализма. При изучении творческого пути великого писателя пролетариата, основоположника социалистического реализма, становится очевидным, что уже к этому времени можно отнести слова В. М. Молотова: «Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственное и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя»¹.

Произведения Горького 1905—1907 гг. «Дети солнца», «Варвары», «Враги», «Мать» силой художественных образов утверждали правоту идей пролетарской революции, обличали обывательски настроенную интеллигенцию, подвергали острой критике психологию либерализма, вселяли уверенность в грядущей победе социалистического идеала. Этим же задачам была подчинена и публицистика Горького, направленная против царского правительства, его статьи, призывавшие зарубежных рабочих поддержать русскую революцию, его фельетоны, в которых он, следуя ленинской критике либерализма, разоблачал буржуазных предателей свободы. Слово буревестника революции, воплощенное в его художественных произведениях, прокламациях, памфлетах, имело громадное влияние на общественное мнение не только России, но и всего мира. Большой общественный резонанс вызвали гневные очерки Горького, разоблачавшие капиталистический строй Западной Европы и Америки.

¹ «Правда», 21 июня 1936 г., № 169 (из речи на траурном митинге).

В деятельности Горького этого периода нашли выражение с небывалой ранее силой и полнотой великие традиции русской литературы, передовые представители которой никогда не ограничивались ролью профессиональных литераторов, а стремились быть живыми, энергичными участниками борьбы за освобождение своей страны. Горький принимает участие в организации помощи революционерам во время вооруженного восстания в Москве, выступает на митингах, печатает статьи-воззвания в подпольных изданиях. Накануне 9 января в делегации литераторов и общественных деятелей Горький посещает министров, пытаясь предотвратить кровавые события, подготовлявшиеся царизмом, а после расстрела рабочих пишет обращение «Ко всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» с призывом «к немедленной упорной и дружной борьбе с самодержавием»¹. В лице Горького мировое общественное мнение видело представителя русского пролетариата, говорившего от имени всего народа. Отсюда та атмосфера горячего сочувствия, которым было окружено имя Горького во всех странах, и та волна протеста, которая прокатилась по всему миру, когда царское самодержавие заточило писателя в Петропавловскую крепость.

К 1905 году относится знаменательное событие: первая встреча Горького с Лениным². Идейная близость великого вождя пролетарской революции и великого пролетарского художника закрепились живым общением. Дружба Ленина и Горького была подготовлена всем предыдущим развитием писателя. Горький работал для дела пролетарской революции еще задолго до того, как полностью осознал это, своими романтическими произведениями, возвещавшими близость революционной грозы, своими реалистическими рассказами, пронизанными острой ненавистью к капитализму, своей поэтизацией нового человека — сильного, смелого, свободного от предрассудков. С приближением революции становилась все теснее

¹ «Революционный путь Горького». По материалам департамента полиции, М. — Л. 1933, стр. 94—97.

² О первой встрече Ленина с Горьким (конец ноября 1905 г., на заседании в квартире Горького, где, в частности, обсуждались дела редакции «Новая жизнь») см. статью В. Десницкого «В. И. Ленин и М. Горький» в его книге «М. Горький», Л. 1940, стр. 99—101.

и теснее объективная связь творчества Горького с задачами, которые Ленин ставил пролетариату и партии.

Характеризуя общую идейную направленность и эмоциональную устремленность горьковского творчества, следует напомнить о характеристике Лениным качеств, свойственных революционеру. По словам Ленина, революционер-марксист «...первый провидит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонить в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных» (XI, 316). «Революционер — не тот, — говорил Ленин, — кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции, при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает принципы и лозунги революции. Революционер — тот, кто *учит массы* бороться революционно...» (XIX, 203). Именно эти черты воплощены в подлинно народных образах Горького, в образах Сокола и Буревестника, для которых нет ничего дороже счастья битвы, в образе Данко, который смело вел людей к свободе, в образах пролетарских революционеров и прежде всего в образе Павла Власова из повести «Мать».

Идея партийности литературы, обобщающая принципы литературного развития на новом историческом этапе, находила все более полное воплощение в художественном творчестве и эстетических взглядах Горького по мере его сближения с Лениным и партией. Разумеется, мы имеем в виду не только влияние статьи Ленина «Партийная организация и партийная литература» в публицистике Горького, хотя можно указать на конкретные примеры такого влияния. Достаточно упомянуть в этой связи, что Горький, следуя за Лениным, давал отпор тем врагам пролетариата, которые утверждали, будто социализму чужды «художественные интересы», и защищали идею «абсолютно» свободного, «святого искусства». Отвергая измышления о равнодушии партии к вопросам искусства, Горький писал: «Наша партия всегда интересовалась вопросами искусства, насколько ей позволяли обстоятельства. И она должна ими интересоваться, ибо искусство — это квинт-эссенция культуры»¹. И здесь же Горький, вслед за Лениным, высмеивал утверждение о возможности дей-

¹ «Современник», 1912, ноябрь, стр. 396—397.

ствительно свободного искусства в буржуазном обществе. Но идея партийности литературы, повторяем, выражена не только в критических и публицистических статьях Горького, она является принципом его деятельности как художника, принципом, вытекавшим из горьковского понимания роли писателя, как «честного бойца», исполненного беззаветной и страстной любви к великому делу жизни, обязанного быть не только свидетелем, но и «судьей жизни»¹. Влияние на Горького *всего* богатства ленинских идей потому и могло проявиться так действительно, что творчество Горького явилось отражением мощи русского и мирового пролетарского движения. Сама жизнь, внутренняя логика художественного развития заставляла стремиться к тем же идеалам, которые защищал и пропагандировал Ленин и которые явились высшим выражением народных чаяний. Отсюда — громадный интерес Ленина к Горькому, которого еще в 1901 г. он назвал европейски знаменитым писателем (см. V, 295).

Горький в силу жизненного опыта, в силу своей теснейшей связи с пролетариатом и революционной борьбой инстинктивно тянулся к партии, к Ленину. К марксистскому движению Горький примкнул в 90-х гг. В одном из перлюстрированных царской полицией писем партийных работников Горькому посвящены следующие строки: «Мне было крайне отраднo слышать, что его симпатии лишь на нашей стороне. „Освобождение“ он читал лишь 1-й номер и больше не желает видеть подобную пакость, социалистам-революционерам тоже не сочувствует, единственным органом, заслуживающим уважения, талантливым и интересным, находит лишь «Искру» и нашу организацию самой крепкой и солидной. Очень хочет познакомиться ближе с нашим направлением, нашими всеми изданиями и практической нашей работой, и так как его сочувствие лишь на нашей стороне, то он и хочет помочь нам, чем может. . .»² В период оформления большевизма полицейское донесение о Горьком подчеркивает, что он на стороне «Искры». О своей эволюции Горький впоследствии вспоминал: «Подлинную революционность

¹ См. М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., П. 1918, стр. 48—50.

² «Революционный путь Горького». По материалам департамента полиции, М. 1933, стр. 77.

я почувствовал именно в большевиках, в статьях Ленина, в речах и в работе интеллигентов, которые шли за ним. К ним я и „примазался“ в 1903 г.»¹. Но период своего наиболее полного понимания Ленина сам Горький относит к тому времени, когда «лично познакомился с ним и услышал его речи на съезде в Лондоне»².

Как следует из воспоминаний Горького о Ленине, образ великого вождя раскрылся для него во всем величии на происходившем в Лондоне V съезде партии. Это было весной 1907 г., в период, когда революция, по словам Ленина, пришла в «наибольший упадок» (см. XII, 405). В своих воспоминаниях Горький рассказывает о громадном впечатлении, которое произвел на него Владимир Ильич, «превосходно освещенный сомнениями и недоверием одних, явной враждой и даже ненавистью других»³. На съезде велась острая дискуссия между большевиками и меньшевиками по ряду вопросов, и, в частности, по вопросу об отношении к буржуазным партиям. Ленин в своих речах призывал беспощадно рассеивать «либеральный туман», вести непримиримую разоблачительную борьбу с кадетами.

В выступлениях Ленина Горький отметил черты, которые в особенности импонировали ему как литератору:

«Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. Очень трудно передать необычное впечатление, которое он вызывал.

Его рука, протянутая вперед, и немного поднятая вверх ладонь, которая как бы взвешивала каждое слово, отсеивая фразы противников, заменяя их вескими положениями, доказательствами права и долга рабочего класса итти своим путем, а не сзади и даже не рядом с либеральной буржуазией, — все это было необыкновенно и говорилось им, Лениным, как-то не от себя, а, действительно, по воле истории»⁴.

¹ М. Горький. «Механическим гражданам» СССР. Ответ корреспондентам. Публицистические статьи, Л. 1933, стр. 31.

² М. Горький. О литературе, М. 1937, стр. 277.

³ М. Горький. Избранные сочинения, т. II, М. 1935, стр. 674.

⁴ М. Горький. Избранные сочинения, т. II, М. 1935, стр. 677—678.

В этой характеристике следует отметить момент, имеющий важное значение для изучения дальнейшей творческой эволюции Горького, его возросшего внимания к разоблачению либералов, меньшевиков и всякого рода любителей «революционной» фразы. Как рассказывает сам Горький, на него произвело сильнейшее впечатление тонкое умение Ленина обнажать в каждом слове «его точный смысл». Ленинская критика «языка» либералов и меньшевиков как средства маскировки действительных убеждений с особенным блеском проявилась на V съезде. В целом ряде своих выступлений на этом съезде Ленин вскрыл эту особенность тактики своих противников, иронически охарактеризованную им как «невинная военная хитрость» (XII, 453). Ленин показал, что поправки, внесенные меньшевиками к резолюции большевиков, представляли собой попытки «...провести неприемлемую для большевиков политику... под прикрытием особенно приемлемого для большевиков лозунга. Флаг пусть будет твой, а груз наш, — вот что, в сущности, говорили меньшевики, как истые политиканы-оппортунисты...» (XII, 453). Выступления Ленина на съезде научили Горького еще глубже вскрывать либеральную фразеологию — умение, так тонко воплотившееся в горьковской публицистике и позже в «Жизни Клима Самгина».

На V съезде Ленин сообщил Горькому свое мнение о повести «Мать». Ленин отметил некоторые недостатки повести, прочитанной им еще в рукописи.

«Я сказал, — пишет в своих воспоминаниях Горький, — что торопился написать книгу, но — не успел объяснить почему торопился, — Ленин, утвердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают „Мать“ с большой пользой для себя.

„Очень своевременная книга“. Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент»¹.

Повесть «Мать» явилась первым откликом социалистической литературы на задачи, выдвинутые Лениным в период первой русской революции. В книге «Две тактики социал-демократии в демократической революции»

¹ М. Горький. Избранные сочинения, т. II, М. 1935, стр. 675.

(1905) Ленин указывал на необходимость показать массам «во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал», чтобы тем самым показать «прямой путь к полной, безусловной, решительной победе» (IX, 93—94). Несколько ранее Ленин писал в одной из своих статей о глубоких изменениях «в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса», о пробуждении «новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе» (VIII, 185). Повесть «Мать», сыгравшая выдающуюся роль в революционном воспитании народа, явилась, таким образом, ответом Горького на сформулированные Лениным требования эпохи. В ней был воплощен социалистический идеал и отражены изменения в психологическом укладе рабочего класса¹.

Именно потому повесть «Мать» ознаменовала собою начало новой эры в развитии мировой литературы. Впервые пролетариат в качестве движущей силы истории, в качестве «хозяина жизни», призванного изменить весь существующий порядок вещей и осуществить вековую мечту народа о строе, свободном от эксплуатации и социальной несправедливости, стал объектом художественного творчества. Энгельс еще в конце XIX в. должен был доказывать, что «революционный отпор рабочего класса угнетающей его среде, его судорожные попытки, полусознательные или сознательные, добиться своих человеческих прав вписаны в историю и должны поэтому занять свое место в области реализма»². Теперь эта задача воплотилась в действительность: первым великим реализмом, осуществившим ее, был Горький.

В повести нашли художественное преломление важнейшие ленинские идеи. Это, прежде всего, идея партийности, взгляд на партию как «духовную родину» лучших людей народа (слова Павла Власова). Далее — в повести «Мать» нашла выражение также ленинская идея о необходимости сплочения всего народа для нанесения решитель-

¹ В известном письме рабочих к Горькому о повести «Мать» значение ее оценивается также с точки зрения пропаганды «того идеала, который несет освобождение от оков жизни не только рабочему классу, но и всему человечеству, который рисует нам новую, гармонично-красивую, свободно-радостную жизнь всеобщего счастья» («Труженик», 1908, № 14).

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 27.

тельного удара самодержавию. В призыве матери: «Собирай, народ, силы свои в единую силу!» — обобщен один из основных мотивов повести. Наконец, развитие ее образов явилось как бы художественной иллюстрацией к положению Ленина о внесении социалистического сознания в рабочую среду и об огромной роли революции 1905 г. в пробуждении масс к политической борьбе¹.

Для понимания того, насколько проникся Горький-художник этой ленинской идеей, большой интерес представляет комментарий Ленина к речам на суде Павла Заломова (реального прототипа Павла Власова) и его товарищей: «Замечательно в этих речах, — писал Ленин, — простое, доподлинно-точное изображение того, как совершается переход от самых повседневных, *десятками и сотнями миллионов* повторяющихся фактов „угнетения, нищеты, рабства, унижения, эксплуатации“ рабочих в современном обществе к пробуждению их сознания, к росту их „возмущения“, к революционному проявлению этого возмущения. .²»

Именно потому, что говорили эти речи простые рабочие, вовсе не передовые по степени их развития, говорили даже не в качестве членов какой-либо организации, а в качестве людей толпы, именно потому, что напирали они не на их личные убеждения, а на факты из жизни каждого пролетария или полупролетария в России — такое ободряющее впечатление производят их выводы: „вот почему мы сознательно шли на демонстрацию против самодержавного правительства“» (VI, 251, 252).

Речи Павла Заломова и его товарищей были произнесены 28—31 октября 1902 г. Революция способствовала дальнейшему росту сознательности рабочего класса, и этот рост Горький учитывал при работе над повестью «Мать» и создании образа Павла Власова³. Огромное

¹ См. подробнее: В. Десницкий. М. Горький, Л. 1940; Г. Леноблль. История революции в творчестве А. М. Горького. «Исторический журнал», 1941, кн. 6.

² В кавычки Ленин заключил слова Маркса из «Капитала». — Б. М.

³ Любопытно, что член цензурного комитета Федоров не без пронизательности усмотрел в повести опасность как раз в том, что она рисует проникновение в рабочую среду социалистической пропаганды, которая «сразу же находит в высшей степени удобную для своего развития почву». (Опубликовано в книге С. Касторского «Мать» Горького, Л. 1940, стр. 17.)

воспитательное значение повести «Мать» заключалось в том, что она в лирически-проникновенных образах раскрыла перед читателями самый процесс идейного роста рабочего класса. В этом смысле и следует понимать слова, сказанные Лениным Горькому: «...книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают „Мать“ с большой пользой для себя». Повесть «Мать» носит на себе отпечаток ленинских идей, ленинского оптимизма, ленинской любви к рабочему человеку и горячей веры в его способность изменить мир.

Влияние Ленина отчетливо сказывается и в лучших публицистических выступлениях Горького 1905—1907 гг. В частности, «Заметки о мещанстве», напечатанные Горьким в «Новой жизни», многими своими утверждениями перекликались со статьями Ленина, напечатанными в той же газете и в «Пролетарии». «Заметки о мещанстве» полны таким же революционным пафосом, таким же презрением ко всяким компромиссам, ко всякой компромиссной двойственности, как и ленинские статьи. Статья Ленина «Революционная канцелярщина и революционное дело», напечатанная в № 18 «Новой жизни», разоблачала стремление либералов «узаконять две власти» — «власть восставшего народа и власть старого самодержавия» (X, 45). Обнажая сущность этой тактики, Ленин заключал: «так оскверняет буржуазия все и вся на свете, подменяя борьбу *торгашеством*» (X, 46) (курсив наш. — Б. М.). Эти же идеи развиваются в напечатанной в том же номере четвертой части «Заметок о мещанстве». Горький также писал там о готовности либерала «принять в свои объятия свободу, но обязательно в качестве законной супруги, дабы „в пределах законности“ насиловать ее, как ему угодно». Горький также охарактеризовал здесь либералов как «торговцев», которые кричат: «Это мы победили! Мы — представители народа! Пожалуйста, давайте нам место, где бы мы могли *сесть*, чтобы *торговаться* с вами».

Мы продаем русский рабочий класс — сколько дадите?»

В этих фельетонах Горький всесторонне раскрыл идейно-психологические особенности мещанства — «уродливо развитое чувство собственности», «всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя», «темный страх» перед

борьбой масс, тяготение к компромиссам и сделкам с «грубой внешней силой своего правительства», стремление «задержать процесс нормального развития классовых противоречий», защита беспартийности как позиции между «двумя силами».

О том, что Ленин одобрил «Заметки» и хорошо запомнил их, свидетельствует его просьба, обращенная к Горькому в 1908 г., написать что-либо для «Пролетария» в духе «заметок о мещанстве из „Новой Жизни“» (XXXIV, 328). Несомненным для нас является факт близости Ленину горьковской характеристики психологии мещанства. Горький определил психологию буржуазных либералов как психологию мещанина. Именно либералов подразумевал Горький, когда писал, что мещане, обязанные пролетариату «своим освобождением из тесной клетки (самодержавного. — Б. М.) государства», готовы создать для него «другую клетку, попрочнее той, где они сами сидели». И далее Горький выдвигает формулу: «мещанин в политике».

Близость ленинской и горьковской характеристик политического мещанства особенно очевидной становится при изучении работы Ленина «Победа кадетов и задачи рабочей партии» (1906), той самой работы, где Ленин присоединился к точке зрения Горького, выраженной в «Заметках о мещанстве»¹. Ленин, анализируя психологию мещан в русской революции, указывает, что «кадет есть идеальный мещанин в политике» (X, 241; курсив наш. — Б. М.); жестоко достается от него «рыцарям мещанства» (X, 227), отличающимся «мещанской влюбленностью... в реакцию» (X, 224) и стремящимся «отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!)» (X, 221). Как и в горьковских «Заметках», самый стиль работы Ленина совмещает в себе едкую иронию по адресу кадетов, предпочитающих революционному «вихрю» в истории — быстроту «гужевой перевозки» (X, 226), с высоким пафосом в оценке народа, который «...во время вихря с быстротой локомотива двинул всю Россию вперед...» (X, 228). Ленин и в своих ранних работах пользовался термином «мещанство», применяя его, однако, к опреде-

¹ См. подробнее об этом ниже, стр. 412—413.

лению психологии мелкого производителя и их идеологов-народников (см., например, I, 241, 256 и др.).

В своих воспоминаниях Горький отмечает непреклонную уверенность в грядущей победе социализма как характернейшую отличительную черту Ленина. После подавления восстания меньшевики хоронили революцию. Они еще сильнее начали вопить о «фантазерстве» и «романтизме» большевиков. Плеханов заявил: «Не надо было братья за оружие». Но Ленин знал, что, несмотря на временное поражение, ничто не сможет помешать конечному торжеству пролетарской революции. Вспоминая о восторженной оценке Марксом борьбы французских рабочих в 1871 г., Ленин писал: «О, как насмехались бы тогда над Марксом наши нынешние „реальные“ мудрецы из марксистов, разносящие в России 1906—1907 гг. революционную романтику! Как издевались бы люди над *материалистом, экономистом, врагом утопий, который преклоняется перед „попыткой“ штурмовать небо!* Сколько бы слез, снисходительного смеха или сострадания пролили всякие человеки в футляре по поводу бунтарских тенденций, утопизма и проч. и проч., по поводу этой оценки к небу рвущегося движения!» (XII, 88—89).

В своих воспоминаниях о Ленине И. В. Сталин называет Ленина «гением революционных взрывов»; он указывает, что в дни революционных поворотов Ленин «буквально расцвел»¹. «Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых» (IX, 93) — этот замечательный ленинский афоризм ярко передает его настроения. Меньшевикам, «человекам в футляре», разумеется, они были непонятны. Им был чужд свойственный Ленину революционный размах, как была чужда им и та подлинно революционная, действенная, устремленная к будущему, выросшая в практической борьбе за осуществление социалистического идеала, мечта о грядущей победе, которой было пронизано народное движение и которой были окрашены и самый тон ленинских статей и образы пафосных, воодушевленных жаждой подвига произведений М. Горького. Героике революционной борьбы, проникнутой мечтой о неизбежном торжестве свободы, кадетские и меньшевистские литераторы в трогательном единении проти-

¹ И. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 61.

вопоставляли свой филистерский «здравый смысл», «трезвый реализм», свой лживый «практицизм»¹. Нападки меньшевиков на Ленина и Горького за «романтизм» имели вполне определенное политическое содержание. Недаром платформа еженедельника московских меньшевиков «Наше дело», известного своей пропагандой «трезвого реализма», то есть оппортунизма, встретила полное одобрение в плехановской «Современной жизни». В рецензии на первый номер «Нашего дела» «Современная жизнь» приветствовала пропагандировавшуюся меньшевиками замену «революционной романтики» — «политическим реализмом», замену «необузданных очарований прошлого (т. е. 1905. — Б. М.) года» — «единственно возможной» и «необходимой» позицией соглашения с буржуазными партиями².

Ленин вскрыл политическое содержание бескрылого, ползучего «реализма» следующим образом: «... в устах освобожденцев „реалистический“ означает „оппортунистический“». Гг. освобожденцы не знают иного реализма, кроме ползучего; им совершенно чужда революционная диалектика марксистского реализма...» (IX, 128).

В понимании Ленина революционная мечта являлась частицей революционного реализма³, предвидение будущего, стремление максимально развязать инициативу масс сочеталось с систематической теоретической и организационной работой. Эта особенность Ленина была впоследствии охарактеризована Горьким как наличие «редкого умения смотреть на настоящее из будущего»⁴.

¹ В послесловии к брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин написал особую главку под названием «За что хвалят буржуазно-либеральные реалисты „реалистов“ социал-демократических?» Подвергая критике статьи «Освобождения», в которых меньшевики восхвалялись за «реализм», Ленин показал, что смысл этой филистерской пропаганды заключался в желании кадетов снять с русской революции «печать пролетарской последовательности, пролетарской решительности, „плебейского якобинизма“» (IX, 99), то есть те особенности, которые меньшевики третировали как «романтические».

² «Современная жизнь», 1906, сентябрь-октябрь, стр. 253—254.

³ Филистерская трактовка «реализма» меньшевиками вынуждала Ленина в эти годы оговаривать свое понимание термина (ср., например: «... единственно реальна в хорошем, а не плохом смысле слова, политика революционного марксизма» (XI, 350)).

⁴ «Год XXI», альманах тринадцатый, М. 1938, стр. 57.

Вопреки «рыцарям мещанства», называвшим бурные революционные периоды общественного развития «периодами безумия», Ленин считал, что «...именно революционные периоды отличаются большей широтой, большим богатством, большей сознательностью, большей планомерностью, большей систематичностью, большей смелостью и яркостью исторического творчества по сравнению с периодами мещанского, кадетского, реформистского прогресса» (X, 227). Идеологам революционного пролетариата свойственны смелые, опирающиеся на борьбу масс мечты о полном осуществлении социалистических идеалов. «Филистерам новой „Искры“... чужды и странны, разумеется, такие мечты», — заметил Ленин в одной из своих статей, написанных весной 1905 г. (VIII, 259), когда борьба пролетариата только еще разгоралась и когда меньшевикам даже не снился тот размах, который она в дальнейшем приобрела.

В творчестве Горького периода революции 1905—1907 гг., глубоко реалистическом по самым своим основам, преломилось то же понимание революционной мечты, о котором в применении к политической борьбе писал Ленин (см. V, 475—476). Это относится прежде всего к повести «Мать», где мечта о грядущем счастье человечества сочетается с реалистическим воспроизведением суровой будничной правды революционной борьбы. В повести мы находим романтические образы и мотивы, хорошо знакомые читателю ранних произведений Горького, но изображенные здесь в реалистически конкретных ситуациях. О Павле Власове, например, мы в ней читаем: «Его охватило необоримое желание отдать себя силе своей веры, бросить людям свое сердце, зажженное огнем мечты о правде». Далее, Андрей Находка говорит: «Так ради этой жизни — я на все пойду. Вырву сердце, если надо...» Так нашел здесь реалистическое воплощение героический образ Данко, осветившего людям путь своим пылающим, вырванным из груди сердцем («Старуха Изергиль»).

Близость тем и идей публицистики Ленина и Горького в годы первой русской революции нашла свое выражение и в особенностях литературного стиля.

Статьи Ленина периода первой русской революции насыщены множеством образов, генетически связанных с героическим народным эпосом и русской революционной

литературой, в частности — с творчеством Горького. Часто встречаются у Ленина столь популярные в героическом эпосе и революционной поэзии образы бури, грозы, вихря, бурного моря, противопоставление «неба», к которому стремятся герои, и «земли», к которой в страхе прижимаются мещане. «Революционные события в Москве, это — первая молния грозы», — так начинается Ленин статью о политических стачках в Москве (IX, 318). И далее, в других ленинских статьях: «Страна замерла перед бурей» (IX, 396); «ветерок крепчал, превращаясь в бурю» (IX, 347); «барометр показывает бурю. . . все и вся сорвано уже с места гигантским вихрем солидарного пролетарского натиска» (IX, 361). В августе 1907 г. Ленин пишет статью «Перед бурей», в которой переводит мотивы горьковской «Песни о Буревестнике» на язык современной политической борьбы: «Пусть либералы трусливо кивают на эту грядущую борьбу исключительно для того, чтобы погрозить правительству, пусть эти ограниченные мещане всю силу „ума и чувства“ вкладывают в ожидание новых выборов, — пролетариат готовится к борьбе, дружно и бодро идет навстречу буре, рвется в самую гущу битвы. Довольно с нас гегемонии трусливых кадетов, этих „глупых пингвинов“, что „робко прячут тело жирное в утесах“». И свою статью Ленин заканчивает призывом: «Пусть сильнее грянет буря!» (XI, 117).

Революционным пафосом пронизаны и написанные в 1905—1907 гг. статьи и прокламации Сталина, которого Ленин назвал «пламенным колхидцем»¹. Ясно вырисовываются, таким образом, стилевые особенности подлинно революционной публицистики, возвеличивавшей счастье битвы за свободу, призывавшей бурю, предвестницу грядущей победы над старым миром. В этом смысле характерным является и название издававшейся в Тифлисе социал-демократической газеты на грузинском языке «Элва» («Молния»).

Небезинтересно отметить, что в реакционной прессе, а также в кадетской и меньшевистской публицистике, противопоставлявшей «романтике» большевиков трезвый «реализм» буржуазного ренегатства, эти же образы полу-

¹ Л. Берия. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, изд. 7-е, 1948, стр. 123.

чили противоположное смысловое звучание. С паническим ужасом писало «Новое время» о «страшных шагах» революции, о пропасти, в которую может ввергнуть российскую монархию бурная «народная стихия», всколыхнувшаяся «до самых ее пучин»¹. Кадетская «Речь» стремилась всякими способами доказать необходимость «утихомирить бурю народного возмущения», ввести «стихию в рамки», перейти от «бурной, горячей юности» к «упорной и настойчивой зрелости»². Один из вождей кадетской партии И. Петрункевич в самом же начале революции заявил на земском съезде: «Революция обогнала нас... Мы не можем удержать бури, но, во всяком случае, мы должны постараться предотвратить слишком большое потрясение». «Наша жизнь» утверждала: «...первым делом должны быть приняты предупредительные меры против... разрушительных действий революционных потоков и ураганов», ибо «все теории и принципы и даже сама мысль и простой разум отступают на задний план... когда на сцену выходит сама стихия во всемогуществе элементарных сил»³. В меньшевистской публицистике семантика бури, грозы, вихря отличается сходными чертами. «Революционный поток нас неудержимо рвал вперед», — со смущением признавался Парвус в брошюре «Настоящее политическое положение и виды будущего» (1905). «Мы были только те струны арфы, на которых играл ураган революции», — заявлял он, предсказывая конец урагана и призывая к «реалистической», «спокойной», «сознательной» работе. Разоблачая единение Треповых и политических мещан в дни революционной бури, Ленин писал: «Метания тех и других доставляют нам величайшее удовольствие; значит, хорошо дует революционный ветерок, если политические командиры и политические перебежчики подпрыгивают так высоко на верхней палубе» (IX, 348).

Позиция кадетов была охарактеризована Лениным при анализе одной из статей А. Изгоева⁴ путем контрастного

¹ М. Меньшиков. Тревога. «Новое время», 1905, 30 августа, № 10625.

² К. Гредескул. Перелом. «Речь», 1906, 3 октября, № 180.

³ Р. Бланк. К злобам дня русской социал-демократии. «Наша жизнь», 1906, 23 марта, № 104.

⁴ Ленин имел в виду статью А. Изгоева «Пессимизм», посвященную вопросу о Думе [«Речь», 12 марта (27 февраля) 1907, № 48].

противопоставления высоких и подчеркнуто сниженных образов: «Ну, разве же это не политические „человеки в футляре“? Разве это не филистеры, которые пред лицом неминуемо надвигающейся бури надвигают себе на глаза свой ночной колпак и твердят: мы осторожны. . . мы бережем. . . Вы бережете свой филистерский колпак, и ничего более, почтенные рыцари „народной свободы“!» (XII, 159). Столкновение двух групп противоположных эмоциональных образов («надвигающаяся буря» — с одной стороны, «ночной колпак», за который боится чеховский «человек в футляре», — с другой) придает острую сатирическую окраску замыкающей эту характеристику формулировке: «Почтенные рыцари „народной свободы“».

С поражением революции кадеты и меньшевики внимательно регистрировали разнообразные признаки, свидетельствовавшие об «усталости» так называемого «российского общества» от революции, в том числе отражение этой «усталости» в литературе. На этой почве сомкнулись также «либералы» и «консерваторы». Литературные обзоры в «Новом времени» и «Речи» казались продиктованными одним и тем же автором. Но для Ленина все это не было неожиданностью. И когда кадетский публицист Ф. Маловер написал в газете «Товарищ» об увлечении «общества» «легкой беллетристикой» как о доказательстве равнодушия к политике¹, Ленин презрительно ответил ему: «Усталость буржуазии и ее тяготение к „легкой“ беллетристике — явление не случайное, а неизбежное» (XII, 340). С уверенностью писал он в феврале 1907 г.: «Рабочий класс России доказал уже раз и докажет еще не раз, что он способен „штурмовать небо“» (XII, 91).

Настроения Ленина в момент наибольшего спада революционной волны Горький уже после Октябрьской социалистической революции охарактеризовал в следующих словах:

«Владимир Ильич Ленин так хорошо знал историю прошлого, что мог и умел смотреть на настоящее из будущего. . . Неизбежность и близость Октябрьской победы рабочих и крестьян он предвидел уже в 1907 г. на Лондонском съезде. Он вообще, как никто до него, умел предви-

¹ Ф. Маловер. Дума и общество. «Товарищ», 21 апреля 1907 г., № 273.

деть то, что должно быть. Он умел и мог делать это, мне кажется, потому, что половиною великой души своей жил в будущем, железная, но гибкая логика его показывала ему отдаленное будущее в формах совершенно конкретных, реальных. Этим, на мой взгляд, и объясняется его изумительная стойкость в отношении к действительности, которая никогда не смущала его — как бы она ни была трудна и сложна...»¹.

Горький стремился пронизать все свое творчество глубокой ленинской верой в грядущую победу социализма. Творчество Горького, обличавшее разнообразных ренегатов революции, поддерживавшее и раздувавшее пламя освободительной борьбы, явилось новым свидетельством того, что Горький, как писал Ленин, «...крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира...» (XVI, 89). Ответом и меньшевикам, и кадетам, и всем врагам рабочего класса, хоронившим революцию, явились произведения Горького, которые в тяжелые для Родины годы воодушевляли народ верой в то, что «Россия будет самой яркой демократией земли». Светом ленинского революционного оптимизма была озарена посвященная пробуждению революционного народа замечательная горьковская повесть «Лето» с ее заключительными вещими словами:

— С праздником, великий русский народ! С воскресением близким, милый!

В творческой деятельности Горького первая русская революция обнаружила свое великое созидательное начало, свой глубоко народный характер. И в этом, как и во всей истории нашей революции, сказалась великая роль вождя пролетарских масс Владимира Ильича Ленина.

¹ М. Горький. Публицистические статьи, Л. 1933, стр. 64—65.

**ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ**

В ПЕРИОД 1908—1910 гг.

**И БОРЬБА ЛЕНИНА
С ФИЛОСОФСКОЙ
РЕАКЦИЕЙ**

Поражение революции 1905—1907 гг. породило распад и разложение в среде попутчиков революции, обнаружило их стремление приспособиться к столыпинской реакции. Наступление контрреволюции нашло свое выражение и на идеологическом фронте. Буржуазная литература стремилась насадить в обществе настроения пессимизма, презрения к народу, культ индивидуализма и извращенности. Модными стали произведения, поносившие революцию, воспевавшие предательство и провокацию. В то же время усилились попытки ревизии марксизма, ревизии теоретических основ партии. На страницах буржуазной прессы усилился поход против великих традиций передовой русской культуры, против Горького и всей пролетарской литературы, усилилась пропаганда идеализма и мистики. Отвратить массы от революции — такова была общая цель всех врагов марксизма и всех противников демократии. Вот почему вопросы мировоззрения получили такую остроту в годы, последовавшие за поражением революции.

В данном исследовании мы ставим своей задачей изучение литературно-эстетических вопросов периода 1908—1910 гг. в свете борьбы Ленина с философской реакцией.

Борьба идейно-философских направлений, всегда отличавшаяся в России значительной интенсивностью, развернулась в эти годы с еще большей силой. Выпуск философской литературы и издание специальных философских журналов резко увеличились. Философские темы просачи-

вались нередко даже в развлекательные журналы. За отвлеченными, казалось, спорами по вопросам гносеологии, логики, эстетики скрывались реальные жизненные интересы различных классов и партий. Вопреки усилиям буржуазных ученых, философия переставала быть достоянием только «избранных» умов.

Русская революция, рост революционного движения на Западе и в странах Востока с небывалой ясностью обнаружили классовое содержание борьбы в области философии. В походе реакции против революции и в наступлении на принципы материалистического мировоззрения выдвигались все новые и новые варианты идеалистических теорий. «В наше время, — писал Ленин в 1910 г., — в области науки, философии, искусства выдвинулась борьба марксистов с махистами» (XVI, 185).

К услугам людей, оказавшихся в плену у реакционной философии, был богатый выбор новейших теорий, главным образом австрийских и немецких философов-идеалистов, возглавивших в эпоху империализма международную философскую реакцию. Эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, неокантианство в его разновидностях марбургской (Коген, Наторп, Кассирер) и фрейбургской (Виндельбандт, Риккерт) школ, имманентная школа в лице Шуппе, Шуберт-Зольдерна, Ремке и других, интуитивизм Анри Бергсона — все эти направления преследовали единую цель: доказать, что мир не существует независимо от сознания, что объект не существует без субъекта и что, следовательно, познать объективную истину невозможно. В России философские реакционеры, выступавшие с открытым забралом, и люди, которые вели «критику» и ревизию марксизма завуалированно и лицемерно, под флагом «защиты» его, шли в хвосте реакционной немецкой идеалистической философии и, как писал Ленин, — «боротали (слово в слово по последнему хандбуху), что материализм давно „опровергнут“» (XV, 19).

Как известно, Ленин всегда с большим вниманием следил за борьбой философских направлений и за философской литературой. Но особенное внимание уделял он вопросам философии после первой русской революции, когда в тяжелой обстановке реакции приходилось отбивать атаки «критиков» марксистской теории, отстаивать основы большевистской партии. Позднее, характеризуя

философскую дискуссию 1908—1910 гг., Ленин отмечал, что «время общественной и политической реакции, время „перевариванья“ богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест» (XVII, 54). В зависимости от различных исторических периодов вперед выдвигалась то одна, то другая сторона марксизма: в России до революции 1905—1907 гг. особенно разрабатывалось применение экономического учения Маркса к данным конкретным условиям, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия. «Это не значит,—отмечал Ленин,— что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне» (XVII, 54). Философская дискуссия 1908—1910 гг. в России имела не только внутреннее значение и была вызвана не только внутривнутриполитической ситуацией, но обуславливалась всем ходом развития научной мысли. «...Философская „разборка“, — писал Ленин, — подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку, напр., новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был „сладить“ диалектический материализм. В этом отношении „наш“ (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т. е. русское, значение» (XVII, 54). При всем этом философская дискуссия была насыщена богатым непосредственно политическим содержанием. «Махизм, — писал Ленин, — как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции» (XVII, 54).

Таково, вкратце, громадное значение философской дискуссии 1908—1910 гг., которую Ленин охарактеризовал в статье «Наши упразднители» и которую меньшевизм в лице Потресова оценивал как «вакханалию философствования»¹.

Цели борющихся против марксизма философов и публицистов из либерально-буржуазного лагеря были

¹ А. Потресов. Критические наброски. О том, почему пустяки одолели. «Наша заря», 1910, № 2, стр. 24.

с самого начала совершенно ясны и открыто ими обнаруживались. Когда с проповедью эмпириокритицизма выступал, например, В. Лесевич, то он, разумеется, не только не претендовал на признание его сторонником марксизма, но прямо заявил о своей враждебности к марксизму. Несравненно опаснее были попытки буржуазной агентуры в рабочем движении подорвать теоретические основы марксизма. «Упадочничество и неверие коснулись также одной части партийных интеллигентов, считавших себя марксистами, но никогда не стоявших твердо на позициях марксизма. В числе них были такие писатели, как Богданов, Базаров, Луначарский (примыкавшие в 1905 году к большевикам), Юшкевич, Валентинов (меньшевики). Они развернули „критику“ одновременно против философско-теоретических основ марксизма, то-есть против диалектического материализма, и против его научно-исторических основ, то-есть против исторического материализма. Критика эта отличалась от обычной критики тем, что она велась не открыто и честно, а завуалированно и лицемерно под флагом „защиты“ основных позиций марксизма»¹.

Начало наиболее острого развития философской дискуссии относится к первым месяцам 1908 г., когда в Петербурге вышел сборник «Очерки по философии марксизма», составленный из статей: В. Базарова «Мистицизм и реализм нашего времени», Я. Бермана «О диалектике», А. Луначарского «Атеизм», П. Юшкевича «Современная энергетика с точки зрения эмпириосимволизма», И. Гельфонда «Философия Дицгена и современный позитивизм», С. Суворова «Основания социальной философии». Сборник этот, получивший значительное распространение и выдержавший два издания, представлял собою фронтальное выступление сторонников махизма по вопросам философии, а также культуры и искусства. Особенный вред его заключался в том, что ревизия основ марксистской философии проводилась под видом защиты ее.

«Теперь вышли „Очерки философии марксизма“, — писал Ленин Горькому 25 февраля 1908 г. из Женевы. — Я прочел все статьи кроме суворовской (ее читаю), и

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 97.

с каждой статьей прямо бесновался от негодования. Нет, это не марксизм! И лезут наши эмпириокритики, эмпириомонисты и эмпириосимволисты в болото. Уверять читателя, что „вера“ в реальность внешнего мира есть „мистика“ (Базаров), спутывать самым безобразным образом материализм и кантианство (Базаров и Богданов), проповедывать разновидность агностицизма (эмпириокритицизм) и идеализма (эмпириомонизм), — учить рабочих „религиозному атеизму“ и „обожанию“ высших человеческих потенций (Луначарский), — объявлять мистикой энгельсовское учение о диалектике (Берман), — черпать из вонючего источника каких-то французских „позитивистов“ — агностиков или метафизиков, чорт их поберет, с „символической теорией познания“ (Юшкевич)! Нет, это уж чересчур». «Конечно, — иронически продолжал Ленин, — мы, рядовые марксисты, люди в философии не начитанные, — но зачем уже так нас обижать, что подобную вещь нам преподносить, как философию марксизма! Я себя дам скорее четвертовать, чем соглашусь участвовать в органе или в коллегии, подобные вещи проповедующей» (XIII, 412—415). Прочитав этот сборник в феврале 1908 г., Ленин в примечании к своей статье «Марксизм и ревизионизм», написанной в апреле, упомянул о нем как о ревизионистском, заметив при этом: «Здесь не место разбирать эту книгу и я должен ограничиться пока заявлением, что в ближайшем будущем покажу в ряде статей или в особой брошюре, что *все* сказанное в тексте про неокантианских ревизионистов¹ относится по существу дела и к этим „новым“ неюмистским и необерклянским ревизионистам» (XV, 20).

Вскоре Ленин почти целиком был поглощен работой над своим философским трудом. «Читаю по целым дням распроклятых махистов», — писал Ленин Горькому в апреле 1908 г. (XXXIV, 341). Придавая большое значение критике извращений марксизма, Ленин всячески форсировал окончание своей работы. В начале мая 1909 г. книга «Материализм и эмпириокритицизм» вышла в свет.

¹ В тексте статьи Ленин указывал, что «в области философии ревизионизм шел в хвосте буржуазной профессорской „науки“... тащился за неокантианцами», подменял диалектику «эволюцией» и т. д. (XV, 19). — Б. М.

Будучи обобщением итогов развития русской и мировой науки, истории, философии, естествознания, «Материализм и эмпириокритицизм» — крупнейший теоретический вклад во все области культуры.

В своей работе «Об основах ленинизма» И. В. Сталин пишет:

«Может быть, наиболее ярким выражением того высокого значения, которое придавал Ленин теории, следовало бы считать тот факт, что не кто иной, как Ленин, взялся за выполнение серьезнейшей задачи обобщения по материалистической философии наиболее важного из того, что дано наукой за период от Энгельса до Ленина, и всесторонней критики антиматериалистических течений среди марксистов. Энгельс говорил, что „материализму приходится принимать новый вид с каждым новым великим открытием“. Известно, что эту задачу выполнил для своего времени не кто иной, как Ленин, в своей замечательной книге „Материализм и эмпириокритицизм“. Известно, что Плеханов, любивший потешаться над „беззаботностью“ Ленина насчет философии, не решился даже серьезно приступить к выполнению такой задачи»¹.

Бессмертное значение «Материализма и эмпириокритицизма» — острейшего оружия против всякого рода идеализма и мракобесия — с особой силой проявляется теперь, в обстановке ожесточенной, обострившейся борьбы империалистической реакции против марксизма-ленинизма, против социализма и демократии. В настоящее время с еще большей очевидностью, чем когда-либо, раскрывается реакционная роль идеалистических теорий, их связь с походом империализма против всего прогрессивного человечества, с защитой капиталистического рабства, с подготовкой новой войны. Новейшие школки буржуазной философии Соединенных Штатов Америки, Англии и других капиталистических стран на самом деле ничего «нового» изобрести не могут: к ним полностью относятся слова Ленина о том, что буржуазные философы способны лишь повторять зады философии Беркли, Канта и других старых идеалистов. Сочинители новых «измов» отличаются между собою лишь попытками создать маски для берклиански-махистских идей и сохраняют полне

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11-е стр. 14.

единство в утверждениях, что человек бессилён познавать и изменять жизнь. Едины эти «философы» и в пропаганде идей «вечности» и «незыблемости» буржуазных порядков, идей, реакционная политическая сущность которых разоблачена в «Материализме и эмпириокритицизме».

* * *

Роли «Материализма и эмпириокритицизма» в развитии марксистской философии посвящено немало статей. Важно также показать освещение Лениным вопросов эстетики в этой книге и значение ее для понимания тех эстетических проблем, которые ставились в ходе философской дискуссии 1908—1910 гг.

II

С вопросами эстетики книга Ленина связана как теми страницами, на которых эти вопросы затрагиваются непосредственно, так и благодаря широте ленинской критики эмпириокритицизма, распространяющейся на все его стороны. Необходимо учитывать, что у западных и русских эмпириокритиков искусство рассматривается не в качестве специфической области человеческого познания, а лишь как одно из наиболее ярких выражений общих принципов «экономии мышления» и систематизации «элементов опыта» (причем «опыт» трактуется, понятно, не в материалистическом смысле, а как совокупность субъективных ощущений или переживаний). Вот почему почти во всех махистских работах, подвергнутых критике в «Материализме и эмпириокритицизме», вопросы эстетики растворены в рассуждениях на общие гносеологические темы¹. Вот почему ленинская критика теории познания эмпириокритицизма имеет отношение и к эстетике

¹ Показательно, что Луначарский в той части своих эстетических построений, которые основывались на философии махизма, придерживался принципа универсальности законов «позитивной эстетики» «для смежных областей этики и гносеологии» и считал, что законы эти «могут служить основой целому миросозерцанию» (А. Луначарский. Основы позитивной эстетики, в сб. «Очерки реалистического мировоззрения», 1907, стр. 15).

эмпириокритицизма даже тогда, когда Ленин не останавливается на том, как применяет тот или иной махист свои принципы в области социологии вообще и эстетики в частности.

В «Материализме и эмпириокритицизме» вопросы отражения действительности в искусстве не выделены в какой-либо особый раздел; искусство рассматривается здесь Лениным наряду с другими формами познания. И это вполне понятно, поскольку познание бесконечного многообразия всех явлений природы и общественной жизни было для Ленина единым процессом и подчинялось единым гносеологическим законам, хотя и проявляющимся по-разному в различных формах познания (например, в художественном творчестве, отражающем жизнь в конкретно-чувственной форме).

Органическая связь теории познания и эстетики обнаружилась в ряде работ, изученных Лениным при создании своей книги. Единство гносеологии и эстетики эмпириокритицизма Ленин подчеркнул при сопоставлении взглядов Богданова, в эти годы занимавшегося, главным образом, вопросами гносеологии, и Луначарского; для которого интересы в области эстетической были преобладающими. «Надо быть слепым, — писал Ленин, — чтобы не видеть идейного родства между „обожествлением высших человеческих потенций“ Луначарского и „всеобщей подстановкой“ психического под всю физическую природу Богданова ¹. Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической» (XIV, 330—331; курсив наш. — Б. М.). В этом тезисе отразилось обычное для Ленина умение связывать все области науки и искусства с человеческой практикой. Познание окружающего мира имело, согласно взглядам Ленина, задачу не только постижения закономерностей действительности, но и изменения ее. Поэтому и вопросы эстетики, которых Ленин касается в «Материализме и эмпириокритицизме», тесно связаны с диалектико-материалистической теорией позна-

¹ «Подстановка», согласно теории Богданова, заключается в том, что в процессе познания вместо объективного мира подставляется психический опыт «коллективного человечества»; логическим следствием такой «подстановки» является признание физической природы продуктом сознания. — Б. М.

ния. Эстетика была для субъективных идеалистов областью, отгороженной от мира практической деятельности. В эстетике в особенности проявилась характерная для эмпириокритиков страсть к построению усложненных спекулятивных конструкций, налагаемых на изучаемые явления искусства, в то время как марксистский подход к этой отрасли человеческой деятельности выводил закономерности искусства из самой объективной природы его: «...наше понимание истории есть главным образом руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства», — писал Энгельс в письме к К. Шмидту 5 августа 1890 г.¹ Эстетика была связана у Ленина с общефилософскими проблемами причинности и необходимости и с вопросом об абсолютной и относительной истине в такой же степени, как любая область общественных наук. И в то же время искусство в ленинском освещении всегда сохраняло свою специфику особой формы отражения окружающего мира в человеческом сознании.

В философской дискуссии 1908—1910 гг. вопросы эстетики занимали значительное место. Недаром Ленин отметил в 1910 г. в цитированных выше «Заметках публициста», что не только в науке и философии, но и в *искусстве* выдвинулась вперед борьба марксистов с махистами² (см. XVI, 185). В эстетике, так же как и в философии, шла борьба между двумя основными направлениями — материалистическим и идеалистическим. Основной теоретический журнал символизма «Весы» печатал многочисленные статьи по вопросам философии. Почти во всех работах на философские темы, как в западно-европейских, так и в русских, затрагивались и освещались вопросы эстетики. С другой стороны, новейшие «изыскания» в области идеалистической гносеологии находили отражение не только в литературно-теоретических и критических работах, но в какой-то мере и в художественном творчестве. Конечно, в эстетике и литературной теории филиация идеалистических течений не могла быть произведена с такой тщательностью, как в философии. Но несомненно, что и к анализу эстетических учений должны быть отнесены

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, Госполитиздат, 1948, стр. 421.

² Курсив наш. — Б. М.

слова Ленина о необходимости «за кучей новых терминологических ухищрений, за сором гелертерской схоластики» находить «две основные линии, два основных направления в решении философских вопросов» (XIV, 321).

Разумеется, в непосредственно художественном творчестве проблема взаимодействия между философскими взглядами писателя и его художественными образами не решается прямолинейно. Иные писатели стояли на платформе идеалистической, но, вопреки этому, в силу влияния самой жизни, — создавали все же наряду с узко субъективистскими произведениями и произведения, отражающие отдельные стороны действительности, правдиво передающие человеческие переживания. Однако для борьбы философских направлений изучаемого периода было характерно стремление теоретиков символизма не только построить эстетику на основе эклектического соединения философии Ницше и Шопенгауэра, Маха и Авенариуса, Риккерта и Когена, но и превратить эту эстетику в *нормативную*, сознательно воплотить ее положения в своих произведениях.

Как отмечает исследователь теории символизма В. Асмус, «... русский символизм возник как течение, поставившее своей задачей разрешение не одних только формально-художественных, но и, в первую очередь, *практических* — философско-исторических, этических, общественно-политических задач», и не случайно поэтому «вопросы теории познания играют громадную роль в теории символизма»¹.

Среди символистов были писатели далеко не однородные и по художественным тенденциям своего творчества и по социальной ориентации. При всем этом, однако, философско-эстетическая теория символизма была реакционной, открыто враждебной материализму и реализму. Журнал «Весы» объединял литераторов русских и западных, развивавших на его страницах эклектическую, но целеустремленную программу воинствующего идеализма в искусстве. «Весы» в эти годы выполняли также и функцию «тонкого» философского журнала, пропагандировавшего идеалистические теории в их новейших вариантах. После поражения первой русской революции теоретики

¹ «Литературное наследство», т. 27—28, 1937, стр. 326.

символизма усиливают борьбу против материализма в философии и реализма в художественном творчестве. Крылатая фраза Ф. Сологуба: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из нее сладостную легенду, ибо — я поэт», получает в эти годы значение боевого лозунга для приверженцев реакции в искусстве. Большую популярность, и не только среди символистов, приобретает сологубовское сравнение художника с Дон-Кихотом, который преобразует в своей мечте окружающую жизнь, «эту уродливую Альдонсу», в символический образ прекрасной Дульцинеи.

При всей пестроте философских идей русского символизма субъективно идеалистическая тенденция является в них преобладающей. Даже В. Брюсов, самый умеренный в своих философских декларациях символист, в программной статье «Ключи тайн» (еще в 1904 г.) утверждал, что «искусство никогда не воспроизводило, а всегда преобразовало действительность» и противопоставлял научному мышлению уяснение художником для самого себя «своих темных, тайных чувствований»¹. Эту же идею Брюсов развивал и в поэтической форме:

Создал я в тайных мечтах
Мир идеальный природы.
Что перед ним этот прах:
Степи, и скалы, и воды.

Вопросы эстетики и философии были настолько актуальными для развития искусства, что в обсуждение их оказались втянутыми и те поэты, которым теоретическое мышление (судя по их опытам) было совершенно чуждо. Так, например, К. Бальмонт, вслед за своими единомышленниками, пропагандирует «поэзию как волшебство» и, критикуя реалистов, которые «схвачены, как прибором, конкретной жизнью, за которой они не видят ничего», восхваляет символистов, ибо они, «отрешенные от реальной действительности, видят в ней только свою мечту, они смотрят на жизнь из окна»².

¹ «Весы», 1904, кн. I, стр. 6, 20.

² К. Бальмонт. Горные вершины, 1904, стр. 76. Эту банальную мысль Бальмонт воплотил и в своих стихах: например, его стихотворение «Аккорды» воссоздает процесс творчества, как он представляется символисту, — отражение не мира, а «очертаний снов» в «недвижной зеркальности» поэзии.

Наибольшего своего развития разработка философских основ и эстетики символизма получила в 1907—1910 гг. Между активизацией идеалистической пропаганды в философии и в искусстве была глубокая связь. Поэтому и в ревизионистских «Очерках по философии марксизма» заметно, как мы увидим ниже, заигрывание с теоретиками символизма.

Стремясь воздействовать на направление литературного развития в духе идеализма, виднейший теоретик символизма Андрей Белый требует от своих коллег разработки «широких лозунгов», «боевой платформы» и в серии своих статей выдвигает идеалистическую теорию познания как основу для построения эстетики. Отмеченная Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме» и характерная для реакционных идеологий начала XX в. критика Канта «справа» происходит и в литературной теории. Все большее признание в журнальной и книжной литературе получает точка зрения, согласно которой интуитивистский «метод» познания признается единственно правильным, а субъективистское созидание художником в своем воображении «мира идеальной природы» объявляется высшим законом искусства. Модное в философии эмпириокритицизма понятие опыта как комплекса ощущений истолковывается теоретиками символизма как понятие «мистического опыта», и, в связи с этим, провозглашается, что «искусство не имеет никакого собственного смысла, кроме религиозного».

Заметное влияние махизм оказывал также в литературоведении и лингвистике. Издание «Вопросы теории и психологии творчества» развивало в ряде статей махистские принципы в области теории литературы. Б. Лезин в статье, носящей характерное «эмпириокритическое» название — «Художественное творчество, как особый вид экономии мысли», развивал своеобразную программу сторонников махизма в эстетике.

Все эти факты тесного взаимодействия философии, эстетики и литературы свидетельствуют об огромном значении, какое имели защита и развитие Лениным философского материализма также и для разработки вопросов литературно-эстетических.

Определяя место эмпириокритицизма среди остальных философских школ современности, Ленин подчеркивал,

что эмпириокритики вовсе не открывали нового философского направления. «Начав с Канта, и Мах и Авенариус пошли от него не к материализму, а в обратную сторону, к Юму и к Беркли. Воображая, что он „очищает опыт“ вообще, Авенариус на деле очищал только агностицизм от кантианства. Вся школа Маха и Авенариуса идет к идеализму все более определенно, в тесном единении с одной из самых реакционных идеалистических школ, т. наз. имманентами» (XIV, 342). Сводя все содержание и весь внешний мир к совокупности переживаний, Мах и Авенариус «преодолевали» материализм путем полной капитуляции перед идеализмом. Анализируя теорию познания эмпириокритицизма, Ленин вскрыл особенности критики кантианства махистами в конце XIX и начале XX в. И Мах, и Авенариус, а за ними и их русские ученики критиковали Канта за недостаточное очищение «опыта», за то, что он допускал, «...будто есть вещь в себе, хотя бы непознаваемая, интеллигибельная, потусторонняя, — будто есть необходимость и причинность, хотя бы априорная, данная в мышлении, а не в объективной действительности» (XIV, 184). В то время как материалисты считали пороком философии Канта то, что он недостаточно реально, недостаточно материалистично смотрит на «вещь в себе», махисты упрекали его за то, что он допускает ее существование. Эти упреки, представлявшие критику Канта справа, Ленин охарактеризовал как старую линию субъективного идеализма, линию Юма, Беркли и Фихте «в чуточку подновленном словесном облачении» (XIV, 186). Лозунг «назад к Канту», провозглашавшийся на первом этапе философского ревизионизма, на втором его этапе сменился, по существу, лозунгом «назад к Фихте», противопоставлением «реалистической догматике материализма» уже не кантовского компромисса между материализмом и идеализмом, а фихтеанского представления о мире как продукте деятельности абсолютного «Я». Анализ Лениным гносеологии Фихте в качестве системы, родственной эмпириокритицизму, может быть продолжен и по отношению к эстетике. В параллель к проанализированному Лениным фихтеанскому положению о том, что мир не существует вне нас и независимо от нашего сознания (см. XIV, 56, 65, 183—184 и др.), можно привести следующее суждение Фихте: «Где нахо-

дится мир прекрасного духа? Внутри человека и больше нигде. Таким образом художественное искусство вводит человека в него самого и делает его себе родственным»¹.

Как же происходила в области эстетики рассмотренная Лениным критика Канта справа?

Философским мракобесам новейшей формации эстетическая теория Канта казалась недостаточно реакционной. Кант утверждал, что «эстетическое наслаждение свободно от всякого интереса», но допускал существование объекта эстетического наслаждения. «Основная черта философии Канта, — писал Ленин, — есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе разнородных, противоположных философских направлений» (XIV, 184). Эстетическая система Канта представляла собою такой же компромисс между материализмом и идеализмом, как и его философия. Критика ее в XIX и XX вв. развивалась по двум путям — материалистическому и идеалистическому. Идеалистическая эстетика эпохи империализма проделывала тот путь, который, как показал Ленин, проделала идеалистическая философия. Из эстетики Канта окончательно устранялись ее материалистические элементы. И Иоанас Кон, и Рихард Гаман, и Теодор Липпс, и другие, вплоть до крайних субъективистов в эстетике — Христиансена, Б. Кроче, Бергсона, — каждый по-своему, стремились к абсолютной изоляции искусства от окружающего мира и к перенесению в эстетику построений субъективистской философии.

В России с конца XIX в. получают большое распространение разнообразные теории о двойственности искусства и о способности художника проникнуть в «инобытие», постигнуть тайную «внутреннюю сущность» явления. Так возникает учение о символе и его роли в искусстве, имеющее в своих философских основах столь много общего с рассмотренным у Ленина «эмпириосимволизмом» П. Юшкевича. Критика эстетики Канта справа принимает все более ярко выраженный характер: кантовская точка зрения, допускающая существование объекта созерцания независимо от субъекта, отвергается как устаревшая, и художественный образ рассматривается абсолютно, вне

¹ Fichte's sämtliche Werke, Band 4, S. 354.

всяких связей с объектом, только лишь как «модель переживаемого содержания сознания»¹. Одновременно в эстетике и литературной критике, точно так же как и в философии, усиливаются призывы о возврате от Канта к Беркли и Фихте. В рецензии на русский перевод «Трактата о началах человеческого знания» Беркли, напечатанной в «Весах», А. Бачинский восхвалял последовательность его идеализма и порицал непоследовательность Канта. «Ни один автор, — писал рецензент, — с такой ясностью и прямоотой, как Беркли, не подступал к решению основного философского вопроса о соотношении между бытием и мышлением... Те, которые (как Кант) отступали от этой несомненной оси всякого умозрения, впадали в неизбежные ошибки. И нет сомнения, что со временем мы услышим призыв: „назад к Беркли“, как к исходной точке»². А в 1908 г. те же «Весы» ставят художественный метод одного из учителей символистов — Стефана Малларме — в прямую связь с философией Фихте³.

Имела место в эстетике и маскировка идеализма под «реализм», аналогичная той, которая разоблачена Лениным в области философии. Когда идеалисты выступали против реализма как определенного мировоззрения и направления в искусстве, борьба с ними марксистов облегчалась. Так, например, Д. Мережковский в свое время без всяких оговорок заявил, что «художественный материализм соответствует научному и нравственному материализму», и, отвергая «реалистический вкус толпы», выдвинул необходимость крепить «фундамент циклопической постройки, заложенной Кантом»⁴. В этом утверждении враждебность материалистическому мировоззрению в науке и искусстве сказалась с полной ясностью. Но, как показал Ленин, представители новейшей идеалистической философии прибегали к новой тактике. «В наше время нельзя философу не объявлять себя „реалистом“» (XIV, 310), — писал Ленин. В своей книге он показал маскировку под «реализм» не только русских махистов, но и попытки представить даже учение Беркли «есте-

¹ А. Белый. Арабески, стр. 258.

² «Весы», 1905, кн. XII, стр. 83.

³ «Весы», 1908, кн. IV, стр. 68.

⁴ Д. Мережковский. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы, СПб. 1893, стр. 45.

СТВЕННЫМ реализмом». «Эта забавная терминология непременно должна быть отмечена, ибо она действительно выражает намерение Беркли подделаться под реализм, — писал Ленин. — Мы много раз встретим в дальнейшем изложении „новейших“ „позитивистов“, которые в другой форме, в другой словесной оболочке повторяют эту же самую проделку или подделку» (XIV, 17)¹. В литературной критике, наряду с открытой борьбой против реализма, также происходило извращение понятия реализма и маскировка под него идеалистических теорий. И не случайно Базаров в той самой статье из «Очерков по философии марксизма», которую Ленин отметил как образец идеалистического извращения понятия «реализм», весьма одобрительно отозвался о Вячеславе Иванове — одном из видных теоретиков символизма. По мнению Базарова, «за причудливой мифологической символикой его (Вячеслава Иванова) образного языка, за неожиданными скачками и обрывами его всегда несколько кокетничающей и заигрывающей с читателем мысли, скрывается зачастую весьма реалистическое содержание», а сквозь «игриво-мистическую диалектику слов просвечивают довольно здравые мысли о психологической природе всякого вообще человеческого творчества, — не только религиозного или поэтического, но и самого „позитивного“, напр. научного или промышленно-технического»². Симпатии Базарова к Вячеславу Иванову были вызваны несомненной близостью ему той трансформации, которой подвергалось понятие «реализм» в символистских теориях. В статьях «Две стихии в современном символизме» (1906), «Заветы символизма» (1910) и др. Вячеслав Иванов выступил на защиту «реализма в искусстве» как «принципа верности вещам, каковы они суть в явлении и в существе своем», и в то же время сочетал этот прин-

¹ Вот почему Ленин, употреблявший в своих ранних работах, предназначенных для подцензурной печати, слово «реализм» как синоним слова «материализм», впоследствии отказался от этого и так мотивировал свой отказ: «Я вслед за Энгельсом употребляю в этом смысле *только* слово: материализм, и считаю эту терминологию единственно правильной, особенно ввиду того, что слово „реализм“ захватано позитивистами и прочими путаниками, колеблющимися между материализмом и идеализмом» (XIV, 48).

² «Очерки по философии марксизма», СПб. 1908, стр. 15—16.

тип «верности вещам» с признанием «теургической» роли искусства, «пересечения искусства с религией». Его «реалистический символизм» есть, по существу, та же маскировка идеализма в искусстве, как и разоблаченная Лениным маскировка идеализма в философии. Характерно, что и Луначарский, в пору наибольшего своего увлечения махистскими теориями, сочувственно относился к «символическому реализму».

Видимость защиты реализма старательно стремился сохранить возникший в 1910 г. буржуазно-эстетский журнал «Аполлон». Но при расшифровке пропагандировавшегося им лозунга «нового реализма», или «кларизма», ясно обнаруживаются его реакционные, идеалистические корни. Из «реализма» в эстетике, так же как и в философии, устраняется основной материалистический тезис о человеческом сознании как вторичном по отношению к объективной действительности. Поэтому-то на страницах «Аполлона», наряду с восхвалением «вещного мира» как объекта искусства, мы встречаем упреки по адресу «эстетов», которые «ищут основания для радостного в объекте, а не в субъекте»¹. Поэтому-то приверженцы «нового реализма» продолжали критиковать материализм совсем в духе махистов, которые, как отметил Ленин, «...любят декламировать на ту тему, что они — философы, вполне доверяющие показаниям наших органов чувств, что они считают мир действительно таким, каким он нам кажется, полным звуков, красок и т. д., в то время как для материалистов, дескать, мир мертв, в нем нет звуков и красок, он отличается сам по себе от того, каким кажется, и т. п.» (XIV, 115—116). Между тем «для материалиста, — утверждал Ленин, — мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны» (XIV, 116). Отражение субъективно-идеалистического мировоззрения в искусстве свидетельствует о мертвенности этого мировоззрения, о бессилии его вдохновить человека на борьбу за расширение границ познания мира и за воплощение в действительности своих надежд и стремлений.

В идеалистической эстетике идея о том, что искусство является специфической формой практического познания,

¹ «Аполлон», 1914, № 5, стр. 35.

подвергалась резкой критике. Идея эта, по мнению Андрея Белого, есть «или красивая фраза, или путаница двух сфер: познания и знания», а выводы из нее «убийственны для всякого искусства: живое искусство должно стать искусством мертвым»¹. Эту же мысль Брюсов развивал в следующих словах: «Нельзя в угоду знанию и науке видеть в искусстве только отражение жизни... Нет искусства, которое повторяло бы жизнь... Никогда ботаники не станут изучать растение по рисункам, никогда самая искусная картина не заменит путешественнику вида на океан, уже по одному тому, что в лицо ему не будет веять соленый запах и не будет слышно ударов волн о береговые камни»². Но человеческое познание во всех своих проявлениях является активным освоением мира, а не механической копией объективного мира в сознании и не его «удвоением». Конспектируя Фейербаха, Ленин записал: «Искусство не требует признания его произведений за действительность»³. В этой особенности фантазии в искусстве — принципиальное отличие ее от религиозной фантастики.

Итак, как мы видим, философские споры 1908—1910 гг. далеко не имели замкнутого, обособленного от общественной жизни значения. Для литературы и эстетики философская дискуссия имела крупнейшее значение, поскольку в ходе ее обсуждались важнейшие вопросы мировоззрения, проблемы отражения действительности в человеческом сознании, истинности этого отражения и т. д. Поэтому не только специальные литературные журналы помещали немало статей на философские темы, но даже лирическая поэзия в этот период была насыщена философской проблематикой, а иногда и специальной терминологией.

III

Каково же содержание вопросов эстетики, которые Ленин затрагивает в «Материализме и эмпириокритицизме» непосредственно?

Все эти вопросы сводятся в конечном счете к основной проблеме соотношения искусства и действительности, от-

¹ А. Белый. Символизм, 1910, стр. 208—209.

² В. Брюсов. Ключи тайн. «Весы», 1904, № 1, стр. 6—7.

³ В. И. Ленин. Философские тетради, М., 1947, стр. 50.

ражения в искусстве закономерностей объективной действительности. Не иррациональная «воля художника», не его изощренное умение воспроизводить в искусстве субъективистские «комплексы ощущений» и не «интуитивное прозрение в инобытие», а сама жизнь является содержанием художественного творчества и определяет его принципы, — такова основная установка, руководившая Лениным, когда он, анализируя гносеологию эмпириокритицизма, касался эстетических проблем.

Весьма существенной для выяснения связи законов искусства с основами марксистской теории познания является критика Лениным трактовки проблемы причинности, свободы и необходимости у новейших идеалистов. В главе III своей книги Ленин, разбирая теорию познания эмпириокритиков, касается решения ими этого вопроса и в области эстетики.

Анализируя взгляды Энгельса на вопрос о причинности, Ленин развивает диалектико-материалистическое положение о том, что естественная связь, связь явлений природы, существует объективно. «Признание объективной закономерности, причинности, необходимости в природе, — пишет Ленин, — совершенно ясно у Энгельса наряду с подчеркиванием относительного характера наших, т. е. человеческих, приблизительных отражений этой закономерности в тех или иных понятиях» (XIV, 144). Это понимание причинности Ленин противопоставляет точке зрения Гельфонда, одного из авторов «Очерков по философии марксизма», утверждавшего, что причинная зависимость, которая приписывается вещам, в действительности не содержится в самих вещах¹. Генеалогию этой точки зрения Ленин возводит к взглядам Авенариуса и Маха, для которых формы причинности вытекают исключительно из субъективных стремлений.

Прямая связь материалистического решения вопроса о причинности и необходимости с эстетикой реализма не только подсказывается данным параграфом «Материализма и эмпириокритицизма», но и непосредственно содержится в нем. Критикуя идеалистическое понимание

¹ И. Гельфонд. Философия Дицгена и современный позитивизм (сб. «Очерки по философии марксизма», СПб. 1908, стр. 248).

категории причинности, Ленин цитирует следующие слова английского буржуазного философа берклианца Карла Пирсона: «„И поэты и материалисты, говорящие о природе, как господине (sovereign) над человеком, слишком часто забывают, что порядок и сложность явлений, вызывающие их восхищение, по меньшей мере, настолько же являются продуктом познавательных способностей человека, как его собственные воспоминания и мысли“» (XIV, 148). Это типично махистское положение, столь часто развивавшееся сторонниками различных антиреалистических направлений в искусстве — вплоть до крайнего импрессионизма, привлекает внимание Ленина с точки зрения характеристики идеалистической гносеологии. «„Человек дает законы природе“» — таково, согласно заключению Ленина, содержание пренебрежительной критики Пирсоном «поэтов и материалистов», говорящих, что сознание человека отражает порядок и сложность явлений в природе. Ленин указывает, что «кантианско-махистская формула: „человек дает законы природе“ есть формула фидеизма» (XIV, 149), то есть теории, дающей предпочтение вере перед наукой¹.

На соотношении проблемы причинности и необходимости в гносеологии с проблемой художественного творчества Ленин указал и в критике взглядов ученика Маха и Авенариуса И. Петцольдта, философа, который в своих работах (и, в частности, в подвергнутой Лениным критике работе «Введение в философию чистого опыта») уделял большое внимание вопросам эстетики. Ленин приводит в «Материализме и эмпириокритицизме» следующее рассуждение Петцольдта в защиту субъективно-идеалистических построений: «Однозначной определенности психических явлений. . . быть не может: роль фантазии, значение великих изобретателей и т. п. создают тут исключения, а закон природы или закон духа не терпит „никаких

¹ В другом месте своей книги Ленин упоминает имя Брюнетьера как прямого сторонника фидеизма (см. XIV, 291). Фердинанд Брюнетьер своей эволюцией убедительно показал, как, в сущности, велика грань между эклектическим позитивизмом и субъективным идеализмом. Французский критик, стяжавший себе широкую известность как пропагандист перенесения законов естествознания в изучение художественного творчества, под конец жизни стал доказывать «бабкротство науки» вообще.

исключений" (65)»¹. По поводу этого положения Петцольдта Ленин замечает: «Перед нами чистейший метафизик, который понятия не имеет об относительности различия случайного и необходимого» (XIV, 150). Излагая далее ход рассуждений Петцольдта, Ленин пишет: «Мне сошлются, может быть, — продолжает Петцольдт, — на мотивировку событий истории или развития характера в произведениях поэзии? „Если мы внимательно посмотрим, то увидим отсутствие однозначности. Нет ни одного исторического события и ни одной драмы, в которой бы мы не могли представить себе участников действующими при данных психических условиях иначе" (73)» (XIV, 150—151).

Это цитированное Лениным положение Петцольдта весьма характерно для субъективно-идеалистических эстетических теорий. Признание того, что мотивировка событий или развитие характера в произведениях поэзии не является отражением закономерностей самой действительности, утверждение, согласно которому в драме при тех же «психических условиях» любой участник мог бы действовать иначе, — все это является теоретическим обоснованием полной произвольности фантазии художника и независимости искусства от жизни.

Петцольдта и основы его социологии и эстетики Ленин более подробно характеризует в главе VI своей книги, главе «Эмпириокритицизм и исторический материализм». Большое место, которое Ленин уделил критике книг Петцольдта «Введение в философию чистого опыта» и «Картина мира с точки зрения позитивизма», объясняется тем, что Петцольдт — виднейший, после Маха и Авенариуса, представитель эмпириокритицизма — аттестовался в работах русских последователей этой системы как «учитель», а также и тем, что он, как отмечал Ленин, «в положительной форме излагает взгляды эмпириокритицизма в социологии» (XIV, 305)².

¹ Цифры, заключенные Лениным в скобки, указывают на страницы книги I. Petzoldt. Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung, Bd. I, Leipzig, 1900 (имеется авторизованный русский перевод Г. А. Котляра, СПб. 1909).

² Заметное влияние Петцольдт оказал в эти годы на Луначарского (см. Р. Авенариус. Критика чистого опыта, в популярном переложении А. Луначарского, М. 1905). Это влияние сказалось на ошибках Луначарского как в области философии, так и в области эстетики.

Поскольку Ленин в соответствии с задачами своей работы касался эстетической теории эмпириокритицизма попутно, постольку значение его замечаний по поводу эстетических принципов И. Петцольдта вполне может быть выяснено лишь при освещении эстетических взглядов этого философа, взглядов, отразившихся в его работах, разобранных на страницах «Материализма и эмпириокритицизма».

Приведенное Лениным рассуждение Петцольдта о развитии характеров в поэзии и причинной обусловленности действий героев в драме содержится в главе четвертой первой части его книги «Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung»¹. Здесь Петцольдт стремится доказать противоположность между законами природы и законами мышления. Отрицая в принципе понятия действия, причины, следствия и необходимости как «неясные и содержащие еще заметные следы фетишизма», «парализующие мужество мышления», Петцольдт обосновывает в противовес этим понятиям «закон однозначности». «Каждый процесс природы бывает совершенно определенным во всех своих частях, нигде в процессах природы мы не наталкиваемся на неопределенность, на произвольность»². «Закон однозначности», разумеется, не только не является у Петцольдта объективным законом природы, но, как он заявляет сам, представляет собою категорию априорную. «Не природа дает законы человеку, а человек должен требовать от нее определенности, закономерности»³.

Переходя к рассмотрению духовных процессов (и в том числе явлений искусства), Петцольдт утверждает, что на эти процессы «закон однозначности» не распространяется: в этой области он абсолютный субъективный идеалист, устраняющий из своего анализа и те элементы агностицизма, «стыдливого материализма», которые содержатся в его рассуждениях по поводу явлений физического мира. «Нет в области духовной никакой аналогии и определенности природы», — пишет он⁴. Духовный

¹ Bd. I, Leipzig, 1900.

² И. Петцольдт. Введение в философию чистого опыта, т. I, авторизованный перевод с немецкого Г. А. Котляра, СПб. 1909, стр. 43.

³ Там же, стр. 44.

⁴ Там же, стр. 83.

процесс протекает параллельно физическому процессу в центральной нервной системе, но, предупреждает Петцольдт, это учение материальным назвать нельзя, ибо оно даже не затрагивает вопроса о теоретико-познавательном значении этих процессов и «вовсе не изображает процессов психических, как нечто... созданное элементом материальным».

«...Исходный пункт и основная посылка философии эмпириокритицизма есть субъективный идеализм» — эти слова Ленина (XIV, 82) должны быть отнесены и к реакционной эстетической концепции Петцольдта, в которой и творческий процесс и эстетическое восприятие являются оторванными от практики. Художник также «незаинтересован» при создании произведений искусства, как и зритель при «созерцании» этих произведений. Никакой «определенности» в области духовных процессов нет. «Но более всего, — пишет он, — далеки от всякой односторонности¹ направления в своем потоке создания нашей фантазии, будь то низшие виды ее, обыкновенные мечтания, или создания фантазии поэта, художника или ученого. Как часто мы чувствуем себя во время размышления о какой-нибудь проблеме совершенно пассивными!». ² Продолжая развивать идеи пассивности и бессознательности творческого процесса, Петцольдт подходит к прямому интуитивизму. «Поэты и художники... стоят именно перед самой счастливой деятельностью своей фантазии, как наблюдатели со стороны, и сами понять не могут, каким образом возникают у них творческие идеи»³. В анализе возникновения идей и образов устраняются какие бы то ни было указания на импульсы, получаемые воображением художника от материального мира вообще и окружающего общества в частности.

«Незаинтересованность» является также и обязательным условием эстетического наслаждения предметами искусства. Седьмая глава «Введения в философию чистого опыта» — «Эстетическая характеристика» — не только

¹ Термин «односторонность» равнозначен в словаре Петцольдта понятию определенной направленности.

² И. Петцольдт. Введение в философию чистого опыта, т. I, стр. 68.

³ Там же, стр. 70.

повторяет кантовскую теорию искусства как «бесполезной игры», но, по существу, критикует справа Канта и даже... Авенариуса. С этой точки зрения теоретические построения Петцольдта характерны для понимания дальнейшей эволюции эмпириокритицизма. Это философское течение, как заметил Ленин, «есть вещь живая, растущая, развивающаяся, и факт роста его в том или ином направлении лучше, чем длинные рассуждения, поможет решить основной вопрос о настоящей сути этой философии» (XIV, 204—205).

В своем отрицании малейшей связи эстетического восприятия с внешним миром, с «борьбой страстей» Петцольдт доходит до последней грани субъективного идеализма. Он критикует Авенариуса за утверждение, что эстетические чувства, испытываемые при чтении романа или в театре, заключают в себе ощущения «удовольствия и неудовольствия», связанные с описанными процессами для действующих в романе или пьесе лиц¹. Критерий красоты является для Петцольдта исключительно субъективным: поскольку эстетическое наслаждение является «незаинтересованным», поскольку уродливое «может получить эстетически положительную характеристику», можно восхищаться преступником или быть одержимым культом сверхчеловека только лишь в силу индивидуального «эстетического комплекса». Путем упражнений можно легко преодолеть отвращение к «уродливому» и «дурному». Петцольдт обещает читателю полный успех в этом направлении, ибо эстетический комплекс — это «все, что человек рассматривает или привык рассматривать с эстетической точки зрения, то есть без теоретических или практических мотивов, просто как нечто действительно существующее или находимое им»². Так, незаметно, Петцольдт соскальзывал к теоретическому обоснованию декадентства.

В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин подверг резкой критике идеи Петцольдта. В писаниях Петцольдта внимание Ленина привлекли также пространные

¹ И. Петцольдт. Введение в философию чистого опыта, т. I, авторизованный перевод с немецкого Г. А. Котляра, СПб. 1909, стр. 194.

² Там же, стр. 201.

рассуждения о «тенденции к устойчивости», в которой Петцольдт видел «фундамент» для построения теории познания, этики и эстетики. Эти страницы «Материализма и эмпириокритицизма» особенно важны потому, что Ленин, анализируя «тенденцию» к устойчивости, вскрывает социальное содержание и практический смысл общефилософских и эстетических взглядов Петцольдта.

«Тенденцию к устойчивости», которую Петцольдт излагает во втором томе «Введения в философию чистого опыта», Ленин рассматривает в шестой главе своей книги, главе, посвященной «экскурсиям» основоположников эмпириокритицизма в области общественных наук. Свой анализ содержания второго тома работ Петцольдта, излагающего в положительной форме взгляды эмпириокритицизма в социологии, Ленин начинает с цитаты, провозглашающей универсальность «тенденции к устойчивости». «Окончательное (endgültig), устойчивое состояние человечества может быть с формальной стороны раскрыто в своих главных чертах. Таким образом мы приобретаем основы для этики, эстетики и формальной теории познания» (S. III) ¹. «Доказательства», которые Петцольдт приводит в защиту «тенденции к устойчивому состоянию» (представляющему по его мнению, «цель человеческого развития»), с такой яркостью обнаруживают все существо немецкого филистера, что Ленин приводит их почти без комментариев.

Наибольшее внимание Ленина привлекла пятая глава второго тома, содержащая основной тезис Петцольдта: «Самый существенный признак всех целей нашего мышления и творчества есть устойчивость» (S. 72). Все, что относится к борьбе, что выходит за грани привычного, нарушает незыблемость общественного и личного быта, влечет к «беспорядку» и изменениям, — все это отвергается Петцольдтом.

Перечисляемые им признаки стремления человечества к устойчивому состоянию, как иронически заметил Ленин, «многочисленны и разнообразны» (XIV, 305). Так, например, почти нет «радикалов, которые бы к старости

¹ Цифры в скобках указывают на страницы книги I. Petzoldt, Einführung in die Philosophie der reinen Erfahrung, Bd. II, Leipzig 1900.

не „поумнели“, не успокоились», многие «не могут видеть», как картина на стене висит криво, и стремятся повесить ее прямо; люди, любящие восхождение на горы, руководятся не только любовью к природе, но и стремлением достичь «естественную цель»; коллекционеры почтовых марок тратят огромные деньги для того только, чтобы достигнуть максимальной полноты коллекции. Приводя все эти «доказательства» «тенденции к устойчивости», отчетливо показывающие уровень мышления немецкого философа, Ленин саркастически замечает: «Философски необразованные люди не понимают всей широты принципов устойчивости или экономии мышления. Петцольдт развивает для профанов подробно свою „теорию“» (XIV, 306). И далее Ленин, разоблачая Петцольдта, приводит обширные цитаты из § 28 пятой главы, посвященного анализу «сострадания». В этом параграфе Петцольдт рассматривает сострадание не с точки зрения социального или хотя бы самого элементарного гуманистического содержания этого понятия, а как «выражение непосредственной потребности в устойчивом состоянии». Только эта потребность заставляет человека, по мнению Петцольдта, «даже рисковать своим существованием» ради спасения «бесполезной жизни какого-нибудь опустившегося пьяницы», утопающего в реке. «И подобными несказанными пошлостями, — заключает Ленин свой обзор пятой главы в петцольдтовской книге, — заняты десятки и сотни страниц эмпириокритической философии!» (XIV, 307).

Второй отдел второго тома петцольдтовского «Введения в философию чистого опыта» — «Устойчивые состояния «души» — отличается тем, что вопросы морали и эстетики рассматриваются в нем в связи с проблемами общественной жизни и идеями социализма. В этой части книги в особенности вырисовывается облик автора как законченного реакционера, врага коммунизма и революции. Так как «Материализм и эмпириокритицизм» был рассчитан на печатание в легальном издательстве, Ленин не смог раскрыть здесь подлинный классовый смысл рассуждений Петцольдта в такой степени, как он сделал бы это в каком-либо своем нелегальном произведении. Однако цензурные рогатки Ленин обошел, пользуясь излюбленным приемом русских революционеров, писавших для легальной печати: он привел из Петцольдта цитаты, кото-

рыё с достаточной ясностью сами по себе свидетельствуют о политическом лице автора. Показательно то, что наряду с утверждениями Петцольдта о том, что человечеству помогут не социалисты, а «свободное развитие на пути к устойчивости», что «наемное рабство» отошло в прошлое перед лицом «нравственного прогресса» и немецкие «этические общества» являются залогом грядущего торжества идеала «устойчивости», — наряду со всеми этими антинародными идейками Ленин отмечает то место главы о применении принципа «эстетического устойчивого состояния», где говорится о романтике. «Во имя „эстетического устойчивого состояния“... — пишет Ленин, — отвергается „романтика“. А к романтике относятся и все виды непомерного расширения Я, и идеализм, и метафизика, и оккультизм, и солипсизм, и эгоизм, и „насильственное майоризирование меньшинства большинством“, и „социал-демократический идеал организации всего труда государством“». И в заключение Ленин характеризует изложенные Петцольдтом основы «этики, эстетики и формальной теории познания» как «беспредельное тупоумие мещанина, самодовольно размазывающего самый истасканный хлам под прикрытием „новой“, „эмпириокритической“ систематизации и терминологии...» (XIV, 307, 308).

То обстоятельство, что Ленин в своей скупой выборке некоторых положений второго отдела второго тома «Введения в философию чистого опыта» счел нужным отметить применение Петцольдтом принципа «эстетически устойчивого состояния» к вопросам политической борьбы, весьма симптоматично. Выше мы видели, с каким презрением Ленин отвергал трусливую философию политических мещан, панически боявшихся революционных бурь¹.

¹ Выпады против революционных идей под видом отказа от «романтики» содержатся и в книге другого, также критикуемого Лениным, немецкого физика и философа-эклектика Пауля Фолькмана. В своей основной методологической работе «Erkenntnistheoretische Grundzüge der Naturwissenschaft» (рабочие заметки об этой книге сохранились в ленинском архиве) Фолькман с резкой враждебностью отзывается о времени, когда «вслед за романтикой, утверждавшей существенное родство человека с природой, явилась философия, пытавшаяся взять штурмом небеса» (см. П. Фолькман: Теория познания естественных наук, перевод с немецкого Г. А. Котляра и П. С. Юшкевича, СПб. 1911, стр. 232).

Это же стремление к мещанскому идеалу покоя и отказа от борьбы Ленин находил ранее у меньшевиков, находил в годы реакции в литературе, его увидел он и в теоретизированиях Петцольдта, оказавшего столь заметное влияние на русских махистов¹. Возможно, что именно пошлость и мещанская мораль Петцольдта, особенно проявившиеся в его рассуждениях об этике и эстетике, обусловили тот факт, что Ленин говорит о нем с еще большим презрением, чем о философских мракобесах, не вуалировавших свою враждебность демократии в «претенциозный костюм словесных вывертов», а выступавших с полной откровенностью. Когда Ленин весной 1910 г. узнал в Париже о том, что в России изданы книги «Петцольдта и К^о», он писал Н. Е. Вилонову: «Это хорошо: когда русская публика и особенно русские рабочие посмотрят *в натуре* на учителей наших Богданова и К^о, — они быстро отвернутся и от учителей и от учеников» (XXXIV, 366).

Ленинские критические замечания по поводу эстетических принципов Петцольдта вскрывают сущность основ субъективно-идеалистической эстетики, вышедшей в ХХ в. в откровенную защиту махровой реакции и соединившейся, как показал Ленин, с выступлениями против социализма и демократизма. Оценки Ленина раскрывают перед нами пустоту и мертвенность эмпириокритических построений о независимости художественного изображения от закономерностей действительности, о «незаинтересованности» художника в объекте изображения, о полном отказе считаться с жизнью и практикой как критерием проверки правдивости художественного изображения. Из ленинских замечаний следует, что эмпириокритицизм не только реставрировал в теории познания и эстетике старые субъективно-идеалистические идеи. Эмпириокритицизм вел к опустошению искусства и к превращению его в средство для поддержания «психически устойчивого состояния» реакционного мещанства ХХ в. В этом отношении исключительно показательны и *пропаганда* Петцольдтом идеи, будто общество вообще чуждо интеллектуальному

¹ В 1909 г. издательство «Шиповник» в Петербурге выпустило две книги Петцольдта: «Введение в философию чистого опыта» (перевод Г. А. Котляра с предисловием автора к русскому изданию) и «Проблема мира с точки зрения позитивизма» (перевод под редакцией и с предисловием П. Юшкевича).

мышлению, и его вражда к романтике. И в то же время из суждений Ленина по вопросам эстетики в «Материализме и эмпириокритицизме» со всей очевидностью следует, что и для искусства незыблемыми являются общие законы марксистской теории отражения. Только при условии признания человеческих ощущений, образов, понятий — копиями, снимками, отражениями вещей и процессов объективного, независимо от нашего сознания существующего мира, эстетика и литературная критика получают критерий для определения истинности воспроизведения жизни в искусстве. «...Исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней» (XIV, 123), — это положение Ленина является основой и для нашей эстетики, точно так же как его указание на то, что вопрос о правильности отражения объективной действительности решается практической деятельностью, а не формально-логическими умозаключениями и не иррациональными построениями.

Замечания Ленина по вопросам эстетики, содержащиеся в «Материализме и эмпириокритицизме», могут быть полностью отнесены в адрес современной буржуазной эстетики. Теории разоблаченного Лениным Петцольдта — о произволе поэтической фантазии и независимости художника от действительности, об «эстетике устойчивого состояния», о возможности, по желанию художника, превратить уродливое в нечто «положительное» — все это доведено до предела в искусстве современной империалистической буржуазии. Человеконенавистническая «эстетика» Сартра и бульварная американская беллетристика, пропагандирующая неофашизм, кликушеские откровения Сомерсета Моэма (заявившего, что только художник и преступник могут поступать как им вздумается) и утверждение «искусствоведами» параноического бреда как высшей формы художественного прозрения, — такова сегодня «духовная религия» служителей искусства буржуазной Европы и Америки. И если петцольдты маскировали когда-то свою вражду к социализму, к народным массам во внешние формы академической схоластики, то нынешние дипломированные лакеи буржуазии открыто призывают к крестовому походу против Совет-

Скѣго Союза и стран народной дѣмократии, к кровавому подавлению всех передовых, свободолобивых движений, где бы они не возникали. Советская культура, советская литература и искусство вдохновляют прогрессивное человечество на борьбу против империалистического варварства, утверждают неодолимость нового, подлинно свободного общественного строя жизни, существующего в нашей стране и доказавшего на деле непобедимость великих идей ленинизма.

IV

Основатели эмпириокритицизма, разумеется, несколько не претендовали на близость к марксизму. Однако русские их ученики всячески старались доказать свою «верность» марксистскому учению. В предисловии к «Очеркам по философии марксизма» хотя и указывалось, что авторы «не связаны единством какой-либо вполне законченной философской системы», но в то же время отмечалось, что сторонниками «научного социализма или марксизма» «являются все участники настоящего сборника». По поводу общего характера сборника Ленин писал: «Когда перед вами выступают вместе и рядом Базаров, который говорит, что по Энгельсу „чувственное представление и есть вне нас существующая действительность“, Берман, объявляющий диалектику Маркса и Энгельса мистикой, Луначарский, договорившийся до религии, Юшкевич, вносящий „Логос в иррациональный поток даного“, Богданов, называющий идеализм философией марксизма, Гельфонд, очищающий И. Дицгена от материализма, и, наконец, С. Суворов со статьей: „Основания социальной философии“, то вы сразу чувствуете „дух“ новой линии» (XIV, 316—317).

Этот «дух» махистской ревизии материализма, прикрытой декларациями о верности марксизму, чувствуется и в тех местах сборника, где затрагиваются литературно-эстетические вопросы. Так, например, статья В. Базарова «Мистицизм и реализм нашего времени», в которой, по определению Ленина, «идеализм представлен в качестве „реализма“» (XIV, 73), содержит воинственные выпады против представителей «идеалистического мистицизма» в художественной литературе. Базаров подвергает кри-

тике вторую книгу «Факелов», которая в ряде статей — Г. Чулкова («Об утверждении личности» и «Тайна любви»), И. Давыдова («Индивидуалистический анархизм М. Штирнера»), А. Мейера («Бакунин и Маркс»), Вяч. Иванова («О любви дерзающей») и др. — была направлена против марксизма и пропагандировала идеи «мистического анархизма». Слова Базарова о том, что «мистический анархизм» — это «философия скучающего потребителя, философия изящного паразитизма», что попытки создать «метафизику любви» «поражают вымученностью, холодной замысловатостью», принятая Базаровым позиция защиты «диалектического революционизма» Энгельса от посягательств теоретика «мистического анархизма» А. Мейера — все это могло создать у неискушенного читателя превратное впечатление о позициях самого Базарова. Однако критика всех этих теорий представителей «распада» велась Базаровым с позиций одной из идеологий того же «распада» и отличалась «вымученностью» и «холодной замысловатостью» в такой же мере, как и теоретизирования раскритикованных им «мистических идеалистов».

Махистские взгляды Базарова с особенной ясностью выступают при рассмотрении им в той же статье книги Н. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность». Нисколько не отвергая субъективно-идеалистической основы реакционных философских вывертов Бердяева, Базаров критикует с точки зрения махизма употребление им понятия «опыта». «Он постоянно говорит, конечно, о мистическом „опыте“, о мистическом „творчестве“, но решительно нигде не исходит из факта *своего* мистического переживания», — упрекает Базаров Бердяева. Подобная критика, по существу, представляла собою полемику людей, расходящихся в частности, но в решении основных философских вопросов ничем друг от друга не отличающихся. И недаром Базаров превозносит в той же статье махрово-идеалистическую книгу Лосского «Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма», а критикуя декадентство, пользуется декадентской же терминологией для выражения своих мыслей.

Трактовка Базаровым вопросов искусства, данная в позитивной форме, отличается обычным для русских эмпириокритиков стремлением к умалению, сведению на нет роли личности в пресловутом процессе «коллективного»

творчества. Вульгаризаторски извращая значение социализма в развитии культуры, Базаров пишет: «Только социализм создаст тот бич, которым, наконец, будут изгнаны из познания бесчисленные „я“, — эти „торгующие в храме“ общечеловеческого безличного творчества»¹. То, что в «Последних мучениках» Валерия Брюсова говорится о «варварстве» социалистической культуры, якобы враждебной лирическим переживаниям вообще, кажется Базарову вполне правильным, «несмотря на некоторые психологические и иные несообразности картины переворота». При дальнейшем рассмотрении взглядов русских эмпириокритиков мы еще встретимся с отрицанием роли личности в искусстве: махисты придерживались теории полной ликвидации при социализме возможностей для развития индивидуальности, теории, объективно смыкавшейся с измышлениями отъявленных реакционеров. Отвергая точку зрения, согласно которой «основа всякого искусства, всякого *стиля* есть неповторяемая личность художника», Базаров защищает другую крайность. «Критерием стильности, — пишет он, — является... выполнение данной художественной задачи, которая сама по себе может быть очень сложной, с наименьшей затратой материала». Индивидуальные же особенности — это «самое малоценное в художнике». «На высших проявлениях гения в художественном творчестве лежит всегда печать безличности»². Эта метафизическая, антидиалектическая постановка вопроса о роли индивидуальности в художественном творчестве связана с отрицанием специфичности искусства вообще. Поскольку искусство оказывается, согласно эмпириокритическим построениям, одной из разновидностей «экономии мышления», постольку форма не имеет здесь существенного значения. Вот почему, принципиально игнорируя специфичность различных областей человеческого познания, Базаров называет ньютоновскую формулу тяготения «высокохудожественным произведением» не в метафорическом, а в прямом смысле этого слова, утверждая: «по художественной красоте ньютоновская „сухая“ формула не ниже Венеры Милосской»³.

¹ «Очерки по философии марксизма», стр. 62.

² Там же, стр. 63.

³ Там же, стр. 34.

Уже в эстетических высказываниях авторов «Очерков по философии марксизма» явно проскальзывает тенденция наметить платформу развития «пролетарской» культуры (а на деле — культуры, целиком враждебной интересам пролетариата). Главным махистским теоретиком «пролетарской» культуры был один из наиболее активных критиков марксизма А. А. Богданов, развивший свои эстетические взгляды в целую систему. Махистскую ревизию основ марксизма в области искусства Богданов производил не только в специальных статьях, но и в своих общепhilosophических работах.

Свою теорию «пролетарской культуры» Богданов, будущий теоретик «Пролеткульта», начал разрабатывать еще задолго до Октябрьской социалистической революции. В платформе группы «Вперед» (1909), во главе которой он стоял, отмечалось, что «буржуазный мир, имея свою выработанную культуру, наложив отпечаток на современную науку, искусство, философию, через них незаметно воспитывает нас в своем направлении». Поэтому впередцы выставили требование «создавать» и «распространять в массах новую, пролетарскую» культуру, «развивать пролетарскую науку», «вырабатывать пролетарскую философию, направлять искусство в сторону пролетарских стремлений»¹. Анализируя содержание этой терминологии в «Заметках публициста» (1910), Ленин подчеркнул, что в ней «на деле под „пролетарской философией“ имеется в виду именно махизм» и что новая группа, считая «немахистскую философию не-„пролетарской“», по существу объявляет борьбу против «не-махистских теорий в философии и искусстве». «На деле, — писал Ленин, — именно борьбу с марксизмом прикрывают все фразы о „пролетарской культуре“» (XVI, 185—186). Таким образом, Богданов и его единомышленники, как на это указал Ленин, были проводниками махизма, или эмпириокритицизма и в философии и в искусстве. Тот факт, что теоретик «пролетарской» культуры Богданов объявил себя не «эмпириокритиком», а «эмпириомонистом», ничего, в сущности, не менял. «Эмпириомонизм» Богданова отличается от системы Маха и Авенариуса лишь тем, что в роли творца

¹ «Современное положение и задачи партии», изд. группы «Вперед», Париж, 1909, стр. 17.

природы выступает не индивидуальное, а коллективное сознание, «социально-организованный опыт». Суть идеалистической теории познания, которая первоисходным пунктом берет «психическое», — эта суть полностью сохранилась и в «эмпириомонизме» Богданова. По словам Ленина, «думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества, или опыта одного лица опытом социально-организованным, это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией» (XIV, 217—218). Точно так же как и у идеалистов солипсистского толка, человек, во взглядах Богданова, это прежде всего «комплекс непосредственных переживаний».

Говоря о философско-эстетических взглядах Богданова, следует, однако, отметить, что в отличие, например, от субъективных идеалистов из символистского лагеря, а также в отличие от теоретиков литературы махистского направления, группировавшихся вокруг «Вопросов теории и психологии творчества», Богданов и его единомышленники в области искусства эклектически соединяли в своих эстетических теориях махизм с вульгаризаторски извращенными элементами исторического материализма. Критикуя применение Богдановым принципов эмпириокритицизма к области общественных наук, Ленин отметил, что «...Богданов и К^о должны быть названы русскими Бюхнерами и Дюрингами наизнанку. Они желали бы быть материалистами вверху, они не умеют избавиться от путаного идеализма внизу! „Наверху“ у Богданова — исторический материализм, правда, вульгарный и сильно подпорченный идеализмом, „внизу“ — идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки» (XIV, 316). И далее Ленин показывает, что внешне марксистские слова «социально-организованный опыт» и «коллективный трудовой процесс» — это именно *слова*, маскирующие идеалистическую философию, которая объявляет вещи — комплексами ощущений, внешний мир — «опытом» или «эмпириосимволом» человечества, физическую природу — «производным» от психического и т. д.

Вульгарный материализм, «сильно подпорченный идеализмом», отразился и на эстетических взглядах Богданова.

С вульгарной прямолинейностью он ставит искусство в ряд «организующих приспособлений в общественно-трудовой борьбе за существование», подобно не только «техническим приспособлениям», но и подобно биологическим формам приспособления. Область искусства, по мнению Богданова, «не представляет особого типа приспособлений, который можно было бы отграничить от рассмотренных нами. Социальное содержание искусства сводится частью к передаче непосредственных переживаний от одного человека другому, частью к сообщению другим накопленного опыта»¹. Характерное для субъективного идеализма понятие «непосредственных переживаний», оторванных от процесса мышления, соединено здесь с внешне материалистическим понятием «опыта».

В соответствии со своим принципом деления общества на «организаторов» и «исполнителей» и полного растворения индивидуальности в «трудовом коллективе» Богданов во всех случаях, когда он касается роли «организаторов», стремится и их лишить каких-либо черт индивидуального своеобразия. С большим неудовольствием говорит он о том, что «великие мыслители, великие поэты, великие художники прошлого в непрерывной смене поколений вырастают в глазах людей в какие-то титанические фигуры...»² Последующее критическое замечание Богданова по поводу культа гения у Карлейля не может скрыть вульгарно-социологической основы взглядов Богданова на роль личности художника в развитии искусства, взглядов, которые сказались много лет спустя после написания им данной статьи в практике «Пролеткульта».

В «Эмпириомонизме», основной философской работе Богданова, эти же идеи носят более определенно выраженный субъективно-идеалистический характер. Если Богданов и употребляет при анализе процесса познания термин «отражение», то считает нужным сразу же сделать оговорку, что применяет его «исключительно ввиду его наглядности». «Пользуясь выражением более точным, — пишет он, — мы должны были бы говорить о „результатах

¹ А. Богданов. Из психологии общества, изд. 2-е, 1906, стр. 85 (статья «Развитие жизни в природе и в обществе», первоначально напечатанная в журнале «Образование»).

² Там же, стр. 161.

влияния одного комплекса на другой“, об их функциональной зависимости от содержания „влияющего“ комплекса»¹. Если учесть, что, согласно точке зрения Богданова, человек в его восприятии сознанием другого человека является «комплексом непосредственных переживаний», то солипсистский характер этого тезиса становится очевидным. Отчетливая субъективно-идеалистическая устремленность в построениях Богданова сказывается и в третьей книге «Эмпириомонизма», насыщенной биологической и энергетической терминологией. Отвергая «эклектические социально-биологические попытки Ланге, Ферри, Вельтмана и мн. др.», Богданов так формулирует одно из основных положений своей теории: «Всякий акт общественного подбора представляет из себя возрастание или уменьшение энергии того общественного комплекса, к которому он относится. В первом случае перед нами „положительный подбор“, во втором — „отрицательный“»². «И подобный несказанный вздор, — писал Ленин по поводу этого богдановского тезиса, — выдается за марксизм! Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук?» (XIV, 313). Бесплодность эта обнаруживается и в попытках Богданова разобраться в тех тонких формах познавательной деятельности, к которым относится и художественное творчество. Ничего нового Богданов здесь не устанавливает, оставаясь все на той же почве эклектического соединения вульгарно-материалистической терминологии и махистского содержания. Так, например, «творческую деятельность фантазии» он определяет как «интенсивный положительный подбор»³. При «творческой деятельности фантазии» «материал опыта выступает во всевозможных ассоциативных комбинациях, всевозможные способы объединения имеющихся переживаний находят себе место в психическом опыте: все сопоставляется,

¹ А. Богданов. Эмпириомонизм, кн. I, изд. 3-е, М. 1908, стр. 124.

² А. Богданов. Эмпириомонизм, кн. III, СПб. 1906, стр. 15.

³ В основу своей теории «психического подбора» Богданов положил идею о постоянном соответствии между «удовольствием» и повышением энергии «центров сознания» с одной стороны, между «страданием» и понижением энергии — с другой.

все сравнивается, все служит объектом для новых и новых группировок»¹.

Насколько далеко Богданов отошел от материалистической трактовки отношения объекта и субъекта, бытия и мышления, видно из того, как он определяет различные типы людей. «Реалист» — это представитель «гармонически-уравновешенной деятельности психического подбора»²; и «мещанин» и «мечущийся из стороны в сторону в „исканиях того, чего нет на свете“, тип декадента» — все это опять-таки не результат определенных процессов общественного развития, а лишь следствие преобладания определенной (в данном случае отрицательной) стороны психического подбора³. Такая омертвляющая творчество вообще и художественное творчество в частности теория Богданова приводила его к безысходным противоречиям. Ввиду того, что состояния «удовольствия», «наслаждения», «счастья» относятся к «положительному подбору» и в наивысшей степени соответствуют развитию деятельности творческой фантазии (стр. 98), Богданов должен был бы сделать вывод, что поэты могут создать наиболее выдающиеся произведения только в состоянии полного благополучия, в идиллических условиях. Но такое филистерское умозаключение автор «Эмпириомонизма» не решился допустить, и поэтому несколькими страницами ниже он замечает, что черты «отрицательного подбора» — «страдания и бедствия и тяжелый труд» не только усиливают «шансы гармонического, стройного, истинно-художественного творчества» (стр. 104), но даже являются прямо-таки необходимыми «для выработки артистического гения» (стр. 105). И далее Богданов приходит уже к чисто декадентскому выводу, что «великое произведение, выстраданное гениальным артистом, — это жизненно-стройное, мистически-идеализированное воплощение того бурного потока переживаний, который беспорядочно и неудержимо проносился в сознании артиста, пока гармонирующая сила страдания не изменила его формы и направления, сообразно *своим* законам» (стр. 105).

¹ А. Богданов. Эмпириомонизм, кн. II, СПб. 1906, стр. 97.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 118.

В еще более безнадежные противоречия впадает Богданов при анализе образа Гамлета как природы, страдающей «раздвоенностью», в психике которой имеются две «конкурирующие группировки». Гамлет — эстетик и поэт — должен, вступая в борьбу, погибнуть, ибо, «когда суровую борьбу приходится *переживать*, то эстетике плохо» (стр. 128). Но тут выступает «великая гармонизирующая сила страдания», в психику Гамлета вносятся «жизненно-гармоничные комбинации», и его душа приобретает «более законченную целостную форму». И этот «анализ» Богданов торжествующе заканчивает словами: «Ничего принципиально загадочного для нашей точки зрения трагедия Гамлета не представляет: она всецело соответствует в своем развитии законам действия психического подбора; она самое авторитетное свидетельство в пользу их познавательной ценности» (стр. 130).

Таким образом, и в своих рассуждениях на эстетические темы Богданов приходил к тем же выводам, что и в теории познания, подтверждая сделанный Лениным по поводу его «эмпириомонистической» концепции в целом вывод о «... неразрывной связи реакционной гносеологии с реакционными потугами в социологии» (XIV, 321).

Вульгарно-социологическая ревизия исторического материализма и выдуманная эмпириокритиками теория «особой» «пролетарской» культуры преломились и в художественных произведениях Богданова — утопических романах «Красная звезда» и «Инженер Мэнни». Ленин читал оба эти романа, и до нас дошли его отзывы о них. В письме М. А. Ульяновой в 1908 г. Ленин упоминает прочитанный им «забавный фельетон» о жителях Марса по новой английской книге Lowell'я — «Марс и его каналы». «Труд научный, — замечает далее Ленин о книге Lowell'я. — Доказывает, что Марс обитаем, что каналы — чудо техники, что люди там должны быть в $2\frac{2}{3}$ раза больше здешних, притом с хоботами, и покрыты перьями или звериной шкурой, с четырьмя или *шестью* ногами». Сопоставляя эти фантастические домыслы Lowell'я с «Красной звездой» Богданова, Ленин иронически замечает по адресу Богданова: «Н... да, наш автор нас поднадул, описавши марсианских красавиц *неполно*, должно быть по рецепту: „тмы низких истин нам дороже нас

возвышающий обман“...»¹ Несколькоими годами позже Ленин отозвался — но уже в более резкой и определенной форме — и о романе «Инженер Мэнни». В письме к Горькому в феврале 1913 г. он писал о Богданове: «Прочел его „Инженера Мэнни“. Тот же махизм = идеализм, спрятанный так, что ни рабочие ни глупые редактора в „Правде“ не поняли» (XXXV, 58)². В письме редакции «Правды» от 14 февраля 1913 г., хранящемся в ИМЭЛ, Ленин назвал «Инженера Мэнни» махистской размазней и указал, что напечатание в «Правде» чего-либо вроде этой мазни будет, конечно, значить — порвать с марксистами³.

В чем же выразился, как нам представляется, «махизм = идеализм» Богданова в его утопических описаниях марсиан?

Прежде всего необходимо отметить, что оба романа носят характер не научно-фантастических и не развлекательных, а политико-философских произведений, облеченных с пропагандистской целью в беллетристическую форму. Уже в начале «Красной звезды» читатель вводится в атмосферу политических и философских интересов. За героем романа Леонидом, который был приглашен на Марс с целью установления «контакта» с земными людьми, легко угадывается сам автор — Богданов. Леонид изображен здесь в качестве профессионального революционера, социал-демократа, который занимается также научной работой. В романе дана не только вульгарно-социологическая трактовка общественных проблем, но даже введена «энергетико-биологическая» терминология, перенесенная из «Эмпириомонизма». Так, например, указывается, что «пролетарская этика» — это лишь «полезное приспособление» и что «пролетарий уже теперь идет к уничтожению всякой морали»; история сводится лишь

¹ В. И. Ленин. Письма к родным, 1934, стр. 318.

² Письмо Ленина написано после выхода в свет романа «Инженер Мэнни» в 1913 г. в издательстве С. Дороватовского и А. Чарушникова.

³ Отрывок из письма Ленина см. в Соч., изд. 3-е, XVI, 740—741, прим. 136. Летом 1912 г. А. Богданов вел переговоры с редакцией «Правды» о напечатании «Инженера Мэнни», оставшиеся, однако, безрезультатными (см. справку об этом — 3-е изд., XVII, 721, прим. 80).

к «опыту» поколений, а в образе Мэнни символизирован великий «организатор», которому природа предоставила «все элементы и все зародыши его комбинаций». Вся система общественной жизни на Марсе, названная одним из героев «Красной звезды» — Нэтти — социалистической, является как бы картиной будущего, воплощением развернутого в философских работах Богданова учения об идеологии как об организационной форме общественной практики и о координации действий «организаторов» и «исполнителей» в едином «социально-организованном опыте». Через весь роман проходит специфическая богдановская идея — о растворении индивидуальности в «коллективном опыте». Как утверждает Нэтти, марсианское (то есть «социалистическое») общество «безлично» и «хранит то, что сделано общей работой». Другой герой романа, Энно, утверждает, что марсиане ставили памятники своим великим людям только в «доисторические времена», теперь они ставят памятники только «великим со-бытиям».

Особый интерес представляет отражение в «Красной звезде» взглядов Богданова на судьбу искусства в социалистическом обществе. Верный своему отрицанию специфичности искусства, Богданов устами Леонида утверждает, что в социалистическом обществе искусство, являющееся «концентрацией жизни», не есть особая отрасль человеческой деятельности, а «рассеивается повсюду рядом с жизнью». Осуществление этой идеи он и видит на Марсе. В разговоре с Леонидом в музее искусства Энно говорит: «Эстетика могучих машин и их стройного движения приятна нам в ее чистом виде, и очень мало таких произведений искусства, которые вполне гармонировали бы с нею, нисколько не рассеивая и не ослабляя ее впечатлений». Марсианская архитектура характеризуется далее как «эстетика мебели, орудий, машин, вообще эстетика всего материально-полезного». Что касается «беллетристики», то преобладают «драма, особенно трагедия, и поэзия картин природы», причем содержанием ее являются не людские страсти, но мир человеческих переживаний, а борьба со стихийностью природы. Ни в литературе, ни в театре Леонид не встречал никаких проявлений индивидуальности: герои были «сплошные философы», «сдержанные и мягкие», поведение их было

спокойное и сдержанное, «их чувства подчеркивались так мало, как будто они не хотели навязывать зрителю никаких настроений». По замыслу Богданова такой тип «искусства будущего» является, вероятно, следствием идеального претворения в практику принципа «экономии мышления» и «положительного подбора».

Гораздо более острым с точки зрения не только общепhilosophической, но и непосредственно политической является второй фантастический роман Богданова «Инженер Мэнни». Отмеченный Лениным в этом романе «махи́зм = идеализм» облечен автором в форму утопии. «Инженер Мэнни» отражает дальнейший отход Богданова от марксизма в вопросах не только философии, но и революционной тактики. В предисловии указывается, что данный роман, переведенный с «марсианского языка», изображает эпоху, «приблизительно соответствующую нынешнему периоду земной цивилизации — последним фазам капитализма. Изображаются отношения и типы, родственные нашим, а потому и сравнительно понятные для земного читателя». Читателю подсказывается, следовательно, прямая аналогия между содержанием романа и современностью. Героем романа, воплощающим в своих идеях и практике философию русских махистов, является Нэтти. Он говорит о себе: «Я — социалист и ученик Ксармы» («Ксарма» — это, конечно, Маркс). Нэтти заявляет, что буржуазная наука является для пролетария «чужой», так как «масса сил в ней растрачивается даром», то есть она не соответствует принципу «экономии мышления». Поэтому «такая, как теперь, она не годится для рабочего класса, и потому, что слишком трудна, и потому, что недостаточна». Основы науки, которую постиг сам Нэтти, подробно излагаются в главе «Две логики». Смысл «нового сознания» заключается в том, чтобы, в противоположность «устаревшей» задаче «создания человеческой личности», разрешить другую задачу: «собрать эти активные атомы, связать их высшею связью, их стихийно-противоречивое сотрудничество сделать гармонически стройным, слить их в едином разумном организме человечества». В описании конфликта между финансистами и промышленниками, с одной стороны, и рабочими, строителями каналов, — с другой, Богданов воплотил свою ревизионистскую идею о том, что различие между

классами заключается не в обладании средствами производства, а в отношениях между «организаторами» и «исполнителями». Согласно убеждениям Нэтти, которые он высказывает инженеру Мэнни, путь к социализму лежит через слияние «идеи» с «потокотом объединенных усилий», то есть через овладение организационным опытом путем создания особой «рабочей культуры» (взгляды эти Мэнни называет «поэзией труда»). В соответствии с этой идеалистической концепцией общественного развития, подменяющей борьбу классов «трудовыми отношениями», в романе утверждается, что социализм достижим не революционными методами, а путем пропаганды. Таким же путем проведена на Марсе и ликвидация земельной собственности. Еще в «Красной звезде» упоминается, что этот процесс был осуществлен благодаря введению большого прогрессивного налога на доход от земли (подразумевалось, повидимому, нечто близкое проекту Генри Джорджа). Там же отмечалось, что главным методом революционной борьбы были стачки и что со стороны капиталистов, в свою очередь, не было попыток «отстоять свое дело насильем». В «Инженере Мэнни» основным методом борьбы рабочих за свои права также являются стачки. «Социалист» и «ученик Ксармы» Нэтти после победы рабочих организаций возглавляет в капиталистическом государстве «центральную коллегия работ» и ограничивается ролью руководителя техники.

Хотя в эпилоге имеется несколько слов о «разрыве пролетариата со всем старым общественным строем» и «полвеке решающей борьбы», — основная задача романа, как мы видели, заключалась в пропаганде, наряду с махистскими идеями в области социологии, оппортунизма в политической борьбе. Именно благодаря этому соединению в «Инженере Мэнни» вопросов и теории и практики Ленин с такой резкостью отозвался о нем в цитированном письме к Горькому. К романам Богданова может быть целиком отнесена оценка, которую Ленин дал всему его учению: «Все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм и в политической экономии, и в вопросах тактики, и в фило-

софии вообще, как в гносеологии, так и в социологии» (XIV, 316).

Ленинская критика взглядов Богданова показывает, что в борьбе с богдановской философией и теорией «пролетарской» культуры Ленин закладывал и защищал теоретические основы новой социалистической культуры еще задолго до Октября. Подобно тому как в период первой русской революции Ленин боролся против попыток кадетов и меньшевиков навязать пролетариату буржуазную псевдокультуру, — в годы реакции он боролся против богдановцев, стремившихся под видом «пролетарской» культуры провести буржуазное мировоззрение. В свете протекавших в 1908—1910 гг. споров о пролетарской культуре ярко раскрывается значение общеизвестной речи Ленина о пролетарской культуре в 1920 г. и громадная опасность отрыва новой культуры от классического наследства, опасность вульгарного социологизма и ликвидации художественной индивидуальности, то есть той линии, которую Богданов и его ближайшие сотрудники по «Пролеткульту» пытались практически воплотить в жизнь. Ведь после 1917 г. Богданов, наряду с переизданием своих старых работ, напечатал ряд статей о «пролетарской культуре», в которых требовал осуществления своих идей уже государственным порядком.

Влияние Богданова, его философии, его взглядов на культуру и искусство сильно отразилось в годы реакции на работах А. В. Луначарского.

Единство общеполитических позиций Богданова и Луначарского Ленин, как мы уже упоминали, отметил при оценке статьи Луначарского «Атеизм», напечатанной в «Очерках по философии марксизма». Между «обожествлением высших человеческих потенций» Луначарского и «всеобщей подстановкой» психического под всю физическую природу Богданова Ленин не видел никакой разницы: «Это — одна и та же мысль, выраженная в одном случае преимущественно с точки зрения эстетической, в другом — гносеологической» (XIV, 331). Статья Луначарского, содержащая комплименты по адресу Маха и Авенариуса и развивавшая эмпириокритические идеи об «историческом процессе как реальном движении к свободе через посредство экономики», о «пролетарском монизме» и т. п., пропагандировала «религиозный атеизм»

как выражение «чувственной сущности социализма». Марксистские положения Луначарский истолковывал в богостроительском духе; рассуждения Энгельса о свободе и необходимости он назвал даже «дивной страницей религиозной экономики». Но о «богостроительстве» Луначарского и критике его Лениным в этой связи нам еще придется говорить в дальнейшем. Здесь же следует отметить другие черты статьи Луначарского, которые находятся также в русле программных положений «Очерков по философии марксизма», разобранных Лениным.

Присоединяясь к общим положениям теории познания эмпириокритицизма, Луначарский и в вопросах художественного творчества старался соединить махизм с материализмом. Изменяя обычному своему художественному чутью, он рассматривает в данной статье эстетические факты лишь как проявления социально-организованного опыта и присоединяется к почти интуитивистской трактовке процесса познания. «Беер, — пишет Луначарский, — очень хорошо развивает мысль Маха в следующих строках: „Я, которое так изменчиво уже при жизни, согласно замечанию Маха, в глубоком сне, в творческом экстазе, в художественном наслаждении, в моменте сладострастия и т. д., т. е. в моменты нашего сильного подъема, особенно в моменты риска жизнью и бесконечного сочувствия чужим радостям и печалям, может исчезать или совершенно дионисовски возвышаться до полного самозабвения. Когда это настроение делается доступным каждому, все возвысится до вершины идеалистической точки зрения, в которой собственное Я отступает на задний план, до жизнепонимания и жизнедеятельности, более свободных и светлых, побуждающих к великим делам, к доброй и сильной работе, презирающей всякое страдание и даже смерть“». И далее Луначарский замечает: «Эти идеи „махизма“ находятся в самом стройном созвучии с идеями научного социализма»¹. После этого не может вызвать удивления выраженное Луначарским в одной из его статей 1910 г. сочувствие философско-эстетическим идеям Бенедетто Кроче. Такова логика теоретического мышления, хотя и

¹ «Очерки по философии марксизма», стр. 152—153.

отрицающего очевидные для каждого «наивного реалиста» истины, но последовательного в своих заблуждениях. Крайности субъективного идеализма, до которых доходил Луначарский в некоторых своих эстетических «поисках» этих лет, полностью подтвердили предсказание Ленина: «„Может быть, мы заблуждаемся, но мы ищем“, — писал от имени авторов „Очерков“ Луначарский. — Не вы ищете, а вас ищут, вот в чем беда! Не вы подходите с вашей, т. е. марксистской (ибо вы желаете быть марксистами), точки зрения к каждому повороту буржуазно-философской моды, а к вам подходит эта мода, вам навязывает она свои новые подделки во вкусе идеализма, сегодня à la Оствальд, завтра à la Мах, послезавтра à la Пуанкаре. Те глупенькие „теоретические“ ухищрения (с „энергетикой“, с „элементами“, „интроекцией“ и т. п.), которым вы наивно верите, остаются в пределах узенькой, миниатюрной школки, а идейная и общественная тенденция этих ухищрений улавливается сразу Уордами, неокритицистами, имманентами, Лопатиными, прагматистами и *служит свою службу*» (XIV, 328).

Правильность слов Ленина о политической сущности махистских «исканий» Луначарского впоследствии признал, как известно, и сам Луначарский.

Однако в годы реакции он был одним из убежденных сторонников махизма. Эмпириокритические тезисы он вводил в свои статьи на различные темы и зачастую засорял их, вслед за Богдановым, «энергетической» и «биологической» терминологиями.

Вместе с тем *литературно-эстетические* позиции Богданова и Луначарского не были тождественными и содержали весьма существенные различия. Именно эти различия и дали Ленину основание писать Горькому в 1913 г. о желательности отделить Луначарского от Богданова «на эстетике» (см. XXXV, 58). В критических статьях, посвященных конкретному разбору произведений литературы и искусства, Луначарский, в отличие от общеэстетических его работ, чаще приходит к правильным выводам. Луначарский зачастую развивал в своих литературно-критических статьях идеи, враждебные вульгарно-социологическому и идеалистическому догматизму Богданова, хотя и допускал в своей литературно-критической деятельности ошибки, вроде оценки «научного

мистицизма» Метерлинка, вызвавшей возмущение Ленина (см. XXXV, 66).

В отличие от Богданова Луначарский не отрицал ни специфичности искусства, ни значения художественной культуры прошлого, — напротив, он был горячим пропагандистом усвоения ее пролетариатом. Он написал большое количество статей о виднейших классиках русской и мировой литературы. Луначарский страстно выступал в борьбе за Горького против критиков из либерально-буржуазного и декадентского лагерей. Большинство его статей о Горьком посвящено анализу революционного содержания творчества великого пролетарского писателя и его значения для воспитания масс. Отмеченные выше черты литературно-критической деятельности Луначарского обусловили специфическое место, которое он занимал в *эстетической* области среди русских махистов. Вполне вероятно, что Горькому, тесно общавшемуся с Луначарским в годы реакции и самому испытывавшему благотворное влияние ленинской критики, удалось повлиять на Луначарского именно в направлении литературно-эстетическом.

В годы революционного подъема происходит перелом в литературно-эстетических взглядах Луначарского, и в серии его статей о литературе и искусстве заметно стремление к освобождению от махистских идей, которые, однако, долгое время находили отзвук в его литературной работе.

V

Борясь против махизма, Ленин резко выступал против так называемого «богостроительства», литературного и религиозно-философского течения, возглавленного Луначарским и Богдановым.

В то время идейного разброда и широкого распространения утонченных идеалистических теорий общественно-политическое значение «богостроительства» было особенно реакционным. Как отмечено И. В. Сталиным в 1909 г.: «Так называемое „богостроительство“, как литературное течение, и вообще, привнесение религиозных элементов в социализм, — является результатом ненаучного и потому вредного для пролетариата толкования

основ марксизма»¹. Луначарский, Богданов и другие проповедники этой идеи стремились придать ей внешне самый благонамеренный характер. Луначарский, облачая свои рассуждения в пышные фразы, писал о новой «героической» религии «без бога», построенной якобы на основе материалистического понимания природы, об «обожевлении высших человеческих потенций», которые необходимо представлять «в венце славы для того, чтобы крепче любить их»². Богданов, отвергавший «богостроительство» как «терминологию», тем не менее считал богостроительство прогрессивным явлением по сравнению с богоискательством, а религию признавал формой организации коллективного опыта³. Все это сопровождалось лицемерными излияниями преданности пролетарской борьбе, ссылками на Маркса и т. п. Истинная сущность богостроительства маскировалась и тем, что Луначарский стремился придать своему вновь «построенному» богу характер «социального мифа», созданного коллективом, выражающего жажду «господствовать над природой»⁴. При этом Луначарский всячески старался представить свою «теорию социального мифа» связанной с социализмом и пролетарской борьбой, с «использованием всех достижений культуры и творчества новых форм ее». «Социализм, — писал он, — это организованная борьба человечества с природой для полного ее подчинения разуму: в надежде на победу, в стремлении, напряжении сил — новая религия... Новая религия не может вести к пассивности, к которой, в сущности, ведет всякая религия, дающая безусловную гарантию в торжество добра, — новая религия вся уходит в действие»⁵. Луначарский, чтобы убедить читателя в своей правоте, прибегал к всевозможным «психологическим» мотивировкам. Но понять

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 167.

² А. Луначарский. Атеизм, сб. «Очерки по философии марксизма», 1908, стр. 159.

³ По поводу связи богдановской философии с богостроительством Луначарский писал: «Как бы отрицательно ни относился т. Богданов к нашей терминологии, а может быть, и к некоторым нашим идеям, мы находим в его мирозерцании... прекрасную почву для расцвета социалистического религиозного сознания» (Религия и социализм, СПб., т. II, стр. 377—378).

⁴ А. Луначарский. Религия и социализм, т. I, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 48—49.

действительный смысл богостроительства, оставаясь на почве психологии, нельзя; недаром Ленин писал Горькому (по другому поводу): «Не понимая дел, нельзя понять и людей, иначе, как... внешне. Т. е. можно понять психологию того или другого участника борьбы, но не *смысл* борьбы, не *значение* ее партийное и политическое» (XXXIV, 355).

В одном из своих писем Ленину Горький, которого в «богостроительских» идеях Луначарского тогда увлекала не только «психологически-эмоциональная» сторона, но и теория происхождения религии как «социального мифа», писал: «Бог есть комплекс тех, выработанных племенем, нацией, человечеством, идей, которые будят и организуют социальные чувства, имея целью связать личность с обществом, обуздать зоологический индивидуализм»¹. В своем ответном письме Ленин отметил, что «эта теория явно связана с теорией или теориями Богданова и Луначарского», что подобные представления о боге есть «... богдановский *идеализм*, затушевывающий материальное происхождение идей» (XXXV, 92, 93). И Горький в своей дальнейшей эволюции пришел, как известно, к твердому убеждению в правильности ленинской критики богостроительства и в развитие его мыслей заявлял, что пролетариат, создающий все своей могучей рукой, «не создает и не создаст богов»². Следует учитывать, что влияние на Горького богостроительства, сказавшееся главным образом в «Исповеди», не было органическим, хотя и таило большую опасность для писателя. В частности, насквозь ложные идеи Луначарского о боге как «социальном мифе» и тогда совмещались у Горького с верными и глубокими идеями о происхождении эпических фольклорных образов, созданных устным коллективным творчеством народа. Благодаря ленинской критике Горький смог преодолеть это смешение разнородных представлений и идей, тем более что влияние богостроительства на Горького, великого пролетарского писателя, всегда страстно боровшегося со всеми формами пессимизма, врага всякой мистики, не сложи-

¹ Цитировано Лениным (XXXV, 92).

² М. Горький. Пролетарский гуманизм. «Известия», 23 мая 1934 г., № 10321.

лось в систему взглядов и находилось в противоречии с основами его мирозерцания.

У Богданова же, как и у Луначарского, богостроительство являлось логическим завершением философской эволюции к утонченному идеализму. В «Материализме и эмпириокритицизме» показано, что вольный или невольный приход махистов в конечном счете к фидеизму является вполне закономерным и неизбежным. Если физическая природа оказывается, согласно «эмпириокритицизму» и «эмпириомонизму», производной, то признание, что существует нечто вне природы, нечто производящее ее, является логическим следствием такой философии. И оттого, будет ли названо это «нечто» просто богом, или абсолютной идеей, или «волей», или «всеобщей подстановкой физического под психическое», существо дела не меняется. Ленинский анализ установил внутреннее родство «обожествления высших человеческих потенций» Луначарского и «эмпириокритической» трактовки понятия «опыт» у Богданова. Поскольку вопрос об истинности того или иного представления решался Богдановым и Луначарским по принципу соответствия представлений не объективной реальности, а «социально-организованному опыту живых существ», — постольку логически оказывалась истинной и идея бога, ибо «...бог есть, несомненно, производное от социально-организованного опыта живых существ» (XIV, 217). С этой точки зрения можно считать вполне доказанным также существование леших или демонов в той мере, в какой, согласно Богданову, представления о них «могут существовать в сфере социального опыта данного народа или данной группы народов»¹. Оттого, что бог, согласно идеям Луначарского, оказывался не существующим «извечно», а создаваемым в сознании многих людей, менялась лишь форма религиозной идеи, ибо *одновремен-*

¹ А. Богданов. Эмпириомонизм, кн. I, стр. 41. Отвечая впоследствии на критику Лениным и Плехановым этого анекдотического утверждения, Богданов продолжал утверждать, что «для наших далеких предков» леший был «формой общественно-необходимой и общественно-пригодной, т. е. объективной», а на вопрос: «существовал ли он?» отвечал: «Он существовал социально-практически, как все существует для нас, — лишь относительно, а не абсолютно» (А. Богданов. Философия живого опыта, изд. 3-е, П. 1923, стр. 287—288).

ность восприятия различными людьми этой идеи, а не соответствие ее природе оказывается критерием реальности.

Разоблачение Лениным сущности «богостроительства» было столь последовательным и убедительным, что проповедникам «богостроительства» — Богданову, Луначарскому и др. — пришлось вскоре перейти к обороне и всевозможными оговорками попытаться отвести от себя ленинскую критику. В статьях 1909 г. Луначарский продолжал доказывать, что в своем богостроительстве он стремился лишь с пропагандистской целью «придать большую эмоциональную широту марксизму», так как «строгие и холодные формулы» социализма якобы трудны для широких масс. Но Ленин еще до обсуждения «богостроительства» Луначарского на расширенной редакции «Пролетария» (июль 1909 г.) писал по поводу подобной аргументации: «...можно ли при всех условиях одинаково осуждать членов с.-д. партии за заявление: „социализм есть моя религия“ и за проповедь взглядов, соответствующих подобному заявлению? Нет. Отступление от марксизма (а следовательно, и от социализма) здесь несомненно, но значение этого отступления, его, так сказать, удельный вес могут быть различны в различной обстановке. Одно дело, если агитатор или человек, выступающий перед рабочей массой, говорит так, чтобы быть понятнее, чтобы начать изложение, чтобы реальнее оттенить свои взгляды в терминах, наиболее обычных для неразвитой массы. Другое дело, если писатель начинает проповедывать „богостроительство“ или богостроительский социализм (в духе, например, наших Луначарского и К^о). Насколько в первом случае осуждение могло бы быть придижкой или даже неуместным стеснением свободы агитатора, свободы „педагогического“ воздействия, настолько во втором случае партийное осуждение необходимо и обязательно. Положение: „социализм есть религия“ для одних есть форма перехода от религии к социализму, для других — от социализма к религии» (XV, 378).

Следует отметить, что самый термин «богостроительство» был взят Лениным для характеристики теорий Луначарского из его же работ. Приведенные выше слова из статьи Ленина «Об отношении рабочей партии к рели-

гии»¹ свидетельствуют о том, что Ленину ко времени написания ее уже была известна статья Луначарского во втором сборнике «Литературный распад», где в ответ на вопрос старика из горьковской «Исповеди» — «Кто есть бог, творящий чудеса?» — Луначарский отвечает: «Бог, о котором говорит старик, человечество, цельное социалистическое человечество. Это единственное божественное, что нам доступно. Этот бог не родился еще — строится только. А кто *богостроитель*? Конечно, пролетариат в первую голову, в тот исторический момент, который мы переживаем»².

Отсюда ясно, насколько беспомощны и неубедительны были оправдания Луначарского, когда он в ответ на критику его на расширенной редакции «Пролетария» пытался свести эту критику к одним лишь «недоразумениям». На совещании расширенной редакции «Пролетария» в Париже в июле 1909 г., где специально обсуждались попытки Луначарского придать научному социализму характер религиозного верования и, в частности, его статья из «Литературного распада», было оглашено заявление Луначарского, в котором редакция обвинялась в излишней придирчивости. Богданов признавал, что у Луначарского имеется лишь «злоупотребление религиозной терминологией», а относительно своей позиции объявил:

«Что касается меня, то меня всегда приводили в негодование всякие религиозные оболочки и выходки Луначарского, но чисто эстетически»³.

В ответ на резолюцию расширенной редакции «Пролетария», осуждавшую богостроительство как «... течение, порывающее с основами марксизма, приносящее по самому существу своей проповеди, а отнюдь не одной терминологии, вред...» (см. изд. 3-е, XIV, 451—452, приложения), Луначарский напечатал в листке «Ко всем товарищам», изданном А. Богдановым, «опровержение» — «Несколько слов о моем богостроительстве»,

¹ Напечатана в «Пролетарии», № 45, 26 (13) мая 1909 г.

² «Литературный распад», сб., II, 1909, стр. 92—93 (курсив наш. — Б. М.).

³ «Из неизданных протоколов совещания расширенной редакции „Пролетария“, предисловие П. Юдина. «Литературное наследство», 1931, № 1, стр. 29—30.

в котором протестовал против «клички богостроителя» и заявлял об отказе от своей «терминологии», как затрудняющей «истинное понимание» его идей¹. Подразумевая эти объяснения Луначарского, Ленин иронически писал: «Заменяем неудобные термины, не будем говорить ни о религии, ни о богостроительстве... можно побольше говорить о „культуре“... поди там потом разбери, что мы вам преподнесем под видом новой, истинно-новой и истинно-социалистической „культуры“» (XVI, 82).

Так Ленин высмеивал и вскрывал идейное содержание кружковой дипломатии Богданова и Луначарского. К приемам такого рода относятся также попытки Богданова и его группы создать популярность своей философии «пролетарской культуры» и «богостроительства» ссылками на авторитет Горького. По поводу этих попыток Ленин, критикуя в «Заметках публициста» (1910) платформу группы «Вперед», писал: «... Горький — безусловно крупнейший представитель *пролетарского* искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать. Всякая фракция социал-демократической партии может законно гордиться принадлежностью к ней Горького, но на этом основании вставлять в *платформу* „пролетарское искусство“² значит выдавать этой платформе свидетельство о бедности, значит сводить свою группу к литераторскому *кружку*... Горький — авторитет в деле пролетарского искусства, это бесспорно. Пытаться „использовать“ (в идейном, конечно, смысле) *этот* авторитет для укрепления махизма и отзовизма значит давать *образчик* того, как с *авторитетами* обращаться не следует» (XVI, 186).

Эти слова Ленина показывают, что Ленин резко противопоставлял Горького — крупнейшего представителя действительно пролетарского искусства — представителям того якобы «пролетарского» искусства, развитие которого выдвигалось «в качестве специальной групповой задачи» авторами и сторонниками впередовской платформы. Таким образом Ленин, разумеется, не только

¹ «Ко всем товарищам» Н. Максимова, А. Луначарского (Париж).

² Ленин подразумевает здесь содержащийся в платформе группы «Вперед» призыв, наряду с выработкой «пролетарской философии» — направить искусство в сторону пролетарских стремлений и опыта. — Б. М.

не считал тождественными позиции Горького с одной стороны, и группы Богданова — Луначарского — с другой, но продолжал подчеркивать, что Горький, несмотря на ряд его ошибок, остается «крупнейшим представителем *пролетарского искусства*», то есть искусства, в корне враждебного философско-эстетическим установкам этой группы.

VI

Общеизвестно, что процесс преодоления Горьким его философских заблуждений происходил под непосредственным воздействием Ленина. Но изучение борьбы Ленина за освобождение Горького из-под влияния богостроителей приобретает большую историческую конкретность при учете всего хода развития философской дискуссии 1908—1910 гг. Только благодаря дружески-резкой, прямой и последовательной критике Лениным каких бы то ни было, даже малейших уступок махизму и богостроительству Горький смог преодолеть свои временные заблуждения. В том, что Горький идеологически формировался под влиянием Ленина и благодаря этому влиянию преодолевал свои ошибки, был источник силы Горького. Переписка между Лениным и Горьким, в которой обсуждался целый ряд философских и литературных вопросов, представляет собой поэтому интереснейший, глубоко поучительный эпизод.

Об известном влиянии философии Богданова на Горького Ленин знал уже в начале 1908 г., о чем свидетельствует его письмо от 13 февраля, в котором он отвечает Горькому: «Насчет материализма именно как миропонимания думаю, что не согласен с Вами по существу. Именно не о „материалистическом понимании истории“ (его не отрицают наши „эмпирио-“), а о философском материализме. Чтобы англосаксы и германцы „материализму“ были обязаны своим мещанством, а романцы анархизмом, — это я решительно оспариваю. Материализм, как философия, *везде у них в загоне*». И далее Ленин разъясняет, что «все мещанские течения в социал-демократии воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии» (XXXIV, 336).

Вместе с тем Ленин в том же письме горячо приветствует сотрудничество Горького в «Пролетарии», его план

«писать маленькие вещи», заботливо замечая: «Но, разумеется, раз есть большая работа, *не отрывайтесь*» (XXXIV, 335).

В письме от 2 февраля 1908 г. Ленин просит Горького дать для «Пролетария» что-либо «в духе заметок о мещанстве из „Новой жизни“» (XXXIV, 328). И как раз к этому времени относится известная статья Горького «О цинизме»¹, связанная с «Заметками о мещанстве» не только по жанру, но и по тематике и упомянутая в письме Ленина к Горькому 7 февраля 1908 г. (см. XXXIV, 330). В статье «О цинизме», состоящей из десяти заметок, Горький характеризует дальнейшую эволюцию мещанства и его циничную психологию, отразившуюся в общественной жизни и литературе эпохи реакции. Статья проникнута горячей верой в грядущий новый революционный подъем. «Мы — накануне праздника всемирного возрождения народных масс», — писал Горький. И поэтому с темпераментом пламенного публициста обрушивается он на мещанство, которое избрало цинизм «средством самозащиты против напора исторической справедливости» и проповедует отказ от революционных традиций и в жизни и в литературе. Статья «О цинизме» развивает идеи, высказанные Горьким ранее в «Заметках о мещанстве». Однако наряду с этим в статье «О цинизме» содержались некоторые положения, связанные иногда прямо, а иногда косвенно с богдановской философией. В числе этих положений, воспринимающихся здесь как явно инородные всему замыслу, следует прежде всего отметить утверждение, что «бог только для того, кто может создать его в душе своей силою веры и оживить огнем ее»², утверждение, которое содержится в третьей из входящих в статью заметок. Мелькала в статье богдановская терминология: «Потенциальная энергия сознает свою творческую мощь и готовится к деянию», «коллективный опыт» и т. д.

В марте 1908 г. Горький написал Ленину письмо о происходившей «драке с махистами», в котором шла речь о возможности «примирения» враждующих сторон. Понимая, что Горьким в его желании «примирить» двигали добрые намерения, Ленин ответил ему подробным пись-

¹ Опубликована впервые в журнале «Les Documents du Progrès», 1908, Mars, и в том же году в сборнике «Литературный распад».

² М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., 1918, стр. 63.

мом, в котором дружески разъяснил, почему невозможно выполнить его предложения.

«Вполне понимаю и уважаю Ваши чувства, — писал Ленин, — и должен сказать, что от питерских друзей получаю нечто подобное, но я убежден глубочайше, что Вы ошибаетесь.

Вы должны понять и поймете, конечно, что раз человек партии пришел к убеждению в сугубой неправильности и *вреде* известной проповеди, то он обязан выступить против нее. Я бы не поднял шуму, если бы не убедился безусловно (и в этом убеждаюсь с каждым днем больше по мере ознакомления с первоисточниками мудрости Базарова, Богданова и К⁰), что книга их ¹ — нелепая, вредная, филистерская, поповская *вся*, от начала до конца, от ветвей до корня, до Маха и Авенариуса. . .

Какое же тут „примирение“ может быть, милый А. М.? Помилуйте, об этом смешно и заикаться. Бой *абсолютно неизбежен*» (XXXIV, 338).

И Ленин высказывает далее сомнение в том, что ему теперь стоит ехать на Капри вместе с А. А. Богдановым, ибо без «драки» не обойтись: «На Капри я всенепременно приеду и жену постараюсь затащить, только хотелось бы независимо от философской драки это сделать» (XXXIV, 340).

В письмах, написанных 16 и 19 апреля 1908 г., Ленин продолжает развивать те же мысли о невозможности примирения с махистами ².

Ко всем уже не раз освещавшимся в литературе материалам можно прибавить сравнительно недавно ставшие известными весьма важные документы — материалы Горького по истории русской литературы, относящиеся к 1908—1909 гг. Эти материалы использовались Горьким при чтении лекций в каприйской школе и дают убедительные данные для суждения о его философских взглядах этого периода ³. Еще в большей степени, чем горьковские

¹ То есть «Очерки по философии марксизма». — Б. М.

² На эту же тему Ленин беседовал с Горьким и во время своего пребывания на Капри в 1908 г. (см. М. Горький. В. И. Ленин, в сб. «О Ленине», т. I, М. 1939, стр. 29).

³ См. Архив А. М. Горького, т. I. История русской литературы. М. 1939. Как указывают редакторы этого тома архива Горького И. П. Ладыжников и М. М. Юнович, «замысел работы относится к концу 1907 г., непосредственно над рукописью Горький работал

статьи, эти материалы показывают, что влияние богдановской философии на Горького даже в 1908—1910 гг. было поверхностным и не шло далее усвоения писателем отдельных ее положений и терминов, которые притом зачастую наполнялись содержанием, враждебным «философии живого опыта».

В первых же своих набросках к вводной лекции Горький выступает против основного положения идеалистической философии о примате сознания над материальным миром. Литературу, как акт познания объективной действительности, «пропаганды тех или иных идей», Горький противопоставляет философии, исходящей не из анализа жизни, а являющейся «прокрустовым ложем для живых фактов». Как на один из тезисов этой философии Горький сначала указывает на формулу «мир есть мое представление», но затем зачеркивает ее (повидимому, как слишком сложную для данного круга читателей или слушателей) и записывает другую: «Существует только человек, все же остальное есть его идеи». Критикуя эту формулу, которая, как мы знаем, является конечным выводом махизма и других разновидностей новейшей идеалистической философии, Горький замечает:

«...метафизическая философия, ставя такие посылки, преблагополучно доказывала их правильность, — что, однако, ни на шаг не подвинуло вперед наших знаний о мире и не увеличило знаний человека о себе самом»¹.

Критику субъективно-идеалистического мировоззрения Горький продолжает и развертывает в дальнейшем анализе литературных явлений, в частности, пассивного романтизма, — в главе, содержащей специальное философ-

в 1908—1909 гг.» (стр. V). Оставляя здесь в стороне вопрос о творческом замысле горьковской истории русской литературы, которую Горький думал написать в качестве отдельной самостоятельной работы совместно с А. В. Луначарским, отметим лишь, что текст «Истории» на той стадии, в которой он опубликован, представляет собою (если не весь, то в значительной части) материал лекций. Об этом свидетельствуют содержащиеся в тексте обращения к слушателям и разговорная форма изложения (например: «Мы в следующий раз сделаем общий обзор 30-х, 40-х гг.», «у меня нет под руками повести, — но если бы могли прочесть из нее несколько выдержек» и т. д.). Необходимо также указать, что эти материалы лекций представляют собою черновые наброски.

¹ М. Горький. История русской литературы, стр. 1—2.

ское отступление¹. Любопытно, что Горький для иллюстрации тех выводов, к которым приходят сторонники крайних идеалистических воззрений, приводит следующий отрывок из романа Тика «Вильям Ловель», написанного в конце XVIII в.: «Мир — это пустыня, в которой я встречаю только самого себя. Не живу ли я подобно лунатику? Все, что я вижу, — только призрак моего внутреннего Я. Все существующее существует только потому, что я его мыслю, все подчинено моему капризу, я могу назвать каждое явление, каждый поступок, как мне хочется. Я — высший закон природы». Под этими словами, как указывает далее Горький, «все наши русские модернисты во главе с Ф. Сологубом [и с Бальмонтом] радостно подпишутся. . ., признает их истиною и Л. Андреев — современный нам представитель романтизма активного, воинствующего»². Таким образом, Горький устанавливает внутреннее родство между писателями субъективистами в XVIII и XX вв., то есть устанавливает в развитии *литературы* закономерности, родственные тем, которые Ленин установил в развитии буржуазной *философии*, показав, что новейшие идеалисты, по существу, лишь повторяют старых философов-идеалистов.

Заметим, что Горький не ограничивается характеристикой принципов субъективно-идеалистических взглядов в новейшей литературе, а стремится установить также их социальный генезис: «[Буржуа необходим догмат, он и в сфере науки принужден мыслить религиозно, догматически, скрывая противоречия социальных явлений, усекая враждебные ему факты, противоречащие его тенденциям]».

Догматический характер подобных философских построений Горький видел в том, что буржуазный философ на идеи смотрит не с точки зрения познания, но «как на средство духовного порабощения классов, экономически подчиненных ему». Особенности буржуазной философии — релятивизм и отказ от признания практики в качестве критерия познания — Горький пытался объяснить здесь психологически: «Строя свои теории, буржуа — философ

¹ Это отступление Горький считал необходимым сделать «для большей ясности дальнейшего» (М. Горький, История русской литературы, стр. 47).

² М. Горький. История русской литературы, стр. 44—45.

и ученый — не может пользоваться всей массой общечеловеческого опыта, он вынужден выбирать факты, объективность враждебна ему. Он не смеет сказать — „я этого не знаю“, ибо такое сознание понизило бы его авторитет, он говорит — „это никем не познано и никогда не будет познано“». И свое философское отступление в главе, посвященной романтизму, Горький заканчивает указанием, что «в моменты разрушения идеологии своей — буржуа хватается за исследование, наскоро пересматривает новые данные и снова заключает их в формы авторитарных мертвых догм»¹, — то есть отмечает процесс, происходивший в буржуазной философии начала XX в.

Размежевание двух основных линий в философии — материалистической и идеалистической — проходит через все лекции Горького. Особый интерес представляет сводка идей «новых христиан, богоискателей, мистиков», которая была дана Горьким — с целью разъяснения слушателям вреда идеализма — в разделе о Гоголе и которая свидетельствует о понимании им не только принципов новейшей «идеалистической теории познания», но и выводов, к которым она ведет. Горький критикует здесь богоискателей, так излагая их утверждения: «Путь разума, путь исследования, тот путь, которым вы идете, не может дать и не даст вам счастья, не увеличивает сумму благ, ничего не объясняет в тайнах внутренней, духовной жизни и внешней — социальной. Человек окружен темной тучей непознаваемого, материя — непостижима, жизнь нашей души недоступна нашему сознанию. . . — Счастье можно найти только в слиянии личной воли с волею неведомой нам силы, управляющей миром и судьбою человека, это слияние возможно лишь в созерцании, в подчинении тайной воле бога. Не разум творит жизнь, а вера, не исследование, а покорное признание ограниченности наших сил»².

Из всего этого можно заключить, что Горький уже в период философской дискуссии 1908—1910 гг. понимал, что философский идеализм в его развитии приводит, в конечном счете, к предпочтению веры перед наукой, к фидеизму. На связь идеализма с религией Горький указывает в ряде мест своих набросков по истории литературы,

¹ М. Горький. История русской литературы, стр. 46.

² Там же, стр. 117—118.

когда он говорит о единстве струвистской критики Маркса с проповедью религии, о типе буржуазного ученого, который даже «в сфере науки принужден мыслить религиозно», о Гоголе, признавшем «косность необоримой — и обоготворившего ее»¹, об интеллигенции, которая в своих поисках «абсолютной свободы личности» приходит «время от времени к религии»².

Итак, общая материалистическая позиция Горького, его принципиальная враждебность идеалистической теории познания проявились в материалах «Истории русской литературы» с полной определенностью. В чем же и в какой степени, однако, выразилось здесь влияние богдановской философии?

Исследование текста «Истории» приводит к выводу, что влияние это не заключается в самой трактовке Горьким сущности литературы, а отразилось лишь в отдельных формулировках, не связанных с его общим методологическим подходом к изучению литературы. Таковы находящиеся в тексте «Истории» определения понятия «бог» («более или менее неудачно организованный опыт поколений, предшествовавших нам») или грешащее механицизмом объяснение ухода романтиков начала XIX в. в прошлое тем, что «литература того времени еще не имела пред собой достаточного для обобщения и воспроизведения в образах количества новой психологии, ибо она не успела отложиться в устойчивые формы»³. В последнем случае мы встречаем определение литературы как формы организации опыта. Следует заметить, однако, что самое слово «опыт», излюбленное Богдановым, слово, которое Горький часто употреблял, далеко не всегда наполнялось у него богдановским содержанием. Как показал Ленин, термин «опыт» «прикрывает и материалистическую и идеалистическую линию в философии, освящая их спутыванье» (XIV, 135). Согласно первой из этих линий опыт является производным от материального, объективно существующего мира, а согласно второй — материальный мир является производным от опыта. Когда Богданов

¹ Имеются в виду «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя.

² М. Горький. История русской литературы, стр. 44, 46, 135, 264.

³ Там же, стр. 42.

рассматривал литературу как одну из форм «социально-организованного опыта», то он исходил именно из идеалистической трактовки понятия «опыт». Иное содержание имеет это понятие в рассуждениях Горького о литературе. Во многих случаях, когда Горький и переносил в текст «Истории» измененное определение литературы как формы организации опыта, он трактовал «опыт» материалистически, подразумевая отражение в человеческом сознании объективного мира, всю совокупность человеческих отношений, борьбу классов, а также широту наблюдений писателем окружающей жизни, его «запас» знаний и т. д.¹ Такое понимание термина «опыт» позволило Горькому притти к выводам, которые резко противоречили вульгарно-социологическому схематизму Богданова. Горький многократно повторял в своих лекциях, что специфика искусства, отражающего в художественных образах «значительное объективное в окружающем мире», типичные и конкретные явления жизни, позволяла писателю выходить за пределы идей своего класса и изображать действительность, иногда даже субъективно враждебную ему. В то время как западно-европейские и русские махисты рассматривали искусство как осуществление иррациональной воли художника, как комплексы «непосредственных ощущений» или как особый вид «экономии мысли», Горький, считавший искусство одной из форм отражения жизни, стремился распространить законы материалистической теории познания на эстетику. Отсюда его трактовка реалиста как писателя, который, «невольюно подчиняясь своим впечатлениям, часто не замечает, что, рисуя дорогое и близкое ему, он рисует это близкое таковым, каково оно есть на самом деле»², отсюда и определение реализма как «объективного изображения действи-

¹ Ср., например, употребление Горьким понятия «опыт» в следующей характеристике Пушкина как обличителя дворянства: «мы видим, что писатель, богатый знанием жизни, так сказать, перегруженный опытом, в своих художественных обобщениях выходит из рамок классовой психики, возвышаясь над тенденциями класса, — и объективно рисует нам этот класс...» (М. Горький. История русской литературы, стр. 103). Отметим, что и сам Пушкин употреблял слово «опыт» в смысле жизненной практики (например в стихотворении «К вельможе»: «Жестоких опытов собирая поздний плод»).

² М. Горький. История русской литературы, стр. 171.

тельности, изображения, которое выхватывает из хаоса житейских событий человеческих взаимоотношений и характеров наиболее общезначимое, наичаще повторяющееся, слагает наиболее часто встречающиеся в событиях черточки и факты и создает из них картины жизни, типы людей». И уже непосредственно против защитников субъективно-идеалистических теорий направлены слова Горького о том, что пролетариат «должен быть строгим реалистом, строящим свои обобщения на фактах действительности, а не извлекающим материал идеологии из души, из опыта индивидуального, как это делают романтики-индивидуалисты».

Нельзя не отметить следующее, в высшей степени любопытное, совпадение. Критика Горьким отражения субъективно-идеалистической теории познания в эстетике не только близка по своей направленности соответствующим страницам «Материализма и эмпириокритицизма», но и *хронологически* совпадает с ленинской критикой новейших разновидностей субъективного идеализма и, в частности, эстетических построений Петцольдта, противопоставлявшего реализму в искусстве субъективистскую фантазию и отрицавшего типизацию как принцип художественного творчества. Горький работал над «Историей» в 1908—1909 гг., а весной 1909 г. вышла в свет книга Ленина. И если для утверждений о влиянии этой книги на горьковские лекции и нет фактических данных, то отмеченная нами близость ряда идей Ленина и Горького все же является бесспорной. Победа Горького-материалиста должна быть объяснена прежде всего его позицией писателя — участника революционной борьбы. «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания, — писал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме». — И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики» (XIV, 130). Этой «точкой зрения жизни» и руководился Горький как великий художник пролетариата.

Все это лишний раз показывает, что попытки богдановцев прикрыться авторитетом Горького носили политиканский характер. Творческий путь Горького как крупнейшего представителя пролетарского искусства давал Ленину все основания резко протестовать против попыток

поставить знак равенства между Горьким и фракцией богостроителей. Поэтому же Ленин с такой страстностью выступил на защиту Горького, когда в буржуазной печати началась свистопляска вокруг имени великого пролетарского писателя.

В начале декабря 1909 г. Ленин получил номер газеты «Утро России» от 28 (15) ноября. Там была напечатана клеветническая заметка под сенсационным заголовком: «Исключение М. Горького из партии социал-демократов», в которой исключение объяснялось «буржуазными влечениями писателя». В день получения этой газеты Ленин писал М. И. Ульяновой: «Получил сегодня номерок „Утра России“ с пошлым вздором насчет Горького. Вот уже несколько дней, как некоторые газеты в Париже (L'Eclair) и в Берлине („Berliner Tageblatt“) упражняются в подобном же вранье. На днях одно хорошее опровержение этого сплошного вранья они получили от „Vorwärts'a“, где было весьма справедливо показано и весьма остроумно рассказано, какая это все сплошная нелепость и выдумка¹. Какой-то дурак „слыхал звон, да не понял, откуда он“ и переврал все: обрывки слышанного им об отзовизме, школе, философии и пр. Утро России, должно быть, совсем жульническая газетка, сочиняющая „интервью“ — лишь бы погорячее было. Сегодня и Речь упражняется впрочем в фабрикацию подобной сплетни. Рады кадеты, что повод есть полгать и посплетничать»².

Буржуазная пресса продолжала раздувать сплетни о Горьком. «Утро России» возвращалось к этой «новости» в статье «За что последовало исключение?» за подписью Багира 30 (17) ноября, в интервью с режиссером Художественного театра Л. А. Сулержицким 3 декабря (20 ноября), в фельетоне Ол-д'Ора «Суд над Горьким (Социал-демократическое действо)» 4 декабря (21 ноября). «Речь» напечатала на эту же тему две заметки — 18 и 19 ноября, в которых кадеты лицемерно выражали Горькому сочувствие. И в других газетах, от «Биржевых ведомостей» и до «Нового времени», журналисты продолжали обволаки-

¹ В заметке «Vorwärts'a» (№ 281) отмечалось, что вся эта история с Горьким «от начала и до конца выдуманна» и что «в ней ни на волос нет правды». — *Б. М.*

² В. И. Ленин, Письма к родным, 1934, стр. 349.

вать лживые сообщения о Горьком все новыми «подробностями» и «соображениями»¹.

11 декабря (28 ноября) Ленин отверг все эти сплетни своей заметкой в «Пролетарии» «Басня буржуазной печати об исключении Горького», в которой писал:

«Вот уже несколько дней, как буржуазные газеты Франции („L'Eclair“, „Le Radical“), Германии („Berliner Tageblatt“) и России („Утро России“, „Речь“, „Русское Слово“, „Новое Время“) смакуют самую сенсационную новость: исключение Горького из социал-демократической партии. „Vorwärts“ поместил уже опровержение этого вздора. Редакция „Пролетария“ тоже послала в несколько газет опровержение, но буржуазная печать игнорирует его и продолжает раздувать сплетню².

Источник этой сплетни ясен: какой-нибудь борзописец, услышав краем уха о разногласиях в связи с отзовизмом и богостроительством (— вопрос, чуть не год уже открыто обсуждающийся в партии вообще и в „Пролетарии“, в частности —), безбожно переврал обрывки сведений и „славно заработал“ на сочиненных „интервью“ и т. п.

Цель сплетнической кампании не менее ясна. Буржуазным партиям *хочется*, чтобы Горький вышел из социал-демократической партии. Буржуазные газеты из кожи лезут, чтобы разжечь разногласия внутри социал-демократической партии и представить их в уродливом виде.

Напрасно стараются буржуазные газеты. Товарищ Горький слишком крепко связал себя своими великими художественными произведениями с рабочим движением России и всего мира, чтобы ответить им иначе, как презрением» (XVI, 89).

¹ В течение этого времени, кроме «Утра России», в газетах появились следующие заметки, статьи и фельетоны об исключении Горького: Pierre Pierrot. За буржуиство [«Новая Русь», № 316, 30 (17) ноября]; «Об исключении М. Горького из с.-д. партии» и «Еще об исключении Горького из с.-д. партии» [«Речь», №№ 317, 318, 1 декабря (18 ноября) и 2 декабря (19 ноября)]; П. Перцов. Горький — буржуй [«Новое время», № 12107, 7 декабря (24 ноября)]; «Максим Горький» [«Русское слово», № 264, 30 (17) ноября] и др.

² Опровержение «Пролетария» было помещено 9 декабря (26 ноября) в «Утре России». 20/31 декабря в «Речи» появилось опровержение слухов об исключении Горького из партии, за подписью М. Горького, А. Богданова, А. Луначарского, помещенное затем и в других газетах. — Б. М.

Эта заметка полностью рассеяла слухи, будто Горький исключен из партии. Значение ее заключалось также в том, что в ней Ленин еще раз указал на нерушимую связь Горького с рабочим движением, русским и мировым. Этот свой взгляд на авторитет Горького как великого пролетарского художника Ленин высказывал неоднократно. В 1908 г. он писал Горькому: «... в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки...» (XIII, 415), а в 1909 г., обращаясь к нему же, сказал: «Своим талантом художника Вы принесли рабочему движению России — да и не одной России — такую громадную пользу, Вы принесете еще столько пользы...» (XXXIV, 354).

В ряде своих произведений, написанных в эти и последующие годы, Горький дает образцы партийно направленного пролетарского искусства. В научной литературе уже отмечалось, что в 1907 г., когда Горький писал «Исповедь», он одновременно работал над второй редакцией «Матери». В творческой переработке повести «Горький шел явно вразрез со своими философскими увлечениями тех лет» и стремился сделать ее героев «более выдержанными, сознательными революционерами»¹. Написанные Горьким в годы реакции и революционного подъема произведения «Жизнь Матвея Кожемякина», «Лето», «Городок Окуров», «Русские сказки», «Итальянские сказки» и др. свидетельствуют о новых творческих достижениях Горького как основателя социалистического реализма. Сила воздействия этих произведений на массы, их роль в возбуждении революционной энергии была поистине громадна. В этом смысле следует понимать высокую оценку Лениным «Сказок об Италии», печатавшихся в «Звезде». В 1912 г. Ленин просит Горького написать «... революционную прокламацию в типе Сказок „Звезды“» (XXXV, 1) — настолько высоко ценил он горьковские «Сказки». Все более и более полное воплощение в творчестве Горького идеи партийности явилось причиной яростного озлобления буржуазной критики, в 1907 г. объявившей о «конце» Горького, нападавшей на него за тенденциозность, утверждавшей, что «Горький изменил своей прежней миссии писателя — общечеловека и сделался защитником интере-

¹ С. Касторский. «Мать» М. Горького, Л. 1940, стр. 95—96.

сов партии. . .»¹ Появление повести «Лето» вызвало вопли буржуазной критики о «партийных цепях», надетых на себя Горьким². Но вся эта травля Горького была признаком возраставшего его авторитета в массах как художника революции. Партийность горьковского творчества явилась для Ленина действительным залогом того, что Горький «. . . безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать» (XVI, 186). Партийность, реалистическую правдивость, революционную целеустремленность — эти сильные стороны Горького Ленин всемерно поддерживал вопреки впередовцам, которые хотели в деятельности писателя «. . . закрепить и использовать как раз то, что составляет его слабую сторону, что входит отрицательной величиной в сумму приносимой им пролетариату громадной пользы» (XVI, 187).

С весны 1910 г. между Лениным и Горьким велась переписка, в которой немалое место занимали вопросы литературные и философские. В живом обмене мнениями Ленин и Горький установили общность точек зрения по многим важнейшим вопросам, среди которых следует особо отметить вопросы о необходимости борьбы с национализмом, с ренегатством и буржуазным декадентством, с «легендой о Толстом» и т. д. Ленин внимательно следит за литературной работой Горького; Горький учитывает его указания о необходимости соблюдения строгой принципиальности при участии в так называемых «общедемократических» литературных органах, сотрудничает в большевистской прессе. В 1913 г. Ленин пригласил Горького участвовать в журнале «Просвещение», где ему было поручено редактирование литературного отдела. Под влиянием Ленина происходит дальнейшее формирование Горького, и в его публицистике предоктябрьских лет все реже чувствуются отзвуки богдановской философии.

27 марта 1910 г. Ленин писал М. Е. Вилонову о Горьком: «Слышали, что он разочаровался в Богданове и понял фальшь его поведения» (XXXIV, 363). Летом 1910 г.

¹ И. (И. Игнатов). Статья о Горьком. «Русские ведомости», 18 июня 1907 г., № 163.

² Статья А. Измайлова в «Русском слове», 11 декабря 1909 г., № 284.

на Капри состоялось свидание Ленина с Горьким. О содержании их бесед мы можем судить лишь по отрывочным данным из писем Ленина. Можно с несомненностью констатировать, что между Лениным и Горьким велись разговоры на литературные и философские темы. Об этом свидетельствуют следующие данные. В письме к Горькому от 22 ноября 1910 г. Ленин писал:

«Когда мы беседовали с Вами летом и я рассказал Вам, что совсем было написал Вам огорченное письмо об „Исповеди“, но не послал его из-за начавшегося тогда раскола с махистами, то Вы ответили: „напрасно не послали“» (XXXIV, 381). Повидимому, именно в беседе летом 1910 г. Горький и высказал свое «неодобрение» «Исповеди», о котором Ленин упоминал в письме от середины ноября 1913 г. (см. XXXV, 91).

О значении встречи Ленина с Горьким в 1910 г. свидетельствует уже тот факт, что их совместная работа после этого становится все более и более интенсивной. Ленин не только привлекает Горького в качестве ближайшего помощника к организации и редактированию большевистских органов, но и подробно посвящает его в дела внутрипартийной жизни.

Но рецидивы богостроительства в статьях Горького этого периода еще находили отражение, и Ленин продолжал критиковать их с обычной своей прямоотой и последовательностью. В 1913 г. Горький опубликовал в «Русском слове» статью «О карамазовщине», содержащую резкий протест против инсценировки Художественным театром романа Достоевского «Бесы». Горький убедительно доказал в своей статье, что в данных условиях инсценировка этого «болезненного произведения» безусловно вредна социально, ибо противоречит задаче «оздоровления русской жизни» и концентрирует общественное внимание на ее уродливых сторонах. Эта статья вызвала бурю среди буржуазных литераторов, ополчившихся на Горького «за посягательство на Достоевского». Горький ответил на этот «вой» (как назвал выступление буржуазной прессы Ленин) новой статьей «Еще о карамазовщине», появившейся сокращенно в «Речи». В полном же виде она была напечатана в «Новой рабочей газете» 11 ноября и содержала заключительный абзац, по поводу которого Ленин писал Горькому:

«Дорогой Алексей Максимович! Что же это Вы такое делаете? — просто ужас, право!

Вчера прочитал в „Речи“ Ваш ответ на „вой“ за Достоевского и готов был радоваться, а сегодня приходит ликвидаторская газета и там напечатан абзац Вашей статьи, которого в „Речи“ не было.

Этот абзац таков:

„А „богоискательство“ надобно *на время*“ (только на время?) „отложить, — это занятие бесполезное: нечего искать, где не положено. Не посеяв, не сожнешь. Бога у вас нет, вы *еще*“ (еще!) „не создали его. Богов не ищут, — *их создают*; жизнь не выдумывают, а творят“.

Выходит, что Вы против „богоискательства“ только „на время“!! Выходит, что Вы против богоискательства *только* ради замены его богостроительством!!

Ну, разве это не ужасно, что у Вас *выходит* такая штука?» (XXXV, 89).

И вслед за этим Ленин развертывает свою известную характеристику реакционной сущности богоискательства и богостроительства. Этой же теме посвящено и следующее письмо Ленина.

Взволнованность, с которой Ленин реагировал на этот абзац, вполне понятна: этот абзац он рассматривал как остатки или «отголоски» «Исповеди», которую Горький в беседе с ним сам не одобрял. Отвечая на объяснение Горького «по вопросу о боге», Ленин указал на различия, которые могут быть между субъективными намерениями и объективным смыслом подобных выступлений. «Вы хотите этим сказать „доброе и хорошее“, указать на „правду-справедливость“ и тому подобное, — писал Ленин. — Но это ваше доброе желание остается вашим личным достоянием, субъективным „невинным пожеланием“. Раз вы его написали, оно пошло в *массу*, и его *значение* определяется не вашим добрым пожеланием, а *соотношением общественных сил*, объективным соотношением классов» (XXXV, 92—93). Определяя формулу «бог есть комплекс идей» как богдановский идеализм, Ленин указывает на вред, который может принести приукрашивание идеи бога независимо от намерений Горького. И характерно, что при перепечатке статьи «Еще о карамазовщине» в 1916 г. Горький выбросил «богостроительский» абзац, вызвавший критику Ленина.

Из всего этого можно видеть, насколько важны были для Горького ленинские указания. В то время как Богданов и его единомышленники стремились закрепить во взглядах Горького тенденции, казавшиеся им близкими и объективно приводившие к идеализму, Ленин внимательнейшим образом критиковал те положения Горького, которые давали повод к неправильным заключениям об общей системе его взглядов. Ленинская критика была глубоко усвоена Горьким, тем более что богостроительские ошибки Горького носили характер чужеродных влияний.

Это отметил даже Плеханов, которого, как известно, нельзя упрекнуть в «снисходительном» отношении к ошибкам Горького. В той главе своей работы «О так называемых религиозных исканиях в России», которая посвящена «Исповеди», Плеханов устанавливает прямое перенесение в «Исповедь» богостроительских идей Луначарского. «... Я должен сознаться, — писал Плеханов, — что религиозные мысли М. Горького производят впечатление именно огурцов с чужого огорода, выросших совсем не на той почве, на которой растут и зреют идеи современного социализма»¹. Плеханов ошибался, утверждая, что Горький «не создан» для роли мыслителя (неспособностью Горького к теоретическому мышлению он, в частности, мотивировал здесь свою оценку повести «Мать» как якобы неудачного произведения). Но Плеханов верно отметил чужеродный характер влияния «богостроительства» на Горького. Плеханов правильно указал также и на то, что в «Исповеди» порочная философская установка привела к художественной слабости: повесть эта «выдуманная». Плеханов высказал свое мнение и о причинах, по которым Горький смог подчиниться влиянию богостроительства: причина эта заключалась в том, что «Буревестник», «поэтический певец подвигов», «восхищаясь красотой подвигов», ошибочно решил «взглянуть на них под углом религии». Отсюда следовало бы перейти к анализу объективной сути горьковского богостроительства, но этого

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XVII, стр. 260. Здесь Плеханов перефразирует следующие слова, сказанные в «Исповеди» слесарем Петром о племяннике Михайле: «Ты, Мишка, нахватался церковных мыслей, как огурцов с чужого огорода наворовал, и смущаешь людей!»

Плеханов не мог сделать, ограничившись приведенными выше соображениями.

При всех положительных моментах плехановской критики «Исповеди» остается несомненным, что Плеханову была чужда партийная направленность лучших произведений Горького. Внимание Плеханова не привлекали те стороны его творчества, которые Ленину давали полную уверенность в том, что Горький преодолет свои богостроительские заблуждения, останется великим художником пролетариата. Плеханов «поучал» Горького свысока, а не как товарищ по оружию, горячо желающий помочь своему соратнику, не как боец одного стана¹. Всем этим критика Горького у Плеханова принципиально отличалась от ленинской критики, сыгравшей огромную роль в биографии писателя. Понятно, почему Горький с такой взволнованностью и теплотой вспоминал о ленинском «сердечном внимании истинного товарища», о его «чувстве любви равного к равным». Говоря о встречавшихся на жизненном пути Горького «учителях жизни», он характеризует Ленина как «творца идей»², восторженно отзываясь о его деятельности, о всех его работах, включая «Материализм и эмпириокритицизм», которую он впоследствии назвал «боевой книгой против идеализма»³, трудом, имеющим непреходящее значение в борьбе против всех идеалистических философских систем.

VII

«Материализм и эмпириокритицизм» ознаменовал собою вершинный этап борьбы с идеализмом, которая велась виднейшими представителями передовой общественной мысли России. В борьбе с разновидностями новейшего идеализма Ленин, продолжая и развивая учение Маркса и Энгельса, опирался, вместе с тем, на *русскую материалистическую традицию*, среди лучших представителей

¹ В своих воспоминаниях Горький характеризует отношение Плеханова к себе как отношение утомленного своими обязанностями учителя к еще одному новому ученику (М. Горький, В. И. Ленин, в сб. «О Ленине», т. I, стр. 19).

² М. Горький. О себе. «Сибирские огни», 1928, № 2, стр. 188.

³ М. Горький. О литературе, изд. 3-е, стр. 447.

которой следует назвать прежде всего, конечно, Н. Г. Чернышевского. Ленин, как известно, высоко ценил философские работы последнего. Когда в 1908 г. затевалось издание сборника, посвященного Чернышевскому, Ленин задумал написать статью о философии Чернышевского (см. письмо Ленина А. Богданову в октябре 1908 г., изд. 3-е, XXVIII, 550) ¹.

Показательно, что в период работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленин вновь изучал философские позиции Чернышевского. В конце своей книги Ленин сделал специальное добавление, озаглавив его: «С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?» В этом добавлении Ленин обращает внимание читателей на предисловие Чернышевского к предполагавшемуся третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности» ².

Внимание Ленина, который показал, что махисты, по существу, повторяли старые идеи Беркли и Юма, привлекли слова Чернышевского о натуралистах, которые, воображая себя строителями всеобъемлющих теорий, «на самом деле остаются учениками, и обыкновенно слабыми учениками старинных мыслителей, создавших метафизические системы». «Достаточно напомнить, — писал Чернышевский, — что большинство натуралистов, пытающихся строить широкие теории законов деятельности человеческой мысли, повторяют метафизическую теорию Канта о субъективности нашего знания, толкуют со слов Канта, что формы нашего чувственного восприятия не имеют сходства с формами действительного существования предметов, что поэтому предметы действительно существующие и действительные качества их, действительные отношения их между собою непознаваемы для нас, и если бы были познаваемы, то не могли бы быть предметом нашего мышления, влагающего весь материал знаний в формы, совершенно различные от форм действительного существования, что и самые законы мышления имеют

¹ Издание сборника не осуществилось.

² Предисловие, написанное Чернышевским в 1888 г., не было пропущено цензурой. Впервые оно было опубликовано в Полн. собр. соч. Н. Г. Чернышевского, изданном М. Н. Чернышевским, т. X, часть II, СПб. 1906, стр. 190—197. По этому изданию оно и цитировано Лениным.

лишь субъективное значение, что в действительности нет ничего такого, что представляется нам связью причины с действием, потому что нет ни предыдущего, ни последующего, нет ни целого, ни частей, и так далее, и так далее. Когда натуралисты перестанут говорить этот и тому подобный метафизический вздор, они сделаются способны вырабатывать и, вероятно, выработают, на основании естествознания, систему понятий более точных и полных, чем те, которые изложены Фейербахом»¹.

Приводя по частям в «Материализме и эмпириокритицизме» исключительно удачное по ясности и краткости изложение Чернышевским своей критики кантианства, Ленин перемежает цитаты из него построчными замечаниями (в скобках), которые в сумме дают четкую характеристику философских взглядов великого русского материалиста. Если извлечь ленинские замечания из текста цитированного рассуждения Чернышевского, то они составят следующие шесть тезисов:

1) «...Чернышевский стоит позади Энгельса, поскольку он в своей терминологии смешивает противоположение материализма идеализму с противоположением метафизического мышления диалектическому, но Чернышевский стоит вполне на уровне Энгельса, поскольку он упрекает Канта не за реализм, а за агностицизм и субъективизм, не за допущение „вещи в себе“, а за неумение вывести наше знание из этого объективного источника».

2) «...критика Канта Чернышевским диаметрально противоположна критике Канта Авенариусом-Махом и имманентами, ибо для Чернышевского, как и для всякого материалиста, формы нашего чувственного восприятия имеют сходство с формами действительного, т. е. объективно-реального существования предметов».

3) «...для Чернышевского, как и для всякого материалиста, предметы, то есть, говоря вычурным языком Канта, „вещи в себе“, действительно существуют и вполне познаваемы для нас, познаваемы и в своем существовании, и в своих качествах, и в своих действительных отношениях».

4) «...для Чернышевского, как и для всякого материалиста, законы мышления имеют не только субъектив-

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, ч. II, стр. 9—10.

ное значение, т. е. законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходятся, а не различаются, с этими формами».

5) «... для Чернышевского, как и для всякого материалиста, в действительности есть то, что представляется нам связью причины с действием, есть объективная причинность или необходимость природы».

6) «... Чернышевский называет метафизическим вздором *всякие* отступления от материализма и в сторону идеализма и в сторону агностицизма» (XIV, 345—346).

Свою характеристику философских взглядов Чернышевского Ленин заключает следующими словами: «Чернышевский — единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50-х годов вплоть до 88-го года остаться на уровне цельного философского материализма и отбросить жалкий вздор неокантианцев, позитивистов, махистов и прочих путаников. Но Чернышевский не сумел, вернее: не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (XIV, 346).

Эти тезисы Ленина чрезвычайно ценны для понимания не только философских, но и эстетических взглядов Чернышевского. Своим признанием принципиальной познаваемости мира, своим утверждением, что наши представления о мире есть отражение закономерностей природы и что объективная причинность существует в самой природе, своим непримиримым отношением к идеализму, а также своей идеей классовой обусловленности философии, — всеми этими сторонами теория познания Чернышевского была обращена против идеалистической реакции. Ленин, привлекая Чернышевского в качестве союзника в борьбе с идеализмом, выдвинул вперед именно те стороны философии великого русского материалиста, которые сохранили свое значение и в эпоху пролетарской революции.

Факт обращения Ленина к сочинениям Чернышевского в период работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом» засвидетельствован, как мы уже указывали, специальным добавлением в конце книги, но перечисленные выше тезисы Ленина основаны, конечно, на изучении *всего* философского наследия Чернышевского. Можно предполагать, что Ленин, наряду с цитированным предисло-

вием к третьему изданию «Эстетических отношений искусства к действительности», учел для характеристики гносеологической позиции Чернышевского также некоторые идеи эстетического трактата, авторецензии на трактат и статьи «Характер человеческого знания» (все эти три произведения напечатаны, кстати сказать, в том же томе Полного собрания сочинений Чернышевского, по которому Ленин цитировал предисловие к «Эстетическим отношениям»).

Последняя из перечисленных статей в особенности интересна своей близостью к «Материализму и эмпириокритицизму» — и характеристикой построений субъективной философии как «средневековой схоластики», и критикой «произвольного истолкования смысла выводов естественных наук», и раскрытием того, как идея об относительности или ограниченности человеческого познания превращается «иллюзионистами» в идею о непознаваемости внешнего мира. Близким к ленинскому труду является и самый *стиль* этой статьи Чернышевского, в живой, остроумной форме вскрывающей, каким образом субъективные идеалисты, развивая свои теории, перепутывают различные значения философских терминов, благодаря чему «человеку, привыкшему иметь дело лишь с людьми добросовестными, очень можно, и не будучи простаком, стать жертвою обмана, когда ему придется иметь дело с хитрецом»¹.

Как великий представитель русской материалистической традиции выступает Чернышевский и в следующих иронических словах по адресу иллюзионистов: «Иллюзионизм чувствует себя полным хозяином логики: „законы нашего мышления“ — эти слова умеет он припутать ко всякой мысли, какую хочет он выдать за логическую истину. И этим он импонирует; в этом его сила, — в умении дробить и соединять абстрактные понятия, плести и плести силлогические путаницы, в которых

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, ч. II, стр. 4. Ср. у Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» замечания о хитрой и запутанной «„новой“ терминологией» форме (см. XIV, 16), о претенциозном терминологическом вздоре (см. XIV, 315), намеренной подмене одних слов другими и спутывании понятий (см. XIV, 35, 72, 77, 100, 146, 216); а также критику других приемов, цель которых «заговорить» читателя, оглушить его звоном слов», подобно тургеневскому Ворошилову из романа «Дым» (см. XIV, 192).

теряется человек, непривычный к распутыванию диалектических хитросплетений»¹. Как отметил Ленин, для Чернышевского, в противоположность позднейшим русским махистам, «законы мышления отражают формы действительного существования предметов», а «объективная причинность или необходимость природы» есть в самой действительности (XIV, 346). Характерно для Чернышевского и то, что в основе критики им агностицизма и субъективизма положен критерий человеческой практики. В той же статье «Характер человеческого знания» Чернышевский показал, что основной порок философии субъективных идеалистов заключался не просто в нарушении «здорового смысла», а в игнорировании действительности. «Реальная жизнь отбрасывается, — писал Чернышевский о методе рассуждений иллюзионистов, — вместо исследования фактов анализируются произвольно составленные определения абстрактных понятий; эти определения составлены фальшиво; в результате анализа оказывается, разумеется, что они фальшивы; и опровергнуто все, что нужно было опровергнуть. Произвольное истолкование смысла выводов естественных наук доставляет груды цитат, подтверждающих выводы анализа фальшивых определений»².

При изучении традиций русской классической философии XIX в., высоко оцененных Лениным, следует учесть и один из выдающихся памятников этой философии — трактат Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Именно в своем эстетическом трактате, в предисловии к 3-му изданию его и в авторецензии Чернышевский уделяет большое внимание обоснованию тех своих принципов теории познания, о которых Ленин писал в добавочном параграфе к IV главе «Материализма и эмпириокритицизма». Именно в этих произведениях Чернышевский подвергает критике и построения субъективно-идеалистической теории познания и идеалистическую эстетику. Идеи Чернышевского о том, что «прекрасное» не вносится человеком в действительность, а воспроизводит действительность и определенный «взгляд на

¹ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. X, ч. II, стр. 9—10.

² Там же, стр. 5.

вещи», а также о том, что «практика — великая разоблачительница обманов и самообольщений не только в практических делах, но также в делах мысли и чувства»¹, — все это, разумеется, было направлено в адрес не только идеалистических теоретиков искусства, но и в адрес представителей идеалистической философии вообще. По условиям времени диссертация Чернышевского была во многом как бы зашифрована, но Ленин великолепно прочитывал эту работу не только в ее осуществлении, но и в ее замысле.

Трактат Чернышевского отличался такой же боевой идейной целеустремленностью, как и его критико-публицистические произведения. В нем он на материале эстетики выступил против философского идеализма и дал материалистическую трактовку искусства как одной из форм человеческого познания. Он вскрыл несостоятельность «фантастического идеализма» в эстетике, согласно которому «действительный предмет не может быть прекрасен уже потому, что он живой предмет»² и который требовал в искусстве «чистой красоты», очищенной от опосредствований «низменной действительности». В соответствии с материалистической теорией познания Чернышевский сформулировал основной тезис своей эстетики: «Истинное определение прекрасного таково: „прекрасное есть жизнь“; прекрасным существом кажется человеку то существо, в котором он видит жизнь, как он ее понимает; прекрасный предмет — тот предмет, который напоминает ему о жизни»³. Искусство для Чернышевского — одно из существеннейших проявлений человеческой деятельности, «учебник жизни», своим приговором о явлениях жизни помогающий более совершенному познанию и изменению ее. Этими своими сторонами эстетика Чернышевского отличается от различных идеалистических систем, рассматривающих искусство не только как абстрактное созерцание, но и как вид созерцания, низший по отношению к отвлеченному мышлению. Как материалист, выступает Чернышевский и когда он говорит о зависимости критерия красоты от условий жизни, об

¹ Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, ч. II, стр. 174.

² Там же, стр. 121.

³ Там же, стр. 162.

изменяемости критерия «прекрасного» в зависимости от социальной среды, то есть о том, что субъект познания и объект его находятся в органической связи. Еще более глубоко развивает он эти идеи в тех местах своего трактата, где тезис об искусстве как отражении объективной реальности дополняется соображениями о классе как субъекте познания¹, а также в трактовке вопроса о направленности и целеустремленности искусства в его связи с постоянно изменяющейся действительностью и человеческой практикой.

Эстетика Чернышевского явилась, несомненно, одной из предпосылок, подготовивших ленинские принципы анализа литературных явлений. И высокая оценка значения литературы в общественной жизни, и подчеркивание того, что художник должен отразить существенные черты действительности, и выдвигание реализма в качестве критерия художественности, и указание на неразрывность подлинно художественного воспроизведения жизни с постановкой коренных вопросов современности — все это указывает на связь принципов ленинского литературного анализа с охарактеризованными выше идеями эстетического трактата Чернышевского.

Связь эта, в частности, рельефно выступает при сопоставлении статей Ленина о Льве Толстом со статьями Чернышевского об этом великом художнике. Показательно, что Чернышевский сумел тонко уловить те тенденции толстовского творчества, которые достигли своего полного развития лишь впоследствии и сущность которых была впервые вскрыта в ленинских статьях. «Толстой, — писал Чернышевский в одной из своих статей 1857 г., — с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта поселян, но, что гораздо важнее, их взгляд на вещи. Он умеет переселяться в душу поселянина, его мужик чрезвычайно верен своей натуре»². Отсюда можно заключить, как действительно близко Чернышевский, применяя свои гносеологические принципы к изучению художественной практики, подошел к научному объяснению ее закономерностей. Развитая

¹ См., например, анализ критериев красоты у крестьянина и аристократа (т. X, ч. II, стр. 89—90).

² Подробнее — см. ниже, стр. 335—336.

В его диссертации идея об известной субъективности отражения (или, как говорил Чернышевский, «воспроизведения») жизни в искусстве никогда не приводила Чернышевского к вульгарно-материалистическим выводам о возможности для художника познать только генетически близкую ему среду. Высоко оценивая автобиографическую повесть Толстого, изображающую формирование сознания мальчика-дворянина и усадебный мир, Чернышевский отметил также «правдивость», с которой понятия *крестьян* передаются у *графа* Толстого.

Таковы те моменты теории познания Чернышевского, которые позволяют ставить вопрос о близости его Ленину и в подходе к оценке художественной литературы.

VIII

Последовательное и резкое противопоставление Лениным принципов материалистического мировоззрения новейшему идеализму приобретало исключительное значение в обстановке похода реакции против традиций русской материалистической философии и эстетики, против демократической русской культуры и литературы. После поражения революции 1905—1907 гг. в облике либерала все в большей степени сказывалось сочетание контрреволюционного ренегатства в политике с идеализмом в области философии и с приверженностью к «чистому искусству» и декадентству в области литературно-эстетической.

В своей борьбе с демократической русской культурой либеральные публицисты и критики неизбежно сталкивались с вопросом о традициях передовой русской литературы, в которой демократические идеалы отразились с большой полнотой и силой. И здесь снова обнаруживалось, что вопрос об оценке русской литературы XIX в. является злободневным и животрепещущим. Об этом ярко свидетельствует развернувшаяся в 1909 г. борьба Ленина против «Вех» в защиту идейных основ русской демократии — передовой русской философии, публицистики и литературы.

Вышедший в 1909 г. сборник «Вехи» представлял собою, по определению Ленина, «... в сжатом наброске

целую энциклопедию по вопросам философии, религии, политики, публицистики, оценки всего освободительного движения и всей истории русской демократии» (XVI, 106). Авторы сборника — виднейшие кадетские публицисты Бердяев, Булгаков, Гершензон, Кистяковский, Струве, Франк, Изгоев — под видом борьбы с «„интеллигентским“ настроением» («Вехи» имели подзаголовок: «Сборник статей о русской интеллигенции») «...порвали с самыми основными идеями демократии, с самыми элементарными демократическими тенденциями...» (XVI, 109). Они отрекались от русской революции 1905—1907 гг. и обливали ее помоями, открыто выражая свои симпатии самодержавию и свою вражду к народным массам. Политическую сущность выступления веховцев Ленин охарактеризовал как либеральное ренегатство. Реакционные политические идеи сплетались в «Вехах» с борьбой против материализма в философии и реализма в искусстве, с защитой «чистой» культуры, «чистой» науки и «чистого», свободного от «гражданственности» художественного творчества. «Сонмище больных, изолированное в родной стране», — так были названы в сборнике все те представители русской демократии, которые требовали от «истины», «чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья» (8), и не понимали, что «и чистая наука, и искусство, и религия — несовместимы с *морализмом*, с служением народу» (155) ¹.

С особенной яростью нападали «Вехи» на Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, Плеханова, Ленина. Недаром этот сборник, по словам Ленина, был встречен «восторгом всей реакционной печати» (XVI, 106), недаром его так горячо приветствовал В. Розанов, объявивший «Вехи» «благородной книгой», «полной героизма» ², и А. Столыпин, назвавший авторов сборника «правдивыми», «бесстрашными людьми», а самый сборник — «суровым зеркалом интеллигентской сущности» ³.

¹ Всюду в скобках — ссылки на страницы первого издания «Вех», по которому их цитировал Ленин.

² В. Розанов. Мережковский против «Вех». «Новое время», 27 апреля 1909 г., № 11897.

³ А. Столыпин. Интеллигенты против интеллигентов. «Новое время», 23 апреля 1909 г., № 11893.

Недаром Антоний Вольнский выразил удовлетворение «Вехами»¹, что в свою очередь вызвало изъятие при- знательности ему от веховцев в письме Н. Бердяева².

Борьба Ленина против «Вех» проходит красной нитью через ряд его статей периода реакции и революционного подъема. Вскоре же после ознакомления с «Вехами» Ленин писал по поводу их о «демонстрации... отрече- ния от революции» (статья «К выборам в Петербурге», «Пролетарий», № 47—48, 18 (5) сентября 1909 г.; см. XVI, 13). В ноябре 1909 г. Ленин выступал в Париже с публичным рефератом на тему: «Идеология контр-рево- люционного либерализма (успех «Вех» и его обществен- ное значение)». В афише, хранящейся в ИМЭЛ, эта тема имеет следующие разделы: «I. С какой философией воюют „Вехи“ и думские речи Караулова. II. Белинский и Чернышевский, уничтоженные „Вехами“. III. За что ненавидят либералы „интеллигентскую“ и русскую рево- люцию и ее французский „достаточно продолжительный“ образчик? IV. „Вехи“ и „левые“ в России. Кадеты и октябристы. „Святое дело“ русской буржуазии. V. Что выиграла демократическая революция в России, потеряв своих либерально-буржуазных „союзников“? VI. „Вехи“ и речи Милюкова на предвыборных собраниях в Петер- бурге. Как критиковал Милюков на этих собраниях нелегальную революционную газету» (Соч., изд. 3-е, XIV, 531—532).

Исчерпывающую характеристику *«энциклопедия либе- рального ренегатства»* получила, как известно, в статье Ленина «О „Вехах“». В других статьях 1909—1914 гг. Ленин не раз возвращается к этому вопросу, дополняя и развивая свою оценку позиций авторов сборника, а также развернувшейся вокруг него полемики.

Как следует из предисловия к «Вехам», задача сбор- ника — переоценка «традиционного мировоззрения» ин- теллигенции, стремление доказать ошибочность тех идей, которые «более полувека, как высшую святыню, блюла наша общественная мысль» (1).

¹ Архиепископ Антоний. Открытое письмо авторам «Вех».

² Н. Бердяев. Открытое письмо архиепископу Антонию. «Мо- сковский еженедельник», 15 августа 1909 г., № 32.

«Авторы „Вех“, — писал Ленин, — начинают с философских основ „интеллигентского“ мирозерцания» (XVI, 107). Наибольшее внимание этой теме посвятил Бердяев в статье «Философская истина и интеллигентская правда». В самом же начале своей статьи он подчеркивает важность вопроса о роли философии «в эпоху кризиса интеллигенции и сознания своих ошибок, в эпоху переоценки старых идеологий» (1). Типично «интеллигентскими» чертами Бердяев считает подчинение философии «утилитарно-общественным целям», «давящее господство народолюбия и «пролетаролюбия», поклонение «народу», его пользе и интересам» (2). С этой точки зрения Бердяев отвергает всю передовую, классическую русскую философию, представители которой не признавали «чистой» науки и «из общей теории выводили санкцию... освободительных общественных стремлений», «демократических инстинктов» (5). Белинский, Чернышевский, Бельтов, по утверждению Бердяева, духовной культуре нации ничего не дали. Материализм объявлен «Вехами» «самой элементарной и низкой формой философствования» (4). В противовес материализму и марксизму, который, по скорбному признанию «Вех», приобрел «подавляющее господство над умами» (180), в сборнике выдвигалась программа «конкретного идеализма» (19), примиряющего «знание и веру» (18).

Материалистической философской традиции, представленной наиболее ярко именем Чернышевского, «Вехи» противопоставляли махрового реакционера 60-х гг. Юркевича, «который, во всяком случае, был настоящим философом по сравнению с Чернышевским» (4). Всячески стремясь возвеличить реакционно-идеалистическую линию в русской философии, «Вехи» выдвигали не только Владимира Соловьева, но и Чичерина, Козлова, кн. С. Трубецкого, Лопатина, Н. Лосского и «мало известного» В. Несмелого — «самое глубокое явление, порожденное оторванной и далекой интеллигентскому сердцу почвой духовных академий» (18). К этой «блестящей плеяде имен», представляющей «новую русскую философскую традицию», Булгаков добавляет такого человека «глубокой образованности, ума, гения», как... Бухарев (32). Не лишено интереса, что в своем беспощадном разное всех остальных философских направлений «Вехи» сделали

исключение для ревизионистов марксистской философии, к которым авторы сборников отнеслись с явной благосклонностью. Сочувственно упомянув о «критическом течении в марксизме» (имеются в виду «легальные марксисты» — Струве, Булгаков и К⁰), Бердяев с сожалением признал, что оно «широкой популярности среди интеллигенции не имело» (6). По адресу же русских махистов Бердяев бросил упрек в том, что к теории знания Маха они подходят утилитарно, а не отвлеченно. Понятно, следовательно, почему Ленин писал в статье «Наши упразднители»: «Объявляя борьбу с махизмом „частным делом“, г. Потресов и иже с ним становятся в „общественно-политическом“ смысле пособниками веховцев» (XVII, 55). Своей оценкой борьбы с махизмом как «частного дела» Потресов в «Нашей заре» фактически поддерживал именно то требование беспартийности и «самостоятельности» философии, которое выставялось в «Вехах».

При всех стараниях авторов «Вех» замаскировать свой «разгром» Чернышевского и всей русской материалистической философии любовью к «абсолютным духовным ценностям» они так и не смогли удержаться от прямой политической мотивировки своего требования «радикальной реформы интеллигентского сознания». Свою статью Бердяев закончил словами: «Мы освободимся от внешнего гнета лишь тогда, когда освободимся от внутреннего рабства, т. е. возложим на себя ответственность и перестанем во всем винить внешние силы» (22), иначе говоря, «перестанем винить», прежде всего, конечно, русское самодержавие, ибо оно, по словам Гершензона, «своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (88).

Как показал Ленин в своем анализе программы «Вех», демократические идеи вызывали ярость авторов сборника именно потому, что они являются знаменем и выражением всякого широкого демократического движения масс.

«Вполне естественно, что, уничтожив Чернышевского, как философа, „Вехи“ уничтожают Белинского, как публициста», писал Ленин (XVI, 107). В публицистике Белинского возмущение Бердяева вызвало то, что великий русский мыслитель вопросы науки, философии, просвещения связывал с «общественной злобой дня». «Бе-

линский, один из отцов русской интеллигенции, плохо знал философию и не обладал философским методом мышления», — клеветнически утверждал Бердяев (4). Булгаков «обвинял» Белинского в «традиционном атеизме русской интеллигенции» (30), в слепом следовании западному «атеистическому социализму» (32). О письме Белинского к Гоголю, которое, по словам Ленина, «было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати» (XX, 223—224), Булгаков писал как о «классическом выражении интеллигентского настроения» (56). Еще резче выразился Гершензон: «История нашей публицистики, начиная после Белинского, в смысле жизненного разума — сплошной кошмар» (82). Все эти филиппики авторы «Вех» сопровождали уверениями в том, что они ставят своей задачей лишь беспристрастное, не связанное с политикой, «объективное» выяснение истины. На деле же реакционный политический характер взглядов веховцев проявлялся со всей отчетливостью. Письмо Белинского к Гоголю не могло не вызывать отпора веховцев, ибо оно было направлено против основных пунктов их программы и принадлежало к числу произведений, «сохранивших громадное, живое значение и по сию пору» (XX, 224). Впервые легально опубликованное в 1905 г., оно продолжало играть революционную пропагандистскую роль. История русской публицистики, как подчеркивал Ленин в статье «О „Вехах“», связана с протестом и борьбой «...самых широких масс населения с 1861 по 1905 год против остатков крепостничества во всем строе русской жизни...» (XVI, 108). Вот почему вся демократическая русская публицистика, начиная с Белинского, так поносилась в «Вехах». «Программа „Вех“ и „Московских Ведомостей“ одинакова и в философии, и в публицистике», — заключал по этому поводу Ленин (XVI, 108).

Относительно противопоставления «Вехами» Белинского, Чернышевского, Добролюбова — Чаадаеву, Владимиру Соловьеву, Достоевскому Ленин указывал: «Читатель уже может видеть отсюда, что не на „интеллигенцию“ нападают „Вехи“, это только искусственный, запутывающий дело, способ выражения. Нападение ведется по всей линии против демократии, против демократического мирозерцания» (XVI, 108). Выступая про-

тив «интеллигентского» настроения, «Вехи» нападали на лучшие традиции русской культуры, нашедшие ярчайшее развитие и осуществление в деятельности Ленина. Одной из этих традиций, враждебных «Вехам», было воспитание в демократическом русском обществе идеи героического, самоотверженного служения народу. Авторы «Вех» высмеивали «состояние героического экстаза» русских революционеров (37), мечту «героического интеллигента» быть «спасителем человечества» (39), противопоставляя «гордыне интеллигентского героизма» (52) призывы к смирению. Тем самым «Вехи» выступали против одной из тех основных идей, которые Ленин страстно пропагандировал с самого же начала своей деятельности, — против идеи воспитания героического поколения пролетарских революционеров. В передовой первого же номера «Искры» Ленин писал о необходимости воспитать «...людей, посвящающих революции не одни только свободные вечера, а всю свою жизнь» (IV, 345). Он сравнивал героизм революционеров в борьбе за свободу с героизмом солдат, идущих на штурм неприступных укреплений. «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее...» (IV, 346). Самоотверженность Ленин прославлял как неотъемлемое качество борцов за благо народа. В статье «Новое побоище» (о майских волнениях в Петербурге в 1901 г.) Ленин с воодушевлением писал, что «...сто крат заслуживает название героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и оберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной «клячи» (V, 13). А каким пафосом полны ленинские слова о пролетарских революционерах, идущих «тесной кучкой по обрывистому и трудному пути», окруженных со всех сторон врагами и идущих под непрерывным их огнем вперед! (см. V, 328).

Критикуя статью Ник. Николина «Новое в старом»¹, Ленин, между прочим, замечает по поводу его рассуждений о романтизме: «...говоря о романтизме, нельзя обходить господствующее в наиболее распространенной,

¹ «Звезда», 25 (12) ноября 1911 г., № 29.

именно: либеральной, печати, веховское, т. е. контрреволюционное, толкование этого термина. Нельзя не восстать против такого толкования» (XVII, 349). Веховское толкование романтизма наиболее развернуто дано в статье С. Булгакова «Героизм и подвижничество». Именно здесь осмеивалась любовь «интеллигентов» к «бурям истории» и стремление к «героическим деяниям». Признавая, что среди интеллигенции «велика сила революционного романтизма», Булгаков писал совершенно в духе черносотенцев: «Не надо забывать, что понятие революции есть отрицательное, оно не имеет самостоятельного содержания, а характеризуется лишь отрицанием ею разрушаемого, поэтому пафос революции есть ненависть и разрушение» (43).

Этот контрреволюционный тезис веховцы конкретизировали также и по отношению к вопросам литературы и искусства.

Через весь сборник проходила борьба против партийности литературы и искусства, против той самой идеи, которая в годы первой русской революции нашла свое обоснование и развитие в статье Ленина «Партийная организация и партийная литература». Желая опорочить позиции пролетариата в области культуры, Бердяев утверждал, что «в революционные дни опять (т. е. как в 70-е гг.) повторилось гонение на знание, на творчество, на высшую жизнь духа» (3). С. Франк в своей статье «Этика нигилизма» обрушивался против партийной нравственности, науки, искусства, а Гершензон без стеснения приветствовал поражение революции, заявляя, что «принудительная монополия общественности свергнута» (92). «Культурное творчество», по мнению Франка, «означает совершенствование человеческой природы и воплощение в жизни идеальных ценностей и, в качестве такового, есть само по себе высшая и самодовлеющая цель человеческой деятельности» (157). А «утилитарная оценка науки или искусства разрушает самое существо того, что зовется наукой и искусством» (158). С нескрываемым презрением говорит тот же Франк о «писаревщине» как о «буйном восстании против эстетики», о «варварском иконоборчестве», допускающем «именно не чистое искусство, а его тенденциозное искажение» (150—151). Такую же эстетическую пропрограмму развертывал и М. Гершензон в статье «Творческое само-

сознание». Он стремится во всей полноте восстановить в своих правах дворянскую эстетику и выносит осуждение всем «духовным вождям» интеллигенции — критикам и публицистам, творившим «партийный суд над свободной истиной творчества» (84). Вся статья Гершензона пестрит фразами о «тирании общественности», «тирании гражданственности», «тирании политики». Эта «тирания» с поражением революции, по словам Гершензона, кончилась. Он предвидит возможные «рецидивы увлечения политикой», но высказывает уверенность в том, что «каждый раз после вспышки общество будет разоружаться» и новое поколение сможет свободно «зачитываться Фетом» (93—94).

В русской литературе авторы «Вех» намеренно подчеркивали только наиболее реакционные линии, оказавшиеся боковыми и чужеродными для основного пути ее развития, тесно связанного с освободительным движением. Русская интеллигенция, по мнению Бердяева, «просмотрела» «философское содержание великой русской литературы» (17). Содержание это интерпретировалось Бердяевым в духе общей платформы «Вех». Подобно тому как в философии великим философом веховцы признали Юркевича, в литературе они выдвигали линию «чистого» искусства и ущербные пассивно-созерцательные и мистические элементы в творчестве писателей прошлого. В творчестве Толстого веховцев радовало только то, что «в самый разгар гражданственности» он «славил мудрую „глупость“ Каратаева», Достоевский был важен для них лишь своим интересом к «подполью», к «темным», искаженным сторонам человеческой души, Тютчев — своим воспеванием «первозданного хаоса», Фет — гимнами «вечности» и т. д. (84). Авторы «Вех» пытались фальсифицировать и представить «своими» Новикова, Радищева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Тургенева, Щедрина, Чехова и других писателей, лишенных, по уверениям веховцев, «интеллигентского» (то есть демократического) лица. Отсюда становится понятным замечание Ленина в статье «Еще один поход на демократию» о «кадетской братии», которая хватается «за фалды Некрасова, Щедрина и т. п.» (XVIII, 287). Но дальше общих фраз относительно упомянутых писателей веховцы не пошли. Что же касается

Достоевского, то «Вехи» все свое внимание направили на пропаганду Достоевским «смирения» и на антиреволюционное содержание «Бесов». «Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость» — эти слова из пушкинской речи Достоевского «Вехи» пытались истолковать как программу полного подчинения русского общества столыпинской реакции, как лозунг выработки «дисциплины», «послушания» для покорного несения «исторического тягла» (49, 55) ¹. Все это было направлено против материалистического, революционного пафоса русской литературы и русской публицистики, в которой веховцев отталкивала, в первую очередь, идея о том, что люди могут «реально изменять природу вещей» (82), то есть бороться за изменение действительности.

В статье «О „Вехах“» Ленин вскрыл реальное содержание этой реакционной проповеди. В конце своей статьи он привел фразы веховцев о «покаянии», «смирении», «послушании», борьбе с «гордыней интеллигента» и процитировал из сборника то место, где, применяя к современности «Бесы» Достоевского, Булгаков проповедовал борьбу с «легионом бесов, вошедших в гигантское тело России» (68). И Ленин показал, что в призывах к «смирению» и к ликвидации «бесовского навождения» веховцы продолжают то дело борьбы с революцией, которое вели Катков и Победоносцев (см. XVI, 113). Это указание Ленина имеет принципиальное методологическое значение для понимания идейных истоков «Вех» и ленинской концепции отражения борьбы различных классовых лагерей в русской литературе.

Третируя все лучшие традиции передовой русской культуры, веховцы пресмыкались перед буржуазной псевдокультурой Западной Европы. С восхищением говорилось в сборнике «Вехи» о том, что на Западе процветает «нормальный капитализм», «нормально» развивается «культура», что там рабочий якобы не занимается револю-

¹ В 1914 г. Ленин писал по поводу реакционного романа В. Винниченко «Заветы отцов»: «В „Речи“ про роман сказано, что подражание Достоевскому и что есть хорошее. Подражание есть, по-моему, и архискверное подражание архискверному Достоевскому» (XXXV, 107). Кадетская «Речь», одобряя этот роман с его патологией и стремлением «забить» читателя «ужасами», ясно обнаружила, за что либералы превозносили подражание Достоевскому.

циями и следует по пути «нормального прогресса». Об истории русской общественной мысли веховец Гершензон клевещески писал, что она «делится не на этапы внутреннего развития, а на периоды господства той или иной иноземной доктрины» (81). Во всех этих злобных измышлениях отчетливо проявилась холопская космополитическая сущность врагов русского народа и русской культуры.

Реакционному идеалистическому субъективизму авторов «Вех» Ленин противопоставил свою, подлинно научную и глубоко патриотическую, пронизанную горячей любовью к родине и народу оценку русской культуры, русской литературы и публицистики. «Вехи» в качестве идеала выдвигали задачу очищения от «интеллигентщины» (демократизма) русской культуры и сохранения лишь ее идеалистической линии. Борьбу в русской культуре прогрессивной и реакционной линий (по терминологии Булгакова — «черносотенства» и «красносотенства») «Вехи» называли «глубокой духовной распрей, раздирающей Россию в новейшее время», раскалывающей ее «на две не соединимые половины» и разрушающей «цельность культуры» (65). Критерием оценки культурных явлений прошлого для веховцев была, конечно же, не степень правильности отражения исторической действительности, а степень воплощения в философии и литературе «сверхиндивидуальности», «соборности», идеи «внутреннего самосовершенствования» и т. д. Но и в деятельности представителей демократической русской культуры «Вехи» видели только лишь выражение субъективных настроений и чувств (хотя в данном случае и враждебных «Вехам»). В частности, в характеристике «Вехами» письма Белинского к Гоголю как «выражения интеллигентского настроения» и нашел свое применение реакционный субъективно-идеалистический метод подхода веховцев к оценке русской культуры. Разоблачая этот «метод», противопоставляя ему диалектико-материалистический метод изучения культуры, Ленин писал: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» (XVI, 108). Дальнейшим указанием на то, что оценка «Вехами» русской демократии как «выраже-

ния интеллигентского настроения» совпадает с программой «Московских ведомостей» и «Нового времени», Ленин показал, что защита веховцами «цельной», «национальной» культуры есть не что иное, как реакционный национализм. «Цельная культура», которую защищали «Вехи», — это культура без ее демократических элементов. И недаром на страницах «Вех» защита идеи национальной автономии (в ее интерпретации Владимиром Соловьевым) сопровождалась осуждением «пролетариев всех стран», якобы «отрекающихся от родины» и национальной культуры (61).

Уже в статье о «Вехах» Ленин наметил свою концепцию, разграничивающую две национальные культуры внутри каждой культуры — культуру народную, демократическую, и псевдокультуру эксплуататорских классов. Линию, которую представляли веховцы, Ленин несколькими годами спустя охарактеризовал в ее историческом развитии: «Катков — Суворин — „веховцы“, это все исторические этапы поворота русской либеральной буржуазии от демократии к защите реакции, к шовинизму и антисемитизму» (XVIII, 251). В дальнейшем Ленин неоднократно возвращался к намеченной в статье о «Вехах» концепции борьбы «двух культур».

Разоблачая реакционную выдумку о возможности единой национальной культуры в пределах собственнического классового общества, Ленин указывал на необходимость различать прогрессивные и реакционные элементы каждой национальной культуры:

«Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие же две культуры* в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д.» (XX, 16).

В другом месте Ленин, развивая эту же мысль о противоположности народной культуры культуре эксплуататорского меньшинства, писал:

«В *каждой* национальной культуре есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуа-

тируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую» (XX, 8). «... Мы из каждой национальной культуры берем только ее демократические и ее социалистические элементы, берем их только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации» (XX, 8).

Эти положения Ленина направлены против всякого либерально-буржуазного национализма, ибо всякий национализм «... несет величайшее развращение в рабочую среду, наносит величайший ущерб делу свободы и делу пролетарской классовой борьбы» (XX, 7). Но у Ленина имеется и специальная характеристика национализма веховского толка. В заметке «Веховцы и национализм» (1913) Ленин говорит о дальнейшей эволюции идеологии либералов, отразившейся в журнале «Русская мысль» и, в частности, в одной из напечатанных там статей Изгоева¹. Ленин рассматривает здесь веховский национализм как одно из выражений контрреволюционного ренегатства: «Либералы стараются разжечь и раздуть национальную борьбу, чтобы отвлечь внимание от серьезных вопросов демократии и социализма» (XIX, 53).

Исключительная актуальность марксистской разработки национальной проблемы была отмечена в знаменитом труде И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос», впервые напечатанном в 1913 г. в журнале «Просвещение». Рассматривая воинствующий национализм как одно из проявлений периода контрреволюции, Сталин писал: «В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия — дать отпор национализму, оградить массы от общего „поветрия“»². В работе Сталина дана марксистская теория нации, сформулированы принципы большевистского подхода к решению национального вопроса. Эту работу Ленин очень высоко оценивал. В статье «О национальной программе Р.С.-Д.Р.П.» Ленин писал: «В теоретической марксистской литературе... основы национальной программы с.-д. уже были освещены за последнее время (в первую голову здесь выдвигается статья Сталина)» (XIX, 488).

¹ А. Изгоев. «Бойкот» в прусской Польше. «Русская мысль», 1913, кн. III.

² И. Сталин, Сочинения, т. 2, стр. 291.

Порывая со всеми традициями русской демократии, веховцы стремились реставрировать наиболее реакционные явления буржуазно-помещичьей культуры и в то же время принизить, опошлить, исказить великую русскую литературу. В целом ряде статей Ленин, обличая это стремление либералов, разъяснял громадное значение в революционной борьбе наследия великих писателей прошлого и постоянно напоминал о политическом содержании веховских писаний по вопросам культуры. В 1912 г. в восьмой книге «Русской мысли» появилась статья А. Щепетева «Русские в Париже». Устами Щепетева главный орган веховцев продолжал поносить русскую революцию. Статья эта содержала наглую клевету о перерождении революционной эмиграции в Париже, о том, что интересы ее ограничиваются «вопросами эстетики», «модернизма» в литературе и т. д. и т. п. И слова про «тревожный, беспокойный и весь сплошь запутанный 1905 год», и повторение типично новременских афоризмов о том, что «добрая рота солдат действительно все революции словесности вместе взятой», и издевательство над гипертрофической «жаждой подвига» — все это дало Ленину основание признать статью Щепетева «подновленным изданием „веховщины“» (XVIII, 285). Говоря об определении Щепетевым 1905 г. как «беспокойного», Ленин, между прочим, указывает, что именно в период революции пошла в народ литература, пропитанная «теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогами Некрасову — как и всякому порядочному человеку на Руси...» (XVIII, 286). В той же статье Ленин вскрывает стремление веховцев исказить взгляды великих писателей-демократов, показывая, вопреки кадетским публицистам, что симпатии Некрасова были на стороне Чернышевского, и напоминая о том, что Щедрин беспощадно издевался над либералами и навсегда заклеил их формулой: «Применительно к подлости». Но эту формулу по отношению к веховцам Ленин считал устаревшей: «Дело теперь совсем не в том, чтобы эти господа *применялись* к подлости. Куда тут! Они сами по своему почину, на свой лад, исходя из неокантианства и других модных „европейских“ теорий, построили *свою теорию „подлости“*» (XVIII, 287). Как и в статье «О „Вехах“», Ленин подчеркивает здесь идейные истоки вехов-

щины в прошлом: «уже в отношении либерала Кавелина к демократу Чернышевскому. . .», указывает Ленин, содержится «. . . точнейший прообраз отношения кадетской партии либеральных буржуа к русскому демократическому движению масс» (XVIII, 287). По поводу изображения Щепетевым эмигрантского быта Ленин также указал на аналогию в прошлом, на романы из «Русского вестника» времен Каткова «. . . с описанием благородных предводителей дворянства, благодушных и довольных мужичков, недовольных извергов, негодяев и чудовищ-революционеров» (XVIII, 289).

В ряду выступлений Ленина, содержащих защиту и обоснование великих демократических традиций русской культуры, находится и его статья «Памяти Герцена», написанная в связи с исполнившимся в 1912 г. столетием со дня рождения Герцена. В статье этой дается всесторонний анализ взглядов, деятельности и роли Герцена в революционном движении. Вместе с тем, она явилась и актом борьбы с либеральной веховской фальсификацией образа великого революционера, философа и писателя. Еще «Вехи» пытались отделить Герцена от Белинского и Чернышевского. Герцен «вечно бьется в себе с интеллигентским ликом», «Чернышевский по всему существу своему другой человек, чем Герцен» и т. д. — эти фразы прикрывали желание веховцев представить его умеренным либералом. В дни юбилея 1912 г. либералы стали говорить более конкретно. Струве утверждал, что Герцен разочаровался в революции и что его революционность была лишь не чем иным, как «фразеологией», которую он в дальнейшем отбросил¹. В этой оценке сходились и либералы, которые внешне полемизировали с «Вехами». Так, например, Милюков также считал Герцена «раскаившимся». Ленин писал о юбилее Герцена: «Чествует его вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался революционер Герцен от либерала» (XVIII, 9). Между тем, как подчеркивает Ленин, деятельность Герцена имела всемирно-историческое значение именно потому, что Герцен «поднял знамя революции» (XVIII, 14), что его скептицизм не был отречением от революции, как пыта-

¹ «Русская мысль», 1912, кн. IV, стр. 138.

лись представить веховцы, а «...формой перехода от иллюзий „надклассового“ буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата» (XVIII, 11). Ленин со всей объективностью писал и о колебаниях Герцена, но при этом отметил, что демократ брал в нем верх над либералом. И слабые стороны Герцена Ленин объяснил как порождение противоречий эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала, а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела. Ленинская статья, содержащая объяснение исторического значения Герцена и его роли для современности, явилась мощным противоядием против чудовищного искажения образа Герцена, которое предприняли «рыцари либерального российского языкоблудия» в дни юбилея 1912 г.

Так боролся Ленин с веховской либерально-буржуазной фальсификацией наследия демократической русской культуры. Он считал, что только революционный пролетариат является ее законным наследником и продолжателем. Именно с этой точки зрения рассматривал он историю пролетарской печати и публицистики в статье «Из прошлого рабочей печати в России». В то же время Ленин систематически обличал реакционность культуры буржуазной, империалистической. В статьях этого времени Ленин указывал на многочисленные факты буржуазного декаданса в различных областях культуры, на проникновение в литературу империалистических тенденций, падение литературных нравов и все те процессы загнивания капиталистической культуры, которые, в конечном счете, были порождены, по образному его выражению, пляской миллионов (см. XX, 145). Для разоблачения империалистической псевдокультуры, для показа продажности и перерождения либеральной буржуазии Ленин мастерски использовал различные эпизоды буржуазной общественной жизни и буржуазного литературного движения. Блестящий памфлет Ленина «Памяти графа Гейдена» дает, на основе характеристики облика либерального помещика и откликов кадетской и меньшевистской прессы на его смерть, острую характеристику «салонного демократизма». «Для господ Гейденов образование — легонький лак, дрессировка, „натасканность“ в джентльменских формах обделывания самых грубых и самых грязных по-

литических гешефтов» (XIII, 40) — это свое заключение Ленин подкрепляет ссылками на разоблачение помещицей «гуманности» Некрасовым, Салтыковым, Тургеневым. Появление в 1914 г. книги нововременца Н. Снесарева «Мираж „Нового времени“». Почти роман», содержащей любопытные описания буржуазного газетного мира России, послужило темой для статьи Ленина «Капитализм и печать» с ее выводом: «Воры, публичные мужчины, продажные писатели, продажные газеты. Это — наша „большая пресса“». Это — цвет „высшего“ общества» (XX, 146). А двумя годами раньше Ленин написал, в связи со смертью редактора «Нового времени» А. С. Суворина, фельетон «Карьера», где обрисовал типичный для русских либералов поворот «...по „веховской“ дорожке, к национализму, к шовинизму, к оплевыванию демократии, к подхалимству перед реакцией!» (XVIII, 251).

Возникшая в либеральной прессе полемика вокруг «Вех» могла сбить с толку лишь политически наивных людей. Выступления либеральных публицистов по этому поводу только лишь «исправляли» наиболее грубые и прямолинейные места в рассуждениях авторов «Вех». Например, И. Игнатов, напечатавший в «Русских ведомостях» два подвала о «Вехах», писал, что «многие обвинения, выдвинутые против интеллигенции, справедливы», что в сборнике «немало таких справедливостей, которых не могут отрицать обвиняемые», что интеллигент действительно «впадал в героический экстаз» и т. д.¹ «Расхождение» же с «Вехами» заключалось в следующем тезисе: «Сперва реформы, потом — успокоение, сперва улучшение общественной жизни, потом улучшенный, умиротворенный, более совершенный человек»². Мережковский в нашумевшем докладе о «Вехах», развивая эту же мысль, бросил при этом характерное замечание: «Пусть правда все, что говорят „Вехи“, но правда не матка»³. Изобиливали многочисленными оговорками и, разумеется, не содержали никаких принципиальных политических разногласий также статьи И. Петрункевича «Интеллигенция и „Вехи“», Н. Гредескула «Перелом русской интеллиген-

¹ И. Игнатов. Литературные отголоски. «Русские ведомости», 25 марта 1909 г., № 69.

² «Русские ведомости», 15 апреля 1909 г., № 85.

³ «В защиту интеллигенции», сб. статей, изд. «Заря», 1909, стр. 163.

ции и его действительный смысл», П. Милюкова «Интеллигенция и историческая традиция» и др., помещенные в сборнике «Интеллигенция в России». О направлении сборника дают представление следующие строки вступительной статьи: «Настоящая книга предлагает вниманию читателей некоторые из тех же тем, которые затронуты и в сборнике „Вехи“, но в *несколько ином освещении*. . .»¹

Все выступления либералов против «Вех» служат подтверждением слов Ленина о том, что в этой полемике они «касались частных и не трогали основного, главного, существенного» (XVII, 74). Но иллюзии, будто дискуссия либералов вокруг «Вех» имеет принципиальную основу, все же существовали в то время, и этому в немалой степени способствовали меньшевики. В частности, Потресов писал об этой дискуссии как об одной из сторон «драмы наших общественно-политических направлений», а «расхождение» между «Речью» Милюкова и веховцами характеризовал как «углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим»². Ленин же до конца вскрыл полное отсутствие принципиальных расхождений между веховцами и полемизировавшими с ними либералами. Кадетское отречение от «Вех» он охарактеризовал как «. . . одно сплошное лицемерие, одно безысходное празднословие» (XVI, 113). «Милюков и К⁰ недовольны *только* грубостью и прямолинейностью веховцев, *только* тем, что веховцы портят их дипломатию. . .» (XVI, 119). На конкретных примерах полемики либералов с веховцами Ленин проиллюстрировал эту свою мысль. В заметке «Маленькая справка» (1912) Ленин показал, что выступления одного из руководителей кадетской партии Н. Гредескула против «Вех» — «притворная, пустая вещь» (XVIII, 231). В самом деле, в чем заключалось расхождение Гредескула с «Вехами»? Струве утверждал в «Вехах», что революция 1905—1907 гг. не удалась. Гредескул «поправлял» Струве, утверждая, что в этот период «заложен фундамент русской конституции» и что «второго народного движения не требуется, а нужна

¹ «Интеллигенция в России», сб. статей, изд. «Земля». СПб. 1910, стр. XV.

² А. Потресов. Критические наброски. «Наша заря», 1910, № 2.

лишь-спокойная, настойчивая и уверенная конституционная работа»¹. Возвращаясь к этому заявлению Гредескула в статье «Беседа о „кадетоедстве“», Ленин писал:

«Суть этой формулы вполне „веховская“, ибо ничего больше „Вехам“ и не надобно, ничего иного они, собственно, и не проповедывали. „Вехи“ отнюдь не против конституции, не против конституционных реформ. „Вехи“ „только“ против демократии с ее критикой всяческого вида конституционных иллюзий» (XVIII, 269).

Вопросу о полемике между кадетами и веховцами Ленин посвятил заметку «Политические споры среди либералов». Здесь Ленин сопоставляет Струве и Милюкова как два типа буржуазных политиков. Один из них — Струве — «откровенно тянет к религии, к Пуришкевичам, к прямой борьбе с демократией и старается последовательно-теоретически обосновать это тяготение». Другой — Милюков — «специализируется на *прикрытии* именно этого самого тяготения *заигрыванием* с демократией» (XX, 113). Оба либерала боятся демократии больше, чем реакции, и в этом основа, на которой они сходятся.

Совершенно очевидно, что без защиты материализма и без последовательной борьбы с веховщиной в политике, философии, науке, искусстве развитие русской культуры было бы невозможно. Этого, конечно, не могли понять буржуазные писатели и публицисты, в годы реакции выступавшие с заявлениями о «глубоком кризисе культуры». Любопытным документом в этом отношении является напечатанный в 1910 г. сборник «Куда мы идем? (Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра, искусства)». В сборнике констатировалось, что «русское искусство снова в тупике», ибо «нет свежести, нет силы, нет впечатления», что в литературе процветают порнография и «тошнотворная уличная пошлость»² и проч. Для всех здравомыслящих людей было, конечно, ясно, что передовое русское искусство продолжало крепнуть и развиваться, что в это время закладывались основы новой, связанной с пролетариатом литературы во главе с Горьким. «Кризис» испытывала лишь буржуазная

¹ Н. Гредескул. Приключение с публичным словом. «Речь», 13 мая (30 апреля) 1912 г., № 117 (2071).

² «Куда мы идем?», изд. «Заря», М. 1910, стр. 61, 62, 78.

«культура». Но ответа на поставленный в заголовке вопрос ни один из многочисленных участников сборника «Куда мы идем?» не дал. Да и каким бы мог быть такой ответ, если тон сборнику давали сами веховцы и либералы — Изгоев, Философов, Кизеветтер и др., а из писателей здесь были представлены Анатолий Каменский, не преминувший в своем «ответе» походя ругнуть руководимые Горьким сборники «Знание», и П. Боборыкин, считавший, что одна из причин кризиса — засорение литературной критики «гражданской тенденцией» и такими «примесями», как «большевик», «меньшевик» и т. д.¹ Из своих «прогнозов» участники выключили основу, определявшую будущее литературы и искусства, — развитие революционной борьбы масс, а новую литературу, связанную с пролетариатом, они злостно третировали. Эту основу выключили из своих прогнозов также меньшевики-ликвидаторы, которые наряду с попытками «ликвидировать» пролетарское революционное движение делали попытку «ликвидировать» и борьбу за новую, пролетарски-социалистическую культуру.

Ленин показал, что «Вехи» являлись наиболее ярким, но отнюдь не единственным выражением контрреволюционного ренегатства. В заключении к сборнику «Марксизм и ликвидаторство» Ленин определил «веховство» как ликвидаторство, но наряду с этим он отмечал и другие формы ликвидаторства, в частности ликвидаторские выступления лево-народнического журнала «Почин», контрреволюционные романы Савинкова-Ропшина, напечатанные в «Русской мысли» («Конь бледный») и «Заветах» («То, чего не было») ², и статьи литературного адвоката Савинкова В. Чернова (см. XX, 243). Духом веховщины, как показал Ленин, веяло от писаний меньшевистских литераторов. «Трагикомедия ликвидаторства в том и состоит, — писал Ленин в 1911 г. о меньшевиках, — что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой перепев идей веховцев» (XVII, 46). Любопытно, что между меньшевиками и веховцами происходила двухсторонняя переключка. Меньшевики по-ве-

¹ «Куда мы идем?», изд. «Заря», М. 1910, стр. 175.

² Эти романы Ленин в статье «О народничестве» относит к разряду «позорных произведений» (XVIII, 492).

ховски стремились ликвидировать революционную борьбу пролетариата. А веховец Изгоев считал меньшевиков-ликвидаторов вполне пригодными вождями для пролетариата. «Пройдет буря, — писал он в 1913 г., — и „ликвидаторы“... станут во главе рабочего класса...»¹.

В ряде интереснейших ленинских замечаний о ежемесячном легальном журнале ликвидаторов «Наша заря» (выходил в 1910—1914 гг.) раскрывается связь меньшевистского ликвидаторства с веховством и в плане непосредственно политическом и в вопросах культуры и литературы. В статье «Марксизм и „Наша заря“» Ленин писал, что «...ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины» (XVII, 38). Оценке в «Нашей заре» творчества Льва Толстого Ленин посвятил специальную статью «Герои „оговорочки“» (1910)². В качестве программной разобрал Ленин напечатанную там же статью Н. Р-кова (Н. Рожкова) «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент»³, где, между прочим, утверждалось, что «основная объективная задача России в настоящий момент» заключается в закреплении «культурного капитализма». Тем самым задача борьбы за новую, социалистическую культуру естественно устранялась. Критикуя эту сторону статьи Рожкова, Ленин указал: «Мы не то должны понимать под „культурой“, о чем толкуют либералы...» (XVII, 279). Как отмечает далее Ленин, «важнейший для марксиста вопрос, как наша революция показала различные методы действия и различные стремления разных классов и почему это вызвало „ренегатское“ отношение к борьбе за „культуру“ других буржуазных классов, остался незамеченным Р-ковым» (XVII, 280).

«Наша заря» стремилась в тон веховцам ликвидировать самостоятельность пролетариата во всех областях общественной жизни. В этом смысле Ленин и говорил о писаниях авторов журнала: «Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере» (XVII, 39). Эти слова Ленина

¹ А. Изгоев. Новое. Статья первая. Рабочий класс и социал-демократия. «Русская мысль», 1913, кн. VI.

² См. ниже, стр. 352—353.

³ «Наша заря», 1911, № 9—10.

можно распространить и на статьи Потресова о литературе, печатавшиеся в «Нашей заре».

В первой своей статье на эту тему¹ Потресов утверждал, что не только не существует пролетарской литературы, но нет в литературе даже ничего хотя бы в отдаленной степени отражающего «психику пролетарского движения». Горький — великий, всемирно известный художник пролетариата, отразивший в своем творчестве мощь и поступательное движение пролетарской революции, Потресовым в счет вообще не принимался. В другой же статье Потресов совершенно по-веховски заметил, что хотя Горький и «представитель низов», но в его творчестве «самые неудачные страницы именно те, которые посвящаются рабочему классу»². Реакционными были и взгляды «Нашей зари» на «культуру» классиков. За ней признавалось главным образом негативное значение, ибо она, будучи «нетленной, играет роль и великой укрывательницы буржуазного духа». . . Таким образом, читателю «Нашей зари» внушался вывод: пролетарской литературы нет, а старая литература для пролетарской интеллигенции — только «суррогат ей нужного творчества». В этом смысле писал Потресов о злостно выдуманной им «трагедии» пролетарской культуры и литературы.

Борьба Ленина против ревизионистов и ликвидаторов, разоблачение им идеалистической реакции, «веховщины», декадентства, защита демократических традиций русской культуры и литературы — все это были различные стороны борьбы за победу пролетарской революции, за грядущую социалистическую культуру, которая не могла быть завоевана без упорного отстаивания и развития основ марксистского материалистического мировоззрения.

¹ А. Потресов. Критические наброски. О литературе без жизни и о жизни без литературы (трагедия пролетарской культуры). «Наша заря», 1913, № 6.

² А. Потресов. Критические наброски. Еще к вопросу о пролетарской культуре. «Наша заря», 1914, № 2, стр. 98.

**СТАТЬИ ЛЕНИНА
О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ**

*(История создания
и проблематика)*

В период 1908—1911 гг. Ленин написал серию статей, посвященных Л. Н. Толстому¹. Непосредственным поводом для написания первой статьи о творчестве и учении Толстого явилось 80-летие писателя (28 августа 1908 г. ст. ст.). Через два года Ленин вновь вернулся к этой теме в связи с событием, потрясшим весь мир, — смертью Толстого. Но интерес Ленина к личности и творчеству Толстого не определялся злободневностью темы. Толстой был одним из самых любимых писателей Ленина, его постоянным литературным спутником. На протяжении всей своей жизни Ленин многократно читал и перечитывал произведения Толстого². В письме к М. А. Ульяновой из краковской эмиграции Н. К. Крупская, жалуясь на отсутствие в Кракове русской художественной литературы, писала о Ленине: «...разрозненный томик Анны Карениной перечитывается в сотый раз»³. Характерно отношение Ленина к постановке драмы «Живой труп». В воспомина-

¹ «Лев Толстой, как зеркало русской революции» [«Пролетарий», 24 (11) сентября 1908 г., № 35]; «Л. Н. Толстой» [«Социал-демократ», 29 (16) ноября 1910 г., № 18]; «Не начало ли поворота?» (там же); «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» [«Наш путь», 11 декабря (28 ноября) 1910 г., № 7]; «Толстой и пролетарская борьба» [«Рабочая газета», 31 (18) декабря 1910 г., № 2]; «Герои „оговорочки“» («Мысль», 1910, декабрь, № 1); «Л. Н. Толстой и его эпоха» [«Звезда», 4 февраля (22 января) 1911 г., № 6].

² См. Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, М. 1932, стр. 30.

³ В. И. Ленин. Письма к родным, М. 1934, стр. 396.

ниях Крупской, относящихся к пребыванию Ленина в Швейцарии в 1915 г., мы читаем: «Приехала как-то в Берн русская труппа, игравшая на немецком языке; ставили пьесу Л. Толстого „Живой труп“. Мы тоже пошли. . . Ильича, который ненавидел до глубины души всякое мещанство, условность, эта пьеса чрезвычайно разволновала. Потом он хотел еще раз пойти ее посмотреть»¹.

О глубоком интересе Ленина к творчеству Толстого говорит запись Горького в его воспоминаниях, относящаяся к периоду после Октябрьской Социалистической революции, запись, хотя и широко известная, но без которой не может обойтись ни одна работа, характеризующая отношение Ленина к Толстому.

«Как-то пришел к нему и вижу: на столе лежит том „Войны и мира“.

— Да, Толстой! Захотелось прочитать сцену охоты; да вот вспомнил, что надо написать товарищу. А читать — совершенно нет времени. Только сегодня ночью прочитал Вашу книжку о Толстом².

Улыбаясь, прижмурив глаза, он с наслаждением вытянулся в кресле и, понизив голос, быстро продолжал:

— Какая глыба, а? Какой матерый человечик? Вот это, батенька, художник. . . И, знаете, что еще изумительно? До этого графа подлинного мужика в литературе не было.

Потом, глядя на меня прищуренными глазками, спросил:

— Кого в Европе можно поставить рядом с ним?

Сам себе ответил:

— Некого.

И потирая руки, засмеялся, довольный»³.

В этих словах отразилась и гордость Толстым как великим представителем русского искусства, и преклонение перед исполинской мощью фигуры художника, и признание глубочайшей органической народности его творчества. Толстой для Ленина — гениальный писатель, давший

¹ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 238.

² Эти слова дают основание датировать данную беседу Ленина с Горьким не ранее, чем 1919 г. (воспоминания Горького о Толстом были впервые напечатаны в 1919 г.). — Б. М.

³ М. Горький. В. И. Ленин, в сб. «О Ленине», т. I, М. 1939, стр. 43—44.

«несравненные картины русской жизни» (XV, 180), писатель, который «... сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе» (XVI, 293).

Современные Ленину критики и литературоведы рассматривали противоречия учения и творчества Толстого отвлеченно, вне условий исторического развития. Эти противоречия были для них или плодом чудачеств «яснопольянского отшельника», или результатом блужданий богоискателя, или же, наконец, выражением стремлений «опростившегося барина» успокоить «больную совесть». Для Ленина же Толстой — писатель, в произведениях которого воплощалась живая жизнь России, отражалось «... народное море, взволновавшееся до самых глубин...» (XVI, 323). В творчестве Толстого отражены противоречия крестьянской буржуазной революции, анализу которых Ленин посвятил немало своих работ. Вот почему все, что писалось Толстым, и все, что свидетельствовало о роли Толстого в прогрессивном общественном движении, живейшим образом интересовало Ленина. Отдельные упоминания Ленина о Толстом, попутное замечание о том, что он остается «... глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории...» (V, 136)¹, чуткие отклики на многочисленные факты, свидетельствующие о ферментирующей общественное сознание роли Толстого², и, наконец, семь статей, специально посвященных Толстому, — все это говорит об остром внимании, с которым Ленин следил за деятельностью великого писателя и за борьбой вокруг него различных общественно-политических направлений.

¹ В этом, относящемся к 1901 г., подстрочном замечании к статье «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» Ленин впервые дал свое определение противоречивости идеологии Толстого.

² Среди этих откликов в литературоведении не был учтен отклик Ленина на отлучение Толстого от церкви. В своем «Внутреннем обозрении» («Заря», 1901, № 2—3, переп. в т. V, стр. 270—271) Ленин цитирует большой отрывок из письма некоего И. П. Преображенского («Вера и разум», 1901, № 8) как свидетельство проникновения в широкие круги политического протеста. В отрывке этом неясно говорится о «последних событиях», связанных с «великим писателем земли русской». Эти «события» — конечно, отлучение Толстого, что следует из всего текста отрывка.

Не менее показательным, что Ленин выступил с публичными лекциями о Толстом. О двух из этих лекций имеются точные данные. В письме к М. А. Ульяновой 19(6) января 1911 г. из Парижа Ленин писал: «Вчера читал здесь реферат о Толстом, — может-быть, поеду с этим рефератом по Швейцарии в объезд»¹. Название этого реферата устанавливается по одному из перлюстрированных полицией писем — «Лев Толстой и русское общество»². Читал ли когда-либо Ленин лекции о Толстом в Швейцарии — неизвестно. Но в донесении департаменту полиции парижского агента сообщается, что 31 января 1912 г. Ленин прочел в Лейпциге лекцию на тему «Историческое значение Л. Н. Толстого»³.

В русской критике и публицистике до появления ленинских статей основными особенностями мировоззрения Толстого считались сочувствие к «героям из народной среды» — «простым, естественным людям», и отрицательное отношение к внутренне опустошенным выходцам из «высших кругов общества». В такой трактовке взглядов Толстого сходились представители разнообразных общественно-литературных течений, начиная с Ап. Григорьева и Страхова и кончая Скабичевским и Овсянико-Куликовским. Исключение составляли лишь статьи Чернышевского о первых произведениях Толстого (на них мы остановимся особо). Преобладающей же в критике была именно указанная выше точка зрения. Не мог, разумеется, разобраться в существе творческой деятельности Толстого Н. К. Михайловский, своей теорией «шуйцы» и «десницы» механически разделявший в нем противоречивые элементы.

В марксистской критике, до появления ленинских статей о Толстом, вопрос о творчестве и взглядах Толстого почти не рассматривался. Плеханов до 1910 г. ограничивался лишь частными замечаниями, из которых можно заключить только то, что он придерживался взгляда на Толстого как на гениального бытописателя «дворянских гнезд» и мастера психологического анализа⁴.

¹ В. И. Ленин. Письма к родным, М. 1934, стр. 372.

² «Красный архив», 1934, т. I (62), стр. 224.

³ Там же, стр. 229.

⁴ Первая из появившихся в печати статей Плеханова о Толстом («Заметки публициста. Отсюда и досюда») была помещена 16 де-

Некоторые критики видели свою задачу только в том, чтобы «разбить» Толстого, показать реакционность его взглядов от начала до конца, полную антиреволюционность его творчества. Для этого из произведений Толстого тенденциозно подбирались только те цитаты, которые могли пригодиться для подобных «доказательств». В результате получалась односторонняя, глубоко ошибочная трактовка писателя, игнорирующая его противоречивость и замалчивающая силу его протеста. К такого рода сочинениям относятся, например, статья В. Поссе «Граф Л. Н. Толстой и рабочий народ»¹.

Однако авторы подобных статей не достигали своих целей и с точки зрения революционной агитации: их аргументами нередко пользовались реакционеры, с других позиций стремившиеся доказать, что Толстой был законченным врагом революции².

Прямой вред приносили также и попытки представить Толстого революционером и наполнить революционным содержанием даже его учение о непротивлении³.

Во всех этих рассуждениях игнорировалась проблема социального генезиса мировоззрения Толстого и искажался его подлинный облик. Проникнуть в сущность уче-

кабря 1910 г. в № 1 газеты «Звезда». Более ранняя его статья «Толстой и природа» предназначалась для не осуществившегося в 1908 г. юбилейного сборника под редакцией М. М. Ковалевского и была опубликована впервые в 1924 г.

¹ Статья В. Поссе, напечатанная в журнале «Жизнь», 1902, № 6, была затем издана отдельной брошюрой.

² Образцом реакционной агитки такого типа является, например, анонимная брошюра «Граф Лев Николаевич Толстой и русская революция», вышедшая в 1905 г. (СПБ, типография Михайловой). Автор ее, произвольно оперируя суждениями Толстого о вредности и бесплодности революционного насилия, делает его чуть ли не защитником существовавшего порядка и высказывает недовольство его непоследовательностью.

³ Одной из наиболее показательных статей такого рода является статья Н. Иорданского «Лев Толстой и современное общество» («Современный мир», 1910, № 12), доказывающая, что «Толстой был верным апостолом социальной революции», «предвестником социального преобразования». Любопытно, что такая идеализация Толстого впервые нашла выражение в писаниях германских ревизионистов. Так, например, F. Stampfer в «Die Neue Zeit» (XXI Jahrg. 1902—1903, Bd. 2, № 30) утверждал, что «евангельское христианство Толстого не что иное, как религиозная идеология пролетарского классового интереса».

ния и творчества Толстого, объяснить Толстого *всего целиком*, найти фактор, определивший и слабые и сильные стороны его взглядов, то есть создать концепцию, основанную не на сводках тех или иных суждений Толстого, а на всем сложном многообразии его идей, — такую задачу не смог взять на себя ни один критик или историк литературы.

Эту задачу поставил перед собой Ленин, и его диалектический анализ идеологии Толстого указал новые пути в науке о литературе. «Статьи Ленина о Толстом, — писал А. В. Луначарский, — нуждаются в особенно пристальном рассмотрении: они дают во всем главном исчерпывающее истолкование такого гигантского литературного и общественного явления, как творчество и учение Толстого, представляя собой блистательный образец применения ленинского метода к литературоведению»¹. И не только в России высоко оценивались статьи Ленина о Толстом. Ромэн Роллан, много лет изучавший Толстого, так отозвался о новаторском научном значении ленинских статей: «Для историка литературы интересно было бы разобраться в том, что у Руссо, у Дидро, у Вольтера, у всех великих художников — предтеч революции опережало их самих, что в них принадлежало будущему, хотя они и не замечали этого, от чего отреклись бы, если бы могли предвидеть это будущее. Это та работа, которую Ленин с присущей ему стремительной и зоркой прямоотой начал по отношению к самому любимому своему писателю, показав, каким образом Лев Толстой гениально разоблачил ложь и преступления существовавшего тогда общественного строя, направив на него критику, которая сама по себе была призывом к революции, а с другой стороны, как перед лицом революционного действия, вытекавшего, однако, из этой критики, Толстой с испугом и гневом отшатывался и кричал: „Нет!“, укрываясь в мистику „восточной неподвижности“, пытающейся остановить движение солнца тем, что отрицает его»².

Ленин разрушил легенду о Толстом как угоднике, праведнике, елейном старце, каким представляли его тол-

¹ А. Луначарский. Ленин и литературоведение, М. 1934, стр. 84—85.

² Ромэн Роллан. Ленин. Искусство и действие, в сб. «О Ленине», т. I, М. 1939, стр. 76.

стовцы, и впервые установил революционную, отражающую народные чаяния сущность толстовского обличения и протеста. Ленин подверг резкой критике те реакционные стороны идеологии Толстого, которые тенденциозно выдвигались на первый план либералами и другими противниками революционных методов борьбы. Но Ленин показал также, что слабые стороны учения Толстого, отражавшие слабость и ограниченность патриархально-крестьянской идеологии, не имели ничего общего с теми субъективно-реакционными, узко-классовыми (в корыстно-классовом смысле) идеями «непротивления», которые получили столь широкое распространение в годы, следовавшие за поражением первой русской революции. Только Ленин сумел, не оставляя в тени реакционные стороны идеологии Толстого, рассмотреть его мужицкий демократизм. Только он смог показать, что проповедник непротавления был в то же время «...горячий протестант, страстный обличитель, великий критик...» (XVI, 295). В противовес всем тем, кто изображал Толстого кающимся дворянином либо певцом феодальной аристократии, Ленин вскрыл глубокие причины той ненависти, которую внушал Толстой официальной России, и показал его связь с настроениями широчайших крестьянских масс, с новой Россией, рождавшейся в революционных боях, преодолевавшей свою былую патриархальную неподвижность. «Горячий протестант, страстный обличитель, великий критик» был близок Ленину как писатель, величие которого выразилось в самоотверженном, стоическом подчинении всей своей жизни единой цели служения народу. Ради этой цели Толстой порвал с кругом людей, к которым принадлежал по рождению и воспитанию, ради нее вел жизнь отверженного государством и проклятого церковью, ради нее подвергался травле и преследованиям.

Ленин учил, что осуществление идеала действительной свободы возможно только при активном подавлении и уничтожении всех реакционных сил. Толстой не смог диалектически примирить «закон насилия» и «закон любви». В своем учении о морали он протестовал против насилия вообще, стремясь возвыситься над борьбой правительства и народа и считая самоусовершенствование универсальным средством излечения «общественных недугов». Но инстинктивно и Толстой подчинялся закону самой жизни,

закону активного действия, способствуя своей обличительной деятельностью борьбе за создание нового общества и, вместе с тем, весьма смутно представляя себе все то, что должно было произойти в России и что предвещалось также и его собственным творчеством.

* * *

Созданная за советские годы критическая литература на тему «Ленин и Толстой» включает в себе главным образом сводки или обзоры суждений Ленина о Толстом. Как бы полезны и удачны ни были подобные сводки и обзоры, они не могут отменить необходимости исследования творческой истории ленинских статей, а также общественно-литературной борьбы, в обстановке которой они создавались. Без такого исследования не могут быть выяснены хотя бы и с относительной полнотой ни методологические принципы изучения Толстого Лениным, ни многостороннее значение этих статей, где в лапидарных формулировках обобщены сложнейшие процессы развития русской литературы и эволюции взглядов Толстого. Все ленинские статьи о Толстом характеризуются единым пониманием сущности его учения и творчества. Но вместе с тем каждая из этих статей имеет свои особенности в зависимости от общественно-политической ситуации, от конкретного повода к написанию ее, от ориентации на определенный круг читателей, на легальное или нелегальное издание и т. д. Все это необходимо учитывать при изучении статей Ленина. Поэтому мы начнем с истории написания ленинских статей и выяснения позиций Ленина в развернувшейся вокруг Толстого общественно-политической борьбе, а затем перейдем к рассмотрению их историко-литературной проблематики.

1

1908 год был ознаменован крупным событием в русской литературе и общественной жизни: 28 августа этого года отмечался юбилей 80-летия Л. Н. Толстого. В напряженной атмосфере, царившей в России, эта дата явилась поводом для многочисленных выступлений представителей различных партий и идейных течений. Колоссальное

значение фигуры Толстого в России придавало юбилею писателя политический характер. А. С. Суворин еще в 1901 г. писал в своем дневнике: «Два царя у нас: Николай Второй и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая и его династии»¹. На связь обличительной деятельности Толстого с демократическим движением постоянно указывалось и в зарубежных нелегальных изданиях². Пресса почти всех стран мира живейшим образом откликалась на его выступления. Ко времени же юбилея 1908 г. авторитет и мировая известность Толстого как врага самодержавия, обличителя помещиц и капиталистической эксплуатации, пропагандиста демократических требований отмены частной собственности на землю неизмеримо возросли. В период первой русской революции Толстым был написан ряд публицистических статей, вызвавших широкий резонанс в России и за границей. Положительная программа этих статей была наивно-утопической и содержала обычную для Толстого проповедь нравственного самоусовершенствования как единственного пути искоренения социальной несправедливости; новым в этой программе был лишь, пожалуй, четко сформулированный и энергичный призыв к народу не повиноваться царскому правительству и «не участвовать в делах правительства». Сила же этих статей была в их острой и смелой критике существовавших в России порядков, в обличении «общественного зла», а также в самой постановке острейших вопросов современности³. В статьях периода первой русской революции Толстой с небывалой ранее резкостью обнажил и оправ-

¹ «Дневник А. С. Суворина», изд. Л. Д. Френкель, 1923, стр. 63.

² Любопытный образец этой литературы представляет собой анонимный сборник «Последние революционные события в России и Лев Толстой», изданный в Берлине в 1901 г. Показательна в нем самая попытка сопоставить обличительную деятельность Толстого с развитием в эти годы революционных выступлений против самодержавия.

³ Значение постановки Толстым актуальных вопросов современности подчеркивал и Горький, глубокий и принципиальный противник религиозно-нравственного учения Толстого. В письме к К. П. Пятницкому (нач. 900-х гг.) Горький сообщал о Толстом: «Пишет статью по земельному вопросу... экое изумительное понимание запросов дня!» (Архив Горького).

дал непримиримую враждебность народа к правительству, констатируя, что самодержавие никогда не сможет никакими конституциями ее уничтожить. А за несколько месяцев до юбилея в русской и зарубежной печати появилась его статья «Не могу молчать», вызванная возраставшим столыпинским террором. За границей эта статья была названа «манифестом Толстого». Мировое общественное мнение высоко оценило выступление великого писателя против массовых казней революционеров правительством Николая II.

Заметки и статьи о предстоящем юбилее Толстого стали появляться в русских газетах еще в январе. В Петербурге был организован для подготовки юбилея «комитет почина», в который вошли деятели кадетской партии и ряд литераторов. 28 февраля Толстой отправил одному из инициаторов юбилейного комитета — либералу М. А. Стаховичу — письмо с просьбой содействовать прекращению деятельности комитета. О мотивах этой просьбы секретарь Толстого Н. Н. Гусев писал в своем дневнике: «В Петербурге образовался особый «комитет почина», как называли себя люди, взявшие на себя инициативу в деле этого празднования. Л. Н-чу тяжелы все эти приготовления к его восхвалению своей искусственностью, напыщенностью, неискренностью и льстивостью»¹. Далее мы покажем, как глубоко Толстой понимал эти особенности русского либерализма и как он отвергал все попытки либералов использовать его собственный авторитет в своих целях. Пока отметим лишь, что, хотя «комитет почина» и прекратил свою работу, количество «искусственных, напыщенных, неискренних и льстивых» статей о Толстом в либеральной печати по мере приближения юбилейной даты все возрастало. Предвидение Толстого таким образом оправдалось. Оценивая отклики на юбилей Толстого в легальной русской прессе, Ленин писал: «Вся эта пресса до тошноты переполнена лицемерием, лицемерием двоякого рода: казенным и либеральным. Первое есть грубое лицемерие продажных писаков, которым вчера было велено хвалить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм и постараться соблюсти приличия перед Европой. Что писакам этого

¹ Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым, М. 1912, стр. 99.

рода заплачено за их писания, это всем известно, и никого обмануть они не в состоянии. Гораздо более утонченно и потому гораздо более вредно и опасно лицемерие либеральное. Послушать кадетских балалайкиных из „Речи“ — сочувствие их Толстому самое полное и самое горячее. На деле, рассчитанная декламация и напыщенные фразы о „великом богоискателе“ — одна сплошная фальшь, ибо русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует. Он примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции. . .» (XV, 179—180).

В истории русской литературы и общественной мысли еще не написана глава, посвященная толстовскому юбилею 1908 г. — этому выдающемуся событию, в котором связь литературы с политикой нашла выражение в столь яркой и обнаженной форме. Как никогда ранее, в спорах и дискуссиях вокруг личности и творчества Толстого отчетливо проявились линии литературной политики различных классов, требования, предъявляемые к литературе различными классами и социальными группами. Легальная русская пресса 1908 г. дает богатейший материал, на основании которого создается полная картина подготовки и проведения юбилея. Ленину этот материал был, несомненно, хорошо известен, что подтверждается не только цитированной выше характеристикой юбилейной газетной продукции: содержащиеся в статьях Ленина этого периода упоминания многочисленных газет и журналов и цитаты из них свидетельствуют о том, что Ленин и в эмиграции внимательно следил за русскими газетами самых разнообразных направлений: и за официозной «Россией», и за кадетской «Речью», и за октябристским «Голосом Москвы», и за умеренно-либеральными профессорскими «Русскими ведомостями», и за черносотенным «Русским знаменем». Если при этом учесть, что в центральных газетах печатались систематические обзоры откликов провинциальной печати на толстовский юбилей, то можно прийти к заключению, что Ленин, начиная работу над статьей «Лев Толстой, как зеркало русской революции», представлял себе во всей полноте картину толстовского юбилея в России.

Попытаёмся восстановить эту картину в той мере, в какой это необходимо для более полного понимания исторического значения ленинской статьи и ее конкретной полемической направленности.

В приведенной выше ленинской характеристике легальной прессы юбилейного 1908 года и казенная и либеральная пресса объединены по единому признаку — лицемерному отношению к Толстому. Это лицемерие нашло отражение, в частности, в том, что борьба вокруг подготовки юбилея велась не между правительственной прессой, враждебная настроенность которой к Толстому предreshала характер юбилея, и либеральной, которая на словах была «горой за Толстого», а между прессой либеральной и черносотенной. Полемика с черносотенцами была для либералов тактически выгоднее: занимая благодаря этой полемике внешне «левые» позиции, они замалчивали поставленные Толстым острейшие вопросы современности с таким же усердием, как и казенные публицисты. Кроме того, сама полемика носила у либералов такой характер, что все политические вопросы, так или иначе возникавшие в связи с празднованием юбилея, благополучно обходились.

По мере приближения к юбилейной дате черносотенные газеты «Русское знамя», «Колокол», «Вече», «Земщина», «Московские ведомости» и др. все более и более усиливали погромную травлю Толстого, осыпая его площадной руганью и заодно призывая к расправе с «инородцами» и «всеми врагами престола». Дипломатично, но в том же духе разворачивали агитацию против Толстого официозные «Россия» и «Новое время». Тайные пружины этой начавшейся весной 1908 г. травли теперь для нас ясны. 18 марта губернаторам и начальникам жандармских управлений был разослан циркуляр по поводу предстоявшего юбилея Толстого. В циркуляре предлагалось обратить «особенно пристальное внимание» «к прекращению всяких попыток к использованию со стороны неблагонадежных элементов населения настоящего события в целях противоправительственной агитации, каковые попытки тем более возможны, что проповедуемые гр. Л. Н. Толстым идеи представляют для подоб-

ной агитации самый широкий простор»¹. Этот циркуляр послужил своего рода сигналом для правительственных чиновников и всякого рода мракобесов. Начало кампании реакционной печати было положено опубликованием в «Русском знамени» молитвы Иоанна Кронштадтского о скорейшей смерти Льва Толстого. Затем началась безудержная агитация саратовского черносотенного духовенства против юбилея. О содержании ее свидетельствует характеристика епископом Гермогеном Толстого как «разбойника печати», у которого «рассуждения не идут дальше рассуждений насекомых». В унисон с Гермогеном выступил епископ Митрофан, который между прочим утверждал, что имя Толстого в последнее время стало почти забываться. 23 августа в газетах было опубликовано обращение синода к верующим с призывом воздержаться от участия в чествовании писателя — упорного противника православной церкви. Апофеозом всей этой кампании явилось опубликование в издававшемся в Саратове «Братском листке» (24 августа, № 93) «архипастырского обращения» епископа Гермогена «по поводу нравственно беззаконной затеи некоторой части общества... торжествовать юбилейный день анафематствованного безбожника и анархиста революционера Льва Толстого». В «обращении» Толстой назывался «окаянным и презреннейшим российским Иудой», «нравственно сгнившим до мозга костей и своим возмутительным нравственно-религиозным злосмрадием заражающим всю жизненную атмосферу нашего интеллигентного общества», «развратителем и убийцей» юношества и т. д. Этот номер «Братского листка», а также различные черносотенные прокламации были напечатаны и распространены большими тиражами.

В либеральной печати, как мы уже указывали, полемика с подобной «литературой» занимала значительное место, хотя и носила весьма умеренный характер. Показательно, однако, что Ленин об этой полемике в своей характеристике либеральной прессы и не упоминает. И это вполне понятно: после уроков 1905 г. политический смысл черносотенной агитации был совершенно

¹ «Толстой и о Толстом». Новые материалы, изд. Толстовского музея, вып. I, М. 1924, стр. 81—83.

ясным для широчайших слоев не только рабочих, но и крестьян и не требовал специального разъяснения¹. Мало интересовали Ленина и казенные журналисты, о которых он в своей статье сказал, что «...никого обмануть они не в состоянии» (XV, 179). Истинная роль либеральной прессы выясняется при сопоставлении ее не с черносотенной, а с *официальной* прессой, как это и было сделано Лениным. Охарактеризованное им лицемерие и казенной и либеральной печати нашло яркое выражение в той картине «подготовки» юбилея, которая вызывала возмущение у всей передовой России.

В печати и обществе получили широкую огласку факты, свидетельствующие о противодействии проведению юбилея со стороны правительственных органов. Министерство народного просвещения запретило учебным заведениям принимать участие в юбилее. Казанскому университету, решившему избрать Толстого почетным членом, было сделано соответствующее внушение. Из провинции все чаще приходили сведения о препятствиях, чинимых подготовке юбилея со стороны местной администрации. В особенности много говорилось и писалось о циркуляре тамбовского губернатора, в котором подчеркивалось, что граф Л. Н. Толстой относится к разряду тех писателей, публицистические, богословские и беллетристические произведения которых «противоречат нашим устоям и вообще всему нашему государственному строю». На этом основании губернатор объявил: «Всякие попытки придать юбилею общественный характер не будут допущены».

Все это привело к тому, что в России празднование юбилея было фактически сорвано: это признали даже некоторые легальные газеты. «Современное слово» на другой день после юбилея писало: «Праздник русской мысли и литературы чрезвычайно слабо отразился на

¹ Еще в 1907 г. Ленин писал: «Можно ли найти примеры того, что черносотенцы развратили и сбили с толку сколько-нибудь широкие слои населения? Нет.

Ни их пресса, ни их союз, ни их собрания, ни выборы в I или II Думу не могли дать таких примеров». Отмечая, что черносотенцы не пользовались влиянием на широкие слои населения, Ленин подчеркивал, как более опасное и развращающее, влияние либералов (XIII, 36).

жизни петербуржца. Никаких собраний и лекций (кроме собрания в просветительном обществе „Маяк“) в этот день не было. Общество ограничилось посылкой телеграмм». Картина «торжества» в провинции была метко обобщена карикатуристом «Сатирикона» — городской тащит в участок мальчишку, продающего юбилейную карамель: «Это что? Праздновать юбилей? Вот я тебя!» В статье «Итоги юбилея», напечатанной в газете «Утро», «провал» юбилея объяснялся следующим образом: «Если бы Толстого в России любили, любили бы глубоко и сознательно... тогда энтузиазм был бы»¹. Однако факты говорили обратное. Письма и телеграммы трудового народа, в большом количестве посылавшиеся в эти дни Толстому, были проникнуты подлинным энтузиазмом, горячей любовью к великому русскому писателю. Даже единичные из этих откликов, попавших на страницы легальной прессы, резко выделялись среди «океана приветствий» по своему характеру и тону.

Вот, например, что писали Толстому рабочие Балтийского судостроительного завода:

«В день восьмидесятой годовщины Вашей прекрасной жизни, когда перед величием гениального образа Вашего благоговеино склоняется мир и Ваше имя у всех на устах, только страна, на долю которой выпала великая гордость быть Вашей родиной, не смеет поднять свой голос, приветствуя Вас.

Но пусть темные слуги насилия, гонители свободы и истины грозят нам всеми карами земли и неба, в этот день мы не хотим и не можем молчать².

Из душевных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неутомимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами, как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России — рабочему классу — природа дала своего Льва Толстого».

Таких телеграмм, полных достоинства и чувства национальной гордости, Толстой получил немало.

¹ «Итоги юбилея». «Утро», 1 сентября 1908 г., № 14.

² В обзоре юбилейных телеграмм, напечатанном в газете «Новая Русь» 4 сентября 1908 г., № 20, этот абзац был выпущен.

Несмотря на то, что отрицательное отношение правительства к общественным юбилейным мероприятиям было совершенно очевидным, в либеральной печати до самого последнего дня то и дело мелькали разноречивые информации по этому вопросу. Ни «Речь», ни «Русские ведомости», критикуя «в пределах законности» провинциальную администрацию и отвлекая общественное внимание «полемикой» с черносотенцами по вопросам, абсолютно ясным для каждого мыслящего человека, не предприняли никаких мер для разоблачения позиции правительства в этом вопросе. Такая тактика кадетской печати и общественности объясняется тем, что руководители ее были, конечно, хорошо осведомлены о действительной точке зрения правительства, нашедшей отражение не только в секретных предписаниях министерства внутренних дел, но и в официальной печати. И «Правительственный вестник» и «Россия» воздерживались от помещения разъяснений по поводу самого юбилея. Но в то же время «Россия» резко выступала в предъюбилейные месяцы против Толстого, в особенности после появления его статьи «Не могу молчать». Отношение официоза к Толстому нашло законченное выражение в статье «Точка над *i*»¹. Статья эта явилась ответом одновременно на два публицистических произведения Толстого: «Не могу молчать» и «О приговоре по делу В. А. Молочникова» (осужденного на один год заключения за распространение запрещенных статей Толстого). Соглашаясь с тем, что «неудачный пророк (т. е. Толстой. — Б. М.) должен бы, по всей справедливости, разделить участь своих духовных чад» и быть заключенным «в русскую тюрьму», газета, отражая бессилие царского правительства по отношению к писателю мировой известности, лицемерно восклицала: «Что делать, если пророк этот есть в то же время и величайший художник!» После такого рода выступлений официозной газеты, разумеется, никаких дополнительных разъяснений о юбилее, которых так ждала либеральная печать, не требовалось: все было ясно и без этого. Лишь в самый день юбилея, после того как общественное проведение его было фактически сорвано, «Россия» выступила с двусмысленным опровержением слухов о том, что

¹ «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

губернаторам предписано «чинить препятствия» к чествованию Толстого: «...не имелось ни малейшего повода предполагать, чтобы где-либо губернаторы чинили или собирались чинить какие-либо препятствия к чествованию гр. Л. Н. Толстого. С другой же стороны, не было и нет никакой надобности разъяснять местным властям, что не могут быть допускаемы ни тенденциозная агитация под предлогом юбилейного чествования, ни стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений»¹.

Совершенно очевидно, что объявление крамольным «стремления придать почитанию графа Толстого характер общественного сочувствия» являлось по существу запрещением празднования 80-летия писателя.

Юбилейная статья «России» является лицемерной в такой же мере, как и помещенное в том же номере «разъяснение» о принципах проведения юбилея. Автор ее, несомненно, принадлежал к тем самым «продажным писакам», которым, как отметил Ленин, было велено отыскивать в Толстом «патриотизм» для соблюдения приличий перед Европой. Напечатанная (в качестве редакционной) статья «Великий художник» творчество Толстого истолковывала в духе допущенных в гимназиях реакционно-националистических комментариев к роману «Война и мир». Но даже в юбилейной статье «Россия» не удержалась от того, чтобы не заметить: «Больно думать, что один из величайших мировых художников влачит за собой тяжелую цепь глубочайших заблуждений и стольких очевидных грубых ошибок. Еще большее, когда вспоминается, сколько ненужного смущения, сколько сбитых с толку и потерявших нить жизни людей... как хотелось бы забыть это, но невозможно забыть». Глубокая вражда к революционизирующему народное сознание творчеству Толстого — вот что лежало в основе этих

¹ О том, что это сообщение полностью отражало правительственные предписания, свидетельствует приведенный выше циркуляр министра внутренних дел. Любопытно, что «Русское знамя» в статье, напечатанной в день юбилея, проболталось, торжествующе заявляя, что «правительство воспретило повсюду чествование писателя Л. Толстого».

фальшивых «сожалений» о «грубых ошибках». То, о чем официоз считал ненужным писать, договаривали за него черносотенцы, «сожалевшие» о том, что «тысячи крестьян, рабочих и прочих тружеников России» брошены «художеством нечестивого старца в объятия государственного бунта против власти, против собственности, против пода-тей...»¹.

Но в наибольшей степени слова Ленина о «грубом лицемерии продажных писаек» должны быть отнесены к М. О. Меньшикову. Это именно ему «...вчера было велено травить Л. Толстого, а сегодня — отыскивать в нем патриотизм...» (XV, 179). В самом деле, всего лишь 10 августа Меньшиков с явной целью дискредитации Толстого поместил в «Новом времени» статью «Толстой и власть». Выступая против «антинародного» требования Толстого уничтожить частную собственность, Меньшиков клеветнически утверждал, что Толстой в течение 80 лет наблюдал «агонию своей деревни», что яснополянские крестьяне изгоняются из своих родных домов, девушки вынуждаются к уходу в публичные дома и т. д.² А в день юбилея Меньшиков напечатал в той же газете статью «Лев Толстой и Россия», где пел дифирамбы Толстому как «выразителю души России», «могучему и цельному типу», проповеднику «правды, красоты»³. Этого красноречия Меньшикову хватило ровно на юбилейный номер «Нового времени». Вскоре он возобновил травлю Толстого с еще большей энергией,

¹ И. Айвазов. Кто такой Л. Толстой? «Русское знамя», 28 августа 1908 г., № 194 (этот номер «Русского знамени» был... конфискован ввиду того, что данная статья содержала цитаты из запрещенных произведений Толстого).

² Эта статья вызвала письмо С. А. Толстой в редакцию «Русского слова» 17 августа 1908 г., в котором разоблачалась попытка опорочить Толстого со стороны «вечно виляющего и служащего и нашим и вашим газетного писателя». Письмо заканчивалось словами: «Г. Меньшиков не понимает и того, что как бы он ни тянулся и ни щелкал своими крошечными ядовитыми шипчиками, — он властен затупить перед собой сальную свечу, а не всемирно светящее солнце».

³ В обзоре юбилейной прессы «Биржевые ведомости» (вечерний выпуск) не без удивления отметили: «Даже голос Меньшикова сегодня звучит в унисон общему хвалебному хору». Газета делала вид, будто ей неизвестно, что этот «хор» управлялся соответствующими «дирижерами».

дойдя до восхваления Иоанна Кронштадтского, автора молитвы о скорейшей смерти Толстого¹.

Но циничное *казенное* лицемерие, несмотря на всю его отвратительную сущность, Ленин считал все же менее опасным, чем лицемерие *либеральное*, замаскированное. Авторов либеральных писаний о Толстом Ленин символизировал в образе Балалайкина, выведенного Щедриным в «Современной идиллии» и в очерках «В среде умеренности и аккуратности» в образе «пустослова» — адвоката, умеющего извлечь для себя выгоду из всякого дела и пустить пыль в глаза цветистыми фразами. «Легальная русская пресса, переполненная статьями, письмами и заметками по поводу юбилея 80-летия Толстого, — писал Ленин, — всего меньше интересуется анализом его произведений с точки зрения характера русской революции и движущих сил ее». Либерал «...старается громом и треском фраз *заглушить* потребность прямого и ясного ответа на вопрос: чем вызываются кричащие противоречия „толстовщины“, какие недостатки и слабости нашей революции они выражают?» (XV, 179, 180).

И в самом деле, почти все статьи, помещенные в либеральной печати в день юбилея, полны «громом и треском фраз», в которых нет и попытки рассмотреть вопрос о социальном содержании творчества Толстого и его связи с современностью. «Расчитанная декламация и напыщенные фразы» характерны для всех этих статей и, в частности, для статей юбилейного номера «Речи», о котором мельком упомянул Ленин в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Редакционная передовая, полная бессодержательных причитаний по поводу «мига чистой и свободной гармонии» общения с Толстым и «бескорыстнейшей радости», испорченной постановлением синода; статья А. Карташева «Толстой как богослов», прославлявшая Толстого как «великого богосискателя», отразившего «всю великую тоску русской души о правде божьей и праведной земле, о братолюбии и жалости»; пережевывание Д. Мережковским своих излюбленных софизмов о язычестве и христианстве и восхваление им Толстого как «тайновидца плоти» и «солнца

¹ М. Меньшиков. Радикалы и церковь. «Новое время», 16 сентября 1908 г., № 11679.

нового откровения»; доказательства А. Хирьяковым тезиса о том, что Толстой не был мистиком (статья «Мистицизм Толстого»), — все это, конечно, ни в малейшей степени не давало ответа на вопрос: чем же дорог Толстой народу? Во всем этом наборе слов, обильных восхвалений, религиозно-философских сентенций Ленин обнаружил практическую целеустремленность: нисколько не сочувствуя «толстовской критике существующего строя» и не веря в «толстовского бога», русский либерал лишь «примазывается к популярному имени...» (XV, 180). Это «примазывание» с особенной отчетливостью было заметно в утверждении Д. Мережковского: «Хотят ли этого или не хотят, праздник Толстого — праздник русского освобождения». Под «русским освобождением» Мережковский подразумевал, конечно, деятельность либералов. Но как раз незадолго до юбилея в печати было опубликовано в самой резкой форме выраженное Толстым обличение всех «дорогих сердцу каждого деятеля русского освобождения (т. е. каждого либерала. — Б. М.) установлений»: конституции, которую Толстой назвал «мягкой, гибкой и как бы разваренной», годной лишь «для утрамбования старого порядка», и Думы, куда зовут в законодатели тех, «кто спит и видит старые конюшни» (т. е. крепостное право). По поводу же обращенного к нему приглашения либералов баллотироваться в члены Думы Толстой с презрением заявил: «При всем усилии воображения я не могу представить себе, на какой плоскости мы могли бы сойтись с теми политиками, которые собрали эту Думу, и с теми, которые вошли в нее»¹. В свете этих слов Толстого попытки Мережковского сделать юбилей Толстого «своим» праздником носили сознательно лицемерный характер.

В том же духе, как и «Речь», был выдержан юбилейный номер другой видной либеральной газеты «Русские ведомости». Те же фразы о «великой совести», «великом богоискателе», и то же игнорирование противоречий творчества Толстого, отражающих реальные противоречия действительности. «Слово», «Современное слово», «Голос Москвы», «Новая Русь», «Петербургская газета» и пр.

¹ Генеромо. Толстой о Думе. «Биржевые ведомости», 30 июля 1908 г., № 10631.

по своим установкам почти не отличались от «Речи» и «Русских ведомостей». Статьи, помещенные в них к юбилею, можно разбить на две основных группы: на темы о религиозно-нравственном учении Толстого, «светоче христианской любви», и на темы информационно-описательные («Толстой и музыка», «Толстой и театр», «Толстой среди скульпторов», «Толстой и дети», воспоминания о беседах с Толстым и т. п.).

Ни одна из легальных газет не коснулась даже вскользь поставленных Толстым злободневных вопросов, — все они ограничивали значение Толстого главным образом его религиозно-нравственными идеями, то есть выдвигали на первый план не его силу, а его слабость. Либеральные публицисты и критики так называемой «прогрессивной прессы» сетовали лишь, что в дни юбилея они не могли по «независящим причинам» пропагандировать именно эти идеи с достаточной широтой. Но в конце концов и это обстоятельство не огорчило Балалайкиных. «Современное слово», не имея мужества называть вещи своими именами, констатировало в юбилейном номере: «Обстоятельства сложились так, что наш праздник оказался изолированным. Что же, в тесной семье чувствуется теплей». Таким образом газета пришла к благополучному заключению: «...нет худа без добра».

II

После всего сказанного становится понятным то страстное негодование, с которым Ленин писал о легальных русских газетах, посвященных юбилею и полученных им в Женеве во время работы над статьей «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Эта статья особенно ярко характеризует Ленина как великого продолжателя традиций русской классической публицистики и критики, всегда связывавшей литературный анализ с пропагандой общественных идеалов и стремившейся указать читателю пути к преодолению противоречий действительности. Что же касается либеральной прессы, то ее высказывания о Толстом знаменовали полный разрыв с традициями передовой русской критики, измену этим традициям, и выражали стремление отвлечь массы от обсуждения

коренных вопросов действительности и основной задачи времени.

Эта задача была так сформулирована Лениным в статье «К оценке русской революции» (1908):

«Вопрос об оценке нашей революции имеет отнюдь не теоретическое только, а и самое непосредственное, практически-злободневное значение. Вся наша работа пропаганды, агитации и организации непрерывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самыми широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих 3-х лет» (XV, 46).

С точки зрения итогов и уроков революции, ее движущих сил и ее перспектив Ленин подходил и к оценке творчества и учения Л. Толстого. Ленину предстояло от имени революционной России сказать новое слово о Толстом, о его всемирно-историческом значении, ответить на вопрос о том, чем вызываются кричащие противоречия Толстого, какие сильные и слабые стороны русской революции они выражают, предстояло создать такую характеристику Толстого, которая будила бы в читателе стремление к дальнейшей борьбе, научила бы его отделять в творчестве писателя то, что принадлежит настоящему и будущему, от того, что принадлежит прошедшему. Не умалчивая ни об одной из слабых сторон идеологии Толстого, Ленин сумел увидеть всемирно-историческую значимость его творчества. Определение Толстого как «зеркала русской революции» заставляло читателя задумываться над всей сложностью движущих сил революции, над дальнейшими ее путями, над переплетением различных тенденций ее развития. Впервые в истории русской критики и общественной мысли литературно-критическая статья содержала, наряду с глубоким анализом художественного творчества, не общие, а конкретные *программные* указания на реальные пути разрешения тех общественных проблем, которые выдвигались исторической действительностью и которые нашли преломление в творчестве Толстого. Полной ясности и законченности всех положений статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции» способствовало и то, что она предназначалась для нелегального органа, и Ленину, следовательно, не было надобности оглядываться на цензуру и искать формулировок, приемлемых для легальной прессы.

Для того чтобы в дальнейшем выяснить основные принципы статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции», в которой Ленин впервые сформулировал все основные положения своей концепции учения и творчества Толстого, необходимо охарактеризовать некоторые существенные моменты истории ее написания. Моменты эти сводятся к следующему.

1. Как указывалось выше, статья писалась в период работы Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Это устанавливается следующими датами. Над «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленин работал во второй половине 1908 г., закончив книгу в октябре. А первая статья о Толстом была написана между 28 августа (дата юбилея) и 11 сентября (дата опубликования статьи в «Пролетарии»). Основную формулу ленинской статьи следует рассматривать как один из выводов «теории отражения» в применении к литературному творчеству. Уже самое начало статьи, по существу представляющее собою методологическое вступление, показывает на прямую связь ее с кругом идей, разрабатывавшихся Лениным в это время в «Материализме и эмпириокритицизме». Говоря в своей статье о том, что сопоставление имени Толстого с революцией, от которой он явно отстранился, может показаться на первый взгляд странным и искусственным, Ленин, как бы от имени своих оппонентов, задает вопрос: «Не называть же зеркалом того, что очевидно не отражает явления правильно?» Далее Ленин отводит это возможное возражение в следующих словах: «Но наша революция — явление чрезвычайно сложное; среди массы ее непосредственных совершителей и участников есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий. И если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен был отразить в своих произведениях» (XV, 179). В анализе творчества Толстого Ленин руководствовался сформулированными им в «Материализме и эмпириокритицизме» принципами теории познания. В соответствии с этими принципами Ленин не только вскрыл генетическую связь идей и образов Толстого с исторической действительностью, но и осветил

вопрос о правильности отражения Толстым объективных фактов.

2. В период 1905—1908 гг. Ленин написал целый ряд работ, посвященных анализу первой русской революции и ее движущих сил. Содержавшиеся в этих работах характеристики роли крестьянства в революции, а также двойственности утопических форм демократической крестьянской идеологии непосредственно подводили Ленина и к раскрытию отражения этих форм в творчестве Толстого. В этих работах Ленина содержится много мыслей, предшествующих его оценке значения Толстого как идеолога патриархального крестьянства. Изучая уроки 1905—1907 гг., Ленин констатировал, что «...крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века» (XV, 37), что в этот период проявилась «...крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения и до требования конфискации помещичьих земель...» (XV, 37). И в то же время Ленин подчеркивал, что пережитки патриархальной идеологии, благодушие, недостаточная наступательность, политическая наивность значительной части крестьянства были одной из коренных причин поражения революции. О своеобразном сплаве сильных и слабых сторон в крестьянском движении, сплаве, столь близком по своему содержанию противоречивым взглядам Толстого, свидетельствовали также изученные Лениным и неоднократно использованные в его статьях выступления крестьянских депутатов во Второй Государственной думе. Большое значение для оценки Толстого имел ранее разработанный Лениным вопрос о сущности крестьянской идеи равенства и всевозможных планов уравнительности (статья «Сила и слабость русской революции», 1907, см. XII, 311—318, и др.).

3. Наконец, важно также отметить, что в период написания первой статьи о Толстом Ленин вновь перечитывал и изучал сочинения Н. Г. Чернышевского и, в частности, его работу «Эстетические отношения искусства к действительности». Свидетельством этого является, как мы уже

упоминали¹, добавление к § 1 главы IV «Материализма и эмпириокритицизма», где Ленин на основе предисловия Чернышевского для 3-го издания своей диссертации характеризует его отношение к гносеологии Канта.

В полное собрание сочинений Чернышевского, вышедшее в 1906 г. (по этому изданию Ленин цитировал предисловие к «Эстетическим отношениям искусства к действительности»), были включены и его статьи о Толстом. В одной из этих статей, «Утро помещика» (1857), содержится следующий тезис, отличающийся близостью к взглядам Ленина на творчество Толстого, тезис о том, что Толстой с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта крестьян, но и *их взгляд на вещи*. Он умеет переселяться в душу поселянина, — его мужик чрезвычайно верен своей натуре, в речах его мужика нет прикрас, нет риторики, понятия крестьян передаются у графа Толстого с такою же правдивостью и рельефностью, как характеры наших солдат. . . В крестьянской избе он так же дома, как в походной палатке кавказского солдата» (курсив наш. — Б. М.). Здесь впервые в русской критике отмечена эта особенность Толстого, которая лишь в дальнейшем нашла в его творчестве полное развитие и сущность которой смог вскрыть только Ленин. В другой статье «„Детство и отрочество“ и „Военные рассказы“» (1856) Чернышевский развернул тонкий анализ воспроизведения «психического процесса», «диалектики души» в творчестве Толстого, что дало писателю «прочную основу для изучения человеческой жизни вообще, для разгадывания характеров и пружин действия, борьбы страстей и впечатлений». Это положение также было близким Ленину, обнаружившему во взглядах и творчестве Толстого борьбу противоположных тенденций и отметившему постоянное стремление писателя «дойти до корня». Как бы предсказанием дальнейшей судьбы великого писателя является замечание Чернышевского о «нравственном чувстве» в произведениях Толстого. Подчеркивая в качестве особенного достоинства таланта Толстого «чистоту нравственного чувства», Чернышевский, между прочим, указывает: «Самый искренний и правдивый моралист вреден тем, что ведет за собою

¹ См. выше, стр. 280.

десятки лицемеров, прикрывающихся его именем». Обличение Лениным либералов, лицемерными фразами о сочувствии толстовской морали стремившихся заглушить поставленные Толстым острейшие вопросы современности, является подтверждением правильности приведенных выше слов Чернышевского, которые в свое время служили как бы предостережением тогда еще молодому писателю.

Публицистическая заостренность ленинской статьи нашла выражение в самой композиции ее. После краткого методологического вступления следует оценка высказываний легальной русской прессы по поводу толстовского юбилея. Далее Ленин переходит к анализу противоречий Толстого как гениального художника, страстного обличителя общественной лжи и фальши, беспощадного критика капиталистической эксплуатации, врага самодержавия и в то же время проповедника «непротивления злу» насилем. Свою мысль о том, что слабые стороны идеологии Толстого связаны с недостатками крестьянской революционности, Ленин иллюстрирует примерами из практики крестьянских и солдатских восстаний в 1905—1906 гг. И после этого Ленин резюмирует свою оценку Толстого как писателя, который «отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия, — заключает Ленин, — объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании» (XV, 185).

Этот тезис явился основополагающим и для остальных ленинских статей, посвященных Толстому. Однако каждая из последующих статей Ленина о Толстом имеет свою историю и свои особенности.

III

«Умер Лев Толстой...» Этими взволнованными словами начинается вторая из серии статей Ленина, посвященных великому русскому писателю. В атмосфере огромного общественного возбуждения, которое вызвала

во всем мире смерть Толстого, сопровождавшаяся столь трагическими обстоятельствами его ухода из Ясной Поляны, тяжелой болезнью на заброшенной железнодорожной станции, назойливыми попытками синода «примирить» его с церковью, полицейской слежкой за умирающим, лицемерием правительства и прессы, — в этой атмосфере писал Ленин свой некролог, полный горячей любви к художнику, мировое значение которого «...отражает, по-своему, мировое значение русской революции» (XVI, 293). С негодованием писал Ленин о том, что «Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России». В то время как либеральные деятели придумывали всякие паллиативы для более широкого распространения Толстого «среди простого народа», Ленин утверждал: «Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот» (XVI, 293). В то время как либеральные критики и публицисты ограничивали значение Толстого религиозно-нравственной проповедью, Ленин видел это значение в том, что Толстой «... сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования» (XVI, 293—294).

В корректуре ленинской статьи-некролога, хранящейся в архиве ИМЭЛ, она имеет заголовок, так выражающий ее тему: «Значение Л. Н. Толстого в истории русской революции и русского социализма». В «Социал-демократе», газете, издававшейся в Париже, она озаглавлена «Л. Н. Толстой». В этой статье Ленин ставил своей задачей показать великое мировое значение Толстого и значение его наследия для революционного пролетариата. Развивая тезисы своей первой статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции» (1908), он дает в этом некрологе новый образец применения теории отражения к литературному анализу. Рисуя в своих гениальных произведениях дореволюционную Россию, Толстой, по словам Ленина, «сумел поставить... столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в миро-

вой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» (XVI, 293). Отсюда следует, что мировое значение Толстого определяется взаимодействием двух моментов: *значением русской революции*, то есть самих исторических процессов, нашедших отображение в его произведениях, и *высокой эстетической формой*, в которой эти процессы отражены. Великая историческая действительность, явившаяся содержанием творчества Толстого, обусловила и его силу гениального художника. Чрезвычайно важным является также замечание Ленина, что «правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения... социал-демократического пролетариата» (XVI, 295, 296), то есть передового класса, доказавшего во время революции свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и свою преданность делу демократии. Развертывая аргументацию тезиса своей первой статьи о Толстом, как зеркале русской революции, Ленин не ограничивается выяснением генезиса противоречий Толстого, но устанавливает значение его наследия для общественного развития, для современного этапа революционной борьбы. Ленин пишет в своем некрологе о необходимости разъяснения массам значения «...толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и вздыханием о божеющей жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещицкому землевладению...», «...для того, чтобы они... научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком» (XVI, 297). Таким образом Ленин вскрыл революционизирующую роль творчества Толстого, совершенно бесспорную, несмотря на то, что у Толстого «обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат» (XVI, 295). Вполне понятно, что в статье-некрологе основное внимание было

направлено на освещение прогрессивного значения творчества Толстого — национальной гордости русского народа. Но и здесь, в статье, посвященной трагическому событию русской культуры, Ленин дал всесторонний анализ и потрясающе сильных и до парадоксальности слабых сторон творчества и взглядов Толстого. И снова, как в предыдущей своей статье, написанной более двух лет назад, Ленин восстал против фальшивых и лицемерных статей о Толстом, напечатанных в казенной прессе.

«Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах, — писал Ленин. — Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к „великому писателю“ и в то же время защищая „святейший“ синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой „раскаялся“» (XVI, 296).

Лицемерие официозных и полуофициозных газет в отношении к Толстому достигло в эти дни невиданных размеров. Наиболее ярко это лицемерие проявилось, конечно, в «Новом времени» — газете, линия которой по отношению к правительству определялась формулой «чего изволите». 6 ноября в ней появилась сладкая до приторности статья М. Меньшикова «Выход из плена», в которой утверждалось, что «ни государство, ни церковь ничем не возмущили тишины гениальной жизни». В изображении Меньшикова Толстой бежал из мира не от церкви и государства, а «от сектантов религиозных и политических», от «духа революционного ажиотажа», от антигосударственной и антихристианской интеллигенции. По словам Меньшикова, Толстой вообще не был врагом церкви, идеал его заключался в патриархальной верности древним исконным устоям, православию, христианству, «государственности» (то есть самодержавию). Политический смысл этой примечательной статьи становится вполне ясным лишь при учете тех усилий, которые делались правительством и синодом для инсценировки «примирения» Толстого с церковью, «примирения», которое должно было символизировать отказ великого писателя от всех своих «заблуждений». Поэтому легальная пресса с первого же дня ухода Толстого из Ясной Поляны была полна утверждений, будто он ушел от «борьбы

мирских страстей», от «мировой скверны», для «успокоения мятущегося духа», ушел искать... землю обетованную, где в «чистоте хранятся старозаветные правила». О том, что Толстого, «блудного сына», «нельзя считать совершенно погибшим для церкви», газеты сообщили со слов «компетентных лиц» уже 1 ноября. На другой день в печати появились первые отклики официального духовенства на уход Толстого; утверждение архиепископа Арсения о том, что «церковь должна ликовать» по поводу ухода Толстого, перекликалось с мнением об уходе, высказанным В. Розановым («Радостная весть облетела Россию. Все этой вести улыбнулись»), Д. В. Философовым («Останется чистая легенда в смысле личного поступка Толстого поразительной чистоты») и Д. Мережковским («...радость такая и красота ослепляющая, почти невыносимая...»). 3 ноября газеты опубликовали интервью с Парфением Тульским, заявившим, что «Толстой несомненно ищет сближения с церковью», и бывшим тульским викарием Митрофаном, который сказал, что уход Толстого он рассматривает «как акт обратного возвращения его к церкви». Так как оба эти иерарха были лично знакомы с Толстым, то их мнениям газеты пытались придать особое значение. 4—5 ноября было опубликовано сообщение о закрытых заседаниях синода, посвященных вопросу о возможности возвращения Толстого к церкви, и намекалось на имевший место нажим П. А. Столыпина на синод. 6 ноября в отчете о заседании Совета министров уже прямо указывалось, что правительство настаивает на снятии отлучения, но синод противится, ожидая тех признаков раскаяния Толстого, установления которых упорно, но тщетно добивался выехавший в Астапово игумен Оптиной пустыни Варсонофий. Сущность всех этих маскировавшихся печатью интриг между правительством и синодом выболтала с обывательским простодушием «Копейка». 7 ноября в редакционной заметке она сообщила, что правительство, требуя от Синода «решительного примирения церкви с ее лучшим и достойнейшим сыном», совершает «акт мудрой государственной предусмотрительности».

Статья Меньшикова «Выход из плена» являлась подготовкой к тому грандиозному извращению облика Толстого, которое имело бы место, если бы игумену Варсоно-

фию удалось осуществить свою «миссию», целью которой было, как отметил Ленин, «...надуть народ и сказать, что Толстой „раскаялся“» (XVI, 296). О том, что правительство и синод верили в возможность ее успеха, можно было судить и по другим органам черносотенной прессы, где нововременские идеи находили более грубое и откровенное выражение. 5 ноября «Колокол» напечатал статью В. Скворцова «Трагедия больной, раздвоенной души», где Толстой, для которого ранее подбирались слова лишь из жаргона самых отвязавшихся погромщиков, именовался «великим писателем земли русской». «По всему видно, — писала газета, — что граф Л. Н. Толстой находится на пути примирения с церковью». В другой заметке «Газетные хамы», носившей грубо лицемерный характер, эта же газета выступала... на защиту семьи Толстого от обвинения в том, что одной из причин ухода писателя явилась семейная обстановка. 6 ноября в редакционной статье «От кого он бежал» развивается та самая мысль, которая легла в основу статьи Меншикова «Выход из плена»¹. Но в особенности отчетливо позиция реакции выразилась в газете «Русское знамя». Снисходительно замечая по адресу Толстого, что «большому человеку свойственны и большие ошибки», газета призывала его сбросить «великий грех» и «всенародно раскаяться» (статья «О грехе», 6 ноября). А на другой день, когда стала очевидной малая вероятность «раскаяния», эта же газета, взбешенная неудачей инсценировки, напечатала хулиганские вирши «Еретику Льву Толстому», где Толстой именовался «растлителем двух поколений», автором «талантивого вздора», которым он «много и долго служил сатане». Уже не веря в возможность «раскаяния» Толстого, газета, через посредство автора этих виршей, яркого черносотенного погромщика, заклинала писателя «исчезнуть навеки с ученьем своим».

Царское правительство, однако, было благоразумнее, чем те верноподданные круги, которых представляло «Русское знамя». Несмотря на провал предприятия

¹ Наличие в статье «Русского знамени» формулы, аналогичной «Новому времени» («Толстого держит в плену известная революционно-антихристианская клика»), дает основание предполагать, что формула эта была выработана в официальных сферах.

с «раскаянием», оно решило «в интересах государства» продолжать пропаганду фальсифицированного облика Толстого. 9 ноября газеты опубликовали резолюцию Николая II на рапорте министра внутренних дел о смерти Толстого: «Душевно сожалею о кончине великого писателя, воплотившего во времена расцвета своего дарования в творениях своих родные образы одной из славных годин русской жизни. Господь Бог да будет ему милосердным судьей». Резолюция эта явилась директивой не только для правительственной, но и почти для всей легальной прессы, которая, говоря словами Ленина, начала лить «... крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к „великому писателю“ ...» (XVI, 296). Вся эта пресса, следуя формулировке Николая II, сводила значение Толстого главным образом к созданию романа «Война и мир» (в свою очередь извращенно освещавшемуся) и, отвергая все написанное им после «перелома», фарисейски отпускала ему грехи, указывая на «милосердие божье».

«Правительственный вестник» в статье, напечатанной 9 ноября («Граф Лев Николаевич Толстой»), видит выражение «миросозерцания русского народа» в образе Платона Каратаева, а период творческой биографии, последовавший за «Анной Карениной», характеризует как «безграничный религиозный анархизм, полнейшее разрушение государства и общества и возвращение в первобытное состояние». Статья «Правительственного вестника» в особенности любопытна стремлением автора провести аналогию между эволюцией Толстого и фальсифицированного реакционной дворянской историографией Пушкина. «События последних дней показали с большей или меньшей достоверностью, — читаем мы в этой статье, — что Толстой на закате своих дней сознал свою ошибку, почувствовал пустоту в своей душе, которую не могло заполнить все это причудливое учение, и испытал то чувство, которое испытывал Пушкин в последние годы своей жизни, когда писал жене:

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит,

Давно завидная мечтается мне доля —

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальнюю трудов и чистых нег».

Аналогия эта не нуждается в комментариях. И если правительству Николая II не удалось создать легенду о смирившемся Толстом — наподобие существовавшей ранее легенды о «смирившемся» Пушкине, — то заслугу эту следует приписать мощной силе передового общественного мнения, которое сложилось в России в ходе развития пролетарского революционного движения с его влиянием на демократические массы.

Нет необходимости останавливаться на других статьях правительственной прессы. Характеристика ее Лениным в равной мере может быть отнесена и к «России»¹. Быть может, стоит отметить только «Заметки» А. Столыпина в «Новом времени» 9 ноября, которые вероятнее всего имел в виду Ленин, говоря о сочетании в казенной прессе уверений в «уважении» к великому писателю с одновременной защитой синода. В «Заметках», содержащих фразы о «скорби народов», о «дорогом покойнике» и т. д., мы читаем: «Св. синод не мог допустить и не допустил чина православного погребения и заупокойных молитв потому, что этот чин относится непосредственно к „чадам православной церкви“, и к таковым сам Л. Н. Толстой себя не причислял и из общества верующих в то, во что веруют члены церкви, вышел добровольно».

Такова была позиция правительственных газет по отношению к Толстому в дни его ухода и смерти. Не менее лицемерной, хотя и более изощренной тактики придерживалась либеральная пресса. «Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами, — писал Ленин. — Они отделяются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о „голосе цивилизованного человечества“, о „единодушном отклике мира“, об „идеях правды, добра“ и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цензура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике

¹ Статья «Памяти великого писателя», напечатанная в «России» 9 ноября 1910 г., № 1527, по содержанию совпадает с некрологом «Правительственного вестника».

Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая постановка Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени бьет в лицо шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, „цивилизованной“ лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики» (XVI, 296).

Эта характеристика весьма близка к характеристике либеральных писаний о Толстом, которую Ленин дал ранее в статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции». За два года в оценке Толстого как либеральными, так и казенными публицистами почти ничего не изменилось. Недаром «Новое время» 8 ноября 1910 г. перепечатало статью А. Суворина о Толстом, опубликованную в той же газете в 1908 г. И в самом деле, для экономии места и времени можно было бы не давать новых вариантов тех лицемерных фраз, которые произносились в дни 80-летия Толстого. Однако либеральная пресса такие варианты дала. Снова лишенные внутреннего содержания слова о «совести человечества», о «великом богоскателье» — и снова полный отказ от рассмотрения тех вопросов, которые Толстой поднимал в своих произведениях. Весь смысл передовой статьи «Речи» 8 ноября 1910 г. заключался в том, чтобы представить трагическую смерть Толстого не как событие общественно-политического значения, а как акт мистический, предопределенный свыше. «Эта смерть есть освобождение, высшее торжество духа, полная победа свободы. Покойный хотел ее, шел ей навстречу». Статья Д. Мережковского «Памяти Толстого», а также статья на специальную тему «Толстой и церковь», помещенные в том же номере «Речи», доказывали, что Толстой никогда себя от церкви не отделял. В том же духе были выдержаны и траурные номера «Русских ведомостей» и «Современного слова». «Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — „великая совесть“, — писал Ленин. — Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и „Новое Время“ и все ему подобные?» (XVI, 296—297). И действительно, «Новое время» совпадало с «Речью» не только фразеологией, но даже утверждением, что в «смерти Толстого есть нечто прекрасное, исключительное». «Речь» отличалась в освещении смерти Толстого лишь мерой подлости. Конечно, никто,

кроме Меньшикова, не решился в день похорон Толстого сопоставить его как «великого богоискателя» с... Иоанном Кронштадтским. Но реакционную легенду о Толстом с одинаковым рвением создавали и «Речь» и «Новое время».

Если в трактовке Толстого либеральные публицисты не дали ничего нового, то в политической оценке общественного движения, возникшего в связи с его смертью, они отчетливо проявили свое контрреволюционное ренегатство. «Либералы горой за Толстого, горой против синода — и, вместе с тем, они за... веховцев, с которыми „можно спорить“, но с которыми „надо“ ужиться в одной партии, „надо“ работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Вольтынский», — писал Ленин (XVI, 296). Контрреволюционное перерождение русского либерализма нашло выражение, в частности, в отношении к забастовкам, сходкам и уличным демонстрациям, происходившим в связи со смертью Толстого. По этому вопросу либералы оказались в согласии с нововременцами и черносотенными публицистами.

Номер вышедшей в Париже газеты «Социал-демократ» был, по словам Ленина, «уже сверстан» (XVI, 291), когда он получил «петербургские и московские газеты от 12 ноября», сообщавшие о возникших в связи со смертью Толстого антиправительственных демонстрациях и сходках в Петербурге, Москве, Туле, Киеве, Харькове, Варшаве. Особенно внушительные демонстрации произошли в Петербурге. Даже «Русские ведомости», настроенные, как заметил Ленин, «совершенно по-октябрьски», в подборке телеграмм «В Петербурге на улице» не могли не отметить массового характера процессов: «Несмотря на то, что путь на Невском у адмиралтейства был закрыт и на всех углах полиция усиленно фильтровала публику, к началу 1 часа дня на Невском было не менее 10 000 студентов и студенток разных учебных заведений». Демонстрации происходили и в других местах. «Жандармы верхом врезались с шашками в ряды Перинной линии, преследуя убежавших. Но рассеянная толпа собиралась снова в разных местах. Так продолжалось до вечера». На все эти события Ленин откликнулся статьей «Не начало ли поворота?», вставленной в уже сверстанный

номер «Социал-демократа»¹. Откладывая до следующего номера оценку этого «несомненного демократического подъема», Ленин в данной статье сосредоточил свое внимание на отношении разных партий к петербургской демонстрации.

С возмущением писал Ленин о том, какую подлую подножку подставили демократии кадеты — воззванием депутатов кадетов к студентам.

Текст этого воззвания гласил:

«Вчера в 12 час. ночи, в экстренном заседании фракции народной свободы в присутствии представителей фракций прогрессистов, мусульман и беспартийных членов Думы, при обсуждении вопроса о предполагающейся на 11-е число демонстрации учащейся молодежи, единогласно всеми присутствующими было постановлено обратиться к учащимся со следующим воззванием:

Гг. учащиеся высших учебных заведений Петербурга.

Мы, представители вышеупомянутых оппозиционных групп Государственной думы, считаем своим нравственным долгом обратиться к вам нашу горячую просьбу: не устраивать предполагаемой демонстрации.

Мы считаем ее вредной, нежелательной.

Мы призываем вас всячески воздерживать и ваших товарищей от опасных шагов, идущих в руку врагам студенчества и высшей школы.

Пусть скорбные дни национального горя не омрачатся необузданным порывом молодого чувства.

Пусть ваш порыв не послужит поводом для торжества врагов свободы.

Не предавайтесь голосу увлеченных. Остановитесь вовремя!»²

В таком же духе была выдержана и передовая статья номера «Речи», в котором было опубликовано воззвание. В начале ее говорилось об «утрате гения», которым гордится все человечество, о трагизме обстоятельств, при которых умер Толстой. Но вместо анализа этих трагических обстоятельств и их причин газета отделалась общей фразой, что «эти обстоятельства... мы сами давно и упорно

¹ См. т. XVI, стр. 291—292.

² «Речь», 24 (11) ноября 1910 г. № 310.

создавали, уродуя своими шаблонами исключительную индивидуальность». Однако более всего возмутила Ленина «поистине подлая», как он писал, мотивировка призыва прекратить волнения. Стремление демократических кругов русского общества выразить свой протест против так называемых «обстоятельств», сопровождавших смерть Толстого, то есть против всего строя царской России, «Речь» охарактеризовала словами: «... в воздухе пахнет тревогой, напряжением, тяжелой и мутной неизвестностью». Устраивать в связи со смертью Толстого манифестацию означало, по мнению «Речи», «омрачать светлую скорбь», обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти». Так писала кадетская газета, как отметил Ленин, «в чисто-октябристском духе» (XVI, 292). И в самом деле, октябристский «Голос Москвы» также сетовал на то, что «демонстрации толпы» испортили «величественную картину всерусской скорби», восклицая: «Так ли выражают уважение к памяти великого человека?»¹ Характерно, что тактика «Речи» в толстовские дни совпадала с линией не только «Голоса Москвы», но и официальной «России», которая призывала к прекращению демонстраций по тем же самым мотивам необходимости соблюдения тишины как «дани уважения» к смерти писателя. Недаром в Думе черносотенец В. Шульгин одобрительно отметил, что кадеты — «противники демонстраций». Все это свидетельствовало еще раз о трогательном единении либералов и царского правительства, сказавшемся и в отношении к волнениям в толстовские дни. Резкое недовольство и либералов, и октябристов, и крайних правых объяснялось тем, что в этих волнениях обнаруживались признаки нового революционного подъема. Перечисляя в статье «Начало демонстраций» многочисленные факты, показывающие, что «русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции», Ленин указывает также и на то, что «смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок» (XVI, 327).

¹ «В дни скорби» «Голос Москвы», 24 (11) ноября 1910 г., № 260.

Политические демонстрации, вызванные смертью Толстого, были для Ленина симптомом революционного подъема, симптомом нового пробуждения широчайших демократических слоев общества. Для либералов же этот факт был симптомом того, что «общество очень плохо»¹. Так вопрос об отношении к памяти Толстого связывался с вопросом о судьбах русской революции.

IV

Русский пролетариат в своих откликах на смерть Толстого — в демонстрациях, забастовках, телеграммах — выразил величайшее уважение к памяти великого писателя и любовь к его гениальным художественным произведениям. Социал-демократическая фракция III Государственной думы послала в Астапово на имя В. Г. Черткова телеграмму следующего содержания: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого и непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых». Большинство телеграмм, в которых трудовой народ выражал свое отношение к Толстому, было выдержано в таких же тонах. В день смерти Толстого рабочие различных предприятий Петербурга обратились в Государственную думу с требованием почтить его память немедленным обсуждением вопроса об отмене смертной казни. 9 ноября, в день похорон Толстого, в Москве забастовали рабочие на заводах и фабриках Бромлея, Листа, Вестингауза, Менделя, Гивартовского, Рогаткина, Бари и др. В телеграммах, посылавшихся на имя С. А. Толстой и В. Г. Черткова, рабочие подчеркивали в деятельности Толстого его роль великого художника, обличителя лжи и насилия, врага «фарисеев и мракобесов», проповедника «освобождения человечества от вековых пут угнетения и рабства, «борца за идеалы лучшей трудовой жизни».

¹ «Речь», 24 (11) ноября 1910 г., № 310 (передовая).

Ряд фактов свидетельствовал, однако, о том, что в атмосфере народного преклонения перед гением Толстого может иметь успех (даже в некоторых слоях пролетариата) пропаганда либералами реакционных сторон учения Толстого, его теории непротивления злу насилием, представлявшей серьезную опасность для дальнейшего развития революционного движения. Возможность успеха этой пропаганды, которая нередко велась в классово-эгоистических целях, становилась особенно реальной в условиях столыпинской реакции и идейного разброда среди интеллигенции. Наряду с приведенными выше телеграммами и письмами рабочих, правильно оценивавших значение Толстого, были и отклики, говорившие об известном проникновении в рабочую среду идей, принадлежащих к отрицательным сторонам идеологии Толстого. Либеральная пресса тенденциозно выбирала среди множества откликов рабочих на смерть Толстого именно те, которые возвеличивали слабые стороны его учения. Но даже в откликах, печатавшихся на страницах рабочей печати, нередко сказывалось несомненное влияние реакционной легенды о Толстом. Так, например, в том самом номере газеты «Наш путь», где была напечатана статья Ленина «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», встречались телеграммы, в которых Толстой оценивался, как «великий учитель, проповедовавший мир и любовь», «пророк», «проповедник царства божия внутри нас», заветам которого рабочие приглашались следовать. В телеграммах подобного рода многое было созвучно той фальсификации облика Толстого, которой усиленно занимались публицисты и «Речи», и «Русских ведомостей», и даже «Нового времени» вкупе с «Россией». Вопрос о борьбе с проникновением этой фальсификации в широкие народные массы становился все более актуальным.

Вскоре Ленин узнал о новых показательных фактах. В своем извращенном толковании творчества и учения Толстого казенные и либеральные публицисты получили поддержку со стороны ряда бывших социал-демократов. В октябрьском номере журнала «Наша заря», легального органа меньшевиков-ликвидаторов, появились статьи о Толстом, которые, по существу, пропагандировали отказ от революционной борьбы и оправдывали толстовщину. Журнал открывался статьей М. Неведомского

«Смерть Льва Толстого». Вместо оценки отношения различных классов и партий к смерти Толстого «Наша заря» прославляла якобы имевшее место «единство» всех общественных кругов в скорбные дни. Отвлекаясь от конкретных политических и экономических вопросов, поставленных Толстым, игнорируя противоречия в его взглядах, автор статьи утверждал, что толстовская «цельность мирозерцания» и «абсолютная последовательность» являются противовесом всякому «скепсису и критицизму». «Вобрав в себя, — говорилось в этой статье, — и воплотив в законченном виде основные aspirations и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести*»¹. Столь выпяченно выраженная мысль об отсутствии каких бы то ни было противоречий в мировоззрении Толстого развивалась и конкретизировалась в статье В. Базарова «Толстой и русская интеллигенция», напечатанной в той же десятой книжке «Нашей зари». Статья Базарова представляет собою, в сущности, скрытую полемику против ленинских статей о Толстом². Именно по адресу Ленина направлены слова Базарова о несправедливости «резкой критики» Толстого «со стороны радикальной интеллигенции». Прямым возражением Ленину является и следующее утверждение: «...идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству, и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами». Базаров, призывая «учиться у Толстого», заявлял, в противовес Ленину, что «непротивление злу насилием или, общее, гармония средств и цели... есть необходимая составная часть всякого цельного мирозерцания».

Главную силу Толстого Базаров видел в том, что он, «пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез»

¹ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 7.

² Имени Ленина Базаров не назвал, повидимому, потому, что ленинские статьи, опубликованные до выхода в свет десятого номера легальной «Нашей зари», появились в нелегальной прессе.

и создал «чисто человеческую религию» «не только для себя, но и для других». В своем стремлении представить одинаковым значение Толстого для различных социальных слоев Базаров дошел до утверждения, что хлопоты «духовных и светских администраторов» о примирении писателя с церковью были вызваны их пониманием «нравственного обаяния одинокого человека Толстого и его чисто человеческого учения». Заканчивалась статья призывом «каждому из нас» учиться у Толстого, «к какому бы обществу принадлежали»¹.

Сложившаяся ситуация заставила Ленина обратить особое внимание на необходимость усиления пропаганды марксистской, научной оценки творчества Толстого: нужно было объяснить широким массам опасность тех сторон его идеологии, за которые либералы и меньшевики объявили Толстого «великой совестью» и «учителем жизни». Вот почему Ленин в статьях, последовавших за рассмотренными выше работами («Лев Толстой, как зеркало русской революции» и «Л. Н. Толстой»), уделяет больше внимания отграничению взглядов Толстого от идеологии революционного пролетариата и разъяснению практического вреда, который может принести революции всякая попытка идеализации учения Толстого, всякая попытка оправдания его «непротивленства». Пропаганда в массах марксистского истолкования творчества и учения Толстого становилась, таким образом, задачей непосредственного политического разоблачения либерального извращения его творчества. Ленин написал специально для массового рабочего читателя две статьи: «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» (напечатана в полулегальной московской газете «Наш путь», предназначенной для профсоюзов) и «Л. Н. Толстой и пролетарская борьба» (напечатана в «Рабочей газете», популярном органе большевиков, издававшемся в Париже). Обе статьи конкретизируют и развивают мысли, высказанные Лениным ранее. В первой из статей Ленин характеризует значение и своеобразие толстовской критики современных порядков и указывает на ее отличие от критики тех же порядков у «представителей современного рабочего движения» (то есть у большевиков). Поскольку статья эта была пред-

¹ «Наша заря», 1910, № 10, стр. 48, 49, 51, 52.

назначена для полулегальной газеты, Ленин был вынужден избегать некоторых формулировок и терминов, которые имеются в его работах о Толстом, опубликованных ранее в нелегальных газетах (например, Ленин избегает здесь самого термина «революция» или «революционная борьба»). Но Ленин, хотя и в более общей форме, довел до рабочего читателя свою оценку Толстого. Во второй статье отмежевание учения Толстого от идеологии революционного пролетариата проводится еще резче. «Только тогда добьется русский народ освобождения, — писал Ленин, — когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата» (XVI, 324). Кроме краткой характеристики Толстого, статья содержит указание на то, что идеализация толстовщины либералами имеет преднамеренный характер. Призывая «весь русский народ» изучать Толстого для того, «чтобы идти вперед», Ленин пишет: «Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого „общей совестью“, „учителем жизни“. Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как „учителе жизни“, повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы» (XVI, 324).

«Бывшие социал-демократы» — это, несомненно, В. Базаров и М. Неведомский. В данной статье Ленин не назвал их имен. Но их лжи о Толстом Ленин посвятил особый фельетон «Герои „оговорочки“» (журнал «Мысль», 1910, № 1). Композиционным стержнем фельетона является суммирование всех оговорок, содержащихся в ликвидаторской «Нашей заре» (редакция оговаривает свое несогласие «с отдельными положениями» статьи Базарова, хотя дело в самой сути ее, а не в отдельных положениях, Потресов оговаривается, что не согласен с махистами, хотя защищает их¹, Мартов оговаривается, что не вполне согласен с Потресовым, и т. д.). Характеризуя в своем фельетоне ликвидаторов как «героев „огово-

¹ Ленин подразумевал здесь «Критические наброски» А. Потресова, напечатанные в «Нашей заре», 1910, № 4, стр. 89—98.

рочки"», Ленин показывает их перекличку не только с либералами, но и с участниками сборника «Вехи». Статья Ленина была напечатана в первом номере *легального* большевистского журнала «Мысль», и поэтому он не смог оперировать здесь многими партийно-политическими терминами¹. По существу же разоблачение Лениным ликвидаторских писаний о Толстом было одним из проявлений борьбы за развертывание революционного движения. В отвлеченных, казалось бы, рассуждениях Базарова на «модную литературную тему» Ленин зорко подметил стремление отвлечь внимание от конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые выдвигались в произведениях Толстого и сохранили свою актуальность для современности. Поддержка легенды о «монолитности» Толстого и найденном им «синтезе», игнорирование сильных сторон творчества Толстого, признание учения о непротивлении злу «составной частью всякого цельного миросозерцания» — все это, как показал Ленин, знаменовало собой уход ликвидаторов «в лагерь поворачивающих вспять», что, при переводе этих слов с эзоповского на обычный политический язык, означало измену революции. Замечание Ленина о том, что фразеология Базарова являлась вполне достойной «Нового времени», опиралось на тот факт, что статьи нововременцев Суворина и Меньшикова о Толстом также были переполнены фразами о «великой совести» и «общечеловеческой религии». Перекликался Базаров и с официозной «Россией», которая приглашала читателя «следовать заветам Толстого», то есть, «отбросив временное», обратиться к тому, чтобы «неуклонно и неустанно совершенствоваться в себе внутреннего человека»².

¹ В одном месте своего фельетона Ленин подчеркивает невозможность в данной статье вести открытый политический спор. Касаясь главного и наиболее вредного тезиса Базарова о полной приемлемости идеи «непротивления злу», Ленин замечает: «Разбирать его рассуждения мы здесь не можем. . .» и ограничивается репликой: «. . . это — чистейшая веховщина»; характерно для стиля подцензурной статьи Ленина и то, что он прибегает здесь к иносказанию, метафоре («Задача дня — копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского миросозерцания и надстроек, сему миросозерцанию соответствующих») (XVI, 341, 343).

² А. Агов. Гр. Л. Н. Толстой. «Россия», 9 ноября 1910 г., № 1527.

Тот факт, что толстовский номер «Нашей зари» был рассчитан на распространение среди демократических читателей и что пропаганда слабых сторон взглядов Толстого становилась все более активной, заставило Ленина подробнее охарактеризовать их социальную функцию. В статье «Л. Н. Толстой и его эпоха», где констатируется, что «веховские» идеи «заразили даже часть почитай-что марксистов», самый термин «реакционный» впервые употреблен Лениным в характеристике учения Толстого (термин этот, разумеется, относится здесь не к субъективным устремлениям писателя).

Статья эта как бы подводит итоги изучения Лениным творчества Толстого. В ней Ленин обстоятельно развивает свою концепцию, подкрепляя ее ссылками на произведения Толстого и фактами из истории общественного развития в России и в других странах. Идеи Толстого, выраженные в его произведениях, рассматриваются Лениным здесь с точки зрения и происхождения и роли их. Ленин показывает, что учение Толстого не «индивидуальное нечто», не «каприз» и не «оригинальничанье». Оно порождено определенной эпохой истории человечества, как идеология «...условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени» (XVII, 32).

Исключительное значение в этой статье имеют замечания о характере критики Толстым капиталистического строя, о взаимоотношении критических и утопических элементов в социализме Толстого, о связи толстовского аскетизма и учения о «непротивлении злу насилием» с идеологией «азиатского строя», конец которой не только в России, но и во всем мире был ознаменован событиями 1905 г.

Статья «Л. Н. Толстой и его эпоха», содержащая ряд выдержек из произведений Толстого, дает возможность раскрыть круг материалов, которыми пользовался Ленин, изучая творчество писателя. Сверка приведенных Лениным в этой статье цитат с различными изданиями сочинений Толстого позволила установить, что Ленин пользовался не только Собранием сочинений Толстого, но и нелегальными зарубежными изданиями его произведений¹.

¹ В своей статье Ленин перечислил заглавия, назвал томы и привел даты написания цитируемых им сочинений Толстого, но не ука-

Таковы основные моменты творческой истории статей Ленина о Толстом и такова была литературно-политическая обстановка в период написания их. Независимо от акцента, который Ленин делал в той или иной из своих статей, независимо от обстоятельств создания каждой из них, стержнем всего цикла ленинских статей является проблема: *Лев Толстой и русская революция*. Методологическое и историко-литературное обоснование Лениным тезиса о Толстом как зеркале русской революции по-новому освещает всю эволюцию Толстого, его связи с традициями демократической русской литературы и общественной мысли, его роль в борьбе различных литературно-политических направлений. Через все статьи Ленина о Толстом проходит стремление защитить творчество Толстого от опошления его либерально-буржуазными и меньшевистскими литераторами. Для дооктябрьской литературной историографии было характерно гипертрофированное внимание к отрицательным элементам идеологии Толстого. В исследованиях и статьях о нем преобладала отвлеченно-моралистическая трактовка его учения и творчества. Ленин был первым исследователем, который, на основании глубокого анализа исторической действительности и ее преломления в творчестве Толстого, установил генетическую связь прогрессивных его сторон с революционными настроениями крестьянства. Хотя Толстой и отрицал революционные методы, роль его в разжигании ненависти масс

зал, какими именно изданиями он пользовался. Для читателя указания эти не имеют значения, обычно в газете ссылки и не делаются. Для исследователя же, разумеется, важно знать точно, какие именно издания были в руках у Ленина. Используемые Лениным цитаты совпадают по нумерации страниц с пятым изданием сочинений Толстого (точное название: Сочинения графа Л. Н. Толстого. Издание пятое. Москва 1886, части I—XI). Кроме того, Ленин цитировал зарубежное издание статьи «Рабство нашего времени» (издание «Свободного слова», № 43, 1900) и сборник «О смысле жизни», мысли Л. Н. Толстого, собранные Владимиром Чертковым, с предисловием В. и А. Чертковых (изд. «Свободного слова», № 56, 1901). «Крейцера соната» цитировалась Лениным, по видимому, по одному из нелегальных гектографированных экземпляров 1889 г., ибо в других изданиях этого произведения приведенной Лениным цитаты нет.

к старому порядку несомненна. Толстой «не понял» революции. Но «... среди массы ее *непосредственных совершителей и участников* (курсив наш. — Б. М.) есть много социальных элементов, которые тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий» (XV, 179). Подтверждением того, что Ленин высоко ценил революционное содержание творчества Толстого, может служить даже неполная сводка ленинских высказываний на эту тему. В первой же статье о Толстом Ленин указал на прямую связь творчества Толстого с *революционной* настроенностью масс: «Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, — это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному „христианскому анархизму“, как оценивают иногда „систему“ его взглядов» (XV, 183—184). Неправильно было бы полагать, что Ленин считал Толстого — выразителем идеологии лишь совершенно пассивного, целиком отстранившегося от участия в революционной борьбе крестьянина. Нет, Ленин четко сформулировал свое определение роли Толстого: он «... поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — *черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость*» (XVI, 294; курсив наш. — Б. М.). Крестьянские массы, идеологию которых выразил Толстой, уже прислушались к исторической деятельности, участвовали в революции, но действовали еще недостаточно наступательно, с сомнениями и колебаниями. Политическая ограниченность патриархального крестьянства, отраженная Толстым, была плодом противоречивых условий дореволюционной эпохи, но сказывалась и в период революции 1905—1907 гг. наряду с мощью массового крестьянского протеста, запечатленного Толстым с необычайной рельефностью.

В творчестве Толстого после «перелома» Ленин отмечал «...замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши...», беспощадную критику капиталистической эксплуатации, «...разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс...», «...самый трезвый реализм, срыванье всех и всяческих масок» (XV, 180). «...Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе»; «...он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования» (XVI, 293—294). «Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении „дойти до корня“, найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян...» (XVI, 302). Воспитательное значение творчества Толстого Ленин ставил очень высоко и считал, что только социалистический переворот создаст возможность сделать «...его великие произведения действительно достоянием *всех*...» (XVI, 293). В статье «Толстой и пролетарская борьба» Ленин снова вернулся к вопросу о значении Толстого для пролетариата. «Изучая художественные произведения Льва Толстого, — писал он, — русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения» (XVI, 324). Конечно, при этом необходимо разъяснять реакционность толстовского учения о непотвлении. Но не это учение и не толстовский аскетизм определяли значение Толстого в трактовке Ленина. И если Ленин в некоторых из своих статей уделял преимущественное внимание анализу слабых сторон Толстого, то это, как мы видели, было обусловлено

специфическими условиями политической и литературной борьбы.

Связь творчества, учения, всей совокупности взглядов Толстого с идеологией крестьянства охарактеризована Лениным в точных, законченных формулировках: «Толстой велик, как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России» (XV, 183); «В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения» (XVI, 294); «Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними» (XVI, 323). Таким образом Толстой, согласно концепции Ленина, — выразитель идей и настроений многомиллионных масс русского крестьянства кануна революции 1905—1907 гг.

Эти ленинские характеристики можно проиллюстрировать в настоящее время рядом высказываний Толстого, извлеченных из его писем и дневников, которые ранее не публиковались и потому оставались неизвестными Ленину. Некоторые из этих высказываний писателя поражают своей близостью к приведенным выше ленинским формулировкам. Наиболее разительны в этом отношении строки из письма Толстого В. В. Стасову 18 октября 1905 г.: «Я во всей этой революции состою в звании доброй и самовольно принятого на себя адвоката 100-миллионного земледельческого народа. Всему, что содействует или может содействовать его благу, я сорадуюсь, всему тому, что не имеет этой главной цели и отвлекает от нее, я не сочувствую»¹. «Я смотрю снизу от 100 миллионов», — заявил он еще ранее, в 1901 г., в одном из своих писем². И этот «взгляд снизу» действительно соответствовал взгляду дореволюционного крестьянина не только в основном, но и в деталях, — во всем, что было связано со стремлением ликвидировать «вековую несправедливость», «ве-

¹ «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», «Прибой», Л. 1929, стр. 378.

² Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, т. IV, М. — Л. 1923, стр. 26.

ликий грех частной поземельной собственности». С возмущением писал Толстой о земельном рабстве, о том, что «основное зло, от которого страдает русский народ, точно так же как народы Европы и Америки, есть лишение большинства народа несомненного, естественного права каждого человека пользоваться частью той земли, на которой он родился», — что для русского крестьянства вопрос «только в том, как не умереть с семьей от голода», ибо у него нет земли, и что в России всячески стараются «разными заплатами, паллиативами замазать, замаять, обойти» «главную, стоящую на очереди уничтожения не только в России, но и во всем мире старую, жестокую, очевидную, вопиющую несправедливость»¹. О людях, которые, владея «сотнями, тысячами, десятками тысяч десятин, торгуя землями», живут «роскошно, благодаря задавленности народа»², — Толстой отзывался со страстной ненавистью безземельного, нищего крестьянина. «Земельный вопрос, — утверждал он в 1905 г., — дошел в настоящее время до такой степени зрелости, до которой дошел вопрос крепостного права 50 лет тому назад»³. Все средства «смягчить зло», которые дебатировались в печати и Думе, — путем выкупа через банки и т. д., — Толстой категорически отвергал, требуя полной передачи земли народу. Подобно наивному патриархальному крестьянину, он измерял всякие политические преобразования единственным критерием — земельной собственностью и отвергал буржуазную демократизацию государственного строя, потому что в якобы «свободных» землях Европы и Америки «земля продолжает быть собственностью богачей»⁴.

Революция 1905—1907 гг. доказала на множестве примеров, что идеи Толстого, своеобразие сильных и слабых сторон его взглядов были свойственны значительным слоям трудового крестьянства. С наибольшей яркостью это может быть продемонстрировано на выступлениях де-

¹ «Великий грех» (1905). Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 219 (в дальнейших ссылках указывается сокращенно: Юбилейное издание).

² Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 36, стр. 228.

³ Там же, стр. 229.

⁴ «Конец века» (1905). Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 36, стр. 259.

путатов-крестьян во II Государственной думе, внимательно изученных Лениным (в частности, в процессе работы над книгой «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов») В этих выступлениях как раз и отразились те слабые и сильные стороны крестьянского движения, о которых писал Ленин, характеризуя творчество и учение Толстого. Депутаты-крестьяне в своих речах выражали веками накопленную ненависть к помещикам, стремление до основания уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать государство свободных и равноправных крестьян. И в то же время речи депутатов отличались прямо-таки толстовской политической наивностью, бессознательностью, свойственной патриархальной деревне мягкотелостью, непониманием путей борьбы за действительное освобождение. Это противоречивое сплетение разноречивых идей, запечатленное в стенограммах заседаний Государственной думы, настолько напоминает соответствующие места из художественных и публицистических сочинений Толстого, что кажется иногда прямым их пересказом.

Вот, например, что говорил малограмотный крестьянин А. И. Семенов, депутат II Государственной думы, на одном из ее заседаний:

«Горькая беда заключается именно в тех интересах крестьян, которые страдают целый век без земли. Двести лет они ждут, не упадет ли с неба для них добро, но оно не падает. Добро находится у господ крупных землевладельцев, которые с нашими дедами и отцами достали эту землю, между тем как земля есть божья, а не помещичья... Я прекрасно понимаю, что земля принадлежит всему трудовому народу, который на ней трудится... Нет, господа, довольно собирать сокровища да хранить по карманам, надо жить по существу. Страна разберется, господа, я понимаю все прекрасно, мы — честные граждане, мы политической не занимаемся, как говорил один из предшествовавших ораторов... Они (помещики. — Б. М.) только ходят да пузо себе понажирали с нашей крови, с наших соков. Мы вспомним, мы их не будем так обижать, мы и им земли дадим. Если посчитать, то у нас придется на каждый двор 16 десятин, а гг. крупным землевладельцам еще остается по 50 десятин... Тысячи, миллионы народа страдают,

а господа пиршествуют... а как военная служба, мы знаем: захворал — „у него земля есть на родине“. Да где же его родина? Да родины совсем нет. Родина есть только, что он по спискам стоит, где он родился, и записано, какой он религии, а земли у него нет. Теперь я говорю: меня народ просил, чтобы церковные, монастырские, казенные, удельные и принудительно отчужденные помещичьи земли передать в руки трудового народа, который на ней будет трудиться; и на места передать: там они разберутся. Я вам скажу, что народ меня послал, чтобы требовать земли и воли и полной гражданской свободы; и мы будем жить и не будем показывать, что те барины, а те крестьяне, а будем все люди и будем каждый на своем месте барином»¹.

Характеризуя выступления крестьян в прениях по аграрному вопросу во II Думе, Ленин отметил в них «... живость воспоминаний о крепостном праве», ключом быющую «... ненависть к помещикам и к помещичьему государству» (XIII, 365). И в самом деле: крестьянин Киселев с едким сарказмом говорит об октябристах, что они «до сих пор тоскуют и вздыхают о крепостном праве», и, обращаясь к этим «непрощенным благодетелям», восклицает: «Довольно, господа пастыри... Довольно, нам нужны не пастыри, а вожди, которых мы сумеем найти и помимо вас, с ними мы найдем дорогу и к свету, и к правде, найдем дорогу и к обетованной земле»². Крестьянин Нечитайло под возмущенные возгласы правых заявил: «Эти земли, которые принадлежат народу, — нам говорят: покупайте их. Разве мы — приезжие иностранцы?.. Мы народ здешний, с какой стати мы должны покупать свои земли? Они нами уже десять раз обработаны кровью, потом и деньгами»³. Крестьянин Киринос выступил с еще более резкими обличениями помещиков: «Господа дворяне, вы думаете, мы не знаем, когда вы нас на карту ставили, когда вы нас на собак меняли? Знаем, это была все ваша священная, неприкосновенная собственность... Украли у нас (землю. — Б. М.)... Крестьяне, которые посылали

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты, 1907. Сессия вторая, т. I, СПб. 1907, ст. 1930—4.

² Там же, ст. 1947.

³ Там же, ст. 780.

меня, сказали так: земля наша, мы пришли сюда не покупать ее, а взять. . .»¹

Мысли о том, что «право на землю, — это право на труд. . . это неотъемлемое право каждого человека»², что землей должен владеть каждый, «кто на ней трудится, прикладывает к ней свой труд, лелеет и любит ее»³, ссылки на евангелие, попытки «правительство учить», наивная вера в то, что можно, «не занимаясь политикой», решить все «по справедливости»⁴, — все это мы находим в публицистических и художественных произведениях Толстого. Любопытно, что даже пропаганда Толстым решения земельного вопроса по Генри Джорджу отражала иллюзии мелкого крестьянства и находила сторонников в народе.

В III Государственной думе депутат от Вятской губернии крестьянин Кропотов, выступая по аграрному вопросу, предложил: «Чтобы быть справедливым, нужно обложить единственным (то есть единым. — Б. М.) налогом землю, и тогда она окажется у трудящихся масс, и тогда будет несправедливо: кто не хочет работать, тот не будет платить».

Комментируя это выступление в статье «Аграрные решения в III Думе» (1908), Ленин писал:

«Сколько неиспытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи! Желая избегнуть „принудительного отчуждения“, Кропотов *на деле* предлагает меру, которая равняется *конфискации* помещичьих земель и национализации *всей* земли! Что „единственный налог“ этого сторонника учений Джорджа равносителен национализации всей земли, этого Кропотов не понимает, но что он передает действительные стремления *миллионов*, — в этом не может быть и тени сомнения» (XV, 285). Толстой, как известно, активно пропагандировал теорию Генри Джорджа, с которой он впервые познакомился в 1855 г.⁵ Наивно веря в то, что теория Джорджа

¹ Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты, 1907. Сессия вторая, т. I, СПб. 1907, ст. 1144.

² Там же, ст. 1974.

³ Там же, ст. 1914.

⁴ Там же, ст. 1932, 1974.

⁵ Джордж, Генри (1839—1897) — автор книги «Прогресс и бедность», буржуазный американский экономист, предлагавший для освобождения земли от частной собственности ввести «единый налог» с ценности земли. Этот налог, по мысли Джорджа, должен отобразить

будто бы явится «прочным фундаментом будущего экономического строя», Толстой писал о ней в ряде статей: «Великий грех» (1905), «Письмо крестьянину о земле» (1905), «Единственно возможное решение земельного вопроса» (1906) и др. Идею введения единого налога как средства к «освобождению земли» Толстой вводил и в художественные произведения (см., например, в «Воскресении» разговор Нехлюдова с крестьянами о теории Джорджа). В письмах Николаю II (1907), а затем П. А. Столыпину (1907) Толстой пытался уговорить царя и его министра осуществить земельную реформу по Генри Джорджу. Эти попытки, разумеется, были обречены на полный провал. Приведенное выше ленинское замечание о сущности защиты теории Джорджа в речи крестьянина Кропотова помогает осмыслить и конкретное историческое содержание взглядов Толстого на решение земельного вопроса.

Если совлечь с взглядов Толстого на земельный вопрос «идеологическое облачение», то революционно-демократическое содержание их станет несомненным. Осуществление указанных идей Толстого на практике привело бы к конфискации и национализации всей земли с вытекающими отсюда для политического строя России последствиями. Толстой не понимал этого, так же как и крестьянин Кропотов.

По словам Ленина, Толстой «... сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования» (XVI, 293—294). Следовательно, значение Толстого состоит прежде всего в отражении настроений крестьянской демократии, а не в религиозной, нравственной проповеди. Именно демократическое содержание взглядов и творчества Толстого должно быть в центре внимания историков литературы, а не открытые Толстым новые рецепты спасения человечества, выражающие «... как раз самую слабую сторону его учения» (XV, 183).

«в пользу общества» весь «незаработанный» доход (ренту) при уничтожении всех других податей и налогов. О сущности теории Джорджа см. в письме Маркса к Зорге от 20 июня 1881 года и в сочинениях Ленина (см. XVIII, 147).

Ленинский тезис о том, что идеология Толстого находилась в тесной зависимости от настроений крестьянских масс, выдвигает в качестве одной из первоочередных проблем литературоведения изучение общественно-политических взглядов великого писателя. До сих пор, однако, политические взгляды Толстого не изучались, ибо внимание литературоведов привлекали главным образом те места из статей Ленина, где он говорил о толстовском отстранении от политики. Но, как показал Ленин, это отстранение явилось одним из выражений противоречивости Толстого и, разумеется, не исчерпывало содержания даже его публицистических статей.

«Острая ломка всех „старых устоев“ деревенской России, — писал Ленин, — обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него...» (XVI, 301). И в самом деле, на протяжении десятков лет Толстой многократно предсказывал приближение общественного переворота, хотя он не понимал действительного его содержания и не принимал тех форм, в которых переворот этот должен был осуществиться. Предчувствие «великих перемен», «огромных переворотов», выражавшееся Толстым сначала в формах смутных и неясных, с течением времени становилось более определенным. Его суждения на политические темы полностью подтверждают формулу Ленина о том, что Л. Толстой как художник и мыслитель сложился в период между 1861 и 1905 гг.

Политические интересы Толстого после «крестьянской реформы» отражали стремление крестьянской демократии к полной ликвидации крепостничества. Именно это пронизывает его мечтания о «перевороте», какое бы отвлеченно моралистическое содержание в самое понятие переворота он ни вкладывал.

В период, когда все яснее становилось, что после реформы «...крестьяне вышли „на свободу“ ободренные до нищеты...» (Ленин, XVII, 65), что «либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков...» (XVII, 96), — в этот период молодой Толстой отмечает в своей записной книжке, что русская революция может быть основана лишь на идее «общественного устройства без поземельной собствен-

ности» и что именно в этом заключается «всемирно-народная задача России»¹.

1878 г. Толстой пишет Страхову, что дело В. Засулич — «не шутка. Это первые члены из ряда, еще нам непонятного; но это дело важное... это похоже на предвозвестие революции»².

1885 г. Период глухой реакции, идейного разброда и неверия интеллигенции в возможность каких-либо перемен, ее увлечения худшими сторонами «толстовства». Однако в одном из писем Толстой пишет: «... У нас все благополучно и очень тихо. По письмам вижу, что и у вас также и во всей России и Европе также. Но не уповай на эту тишину. Глухая борьба против анковского пирога³ не только не прекращается, но растет, и слышны уже кое-где раскаты землетрясения, разрывающего пирог. Я только тем и живу, что верю в то, что пирог не вечен, а вечен разум человеческий»⁴.

1891 г. Период усиления крестьянских волнений. В сентябре Толстой записывает в дневник: «Неужели люди, теперь живущие на шее других, не поймут сами, что этого не должно, и не слезут добровольно, а дождутся того, что их скинут и раздавят?»⁵

1892 г. В связи со своей работой по помощи голодающим Толстой заявляет, что ему «мучительно видеть то унижение и развращение», до которого народ доведен⁶; «копаясь во внутренностях народа», он увидел, что жизнь не может продолжаться по-старому и что «дело подходит» к развязке⁷.

В предреволюционные годы ощущение близости и закономерности грозных событий нарастает у Толстого все

¹ Н. Н. Гусев. Толстой в расцвете художественного гения, М. 1927, стр. 33.

² «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПб. 1914, стр. 159.

³ Шуточное выражение, употреблявшееся в семье Толстого для обозначения материального благополучия.

⁴ Письмо Толстого к Т. А. Кузьминской 17 октября 1885 г. Цитировано у Бирюкова, т. III, стр. 41.

⁵ Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, стр. 453.

⁶ «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», СПб. 1914, стр. 441.

⁷ «Вестник Европы», 1915, кн. III, стр. 23.

с большей и большей силой. В 1902 г. это ощущение было выражено им в следующих словах: «Если бы больные неизлечимо чахоткой, раком знали свое положение и то, что их ожидает, они не могли бы жить, — так и наше правительство, если бы понимало значение всего совершающегося теперь в России, они — правительственные люди — не могли бы жить»¹. А 1 декабря 1904 г. Толстой сделал в дневнике следующую запись: «Существующий строй до такой степени в основах своих противоречит сознанию общества, что он не может быть исправлен, если оставить его основы; так же, как нельзя исправить стены дома, в котором садится фундамент. Нужно весь, с самого низа, перестроить. Нельзя исправить существующий строй с безумным богатством и излишеством одних и бедностью и лишениями масс... Нельзя всего этого исправить конституциями, всеобщей подачей голосов, пенсией рабочим, отделением государства от церкви и тому подобными пальятивами»².

В различных статьях 1905—1907 гг. Ленин неоднократно указывал, что революция способствовала росту политической сознательности самых различных слоев русского общества. Являлся ли Толстой исключением из этого общего правила, не пошатнула ли революция толстовскую мораль, его принципиальную аполитичность? Известно, что Толстой до конца жизни в своих писаниях и беседах с современниками подчеркивал свое равнодушие к политике. Но, говоря словами Ленина, вместе с тем и он не мог не волноваться «происходящим теперь в России, не думать о войне и о революции...» (IX, 181). Об этом свидетельствуют не только написанные Толстым в период революции статьи, но и его собственное заявление о том, что мнение о якобы свойственной ему аполитичности является неправильным³.

В своих оценках происходивших в 1905—1910 гг. политических событий Толстой вновь и вновь обнаруживал демократизм своих политических взглядов. Эти оценки переплетаются с типичными для Толстого заявлениями

¹ Бирюков, т. IV, стр. 73.

² Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 104.

³ Генеромо. Толстой о Думе. «Биржевые ведомости», 30 июля 1908 г., № 10631.

о том, что моральное самоусовершенствование — единственный путь изменения действительности. Но любопытны именно те суждения Толстого, которые прорывались сквозь традиционную для «толстовства» мораль.

Эволюция взглядов Толстого в 1905—1907 гг. является ярчайшей иллюстрацией слов Ленина о влиянии революционных событий на людей, которые «...отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий» (XV, 179). Вовлечение в революцию огромных народных масс не могло не отразиться на взглядах Толстого, вопреки его демонстративному отстранению от нее. И в статьях Толстого 1905—1906 гг., которые он стремился выдержать в духе своей морали, проскальзывало не раз понимание закономерности происходившей революции. «Всякая революция, — писал Толстой в статье «Конец века» (1905), — начинается тогда, когда общество выросло из того мировоззрения, на котором основывались существующие формы общественной жизни, когда противоречие между жизнью, какая она есть, и той, какая она должна и может быть, становится настолько ясным для большинства людей, что они чувствуют невозможность продолжения жизни в прежних условиях»¹. Исходя из того, что в нынешнем 1905 г. нигде «противоречие это не чувствуется так резко, как в русском народе», Толстой готов был приветствовать революцию, а иногда даже был почти готов признать правоту революционеров в их борьбе с царским правительством², если бы они... не действовали революционными методами и ограничились бы «прекращением повиновения» властям без вооруженной

¹ Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 36, стр. 238.

² Ср. в «Обращении к русским людям» (1906) следующие слова Толстого, адресованные правительству: «Верно или неверно определяют революционеры те цели, к которым стремятся, они стремятся к какому-то новому устройству жизни; вы же желаете одного: удержаться в том выгодном положении, в котором вы находитесь. И потому вам не устоять против революции с вашим знаменем самодержавия, хотя бы и с конституционными поправками, и извращенного христианства, называемого православием, хотя бы и с патриархатом и всякого рода мистическими толкованиями. Все это отжило и не может быть восстановлено» (Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 36, стр. 304). Но, переходя далее к революционерам, Толстой вновь и вновь «обличает» их с обычной для него религиозно-нравственной точки зрения, тем самым резко ослабляя значение своей критики царского правительства.

борьбы. И тут начиналась та полемика с революционерами с позиций религиозно-нравственного учения, которая по своему общественному значению была реакционной в точном и прямом смысле этого слова. Но если в своих статьях Толстой стремился придать своему сочувствию начавшейся революции специфический характер, догматически трактуя ее в духе своей морали (это становится особенно ясным при изучении истории написания и правки им этих статей), то в его письмах и дневниках периода революции и в беседах, записанных современниками, его отношение к происходившим событиям носит более непосредственный характер. Здесь он зачастую подходит к оценке революции не как религиозно-нравственный проповедник, а как историк, стремящийся постигнуть объективную закономерность всего происходящего. 1905 год повысил у Толстого интерес к изучению европейских революций и русского революционного движения в прошлом. Он читает и перечитывает труды французских историков, посвященные революции XVIII века, литературу, связанную с историей декабризма, сочинения Герцена.

30 ноября 1905 г. он пишет В. В. Стасову: «События совершаются с необыкновенной быстротой и правильностью. Быть недовольным тем, что творится, все равно, что быть недовольным осенью и зимой, не думая о той весне, к которой они нас приближают»¹.

Размышления о русской революции в сравнении с французской революцией XVIII века находят отклик в его дневниковой записи от 29 июня 1905 г.: «Как французы были призваны в 1790 году к тому, чтобы обновить мир, так к тому же призваны русские в 1905»². Годом позже, когда величие и размах происходившего движения стали еще более очевидными, Толстой писал американскому писателю Э. Кросби: «Преступления и жестокости, совершающиеся в России, ужасны. Но я твердо уверен, что эта революция будет иметь для человечества более значительные и благотворные последствия, чем Великая французская революция»³.

¹ «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», «Прибой», Л. 1929, стр. 386.

² Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 151.

³ Там же, стр. 413—414.

Любопытны попытки Толстого найти в ходе революции 1905—1907 гг. элементы, которые соответствовали бы его устремлениям — достигнуть изменения общественного строя не методом революционного насилия, а путем пассивного отказа от повиновения властям и «неучастия» в мероприятиях, связанных с защитой существовавшего порядка. Если еще в 1903 г. Толстой считал стачку занятием неплодотворным, то в июне 1904 г., в период резкого обострения политических противоречий в стране и усиления стачечной волны, он замечает: «...нет причин не сочувствовать стачке, если она не нарушает основ христианской веры, как нельзя не сочувствовать всяким средствам, содействующим освобождению людей»¹. Забастовочное движение периода первой революции и Толстой и некоторые его приверженцы наивно рассматривали как осуществление толстовской идеи о «пассивном неучастии». В. В. Стасов писал Толстому 1 ноября 1905 г.: «...приходило или нет вам в голову, что все нынешнее торжественное освобождение России от самодержавия, деспотизма векового и безобразия постыдного происходит — по завету никакому иному, как В а ш е м у?» и далее Стасов утверждает, что новая Россия освобождается от бедствий «остановкой своей деятельности, своим неучастием», «своим отказом»². В письме 18 сентября 1906 г. Стасов вновь замечает, что «забастовка всего государства» и есть «обращенный на деятельность народную» толстовский «закон» непротivления, и называет русскую революцию «толстовской»³. Характерно, что в ответе на это письмо Стасова Толстой, понимая нелепость подведения всей революции под этот «закон», отрицательно отзываясь о роли в ней пролетариата и положительно — о «пассивном неучастии» «ста миллионов мужиков-земледельцев». «Уничтожит насилие старого режима, — пишет Толстой, — только неучастие в насилии, а никак не новые и нелепые насилия, которые делаются теперь»⁴.

Подтверждение правильности и жизненности своих идей о «неучастии» и пассивном бойкоте Толстой видел

¹ Бирюков, т. IV, стр. 87.

² «Лев Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906», «Прибой», Л. 1929, стр. 382.

³ Там же, стр. 407—408.

⁴ Там же, стр. 411.

В так называемом «гурийском движении». В 1905 г. крестьяне Гурии проводили бойкот правительственных учреждений, организовали революционное самоуправление. Будучи односторонне информирован о только «мирном» характере этого опыта, Толстой горячо пропагандировал «гурийское движение»¹. Но 27 марта 1905 г., как раз через два дня после окончания статьи «Как освободиться рабочему народу?», где сочувственно упоминалось о гурийском движении, Толстой получил письмо от одного из своих корреспондентов с указанием на то, что «бойкот» гурийцев далеко не носит характер простого «неучастия». «Вся Гурия, от мала до велика, сейчас настроена революционно, готова хоть сейчас взбунтоваться и ждет только, что предпримет русский рабочий народ. . . Гурийцы поступали с властями, губившими их, по закону Моисея — „око за око, зуб за зуб“»².

Иллюзии, которые Толстой питал в силу своей политической наивности, буржуазная печать Запада пропагандировала с сознательной политической целью. И недаром Ленин с таким негодованием писал об одной статье во французской газете «Le Matin», где утверждалось, что в России «нет предместья св. Антония» (рабочий квартал Парижа) и что народ «склонен не выходить на улицу, а сидеть дома, протестовать по-толстовски отказом от платежа податей»³. В ответ на это Ленин с гордостью писал о революционном народе: «Народ проливает свою кровь по всей России. В ряде городов, в массе деревень растут у нас свои „предместия св. Антония“. Народ ведет отчаянную борьбу» (VIII, 539).

¹ Горячие отзывы Толстого о гурийском движении см. в дневниках Толстого 1905 г. (Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 119), в статье «Как освободиться рабочему народу?» (1905) и в письме к И. П. Накашидзе, опубликованном в № 16 «Свободного слова» за 1905 г.

² Письмо И. П. Накашидзе Толстому от 27 марта 1905 г., хранящееся в рукописном отделении Всесоюзной Публичной библиотеки им. Ленина (см. Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 495).

³ См. статью Ленина «Буржуазия торгуется с самодержавием, самодержавие торгуется с буржуазией», т. VIII, стр. 538—540. Цитированные нами слова Ленина резюмируют характеристику русской революции и корреспонденции Гастона Леру «L'agitation en Russie», напечатанной в «Le Matin» 3 июля 1905 г., № 7799.

Повидимому в связи с вопросом о бойкоте как таковым Толстой заинтересовался и статьей Ленина «Против бойкота», написанной 9 июля (26 июня) 1907 г. Речь в ней шла о применении тактики бойкота на выборах в III Думу: Ленин был против бойкота, считая необходимым использование думской трибуны в интересах революционной агитации¹. В этой статье Толстой мог найти близкие ему самому мысли о «конституционном» низкопоклонстве либералов, о том, что в 1905 г. «... монархически-конституционный поворот истории был не более, как полицейским посулом» (XIII, 19). Ленин писал в этой статье, что «... „конституция“ I и II Думы есть только призрак», что «болтовня кадетов только отвод глаз для прикрытия их октябристской сущности», что «Дума — совершенно негодное средство для удовлетворения требований пролетариата и крестьянства» (XIII, 26). Такого рода характеристика Думы, конституции и либералов могла вызвать у Толстого только сочувствие, — однако пометки (отчеркивание) в данной брошюре показывают, что внимание Толстого остановилось здесь на проблеме бойкота вообще как своеобразного средства политической борьбы². Толстого, повидимому, заинтересовало, как соотносится его понимание сущности бойкота с пониманием Ленина. Разумеется, ленинская трактовка была прямо противоположна трактовке Толстого. Различие их точек зрения Толстой мог усмотреть хотя бы в следующих словах Ленина: «Речь идет везде в тексте об активном бойкоте, т. е. не о

¹ Статья напечатана в брошюре «О бойкоте третьей Думы», М. 1907, находившейся в личной яснополянской библиотеке Толстого. Брошюра печаталась в нелегальной петербургской типографии, но для придания ей легального вида на обложке была указана вымышленная «типография Горизонтова» в Москве. По определению Спб. судебной палаты брошюра подлежала уничтожению. Сведения о брошюре даны в научном описании яснополянской библиотеки, хранящейся в Толстовском музее.

² В статье Ленина Толстым отчеркнуты следующие строки, содержащие постановку вопроса об исторических условиях применения бойкота: «Социал-демократ, стоя на почве марксизма, выводит бойкот не из степени реакционности того или иного учреждения, а из наличности тех особых условий борьбы, при которых, как показал уже теперь опыт и русской революции, применимо своеобразное средство, называемое бойкотом» (стр. 2 брошюры, ср. Ленин, XIII, 4).

простом отстранении от участия в предприятиях старой власти, а о натиске на эту власть. Читателям, незнакомым с с.-д. литературой эпохи бойкота булыгинской Думы, надо напомнить, что с.-д. прямо говорили тогда об *активном* бойкоте, решительно противопоставляя его пассивному бойкоту, даже более того: решительно связывая активный бойкот с вооруженным восстанием» (XIII, 10). Толстой же придерживался в революции как раз тактики пассивного бойкота и выступал против вооруженной борьбы. Таким образом, Толстой и в период 1905—1907 гг. оставался чуждым тактике революционного пролетариата.

Но в то же время несомненно, что по ряду основных политических вопросов периода революции мнения Толстого носили подлинно демократический характер. Ему были чужды конституционные иллюзии, он не верил в возможность каких-либо отвечающих чаяниям народа мероприятий как правительства, так и либеральной буржуазии. Прочитав манифест 17 октября, Толстой сказал: «В нем ничего нет для народа»¹. По поводу Государственной думы он публично заявил, что она производит впечатление «комичное, возмутительное и отвратительное»², а в письме к английскому писателю Давидсону Моррисону заметил о Думе: «Я надеюсь, что этот обман скоро откроется всем и что мы, русские, будем искать других путей»³.

Верность, с которой Толстой отобразил настроения крестьянской демократии, нашла выражение и в его отношении к русскому либерализму. Ленин охарактеризовал это отношение в следующих словах: «...каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончи-

¹ Д. Маковицкий. Яснополянские записки, запись 23 октября 1905 г. «Голос минувшего», 1923, кн. 3, стр. 27.

² Ю. Беляев. У Льва Николаевича Толстого. «Новое время», 16 июня 1906 г., № 10867. Известно, что статья была просмотрена Толстым в корректуре и одобрена им.

³ Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, стр. 683.

вой, „цивилизованной“ лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики» (XVI, 296).

В другой статье Ленин, как мы уже упоминали, отметил, что «...русский либерал ни в толстовского бога не верит, ни толстовской критике существующего строя не сочувствует», но «...примазывается к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал, чтобы разыграть роль вождя общенациональной оппозиции...» (XV, 180).

Гениальность ленинской характеристики идеологических позиций Толстого в полной мере раскрывается при изучении новых биографических материалов — писем, дневников, записных книжек самого писателя и воспоминаний о нем. Эти материалы свидетельствуют о том, что Толстому еще до «перелома» было свойственно недоверие к либералам, перешедшее затем в презрение и ненависть. Отмеченное Лениным постоянное стремление Толстого «дойти до корня» помогало ему вскрывать подлинную сущность русского либерализма. «Либеральная подковырка» — этим выражением Толстой любил характеризовать различные проекты и декларации либералов.

Во всех случаях, когда либералам приходилось говорить об отношении к ним Толстого, они отделялись общими фразами о «великой совести» и ссылками на «особенную природу великого старца», который далек в достижении «великой цели» от «обычных шаблонов»¹. Подлинная история взаимоотношений Толстого и либералов говорит о том, что причины расхождения между Толстым и либералами и его враждебного отношения к ним носят, как и отметил Ленин, политический характер. Кадетские публицисты, желая объяснить отказ Толстого от сотрудничества с ними, ссылались обычно на его общеизвестное отрицание политической деятельности вообще. Однако факты показывают, что Толстой презирал либералов за их компромиссность, лицемерие, фразерство и говорил о полном равнодушии народных масс к их деятельности. Не считая политическую деятельность практически полезной, Толстой все же в эпоху революции проявил полное пони-

¹ Такова, например, статья кадета кн. Д. Ю. Шаховского «Толстой и русское революционное движение». «Минувшие годы», 1908, сентябрь, стр. 313—314.

мание того, что либерал и революционер чрезвычайно далеки друг от друга. В его дневнике 1905 г. мы читаем: «...либералы не имеют ни смирения консерваторов, ни готовности жертвы революционеров, а имеют эгоизм, желание спокойствия первых и самоуверенность вторых»¹.

В период революции 1905—1907 гг. Ясная Поляна стала местом, куда либералы нередко наведывались с вполне определенными целями. В ряде мемуаров, достоверность которых в литературе о Толстом не подвергается сомнению, рассказывается о политических спорах, которые велись в доме Толстого до ожесточения². Либералы старались привлечь Толстого на свою сторону, чтобы, как говорил об их тактике Ленин, «приумножить свой политический капитал» (XV, 180). Здесь бывали видные либералы, в том числе и те самые, которых Ленин упоминал в своих статьях, неоднократно обвиняя их в компромиссности, в стремлении к сделке с царем и в измене интересам народа: И. И. Петрункевич, один из организаторов партии кадетов, участник депутатии к Николаю II 19(6) июня 1905 г., член I Государственной думы; князь Петр Долгоруков, также член центрального комитета этой партии и член I Государственной думы; М. А. Стахович, кадет, один из учредителей «Союза освобождения», член II Государственной думы. Атаки на позиции Толстого с целью привлечь его на сторону либералов разбивались о его твердое убеждение, что в происходившей кампании за конституцию «...ничего похожего нет, чтобы отстаивать интересы народа», что «...если в России перемят форму правления, то выберут в президенты какого-нибудь Петрункевича, а Петрункевич и К⁰ не выше царя». «Петрункевича возможность стать министром непременно приведет к компромиссам»³. Либералы разнообразными

¹ Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 175.

² См. в особенности «Яснополянские записки» врача Толстого Д. П. Маковицкого, вып. I—II, изд. «Задруга», М. 1922, а также продолжение этих записок в журнале «Голос минувшего», 1923, кн. III; Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым, изд. Толстовского музея, М. 1927; А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М. 1922. Эти воспоминания ценны воспроизведением разговоров и бесед с Толстым, в которых, разумеется, он более свободно высказывал свои взгляды, чем в печати.

³ Д. Маковицкий. «Яснополянские записки», вып. I, стр. 65 (запись 2 января 1905 г.).

путями пытались использовать авторитетное имя Толстого. В их среде возникла даже мысль о том, чтобы Толстой присоединил свою подпись к петиции по поводу конституции и лично передал ее Николаю II. Но все разговоры о конституции, ходатайствах и петициях Толстой неизменно сводил к земельному вопросу. По поводу деятельности кадета Долгорукова в дни либеральных банкетов Толстой заметил: «У Долгорукова 12 000 десятин, и он агитирует в пользу конституции, хотя прекрасно знает, что лучше было бы ему отдать мужикам землю. Им руководит тщеславие, и 99 процентами других — то же»¹.

В годы, когда Ленин неустанно разоблачал предательство кадетами интересов крестьян, разъясняя в своих статьях, что «... кадетская аграрная политика есть по существу дела помещичья политика» (XII, 298), Толстой придерживался аналогичных взглядов на роль кадетов. В воспоминаниях секретаря Толстого Н. Н. Гусева приводится следующая запись беседы Толстого в феврале 1908 г.: «— Мне хотелось, — сказал Л. Н., — для русских людей выставить, что земельный вопрос теперь то же, что вопрос об освобождении крестьян 40 лет назад. И совершенно такое же отношение. Я не знаю, — скажите, пожалуйста, какой взгляд у кадетов на земельный вопрос?

П. рассказал. Выслушав его, Л. Н. помолчал и сказал:

— Вам, молодым, нельзя этого делать, а я, старик, я стараюсь развивать в себе к этим людям — страшно сказать — не презрение, а полное равнодушие к тому, что они говорят, точно так же, как и к тому, что говорит Столыпин»².

¹ Д. Маковицкий. «Яснополянские записки», вып. I, стр. 47 (запись 24 декабря 1904 г.). В другом месте своих записок Маковицкий пишет: «... Петр Долгоруков, когда был в Ясной Поляне, говорил: «Это удивительная вещь, как Лев Николаевич не хочет нас слушать».

² Н. Н. Гусев. Два года с Л. Н. Толстым, М. 1912, стр. 37. Резкость этого отзыва, где либерализм отождествляется со столыпинщиной, очевидна, внешняя же сдержанность его объясняется обычными для Толстого моралистическими соображениями. Толстому не раз приходилось сдерживать свое негодование по отношению к либералам. В его дневнике 24 сентября 1906 г. есть запись: «Написал ядовитое письмо в ответ на запрос о приезде англичан, и рад, что не послал». Письмо это — ответ Толстого на приглашение принять участие в приеме английской делегации, которая должна была приехать в Россию для передачи адреса б. председателю Государственной думы. Толстой, повидимому разгадавший политиканский смысл

С этим именно подходом Толстого к оценке позиций либералов связано его утверждение, что либералы «... не имеют никаких средств заставить царя отказаться от власти» и что агитация в пользу конституции — лишь пустые разговоры, так как правительство «даст лишь то, что захочет дать», а «если господа захватят власть, то земли они от них не получают». Именно поэтому Толстой с такой последовательностью отвергал все попытки либералов использовать его имя в каких бы то ни было политических целях.

Резко отрицательное отношение к либералам совмещалось у Толстого с уверенностью в бесполезности политической деятельности вообще и верой в возможность решения крестьянского вопроса путями, по существу, утопическими. Разумеется, Толстой при этом ошибался. Но, подобно тому, как отмеченные Лениным монархические и конституционные иллюзии крестьянства или мечтания о «божьей земле», нередко парализовавшие энергию масс в период революции 1905—1907 гг., не снимают тезиса о революционно-демократическом характере чаяний крестьян, точно так же и слабые, утопические, реакционные стороны взглядов Толстого не должны затемнять его роли как страстного обличителя жестокости и деспотизма самодержавия, пропагандиста уравнительного землепользования.

VII

Постановка Лениным вопроса о Толстом как художнике и мыслителе, который поразительно рельефно воплотил в своих произведениях после «перелома» «... черты исторического своеобразия всей первой русской револю-

этой очередной шумихи либералов, написал в ответ на приглашение следующий ответ секретарю комиссии по устройству приема англичан: «То событие, которое вы считаете очень важным, представляется мне не только неважным, но и пустым и вредным, так как оно отвлекает людей от серьезных мыслей и дел, особенно нужных в наше время. Считаю же я это событие пустым потому, что ожидаемые г-да Смиты и Джонсы так же мало могут быть признаны представителями английского народа, как и те Ивановы и Петровы, которые будут встречать их и говорить им речи, могут быть признаны представителями русского 150-миллионного народа» (Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 561).

ции. . .» (XVI, 294), связана с ленинской концепцией подготовки буржуазно-демократической революции в России в 1861—1904 гг. и с характеристиками ее идеологов. Ленинские характеристики Толстого, с одной стороны, и революционных демократов 60-х гг., с другой, содержат ряд общих моментов, которые влекут за собой новую постановку вопроса о взаимоотношении взглядов Толстого и демократов-шестидесятников. Толстой был крупнейшим русским писателем XIX и начала XX века, отстаивавшим крестьянскую идею равенства мелких производителей на основе передачи земли крестьянам и полной ликвидации крепостнических порядков. Идея уравнительности, будучи реакционной с точки зрения задач пролетарской революции, оставалась в 1905—1907 гг. революционной, как выражение буржуазно-демократических задач. «. . .Идея равенства, — писал Ленин в 1907 г., — является самой революционной для крестьянского движения идеей не только в смысле стимула к политической борьбе, но и в смысле стимула к экономическому очищению сельского хозяйства от крепостнических пережитков» (XII, 317). Защита этой идеи, наряду с резким отрицанием всех связанных с крепостничеством форм государственного устройства, весьма существенна для идеологии Толстого, и ее необходимо иметь в виду при изучении *объективного соотношения* взглядов Толстого — «зеркала русской революции» — со взглядами революционных демократов. Известно, что Ленин говорил о возможных двух путях решения в России аграрного вопроса — демократическом, с уничтожением помещичьего землевладения и переходом всей земли к крестьянам, — и антидемократическом, с сохранением помещичьего хозяйства и новым закабалением крестьян. Борьба первой и второй тенденций, как отмечал Ленин, отразилась во всей истории политического освобождения России, начиная с 1861 г. Толстой, при всех его слабостях и противоречиях, должен быть отнесен по своим общественно-политическим и экономическим воззрениям к лагерю защитников первого пути развития России, — и не только своей близостью народным массам и враждой к либералам, но и *реальным* революционно-демократическим содержанием своих взглядов на земельный вопрос. Это реальное содержание, конечно, не лежит на поверхности идеологии Толстого. Оно облечено в эклектические

формы моралистической проповеди, рассуждений о нравственности, апелляций к «духу», защиты идей примитивного коммунизма и т. д. и т. п. Для того чтобы это *реальное* историческое содержание обнаружить, необходимо следовать ленинской методологии, необходимо смотреть на суть дела, а не на фразы, исследовать классовую борьбу как основу теорий и учений, а не наоборот. И если совлечь с идеей Толстого «добрые мечтания», облакающие их действительный практический смысл, то становится очевидным: в борьбе демократической и либеральной тенденций в русской буржуазной революции Толстой являлся выразителем первой тенденции, тем самым объективно приближаясь *этой стороной* своей идеологии к революционной демократии 60-х годов. Вполне естественно, что П. Б. Струве, выражая позиции русского либерализма в крестьянском вопросе, отвергал страстно защищавшуюся Толстым идею национализации земли. Упрекая Толстого в подмене задачи «внутреннего» «духовного освобождения» «всякими „национализациями земли“», Струве отстаивал ту же линию, что и либералы периода крестьянской реформы 1861 г.¹

Чернышевский отразил чаяния крестьянства иначе, с несравненно большей идеологической чистотой, чем Толстой — выразитель идей политически еще не определенной, стихийной крестьянской демократии. Несмотря на утопические элементы идеологии Чернышевского, который «...мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину...» (XVII, 97), он, *в отличие* от Толстого, сознательно и последовательно пропагандировал «...идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (XVII, 97). Его взгляд на русскую общину не перерастал в противопоставление России Западной Европе, он не отрицал известных прогрессивных результатов западно-европейских буржуазных революций в общем ходе исторического развития. Кроме того, деятельность Чернышевского, в отличие от Толстого, протекала в период, когда

¹ См. статью П. Струве. Роковые вопросы (по поводу статьи Л. Н. Толстого «Неизбежный переворот»). Впервые напечатана в «Русской мысли», 1909, кн. X. Перепечатана в сб. статей Струве «Paŕtiotica», СПб. 1911, стр. 556—563.

пролетариат еще не был организован, а демократическая и социалистическая тенденции еще не размежевались между собой. Таким образом, глубокое *принципиальное* различие между идеологией Толстого и Чернышевского (даже если выделять в ней *только* отношение к крестьянству) очевидно. Но, несмотря на это различие, Толстой теми сторонами своей идеологии, которые отражали настроения широчайших масс крестьянства накануне первой русской революции, объективно все же связан с традициями русской революционной демократии. Указание на крайнюю противоречивость позиций Толстого в буржуазной демократической революции не снимает этого заключения, ибо первая русская революция явление чрезвычайно сложное. Среди массы «непосредственных совершителей и участников» революции было, как отметил Ленин, много социальных элементов, которые, подобно Толстому, «тоже явно не понимали происходящего, тоже отстранялись от настоящих исторических задач, поставленных перед ними ходом событий» (XV, 179). Непонимание Толстым революции и его отстранение от нее, таким образом, не снимает вопроса о внутренней связи его взглядов с идеологией буржуазно-демократических участников революции.

В своем анализе творчества Толстого Ленин исходил из анализа объективного отражения в его произведениях существенных сторон действительности и соответствия его взглядов крестьянской идеологии. Такой подход к изучению Толстого диктует необходимость нового анализа истоков его мировоззрения. Выяснение отношений Толстого к революционной демократии 50—60-х гг. после ленинских статей о нем не может исчерпываться ссылками на его личную враждебность к Чернышевскому и кругу «Современника» или же на комедию «Зараженное семейство». Бесспорно, на отношении Толстого к революционно-демократической интеллигенции 50—60-х гг. сказались «следы барского влияния», о котором говорил Некрасов. Однако, несмотря на ряд весьма существенных, принципиальных моментов, отличающих идеологию Толстого от идеологии классиков революционно-демократической мысли, связь его с ними во многих отношениях является несомненной. Расходясь с демократами-шестидесятниками по вопросу о *методах* уничтожения частной соб-

ственности на землю, Толстой был единомышлен с ними в *стремлении* к этому идеалу. Еще в 1865 г. он записал для себя: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общественного устройства без поземельной собственности... Русская революция только на ней может быть основана»¹. А уже после «перелома», читая в 1889 г. роман Слепцова «Трудное время», Толстой заметил: «Да, требования были другие в 60-х гг. И оттого, что с требованиями этими связалось убийство 1-го марта, люди воображали, что требования эти неправильны. Напрасно. Они будут до тех пор, пока не будут исполнены»². Так Толстой выражал свое отношение к шестидесятникам в тех случаях, когда он не прибегал к «идеологическому облачению» своих взглядов. Характерно, что революционные демократы видели в творчестве Толстого много родственного. Разве не свидетельствует об этом утверждение Чернышевского, что Толстой с замечательным мастерством воспроизводит не только внешнюю обстановку быта крестьян, но, что гораздо важнее, «их взгляд на вещи»? На оценки демократами-шестидесятниками творчества Толстого не могли оказать влияние моменты личных их отношений.

Известно, что в 1856 г. Толстой написал Некрасову письмо, в котором выразил свое несогласие с «отрицательным направлением» «Современника» и резко отозвался о Чернышевском. Но это не могло определить отношение Некрасова к Толстому как писателю. В том же году, несколькими месяцами позже, Некрасов пишет, что он любит в Толстом «великую надежду русской литературы, для которой Толстой уже много сделал и еще больше сделает, когда поймет, что в нашем отечестве роль писателя есть, прежде всего, роль учителя и по возможности заступника за безгласных и приниженных»³.

Но именно эту цель и ставил перед собой и по-своему осуществлял Толстой в своей литературной деятельности. Толстой глубоко ошибался, отрицая революционное наси-

¹ Запись в записной книжке 13 августа 1865 г. (Н. Н. Гусев. Толстой в расцвете художественного гения, изд. Толстовского музея, М. 1927, стр. 33).

² Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, стр. 414.

³ Альманах «Круг», кн. 6, М. 1927, стр. 202.

лие, но его теория «непротивления» не была продиктована какими-либо эгоистически классовыми интересами, которые были свойственны либералам, сознательно стремившимся использовать ее в борьбе против народных интересов. В своем творчестве Толстой до конца сохранил ту «чистоту нравственного чувства», о которой Чернышевский писал еще в статье 1856 г. Пониманием высокого общественного призвания писателя был обусловлен перелом всего мирозерцания Толстого, перелом, о котором Ленин сказал: «По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь» (XVI, 301).

Обличение Толстым патриархального варварства, беззакония, общественной лжи, его убеждение, что причина отсталости России «заключается в подлости нашего дворянства и вообще высших классов»¹, его заявления, что ему ненавистна «мерзость житейского разврата — напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах»², — все это заставляет в анализе истоков ряда существенных моментов деятельности Толстого обратиться к литературе революционной демократии. И когда Александр III в своей записке 1887 г. по поводу пьесы «Власть тьмы» назвал Л. Толстого «чисто нигилистом» (термин, в употреблении реакционеров приближающийся к понятию революционера-демократа), то он имел на это больше оснований, чем полагали либералы, считавшие подобные «обвинения» «ничем не обоснованными».

Почему же, однако, Толстой, взгляды которого выражали не только слабость, но и мощь первой русской революции и который в *критике* современных порядков аргу-

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М. 1922, стр. 63.

² «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», СПб. 1911, стр. 163.

ментировал почти как социалист, отстранился от нее? В статьях Ленина мы находим ответ и на этот вопрос. Протест Толстого против надвигающегося капитализма порожден не современным рабочим движением и не учением научного социализма, а восстававшей против надвигающегося капитализма, против разорения и обезземеления масс патриархальной деревней. Это объективная сторона вопроса¹. Но имеется в нем и субъективная сторона. Толстой при свойственных ему противоречиях «...не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции...» (XV, 183). Вот почему теория научного социализма не только мало интересовала Толстого, но даже как-то им не усваивалась. Политическую экономию как науку он полностью отрицал. Его пометки, сделанные на полях одного из томов «Капитала» Маркса, поражают своей наивностью². И классики, и враги марксизма — вульгаризаторы, ревизионисты — воспринимались им как представители единого учения. Источниками для ознакомления с марксизмом для него в равной степени служили и одна из статей Энгельса о Марксе и в корне искажающая марксизм статья П. Струве в 36 полутоме Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона³. Сталкиваясь

¹ Именно поэтому Толстой сочувствовал в революции только тому, что отвечало насущным стремлениям крестьянских масс. В 1904 г. он заметил в своем дневнике: «Главная ошибка в понимании социализма то, что смешивают под этим понятием две вещи: а) борьба с эксплуатацией капитала и б) воображаемое движение к осуществлению социалистического строя. Первое — полезное и естественное дело, второе — невозможное, фантастическое представление» (Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 66—67). Любопытно сопоставить эту мысль Толстого с характеристикой Лениным речей революционных рабочих и революционных крестьян во второй Думе. «Крестьянин делает сейчас, немедленно *свою*, буржуазную, революцию, не видя противоречий внутри ее, не допуская мысли о таких противоречиях. Рабочий социал-демократ видит их и, ставя себе всемирно-социалистические цели, *не может* связать судьбу рабочего движения с исходом буржуазной революции» (XIII, 366). Напомним, что крестьяне, защищавшие в Думе идею уравнительного землепользования, так же как и Толстой, не понимали ее объективной буржуазно-революционной сущности.

² См. С. Брейтбург. Л. Толстой за чтением «Капитала» Маркса. «Звенья», т. V, 1935.

³ См. Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, стр. 744.

с людьми, только лишь называвшими себя марксистами, а на деле являвшимися буржуазными либералами, Толстой без особого труда побеждал их в теоретических спорах. И это еще более укрепляло его скептическое отношение к учению научного социализма¹. В тех случаях, когда Толстой обращался к произведениям классиков марксизма, он искал в них только подтверждения тех или иных своих положений. Так, критикуя капиталистическую цивилизацию, Толстой обратился к Марксу за дополнительной аргументацией. С этой целью Толстой, работая над статьей «Рабство нашего времени», ввел в текст ее следующую цитату из «Капитала»: «С развитием капиталистического производства во время промышленного периода общественное мнение Европы потеряло последние остатки стыда и совести. Нации стали цинически хвалиться всякой мерзостью, которая была средством для капиталистического накопления»². Однако цитата эта, содержащаяся в черновой редакции статьи, в белой текст не попала: Толстой счел, повидимому, невозможным присоединиться к Марксу даже в той части его критики капитализма, которая вызывала его сочувствие.

К оценке научного социализма Толстой подходил с позиций, которые исключали самую возможность понимания основ этого учения. Как отметил Ленин, «...горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю» (XVI, 295). В настоящее время можно дополнить известные Ленину суждения Толстого неоконченной статьей «О социализме» — последней статьей писателя, над которой он работал неза-

¹ В дневнике А. Б. Гольденвейзера 28 марта 1897 г. записано: «Был у Толстых. Там был С. Н. Булгаков — марксист. Л. Н. был в ударе и очень горячо, страстно спорил с Булгаковым, яро отстаивавшим свои марксистские положения. Диалектика Л. Н-ча одержала верх, и Булгаков аргументировал к концу все слабее и слабее» (А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, т. I, М. 1922, стр. 7—8). Насколько Булгаков был «марксистом», показывает его дальнейшая эволюция в сторону мистицизма, закончившаяся, как известно, принятием сана священника.

² Л. Толстой. Неизданные тексты, М. — Л. 1933, стр. 364—365.

долго до смерти¹. Основной тезис статьи является обычным для Толстого: всякая жизнь должна строиться на основании «одного для всех людей закона жизни, провозглашенного с древнейших времен и Браминами, и Буддой, и Лао-Тце, и Сократом, и Христом, и Марк Аврелием, и Эпиктетом, и Руссо, и Кантом, и Эмерсоном, и Чанингом, и всеми религиозно-нравственными мыслителями человечества». И рядом со столь разнообразным перечнем имен находится утверждение, на самом деле достойное «патриархального, наивного крестьянина, а не европейски-образованного писателя». Толстой заявляет, что законы, «по которым изменяется экономическая жизнь народов», вообще «никто не может знать». Развивая эту мысль, он пишет, что человек «может находить и устанавливать посредством наблюдений и рассуждений законы движения небесных тел, жизни растений, а также и животных, но никак не может подводить свою жизнь и жизнь себе подобных существ, обладающих разумом и волею, под законы, выведенные из наблюдения над внешнею жизнью человечества»². Таким образом, уже само отрицание возможности изучения закономерностей общественного развития обусловило непонимание Толстым научного социализма. Вот почему он и относил социализм к области утопических, абсолютно неосуществимых мечтаний. В своей полемике с революционерами Толстой исходил из опыта буржуазных революций Запада, которые, по его глубоко проницательной оценке, заменили феодальных Чингисханов — Чингисханами «не только с телеграфами, но с конституцией, с двумя палатами, прессой, политическими партиями *et tout le tremblement*»³, то есть заме-

¹ Впервые опубликовано в 1936 г. в 38-м томе юбилейного издания полного собрания сочинений Толстого. Поводом к написанию ее послужило письмо, полученное Толстым от редакции чешской газеты «Mladé Proudy» с просьбой принять участие в сборнике «социалистических и народно-экономических статей». Толстой начал писать эту статью в конце сентября 1910 г. и продолжал работу над ней и в течение октября. Толстой был недоволен ею («пустая статья», «очень ничтожно»), но интересовался этой темой и после ухода из Ясной Поляны. Резкая оценка статьи, идеи которой были обычными для Толстого, повидимому, вызвана его духовным кризисом, обострившим противоречия его мировоззрения.

² Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 38, стр. 426—427.

³ Там же, стр. 162.

нили одну форму эксплуатации народа другой. Как выразился Ленин, буржуазный строй рисовался Толстому «в виде пугала — Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой „Англии“, связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально» (XVII, 30). Будучи глубоким критиком капитализма, Толстой так и не смог подняться в своих теоретических обобщениях до понимания будущих форм социалистического общества, противоположных не только строю старой патриархальной России, но и всякому иному антагонистическому строю.

Итак, научный социализм остался чуждым Толстому. Но это не означает еще, что Толстой вообще не был социалистом. «Учение Толстого, — писал Ленин, — безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов» (XVII, 32). Эти элементы заключались прежде всего в критике Толстым основ и феодального и капиталистического строя. Социализм Толстого Ленин рассматривает в ряду систем утопического социализма. Приведенная выше формулировка Ленина связана со следующей характеристикой Марксом и Энгельсом утопического социализма: «... в этих социалистических и коммунистических сочинениях содержатся также и критические элементы. Эти сочинения нападают на все основы существующего общества. Поэтому они дали в высшей степени ценный материал для просвещения рабочих»¹. В характеристике Толстого Ленин, желая отграничить научный социализм от утопических систем, сослался на самый факт существования различных социалистических учений, в том числе на феодальный социализм, но не ограничил социализм

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии, Госполитиздат, 1948, стр. 94.

Толстого рамками феодального социализма¹. На основании той классификации социалистической литературы, которая дана в «Манифесте коммунистической партии», можно установить, что в идеологии Толстого сочетаются элементы различных социалистических учений. С феодальным социализмом его связывают, в частности, элементы христианского аскетизма², с критически-утопическим социализмом — проповедь грубой уравнительности, апелляция «ко всему обществу без различия», отказ от всякого революционного действия и стремление к достижению своей цели «мирным путем», попытки «силой примера проложить дорогу новому общественному евангелию»³. Но наиболее близок Толстой по объективному содержанию своих идей к мелкобуржуазному социализму. Представители его, как указывают Маркс и Энгельс, «...в своей критике буржуазного строя прикладывали к нему мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку». Этот социализм остроумно вскрывал «противоречия в современных производственных отношениях», «неопровержимо доказал разрушительное действие машинного производства», «неравенство в распределении богатства», «разложение старых нравов»⁴, то есть все то, что с такой художественной силой показал и Толстой. С идеологией Толстого этот социализм связан также и стремлением вновь «насильственно втиснуть современные средства производства и обмена в рамки старых отношений собственности»⁵. Толстой считал неизбежной экономическую революцию, основанную на идее уравнительного землепользования, и не хотел признать, что осуществление уравнительного землепользования неизбежно приведет к столь ненавистному для него капиталистическому строю. В своих рассуждениях о земельном равенстве Толстой с поразительной верностью воспроизводил психологию патриархального крестьянства, ибо сама идея эта

¹ Феодальным социалистом называли Толстого критики, развивавшие противоположные ленинской концепции взгляды на творчество Толстого (см. упоминавшуюся нами статью В. А. Поссе «Лев Толстой и рабочий народ»).

² См. Манифест коммунистической партии, 1948, стр. 84.

³ Там же, стр. 93, 94.

⁴ Там же, стр. 85.

⁵ Там же.

«. . .имеет своим источником крестьянский образ мышления, психологию дележки всех благ поровну, психологию примитивного крестьянского „коммунизма“»¹. Свою характеристику социализма Толстого Ленин закончил ссылкой на слова «Манифеста коммунистической партии» о том, что «. . .значение критических элементов в утопическом социализме „стоит в обратном отношении к историческому развитию“». Чем больше развивается деятельность общественных сил, укладывающих новую Россию, «. . .тем быстрее критически-утопический социализм „лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания“» (XVII, 32). Последние слова являются цитатой из «Манифеста коммунистической партии», где далее сказано: «Поэтому, если основатели этих систем и были во многих отношениях революционны, то их ученики всегда образуют реакционные секты»². Судьбу указанных систем разделило и учение Толстого: идеализация толстовского учения приносила, по словам Ленина, «. . .самый непосредственный и самый глубокий вред» революционному движению России (см. XVII, 33).

VIII

Мировое, *интернациональное* значение Толстого и его *национальное* своеобразие раскрыто в ленинских статьях как диалектическое единство: закономерности исторического развития России, обусловившие характерные особенности идеологии Толстого, являются типичными для многих стран и народов на определенных этапах всемирной истории, а поставленные Толстым проблемы русской действительности оказываются актуальными для всего современного человечества. Тем самым концепция Ленина противостоит реакционным истолкователям Толстого в России и на Западе, которые, умалчивая о том действительно новом и оригинальном, что внесено великим писателем в мировую литературу, выдвигали на первый план толстовскую идею «непротивления» и именно ее отнесли

И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилом Людвигом, М. 1938, стр. 13.

² Манифест коммунистической партии, 1948, стр. 97.

к имманентным свойствам «русской души». В противове́с подобным «истолкователям» Ленин рассматривал и сильные и слабые стороны Толстого в их противоречивом сплетении, как отражение противоречивости исторического развития: это был период, когда старая, патриархальная Россия «стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма» (XVI, 301), период быстрой, тяжелой ломки старых «устоев», период роста «... того протеста против надвигающегося капитализма...», который *должен был быть* порожден патриархальной русской деревней» (XV, 183; курсив наш. — Б. М.). Переходный характер этого времени Ленин охарактеризовал словами К. Левина из «Анны Карениной» о перевале русской истории: «У нас теперь все это переверотилось и только укладывается» (XVII, 29). То, что «переверотилось», — это «старый порядок», то, что «укладывается» и что Толстой «не хочет видеть», — это буржуазный строй. Такого рода столкновение двух тенденций исторического развития — феодальной и капиталистической — некоторые страны мира к тому времени, когда выступил Толстой, уже пережили, другим же странам еще предстояло его пережить. Поэтому Ленин и писал, что в творчестве и взглядах Толстого отразилась «эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками...» (XVI, 293; курсив наш. — Б. М.). Национальное своеобразие творчества Толстого, определившее также и его мировое значение, заключается в том, что оно «... с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России» (XVI, 302). Острый критицизм Толстого, непосредственно направленный против политической системы царской, полукрепостнической России, подрывал вместе с тем основы всякого эксплуататорского строя. Именно потому творчество Толстого оказало и продолжает оказывать огромное революционизирующее влияние на передовые литературы различных стран мира.

Характеризуя роль Толстого в мировой литературе, Ленин писал: «Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции» (XVI, 293). А мировое значение первой

русской революции Ленин видел в том, что на её опыте учились миллионы не только рабочих, но и крестьян во всем мире. Под влиянием ряда совершенно своеобразных исторических условий именно в России впервые совершилось в столь мощных масштабах пробуждение крестьянства — этого «...наиболее „тяжелого на подъем“ слоя населения...» (XX, 373). Под непосредственным влиянием русской революции 1905 г. разворачивалась политическая борьба в Австрии (в октябре 1905 г.), в Германии (в январе 1906 г.), во Франции (в мае 1906 г.). Но особенно большое значение русская революция имела для пробуждения Азии. В статье «Л. Н. Толстой и его эпоха» Ленин писал по этому поводу: «...за событиями 1905-го года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого „Востока“, на „неподвижность“ которого ссылался Толстой в 1862 году¹. 1905-й г. был началом конца „восточной“ неподвижности. Именно поэтому этот год принес с собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени» (XVII, 31—32). И в самом деле: вслед за революцией 1905 г. демократическая революция охватила Азию — Турцию, Персию, Китай, она стимулировала революционное брожение также в английской и голландской Индии.

«Мировой капитализм и русское движение 1905 года окончательно разбудили Азию, — писал Ленин. — Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию» (XIX, 66).

В статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции» Ленин отмечал, что первая русская революция принесла «... смертельный удар... прежней рыхлости и дряблости масс» (XV, 185). Но все же, несмотря на значи-

¹ Ленин имеет здесь в виду статью Толстого «Прогресс и определение образования», где он отрицал общую закономерность исторического развития ссылкой на «неподвижные восточные народы» (Л. Толстой. Сочинения, т. IV, изд. 5-е, М. 1886, стр. 166). Б. М.

тельный размах крестьянских восстаний в период революции, лишь небольшая, по сравнению с общей массой, часть крестьян сражалась с оружием в руках. «Большая часть крестьянства, — писал Ленин, — плакала и молилась, резонерствовала и мечтала, писала прошения и посылала „ходателей“, — совсем в духе Льва Николаича Толстого!» (XV, 184). На примере солдатских восстаний 1905—1906 гг. Ленин показал, насколько в те годы еще были значительны недостатки народного движения, отражающие мягкотелость патриархальной деревни. «Солдат был полон сочувствия крестьянскому делу; его глаза загорались при одном упоминании о земле. Не раз власть переходила в войсках в руки солдатской массы, — но решительного использования этой власти почти не было; солдаты колебались; через пару дней, иногда через несколько часов, убив какого-нибудь ненавистного начальника, они освобождали из-под ареста остальных, вступали в переговоры с властью и затем становились под расстрел, ложились под розги, впрягались снова в ярмо — совсем в духе Льва Николаича Толстого!»¹ (XV, 185).

И далее Ленин делает весьма важный вывод:

«Толстой отразил накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого, — и незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротivление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании» (XV, 185)².

Глубокий историзм, на котором основан этот тезис, полностью опровергает всякого рода рассуждения о том, что отраженные в творчестве Толстого черты патриархальной крестьянской идеологии были специфическими

¹ Ср. характеристику слабости и неорганизованности солдатских и крестьянских восстаний в Кратком курсе истории ВКП(б), стр. 77, 88.

² Рукопись статьи «Лев Толстой, как зеркало русской революции», хранящаяся в архиве ИМЭЛ, свидетельствует о том, что Ленин сначала хотел охарактеризовать толстовское непротivление злу как *одну из серьезнейших причин поражения первой революции*; но затем остановился на формулировке «*серьезнейшая причина*».

только для России. Поскольку возникновение этих черт объясняется *«историко-экономическими условиями»*, постольку на хронологически различных, но сходных по своим основным признакам этапах общественного развития черты эти должны были обнаруживаться и в других странах мира. Это — этапы, на которых развитие капитализма и вызванный этим развитием протест мелкой буржуазии сталкиваются с пережитками патриархальности в экономике и сознании. Активные устремления масс в эти переломные эпохи проявляются все более энергично, но строй эксплуатации и угнетения продолжает поддерживать и культивировать в массах настроение и идеологию пассивизма. Разумеется, в каждой отдельной стране эти противоречия находят выражение в разнообразных формах и в разной степени, но разнообразие не может затушевывать общие закономерности.

Что это так, доказывает история революционно-демократических крестьянских движений во всем мире. Великая крестьянская война в Китае 1850—1864 гг., известная под названием «восстания тайпинов», обнаружила и революционное стремление масс сломить до основания феодально-крепостническое общество, ликвидировать помещичью собственность на землю, перестроить всю систему организации общества на началах равенства — и утопичность этих стремлений, их стихийность, отсутствие политической сознательности¹. Идеологи тайпинов пропагандировали в качестве идеала патриархальную коммуны, они хотели учредить «царствие небесное» на земле, не сознавая, так же как впоследствии и Лев Толстой, что осуществление на деле идеи крестьянской уравнительности может привести к уничтожению остатков крепостничества, но неминуемо приведет также и к развитию буржуазно-капиталистических, а не социалистических отношений. Таким движениям как бабистские восстания 1848—1852 гг. в Иране² (где имелась деревенская община, сходная с общиной русской деревни) свойственны и рели-

¹ См. проф. Г. С. Кара-Мурза. Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае, М. 1941, стр. 124.

² Имя вождя движения — Бабы — Толстой упоминал в одном ряду с «лучшими мыслителями мира» (Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 38, стр. 68).

гиозные облачения реальных экономических чаяний, и аскетизм, и абстрактно-моралистические призывы «не делать человеку вреда и зла, а делать добро», и попытки ограничиться вместо наступательной, до конца решительной вооруженной борьбы — методами мирного убеждения или пассивной обороны. Те же противоречивые элементы идеологии крестьян были характерны и для истории Индии, Турции и других стран Востока. Наконец, в большей или меньшей степени, те же противоречивые элементы отражены в произведениях мировой литературы, посвященных крестьянским движениям различных стран и эпох, — и в «Капитанской дочке» и «Истории Пугачева» Пушкина, и в «Вадиме» Лермонтова, и в «Жакерии» Мериме, и в повестях Роберта Швейхеля о крестьянской войне в Германии, и в «Тиле Уленшпигеле» де Костера, и в «Истории одного крестьянина» Эркмана-Шатриана. Согласно Ленину (использовавшему известные слова Пушкина из «Капитанской дочки» о «русском бунте», см. IV, 223), только пролетариат, став во главе крестьянства, превращает «бунт бессмысленный и беспощадный» в организованное, сознательное революционное восстание, свободное от свойственных крестьянскому стихийному движению элементов колебаний, пассивизма и т. д.

Но именно в России с ее замечательными революционными традициями, с ее громадным ростом пролетарского движения крестьянство быстрее, чем где бы то ни было, освобождалось от рыхлости, мягкотелости и пассивизма — этих черт патриархальной деревни.

В статье «К оценке русской революции» Ленин писал: «Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века» (XV, 37); «...крайняя революционность мужика, доведенного вековым гнетом крепостников до самого отчаянного положения...» (XV, 37) — так охарактеризовал Ленин своеобразие крестьянского движения в 1905—1907 гг. Благодаря влиянию гигантской, невиданной в мировой истории стачечной волны, крестьянское движение, несмотря на свою распыленность и неорганизованность, в громадной степени содействовало тому, что крепостная, патри-

архальная Россия «совлекла с себя ветхого Адама...» (XXIII, 233). Русский крестьянин, как ни в одной другой стране мира, обнаружил свое стремление к тому, чтобы «...смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян...» (XV, 183).

Мощный революционный размах русского крестьянства становится особенно очевидным при сравнении его, к примеру, с поведением немецких крестьян в революции 1848 г.: «Лишенные какой бы то ни было собственной инициативы, они плелись в хвосте других классов, вовлеченных в восстание...»¹.

Что же касается *слабых* сторон крестьянской идеологии, отраженных в творчестве Толстого, то эти стороны в определенные периоды были свойственны ряду других стран мира не в меньшей, а в *большей* степени, чем России. Обусловленность толстовских идей *историческими* закономерностями, то есть характерность толстовских идей *для целого ряда стран*, была отмечена Лениным в статье «Л. Н. Толстой и его эпоха». Толстой «рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения „вечных“ начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого („переворотившегося“) строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов» (XVII, 30). И далее с еще большей определенностью:

«Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что „все — ничто, все — материальное ничто“ („О смысле жизни“, стр. 52), и вера в „Дух“, „начало всего“, по отношению к каковому началу человек есть лишь „работник“, „приставленный к делу спасения своей души“, и т. д.» (XVII, 31). Но опять-таки характерность толстов-

¹ Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии (К. Маркс. Избр. произв., т. II, Госполитиздат, 1940, стр. 113).

ского учения для Востока Ленин не считал обусловленной какими-то имманентными причинами. Она была вызвана только тем, что страны Востока в конце XIX и начале XX века по сравнению с другими странами сохранили пережитки «старого» патриархального строя в наибольшей мере. Поскольку «...большинство народов Востока являются типичными представителями трудовой массы,— не рабочими, прошедшими школу капиталистических фабрик и заводов, а типичными представителями трудящейся, эксплуатируемой массы крестьян, которые страдают от средневекового гнета» (XXX, 139—140), постольку и в идейно-философских учениях, распространенных среди этих народов, должны были сохраниться некоторые своеобразные общие черты¹. Это, между прочим, сознавал и сам Толстой. Обосновывая свое учение, он приводил положения и из китайской философии, и из индийской, и из Руссо, и из многих других идеологов, в большей или меньшей степени отражавших, на разных этапах истории, идеи равенства в общественном укладе и уравнительности в экономике, идеологов, признававших законами жизни отречение человека от своей личности и нравственное усовершенствование.

¹ В связи с этим следует подчеркнуть важность замечаний Энгельса о типических формах идеологии, связанных с общинной собственностью на землю. Отмечая, что общинная собственность на землю представляет собой строй, который мы находим на низшей ступени развития у разных народов («от Индии до Ирландии»), Энгельс указывает, что изоляция общин друг от друга создает основу для восточного деспотизма. «...везде, где преобладала эта общественная форма, — пишет он, — от Индии до России, она всегда создавала деспотизм, всегда находила в нем свое дополнение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 260). Ср. замечания Маркса о распространенной в Индии религии «...умерщвляющего плоть аскетизма...», а также о том, что «...сельские общины... ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия...» («Британское владычество в Индии». К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. IX, стр. 346, 351). Любопытно, что в период революции у Толстого появились элементы более правильного понимания исторических закономерностей именно в вопросе об общинах. В его записной книжке 1906 г. имеется следующая запись: «Так жили и в Индии, и в Германии, и Франции, так жили все старинные общины» (Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 378). Но, разумеется, Толстой делал из этого свои выводы.

О том, что идея непротivлѣния злу насиліем не была специфичной только для одной какой-либо литературы, свидетельствует тот факт, что пропаганда ее велась не только независимо от Толстого, но и задолго до него в самых различных странах Европы, Азии и Америки (на что указывал и сам Толстой). Но разница между Толстым и сотнями апологетов теории «непротivлѣния» заключается в том, что толстовское «непротivлѣние» является хотя и реакционной, слабой, но составной частью его взглядов, совокупность которых, «взятых как целое, выражает как раз особенности нашей революции, как *крестьянской буржуазной революции*» (XV, 183). Поэтому было бы глубоко ошибочным, например, отождествлять учение о «ненасилии» Ганди с учением Толстого. Как известно, Ганди был совершенно чужд сильным сторонам идеологии Толстого: если Толстой отразил особенности русской крестьянской революции во всем ее историческом своеобразии, отразил революционные стремления крестьянства к уничтожению самодержавия и крепостничества, то Ганди своим целиком реакционным учением лишь тормозил развитие революционного движения в Индии.

Все это полностью опровергает утверждения фашистских лжеученых о специфичности толстовской идеи пассивного сопротивления именно для русского крестьянства. Разумеется, умышленно извращая этот элемент противоречивого и сложного учения Толстого, фашистские разрушители культуры умалчивают как о героической истории крестьянских революционных движений в России, так и о борьбе Толстого с различными проявлениями реакции. Умалчивают они о том, что русское крестьянство давным-давно освободилось от пережитков толстовщины, которое потеряло всякую почву с уничтожением породивших толстовщину старых историко-экономических условий. Но, повторяем, из ленинской характеристики следует, что идея непротivлѣния злу насиліем, даже взятая изолированно от всего комплекса учения Толстого, не является специфической чертой какого-либо одного народа, а связана с пережитками патриархального быта в сознании людей и возникала в разных странах на разных этапах исторического развития.

Известно, что либерально-буржуазное литературоведение искало объяснения *общих черт* в различных национальных литературах в прямых литературных «влияниях» и «заимствованиях». Ленинский анализ закономерностей общественного развития в отдельных, сходных по историко-экономическим признакам, странах и на основе этого анализ сходных идеологических систем дает совершенно иное методологическое решение проблемы. Вместо традиционного обращения к взаимным литературным «влияниям» решение вопроса о генезисе аналогичных теорий следует искать в породивших эти учения закономерностях общественного развития. Большой методологический интерес также и для литературоведения представляет с этой точки зрения статья Ленина «Демократия и народничество в Китае», написанная по поводу статьи великого китайского демократа Сун Ят-сена «Социальное значение китайской революции»¹. Отмечая, что Сун Ят-сен «...видимо, совершенно не знаком с Россией», Ленин пишет, что он «...ставит перед нами — совершенно независимо от России, от русского опыта, от *русской литературы* — чисто русские вопросы. Передовой китайский демократ рассуждает буквально как русский. Его сходство с русским народником так велико, что доходит до полного тождества основных мыслей и целого ряда отдельных выражений» (XVIII, 143, курсив наш. — Б. М.). И далее в характеристике Сун Ят-сена мы находим целый ряд моментов, аналогичных ленинской характеристике Толстого и тем идеям крестьянской уравнительности, которые Толстой, как мы знаем, пропагандировал.

Ленин писал о Толстом: «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что „укладывается“ в России никакой иной, как буржуазный строй» (XVII, 30). Сун Ят-сен в своей упомянутой Лениным статье, полной горячего сочувствия к трудящимся и ненависти к эксплуататорам, также выражал надежду на то, что Китаю удастся миновать путь

¹ Статья Сун Ят-сена впервые была опубликована в газете бельгийской социалистической партии «Le Peuple» 11 июля 1912 г., а затем перепечатана большевистской газетой «Невская звезда» вместе с упомянутой статьей Ленина 28 (15) июля 1912 г.

капитализма. Подобно Толстому, Сун Ят-сен стоял за «экономическую революцию» путем проведения «некоего единого налога в духе Генри Джорджа» (XVIII, 147), то есть за проведение радикальной земельной реформы. И подобно Толстому, Сун Ят-сен не понимал, что проведение такой реформы, то есть передача ренты государству, является на деле чисто капиталистической аграрной программой, полностью сметающей остатки феодализма. Мы не хотим продолжать далее аналогии между Толстым и Сун Ят-сеном, да на этом близость их взглядов, пожалуй, и заканчивается. Мы хотели лишь показать, что эта близость, если следовать методологии Ленина, должна быть объяснена отражением тех стремлений к ликвидации феодальной эксплуатации, которыми были охвачены в тот период и русский и китайский крестьянин.

В той же статье о Сун Ят-сене Ленин отрицает традиционное в литературе того времени догматическое противопоставление Востока Западу. Отмечая, что Сун Ят-сен резко отличается своим революционным демократизмом, благородством и героизмом от буржуазных президентов Европы и Америки, Ленин пишет:

«Что же? Не значит ли это, что сгнил материалистический Запад и что свет светит только с мистического, религиозного Востока? Нет, как раз наоборот. Это значит, что Восток окончательно встал на дорожку Запада, что новые *сотни и сотни миллионов* людей примут отныне участие в борьбе за идеалы, до которых доработался Запад. Сгнила западная буржуазия, перед которой стоит уже ее могильщик — пролетариат» (XVIII, 145). Ленин указывал на то, что в Китае будет расти китайский пролетариат, и был уверен в неизбежности конечной победы китайского народа над внутренними и иноземными работодателями. Теперь мы являемся свидетелями великой победы китайской революции, возглавленной китайской коммунистической партией. Но в ходе борьбы китайского народа за свою свободу и независимость вновь нашла подтверждение марксистская истина, которая гласит, что крестьянское движение перестает быть стихийным народным движением и приводит к успеху только если оно руководимо рабочим классом

В статьях 1912—1913 гг. — «Обновленный Китай», «Пробуждение Азии», «Отсталая Европа и передовая Азия» Ленин с большим подъемом писал о революционно-демократическом движении в странах Востока.

«Пробуждение Азии и начало борьбы за власть передовым пролетариатом Европы, — подчеркивал Ленин, — знаменуют открывшуюся, в начале XX века, новую полосу всемирной истории» (XIX, 66). Наступление этой новой полосы упорно не хотел признать Лев Толстой. Как раз в период, который явился началом тура революций в странах Востока, он обращал вновь и вновь свой взор к тем сторонам восточной культуры, которые отступали под влиянием развития революционного движения среди азиатских народов. В дневниках Толстого 1905—1910 гг. снова мелькают упоминания имен китайских мудрецов Конфуция и Лао-Тцы, записи их мыслей, рассуждения о буддизме. В сентябре 1906 г. мы находим у него такую запись: «Западные народы далеко впереди нас, но впереди нас на ложном пути. Для того, чтобы им итти по настоящему пути, им надо пройти длинный путь назад. Нам же нужно только немного свернуть с того ложного пути, на который мы только что вступили и по которому нам навстречу возвращаются западные народы»¹. Кажется, что это столь упорное противопоставление «неподвижного Востока» Западу, даже в 1906 г., является лишним свидетельством неизменности взглядов Толстого. Но могучий подъем миллионных масс в России и в Азии все же не мог не отразиться на настроениях Толстого: долгое время оставаясь скрытыми для постороннего взгляда, настроения эти только недавно, с опубликованием интимнейших страниц дневников Толстого, стали нам известны. Мы видим, как, начиная с 1904—1905 гг., в рассуждениях Толстого «для себя» апология «восточной неподвижности» патриархального крестьянства борется с революционными симпатиями, непротивленец — с человеком действия и активного протеста. Эти противоречия обостряют духовную драму Толстого не в меньшей степени, чем семейная трагедия, которая для многих литературоведов заслонила все остальные вопросы эволюции Толстого последних лет его жизни.

¹ Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 243.

Ленин писал в 1905 г.: «Не волноваться происходящим теперь в России, не думать о войне и о революции нельзя, а всякий, кто волнуется, думает, интересуется, *вынуждается* — становится в тот или иной вооруженный лагерь» (IX, 181). С особой силой эти слова должны быть отнесены к Толстому — человеку большого сердца и исключительной чуткости. Жизнь ломала на его глазах все десятилетиями выношенные теории. Мы уже видели, что, не понимая истинного исторического содержания революции, Толстой задолго до 1905 г. заметил начавшееся революционизирование сознания масс. В середине 1904 г. он записал в дневнике, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы»¹. О переломе в сознании народа, вызванном революционными событиями 1905 г., Толстой писал в статьях 1906 г. «К правительству, революционерам, народу» и «О значении русской революции». Русский народ, который он прославлял в качестве носителя идеи непротivления, стал в авангарде революционного движения. Как отметил Ленин, Толстой незадолго до смерти вынужден был «...с характерным для худших сторон „толстовщины“ сожалением...» (XVII, 251) констатировать, что русский народ с удивительной скоростью «научился делать революцию»². Всякие упования на осуществление аграрного переворота ненасильственным путем рухнули. На последнюю попытку проведения аграрной революции путем «убеждения», на письмо П. А. Столыпину с изложением проекта Генри Джорджа ответ был не только отрицательный, но и грубый³. Становилось все яснее, что попытки воздействовать на «сброд заблудших и развращенных людей, называемых у нас правительством», напрасны.

1905 год был годом смерти старой, патриархальной России. Столыпинский террор, многообразные проявления реакции, дальнейшее обнищание масс — все это заставляло расплзаться по швам учение о «всеобщей

¹ Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 62.

² Предисловие к альбому «Русские мужики» Н. Орлова (датированное 26 июня 1908 г.).

³ См. публикацию «Переписка Толстого с П. А. Столыпиным». «Литературное наследство», т. 37—38, стр. 324—329.

любви» и «непротивлению». У Толстого появились тягчайшие сомнения, обостренные обстоятельствами семейной жизни. В его дневниках все чаще стали появляться трагические признания: «Как тщетны все убеждения о лучшем устройстве всякого рода политиков, социалистов, революционеров, так тщетны и мои»¹, «страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности»². Моральная проповедь временами делается постылой. В марте 1910 г. он записывает: «...вообще вся эта работа „на каждый день“ становится тяжела мне. Какой-то педантизм, догматизм»³. Наблюдая страшную картину «безумия жизни» в период столыпинщины, Толстой был вынужден, вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, делать вывод: «Мучительно чувство унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров»⁴. Он полон предчувствием того, что «Россия накануне огромного переворота, в котором Государственная Дума не будет играть никакой роли». Отступая от своей теории «непротивления» и впадая в новые противоречия, он заявляет, что для борьбы с русским правительством может быть только один из двух путей: «или бомба или любовь»⁵.

Но героический столыпинский миллионный русский народ прочно стоял на том пути, который Толстой определил наивной, устаревшей метафорой — «бомба», — на пути массовой революционной борьбы. На фоне нараставшего подъема движения рабочих и крестьян толстовство все более и более становилось символом старой, патриархальной России. Однако взор Толстого был обращен не только к прошлому, но и к будущему. И когда писателя не стало, достойную оценку его гигантской роли в истории России дал Ленин, в упорном труде вождя революции готовивший осуществление идеалов справедливости, сво-

¹ Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 55, стр. 286.

² Там же, т. 58, стр. 65.

³ Там же, стр. 26.

⁴ Запись в дневнике 11 июня 1909 г. (Н. Н. Гусев. Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, стр. 744).

⁵ Н. Н. Гусев. Лев Толстой против церкви и государства, изд. «Свободного слова», Берлин, 1913, стр. 60—61.

боды, гуманизма, тех великих идеалов, которые «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик» облек в мистифицированные, утопические формы.

Ленин писал в своей статье:

«Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились спланиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком» (XVI, 297).

IX

К борьбе Ленина с разнообразными, сознательными и бессознательными, творцами реакционной легенды о Толстом присоединился Плеханов. Соглашаясь в письме к Горькому от 3 января 1911 г. с тем, что из Толстого «святого будут делать», Ленин между прочим отметил: «Плеханов тоже взбесился враньем и холопством перед Толстым, и мы тут сошлись. Он ругает за это „Нашу Зарю“ в ЦО (следующий номер), я в „Мысли“... В „Звезде“ № 1 (вышла в С.-Петербурге 16. XII) есть тоже хороший фельетон Плеханова с *пошлым* Примеча-

нием, за которое мы уже обругали редакцию»¹ (XXXIV, 383). Эти слова Ленина свидетельствуют о том, что он ценил названные им статьи Плеханова и считал их полезными в общественно-литературной борьбе. Упомянутый Лениным фельетон Плеханова «Заметки публициста. Отсюда и досюда» и статья «Карл Маркс и Лев Толстой» направлены против попыток идеализации учения Толстого, чем в эти годы усердно занимались ревизионисты и ликвидаторы. В особенности четкой является полемическая направленность статьи «Карл Маркс и Лев Толстой». С злой иронией писал в ней Плеханов о «честных» и «образованных», а главное «добрых» людях, «которые одновременно одинаково сочувствуют теперь у нас Сазонову, который убил Плеве, и графу Толстому, который упорно твердил: „Не противься злу насиллием“»².

Сопоставляя «межеумочный» журнал Потресова и его единомышленников — «Наша заря» с органом немецких ревизионистов «Sozialistische Monatshefte»³, Плеханов отмечал, что «Наша заря» «готова под предлогом широты своих социалистических воззрений приветствовать всякий вздор, если только он идет вразрез с коренными положениями марксизма. Прежде у нас „дополняли“ Маркса Кантом, Махом, Бергсоном... теперь широко практикуется попытка „дополнить“ Маркса гр. Толстым».

И Плеханов формулирует свою тему в форме вопроса: «Как же на самом деле относится мирозерцание Маркса

¹ В Ц. О., то есть в нелегальной газете «Социал-демократ», была напечатана статья Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой» [№ 19—20 от 26 (13) января 1911 г.]. «Хороший фельетон Плеханова» — его статья «Заметки публициста. Отсюда и досюда». Примечание редакции, о котором говорит Ленин, гласит: «Редакция предполагает посвятить несколько статей вопросу об общественном значении деятельности Толстого, которая, несомненно, требует разностороннего освещения». Ленин назвал это примечание «пошлым», как нам представляется, по следующим причинам: 1) оно могло дать повод ликвидаторам ссылаться на примечание для защиты противоположных толкований значения деятельности Толстого; 2) в первом номере журнала «Мысль» Ленин высмеивал ликвидаторскую «Нашу зарю» за «оговорочность» и, в частности, за оговорку о несогласии редакции с «отдельными положениями» статьи. Поэтому появление «оговорки» к статье Плеханова было вдвойне неприятно.

² Г. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 216.

³ Это улучшение делал и Ленин в ряде своих статей 1909—1910 гг.

к миросозерцанию Толстого?»¹ Основную противоположность этих двух идеологических систем Плеханов раскрывает как противоположность диалектического материализма и метафизического идеализма. Анализируя аргументы, приведенные Толстым в защиту учения о «непротивлении злу насилием», Плеханов вскрывает противоречивость этого учения и его философскую основу, заключающуюся в отрицании зависимости людей от внешних условий. С замечательной силой логики Плеханов показывает, как проповедь Толстым «непротивления» вопреки намерениям и желаниям писателя, играет наруку угнетателям народа. Противопоставляя аскетическому толстовскому учению о нравственности марксистское учение, Плеханов заключает: «Кто сознательно сочувствует ему (марксистскому учению. — Б. М.), тот не может не возмущаться до глубины души теми эклектиками, которые приглашают теперь пролетариат преклониться перед величием нравственной проповеди Толстого»². И в конце статьи Плеханов снова обличает «эклектиков», которым свойственен «восторг перед Толстым не как перед великим художником, — это вполне понятный и законный восторг, — а как перед „учителем жизни“»³, то есть перед защитником идей «непротивления» и религиозной морали.

Нетрудно заметить, что в ряде положений эта статья Плеханова совпадает со статьей Ленина «Герои „оговорочки“», также направленной против статей о Толстом в «Нашей заре» (что и было отмечено Лениным в его письме Горькому 3 января 1911 г.). Близость позиций Ленина и Плеханова в отпоре ликвидаторам, стремившимся использовать наследие Толстого в интересах, враждебных марксизму, явилась одним из частных выражений имевшего тогда место временного блока между ними⁴. Смысл этого сближения с Плехановым Ленин счел

¹ Г. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 216.

² Там же, стр. 229.

³ Там же, стр. 233.

⁴ О значении этого блока см. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 132—133. В письме в ЦК партии из сольвычегодской ссылки Сталин писал, что «... линия блока (Ленин — Плеханов) единственно правильная», ибо «... она, и только она, отвечает действительным интересам работы в России, требующим сплочения всех действительно партийных элементов...» (И. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 209).

необходимым объяснить в статье «Герои „оговорочки“». Ввиду того, что статья эта была напечатана в легальном журнале, Ленин был вынужден прибегнуть к эзоповскому языку. Иносказательно именуя партию «локомотивом», Ленин писал:

«Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот — решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, — у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими „оговорочками“. И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу „озлобления спора“. Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный „оговорочными“ интеллигентами, подло хихикающими по поводу того, что „и ликвидировать нечего“, ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних „озлобленных спорщиков“, сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы — о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время» (XVI, 342—343).

Эти слова Ленина позволяют наметить общие черты и различия также и в трактовке Лениным и Плехановым творчества Толстого. «Общее дело» в данном случае заключалось в том, чтобы не дать «оговорочным» интеллигентам опереться на Толстого в их стремлении помешать подъему «локомотива». Разногласия же оставались по ряду принципиальных вопросов, и в том числе, разумеется, по тому вопросу, марксистское решение которого определило основную линию ленинских статей о Толстом. Это был вопрос о роли крестьянства в революции. Формула о Льве Толстом как «зеркале русской революции» могла быть выдвинута Лениным лишь потому, что Ленин рассматривал буржуазно-демократическую революцию как революцию народную, национальной особенностью,

«гвоздем» которой являлся аграрный вопрос. Плеханов же, считавший, что движущей силой первой русской революции является либеральная буржуазия и вообще не принимавший в расчет крестьянства как революционную силу, конечно, не мог оценить творчество Толстого как отражение противоречий крестьянской революции.

Ценность статей Плеханова о Толстом — в их боевой, полемической направленности против ликвидаторов, в разоблачении всякого рода попыток «дополнить» марксизм толстовством. Плеханов (в особенности в статьях «Смешение представлений»¹ и «Карл Маркс и Лев Толстой») дал глубокий анализ философских корней учения Толстого и свойственного этому учению анимистического взгляда на отношение «конечного» и «бесконечного». Статья Плеханова содержит множество верных наблюдений над внутренней природой толстовского учения, наблюдений, помогающих понять скрытые в нем противоречия и причины полной неудовлетворительности рассуждений Толстого о «смысле жизни». С этой точки зрения статьи Плеханова являются противоядием против «толстовства» как определенного мировоззрения. Но характерное для Плеханова стремление искать ответы на конкретные вопросы в абстрактном логическом развитии общей истины нашло отражение и в его статьях о Толстом. Поэтому противоречия во взглядах Толстого Плеханов объясняет только метафизичностью его мышления, между тем как согласно ленинской методологии они представляют собою «не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху» (XVI, 295). Плеханов же свой анализ ограничил противопоставлением взглядов Толстого марксистскому мировоззрению, а противоречия Толстого анализировал как противоречия его только «личной мысли». Поэтому же Плеханов допустил и ряд таких ошибок, которые, по существу, являлись своеобразным отражением влияния на его

¹ Первоначально напечатана в журнале «Мысль», 1910, № 1, и 1911, № 2.

концепцию либеральной трактовки творчества Толстого. В то время как Ленин указывал, что «...каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму...» (XVI, 296) и энергично подчеркивал сильные, выразившие революционные настроения крестьянства, стороны взглядов Толстого, Плеханов в своих статьях допускал такие утверждения: «Нравственно-религиозная проповедь у Толстого является теперь, при нынешних обстоятельствах, лишь переводом на мистический язык „реалистической“ политики г. Милюкова»¹.

Нет необходимости подробнее останавливаться на ошибках статей Плеханова о Толстом, тем более что именно слабые стороны его статей неоднократно подвергались в литературе специальному рассмотрению². Хотелось бы отметить другую свойственную его статьям особенность. Заключается она в том, что на положительных сторонах статей Плеханова о Толстом, как мы полагаем, сказалось влияние Ленина (возможно, не осознанное самим Плехановым). Статья Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой» была напечатана в газете «Социал-демократ» 26 (13) января 1911 г., то есть через два месяца после появления статьи Ленина «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» и почти через месяц после появления его же статьи «Толстой и пролетарская борьба», в которой впервые в марксистской печати была вскрыта та ложь о Толстом как «учителе жизни», которую распространяли «некоторые бывшие социал-демократы» (то есть сотрудники «Нашей зари»). Этот же тезис положен и в основу статьи Плеханова «Карл Маркс и Лев Толстой». Хотя Плеханов и допустил в ней охарактеризованные выше ошибки, но тем не менее есть все основания полагать, что сама тема была ему подсказана появившимися ранее статьями Ленина. Очевидны и некоторые изменения во взглядах Плеханова на Толстого под влиянием ленинских статей. Связь противоречий Толстого с исторической действительностью так и не была понята Плехановым. Однако если до появления в печати ленинских статей о Толстом Плеханов категорически отвергал даже самую

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 233.

² Напр. в книге М. Розенталя — Вопросы эстетики Плеханова, М. 1939.

постановку вопроса о положительном значении толстовской критики в подготовке первой русской революции, то после опубликования ленинских статей в его взглядах произошли существенные перемены. Раньше Плеханов утверждал, что умственное и нравственное развитие Толстого «шло путем, не имеющим ничего общего с тем, по которому двигалось умственное и нравственное развитие русского образованного разночинца», что «Л. Толстой — барин до конца ногтей даже там, где он *кажется* революционером» и «в его отрицании нет ни одного атома новаторских стремлений»¹. А в статьях Плеханова 1910 — 1911 гг. встречаются уже противоположные мысли. В статье «Карл Маркс и Лев Толстой» говорится о влиянии на Толстого «передовых идей его времени», о том, что значение толстовской проповеди заключалось «в ярком изображении той эксплуатации народа, без которой не могут существовать высшие классы». Разоблачение Толстым «представителей и защитников существующего порядка», по Плеханову, представляет «превосходные страницы», оправдывающие «самую резкую критику посредством оружия»². Влияние ленинских статей о Толстом сказалось также на статье «Еще о Толстом»³. Здесь Плеханов несколько отходит от абстрактно-логических приемов критики и приближается к конкретно-историческому рассмотрению идеологии Толстого. Говоря о теории «непротивления», Плеханов замечает: «Наш великий художник очень ошибался, думая, что трудящаяся масса всегда и везде относится к своим страданиям и лишениям со спокойной и твердой уверенностью в том,

¹ Из статьи 1903 г. «Н. А. Некрасов. К 25-летию его смерти» (Плеханов, Сочинения, т. X, стр. 388).

² Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 227, 230, 231. Необходимо иметь в виду, что слова Плеханова о том, что Толстой не связан с «современным движением», в некоторых случаях имеют точный смысл, а именно: в них отмечается тот факт, что Толстой сознательно отстранился от революции. О том, что Толстой «явно отстранился» от революции, писал и Ленин (см. XV, 179). Этот смысл указанных выше слов Плеханова следует отличать от также употреблявшихся им аналогичных формулировок, где отрицалась даже *объективная* связь толстовского обличения с революционной современностью.

³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 234—249 (первоначально в «Звезде», 1911, №№ 11—14).

что все это должно быть и не может быть иначе, что все это — „добро“. Так она относится к ним лишь при известных общественных условиях, вызывающих весьма значительную отсталость ее самосознания. Но самосознание изменяется с изменением общественных условий. Мало-помалу масса расстается с тем квиетизмом, который привлек к ней горячие симпатии Толстого. Промышленный рабочий класс реагирует на свои лишения и страдания совсем не так, как реагировал на них крестьянин доброго старого времени. Но когда Толстой говорил: „народ“, он разумел именно крестьянина доброго старого времени, представлявшегося ему в виде все выносящего и все прощающего Платона Каратаева...»¹

Но, указав на «симпатии» Толстого к крестьянину «доброе старого времени», Плеханов не смог увидеть во взглядах Толстого отражения настроений крестьянских масс, крестьянской революционности в ее сложности и противоречивости. Поэтому он остался при убеждении, что «„мирское“ сочувствие» Толстого было направлено только в прошлое и целиком враждебно «будущему». Плеханов так же и в статьях 1910—1911 гг. не избежал рецидивов своего отрицания революционной роли толстовской критики, сопровождая, впрочем, высказанные ранее положения известными оговорками.

Таким образом, ряд основных, принципиальных положений делают ленинские взгляды на Толстого отличными от взглядов Плеханова. Но с абсолютным противопоставлением статей Плеханова статьям Ленина все же нельзя согласиться. Статьи Плеханова сыграли свою роль в борьбе с проповедниками «толстовщины»: за это их положительно оценил Ленин в упомянутом выше письме к Горькому.

Х

Особый интерес представляет вопрос о соотношении взглядов Горького и Ленина на творчество и учение Толстого. Сравнительное изучение этих взглядов приводит к выводу, что оценки Горьким воззрений Толстого

¹ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIV, стр. 248.

были так же, как и у Ленина, всегда связаны с общеполитической ситуацией в стране. Справедливы, исторически вполне оправданы те весьма резкие тона, в которых Горький охарактеризовал отрицательную роль Толстого как «социального педагога» в своих «Заметках о мещанстве» (1905). Известна любовь Горького к Толстому как к человеку и гениальному художнику. «Пушкин и он — нет ничего величественнее и дороже нам»; «человек он, — безумно и мучительно красивый человек»; «глубоко и жадно люблю я человека Толстого», — в таких выражениях говорил Горький о нем в своих воспоминаниях, статьях, переписке. Но в критике теории непротivления Горький был непримирим. «...человек...», утверждающий пассивное отношение к миру, — кто бы он ни был, — мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик», — признался он однажды в известном письме к Л. Андрееву. По отношению к Толстому Горький считал себя вправе говорить суровую правду с тем бóльшим основанием, что хорошо запомнил обращенные к нему слова Толстого: «Вам будет трудно среди писателей, но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете, выйдет грубо — ничего! Умные люди поймут»¹. Горьковские «Заметки о мещанстве» были написаны осенью 1905 г., в период наивысшего революционного подъема. В том же году были опубликованы статьи Толстого «Великий грех», «Единое на потребу», в которых, наряду с самым резким обличением царского правительства и с агитацией за уничтожение земельной собственности, говорилось о внутреннем самоусовершенствовании и необходимости отказа от революционных методов борьбы. Позднее, вспоминая свое впечатление от одной из статей Толстого 1905 г., Горький рассказывал: «Я написал ему (Толстому. — Б. М.) тогда ответ, основанный на его же словах мне, что он — „давно утратил право говорить о русском народе и от его лица“... Письмо мое было резко, и я не послал его».

Это письмо сохранилось в архиве Горького. В нем Горький между прочим пишет:

¹ М. Горький, Избр. соч., т. II, 1935, стр. 617.

«В тяжелые дни, когда на земле Вашей родины льется кровь и, добываясь права жить не скотски, а по-человечески, гибнут сотни и тысячи славных, честных людей, Вы, слова которого так чутко слушает весь мир, Вы находите возможным только повторять еще один лишний раз основную мысль Вашей философии: „нравственное совершенствование отдельной личности — вот задача и смысл жизни всех людей“.

Но подумайте, Лев Николаевич, возможно ли человеку заниматься нравственным совершенствованием своей личности в дни, когда на улицах городов расстреливают мужчин, женщин и, расстреляв, — некоторое время еще не позволяют убирать раненых». Отрицая далее самую возможность в такое время «философствовать о своем отношении к миру», Горький продолжал: «Как победить в душе чувства гнева и мести, зная, что вот — в стране, где ты живешь, лгуны и холопы натравливают одну семью людей на другую и вызывают кровавую бойню в городе, чтобы уничтожить в этой бойне тех людей, которые уже сознали свое человеческое достоинство и требуют признания за ними человеческих прав?»

Долг революционного писателя и публициста заставил Горького подвергнуть резкой критике Толстого, как ни тяжело было для него выступать против писателя, перед величием и гением которого он преклонялся. С негодованием писал Горький в своих «Заметках о мещанстве» о Достоевском и Толстом — проповедниках смирения, — как о «злых врагах жизни», которые «хотят примирить мучителя и мученика» и «учат мучеников терпению», «убеждают их не противиться насилию», что, по убеждению Горького, соответствовало свойствам «мещанской души».

Перепечатывая часть «Заметок о мещанстве» в сборнике своих статей 1905—1916 гг., Горький писал в предисловии: «Суждение о Л. Н. Толстом и Ф. М. Достоевском извлечено мною из «Заметок о мещанстве», — печатавшихся в газете «Новая жизнь» в 1905 г. Восстановить эти «заметки» в полном виде я не имею возможности и не нахожу надобности. К тому же — меня особенно резко порицали и порицают не за оценку «мещанства», как известного строя души, а именно за мое отрицательное отношение к Толстому и Достоевскому, как социальным

педагогам. Я знаю, что отношение это выражено в резких формах и, если бы я писал на эту тему теперь, — я нашел бы более мягкие, а может быть — и более убедительные слова. Но, по существу, мое отношение к социальной педагогике Достоевского и Толстого не изменилось и не может измениться. Смысл двадцатипятилетней общественной работы моей, как я понимаю ее, сводится к страстному моему желанию возбудить в людях действительное отношение к жизни. Я слишком много вытерпел и вынужден терпеть для того, чтобы равнодушно слушать проповедь о необходимости терпения, я не могу позволить себе учить других сомнительным добродетелям — покорности и терпению. Подобные проповеди органически враждебны мне, и я считаю их безусловно вредными для моей страны»¹.

К этим словам Горького следует сделать существенное добавление. Либеральные критики обвинили Горького в том, что он «превратил Толстого в мещанина». Но и из «Заметок о мещанстве» и из всех горьковских оценок Толстого следует, что Горький свою критику толстовства направлял не столько против самого Толстого, сколько против мещан как приверженцев именно реакционных сторон его учения. В боевых, агитационно заостренных «Заметках о мещанстве», задачей которых было парализовать влияние вредных сторон толстовской идеологии в самые напряженные дни революционной борьбы 1905 г., Горький не мог останавливаться на многообразии взглядов Толстого. Но о том, что Горький, конечно, не сводил эти взгляды только к защите непротивленчества, свидетельствуют следующие строки из «Заметок о мещанстве»: «Если некто однажды подал мещанину от щедрот своих милостью внимания, мещанин делает благодетеля кумиром и кланяется ему, точно нищий лавочнику». О том, что задачей «Заметок о мещанстве» Горький избрал продиктованную политическим моментом критику лишь определенных сторон идеологии Толстого, говорит и его содержащаяся в этой же статье характеристика Толстого как «величайшего гения», который «силою своего таланта» потряс весь мир и обратил на Россию «изумленное внимание всей Европы», встав как равный «в великие ряды

¹ М. Горький. Статьи 1905—1916 гг., изд. «Парус», стр. 3.

людей, чьи имена: Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гете», но проповедью смирения оказал «плохую услугу своей темной, несчастной стране». И когда кадетская «Полярная звезда», агитировавшая на своих страницах против революционной борьбы, лицемерно «обиделась» за Толстого, обвинив Горького в «хулиганстве», Ленин встал на защиту Горького.

В одной из глав работы «Победа кадетов и задачи рабочей партии» Ленин уделил особое место выяснению природы мещанства в политике, показав, что без насилия над насильниками, имеющими власть, нельзя избавить народ от насильников. Утверждая, как и Горький, что непротивление злу насилием отстаивают идеологи мещанства, Ленин отметил, что это «. . . нравственное уродство мещанина есть качество. . . совсем не личное, а социальное, обусловленное. . .» (X, 222). Необходимость борьбы с этим проявлением мещанства особенно важна потому, что и в народе, как писал Ленин, «. . . есть люди, забитые физически, запуганные, люди забитые нравственно, например, теорией о непротавлении злу насилием, или просто забитые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные. . .» (X, 220—221), то есть мещане «не по убеждению», а в силу определенных социальных условий. Таков контекст того места работы Ленина, которое посвящено выпадку «Полярной звезды» против Горького. После слов: «не создали ли некоторые идеологи мещанства теории непротавления злу насилием?» Ленин сделал сноску следующего содержания:

«Г. Бердяев! гг. редакторы „Полярной Звезды“ или „Свободы и Культуры“! Вот вам еще тема для долгих воплей, . . . то-бишь долгих статей против „хулиганства“ революционеров. Называют, дескать, Толстого мещанином!! — кель оррер, как говорила дама, приятная во всех отношениях» (X, 220).

Ирония этих строк («Называют, дескать, Толстого мещанином. . .») становится особенно ясной в свете приведенных выше слов Ленина о том, что отказ от революционного насилия есть в данном случае качество «совсем не личное, а социальное, обусловленное»: речь шла об отражении в «толстовстве» определенной идеологии, а, конечно, не о том, что Толстой был мещанином. Бердяев же, подобно «даме, приятной во всех отношениях», кото-

рая подходила ко всему лишь с пошлым и узким критерием обывателя, понял горьковскую характеристику проявлений мещанской идеологии в литературе с точки зрения обычного в бытовой речи словоупотребления «мещанин». Однако содержание этого понятия в упомянутых нами публицистических произведениях Горького и (в особенности) Ленина было совсем иным. Говоря в своей работе о народе, Ленин употребил термин «мещански-ограниченный» для определения колебаний, источники которых коренились в политической незрелости масс и в силе влияния на них старой идеологии господства и подчинения. «...Революционный (способный на борьбу с насильниками, а не только на увещания, назидания, сожаления, осуждения, хныканье и нытье, не мещански-ограниченный, а революционный) народ...» (X, 220) — так Ленин углублял и раскрывал определение теории непротivления как мещанской. В понимании Ленина теория эта являлась выражением одной из слабых сторон общественно-политического движения в России периода 1905—1907 гг., когда «борьба с насильниками» совмещалась еще с «увещаниями, назиданиями, сожалениями».

Следует отметить, что ленинская трактовка «политического мещанства» как одной из сторон идеологии Толстого была гораздо более четкой, чем трактовка Горького в «Заметках о мещанстве». Ленинская точка зрения, высказанная в работе «Победа кадетов и задачи рабочей партии», связана с общей оценкой противоречий Толстого, которую Ленин дал позднее. Говоря о «мещанстве» как идеологии пассивности и непротivления, Ленин всегда расшифровывает точный смысл этого термина, указывая в каждом отдельном случае, идет ли речь о сознательных защитниках старого порядка, представителях и защитниках господствующих классов, или об исторически обусловленном влиянии этой идеологии на сознание широких народных масс. Горький же, сосредоточивая свое внимание на раскрытии *психологических* особенностей «мещанства», на расшифровке и уточнении этого понятия не останавливался. Но в основе своей трактовки исторического содержания и функции теории «непротivления» у Ленина и Горького были во многом близкими.

После опубликования статьи Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции» горьковские оценки

Толстого становятся более конкретными и историчными. Влияние ленинской концепции сказалось уже в посвященных Толстому страницах лекций о русской литературе, читанных Горьким на Капри для рабочих в 1909 г. Весь курс был ориентирован на слушателей, которые готовились стать пропагандистами. Поэтому в своих лекциях Горький заострял классовые характеристики писателей, стремился резко разграничить различные линии «социального поведения», отраженные в художественном творчестве. Свою оценку Толстого Горький строит на раскрытии «внутренней» его эволюции, на характеристике образов Нехлюдова, Левина, Иртеньева, Оленина и на критике «пассивизма». Новым в оценках Горького является здесь подход к Толстому как личности, «завершающей целый период истории своей страны». Можно полагать, что именно ленинскую концепцию имел в виду Горький, говоря: «Историческое значение работы Толстого уже теперь понимается как итог всего пережитого русским обществом за весь XIX век»¹. Правда, Горький лишь вскользь замечает в черновом наброске своей лекции, что «...мысль Толстого направлялась всегда по линии интересов крестьянской массы»². Вновь указывает Горький на вред, приносимый «проповедью пассивного отношения к жизни», называя ее реакционной. Но при этом он подчеркивает глубокую противоречивость взглядов Толстого. Как бы переводя на язык художественной публицистики формулу Ленина о «кричащих противоречиях» Толстого, отражающих противоречивость русской жизни, Горький пишет: «Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики: в нем есть буйное озорство Васьки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора летописца, в нем горит фанатизм Аввакума, он скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин, и умен, как Герцен, — Толстой это целый мир...»

Развивая далее эту мысль о разносторонности Толстого, Горький писал: «Действительность — живой процесс, постоянно текущий, изменяющийся, этот процесс

¹ М. Горький. История русской литературы, М. 1939, стр. 295.

² Там же, стр. 286.

всегда и шире и глубже всех возможных обобщений. Он (Толстой. — Б. М.) часто бывал грубо-тенденциозен в своих попытках подтвердить выводы свои непосредственно взятой действительностью, но действительность, даже и подтверждая иногда тенденцию пассивизма, все-таки указывала направление, единственно достойное человека — к активизму, к непосредственному вмешательству в жизнь человеческой воли и разума».

Общее направление анализа Толстого Горьким в его лекциях для рабочих близко статьям Ленина: Горький стремился разъяснить реакционность толстовства и в то же время охарактеризовал Толстого: «итог пережитого за целый век»¹.

В апреле 1908 г. Ленин в письме предложил Горькому написать для «Пролетария» фельетон о Толстом. Фельетон этот, по свидетельству Горького, был им написан, но рукопись пропала при обыске в редакции «Пролетарий» или у одного из работников редакции². Через два года Ленин и Горький в письмах друг к другу установили единство своего отношения к той кампании, которая проводилась в связи со смертью Толстого. Трагическая кончина великого писателя глубоко потрясла Горького. Об этом ярко свидетельствует его письмо, написанное сразу же после получения известия о кончине Толстого и опубликованное без указания адресата в качестве заключительной части воспоминаний о Толстом³. Горячо любя Толстого — человека и художника, Горький с подлинным трагизмом воспринимал искажение в литературе и критике его образа, фальшивую идеализацию его учения. Полученные Горьким на Капри легальные русские газеты с откликами на смерть Толстого вызвали у него, так же как и у Ленина, бурное возмущение. В упомянутом выше письме к В. Г. Короленко Горький писал: «Вот пришли газеты и уже ясно: у вас там начи-

¹ М. Горький. История русской литературы, М. 1939, стр. 296.

² См. примечания к этому письму Ленина в сборнике «Классики марксизма о Толстом», книга первая, «Ленин и Толстой», М. 1928, стр. 176.

³ В настоящее время установлено, что это письмо было адресовано В. Г. Короленко (см. С. Балухатый. Литературная работа Горького, М. — Л. 1936, стр. 156).

нают „творить легенду“. Жили-были лентяи да бездельники, да нажили Толстого. Вы подумайте, как это вредно для страны именно теперь, когда головы разочарованных людей опущены долу, души большинства пусты, а души лучших полны скорби»¹. Эту же мысль Горький развивал и в письмах к Ленину².

«Насчет Толстого, — писал Ленин Горькому, — вполне разделяю Ваше мнение, что лицемеры и жулики из него святого будут делать». И дальше по поводу студенческой демонстрации в связи со смертью Толстого: «...это, по моему, утешительно, а Толстому ни „пассивизма“, ни анархизма, ни народничества, ни религии спускать нельзя» (XXXIV, 383, 384). Горький чутко уловил лицемерие либералов по отношению к Толстому и его идеям, о котором Ленин гневно писал в своих статьях 1908—1910 гг. Вот почему Горький решительно отказался участвовать в протесте против смертной казни, который организовала в «толстовские дни» газета «Речь». Мотивируя свой отказ, Горький писал В. Г. Короленко: «Я думаю, видите ли, что все эти „речисты“ и „вехисты“ сами начнут вешать, дайте-ка им силу! Скорее в чорта поверю, чем в искренность людей, которые вчера были нигилистами, а сегодня, оставаясь в душе таковыми же, притворяются не только верующими, но почти церковниками; вчера выдавали себя защитниками демократии, а ныне наименовались „оппозицией Его величества“»³.

Смерть Толстого настолько потрясла Горького, что он в течение долгого времени не мог заставить себя закончить и напечатать свои воспоминания о Толстом и осуществил это лишь в 1919 г.⁴

¹ М. Горький. Избр. соч., т. II, 1935, стр. 627.

² В ответном письме 3 января 1911 г. Ленин цитирует слова Горького касательно «легенды о Толстом и религии его» (XXXIV, 384).

³ Архив Горького. Письмо к В. Г. Короленко 4 ноября 1910 г.

⁴ Свои воспоминания много лет спустя Горький читал как будто бы под живым впечатлением смерти Толстого. По словам одного из современников, когда Горький «дошел до упоминания о смерти Толстого, он не мог произнести слов «Толстой умер», тихо зарыдал и удалился. Толпа, наполнявшая зал, — несколько сот человек, — благоговейно молчала. Через минуту Горький снова появился на кафедре и продолжал чтение» (К. Чуковский. Горький во Всемирной, сб. «Горький» под ред. И. Груздева, М. — Л. 1928, стр. 354).

С чувством гордости и восхищения говорил Ленин с Горьким о Толстом, «матером человечище», художнике, которому нет равного в Европе. Именно таким гигантом, «глыбой», «человеком человечества» вырисовывается образ Толстого и из статей Ленина и из воспоминаний Горького, своей величием отодвигая на второй план все, что принадлежит в его наследии не будущему, а прошлому.

Лев Толстой останется в веках как символ кровной, нерушимой связи подлинного высокого искусства с жизнью и чаяниями многомиллионных масс, как вершина классической русской культуры, наследие которой вошло в арсенал класса, возглавившего всемирно-историческое дело создания нового общества. И навсегда останутся нерукотворным памятником великому писателю — «зеркалу русской революции» — статьи Ленина, обосновавшие непреходящее, бессмертное значение Толстого.

В ленинских статьях о Толстом раскрываются литературно-эстетические взгляды великого вождя социалистической революции, его критерий народности в подходе к искусству, его боевая партийность в оценке значения искусства для революционной борьбы и революционного просвещения масс. Глубокие народные корни стремлений Толстого к преобразованию мира на новых началах истинной свободы, справедливости и нравственной чистоты, — эти корни могли быть обнаружены только с позиций идеологии, которой чужды толстовские иллюзии о возможности устранить социальное зло путем моральной проповеди, назиданий, сожалений. . . Известно, что и сам Толстой, размышляя под конец жизни о судьбах родины, пришел к заключению, что «исполнение вечного закона, не допускающего насилия», могло бы привести к таким ужасным последствиям, как, например, «рабство под игом японца или немца»¹. Но Ленин именно для того и выступал против иллюзий, возникших у Толстого в его трагических поисках истины, чтобы подобные иллюзии ни при каких условиях и поворотах истории не могли осла-

¹ Запись в дневнике 13 января 1910 г. (Л. Н. Толстой. Юбилейное издание, т. 58, стр. 7).

бить решительности, последовательности, революционной сознательности, организованности в борьбе против враждебных народу сил. В этом и заключался смысл ленинского призыва взять у Толстого то, что «принадлежит будущему» (XVI, 297), призыва разъяснить массам значение критики Толстым разнообразных форм рабства для того, чтобы массы «научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов» (XVI, 297).

* * *

Историческая, политическая, философская правда ленинских статей о Толстом с необычайной силой подтвердилась в дни, когда исполинская «дубина народной войны», о которой с таким воодушевлением писал автор «Войны и мира», с удесятеренной мощью опустилась на головы захватчиков. После победы над гитлеровской Германией особой гордостью наполняют сердце советского человека слова Ленина о всемирном значении русской культуры, слова Сталина о великих патриотических и созидательных традициях «нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова»¹.

¹ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5-е, М. 1946, стр. 30.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Введение	5
Ленин и литературное народничество	37
Ленин и вопросы культуры и литературы в период революции 1905—1907 гг.	125
Литературно-эстетические вопросы в период 1908—1910 гг. и борьба Ленина с философской реакцией	209
Статьи Ленина о Льве Толстом (история создания и проблематика)	309

Редактор П. Сидоров
Художник И. Сероз
Художественно-техническая
редакция: Ал. Кукуричкина и
П. Кочурин
Корректор О. Ладыхина

Подписано к печати 21.V 1951 г.
М27799. Тираж 20.000 экз.
Бумага $84 \times 108 \frac{1}{32}$ = 6,57 бумажного
листа — 21,53 печатного листа.
Учетно-авторских листов 22,32.
Заказ № 2316. Цена 8 р. 50 к.

4-я типография им. Евг. Соколовой
Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР,
Ленинград, Измайловский пр., 29.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>	<i>По чьей вине</i>
24	16 св.	средневековью.	средневековью).	Тип.
110	5 св.	образца	образа	Изд.
184	2 св.	но	он	Тип.
362	1 св.	1855	1885	Изд.

Б. Мейлах.